

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

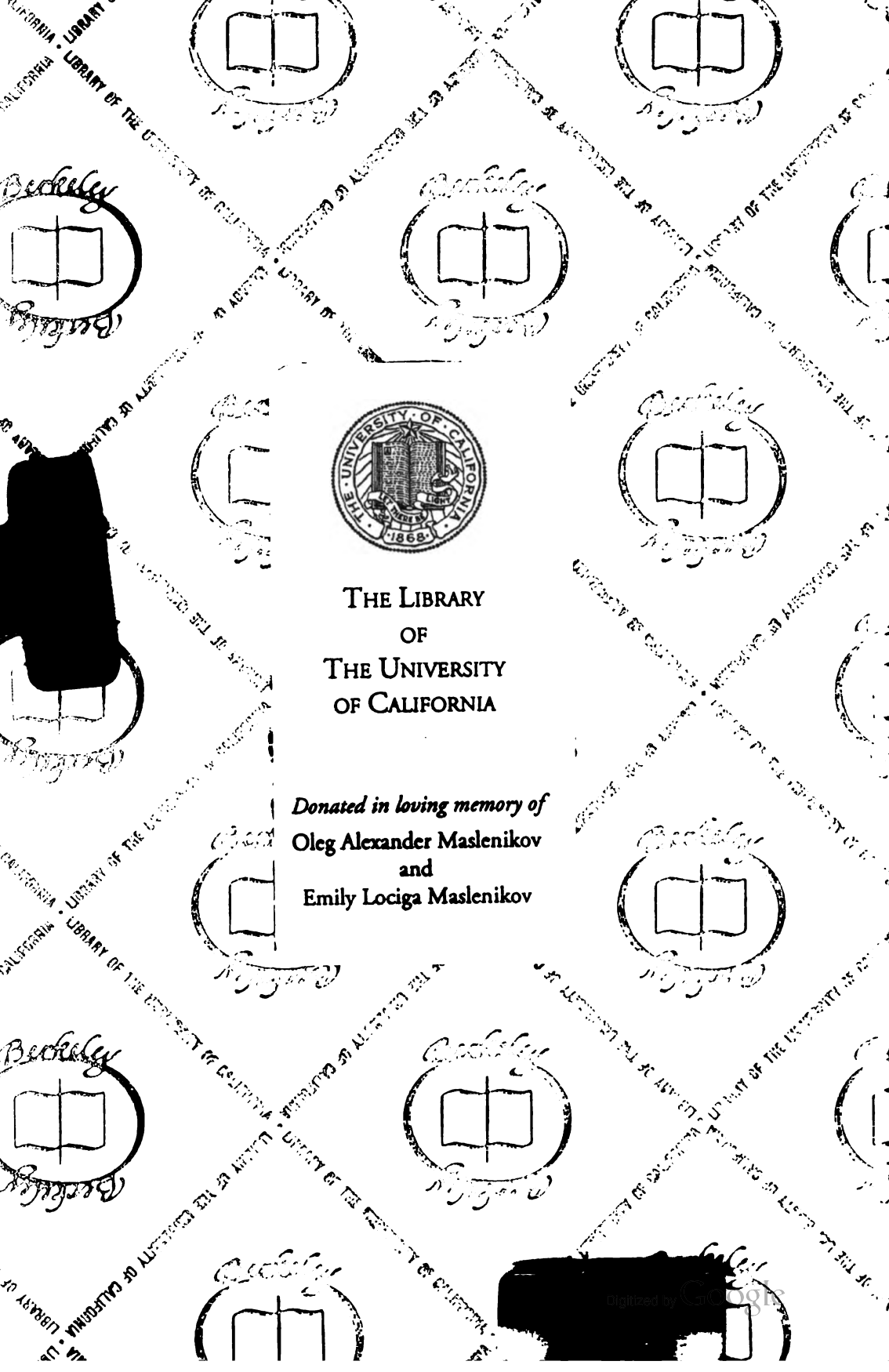
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

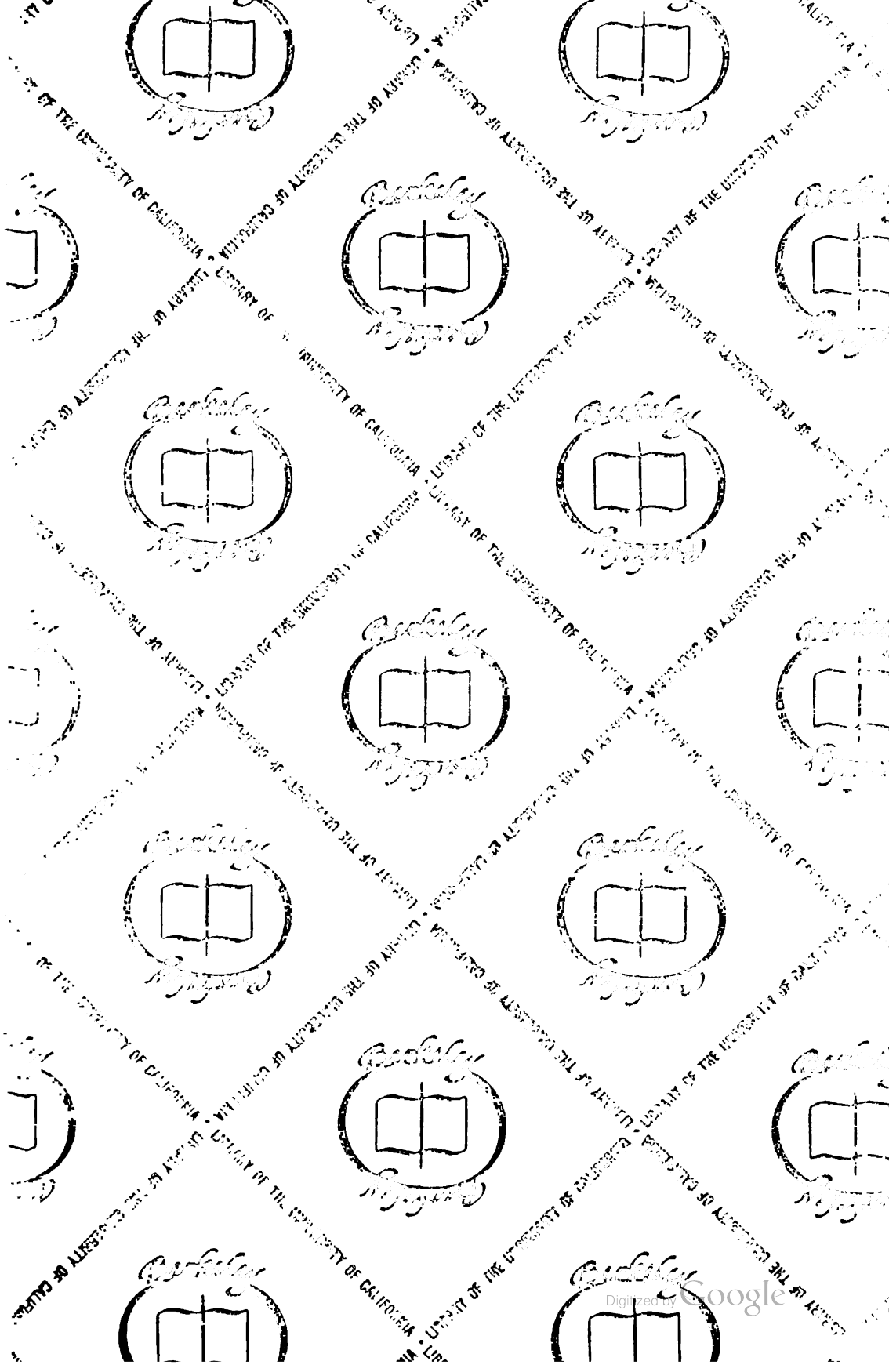

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

Donated in loving memory of
Oleg Alexander Maslenikov
and
Emily Lociga Maslenikov

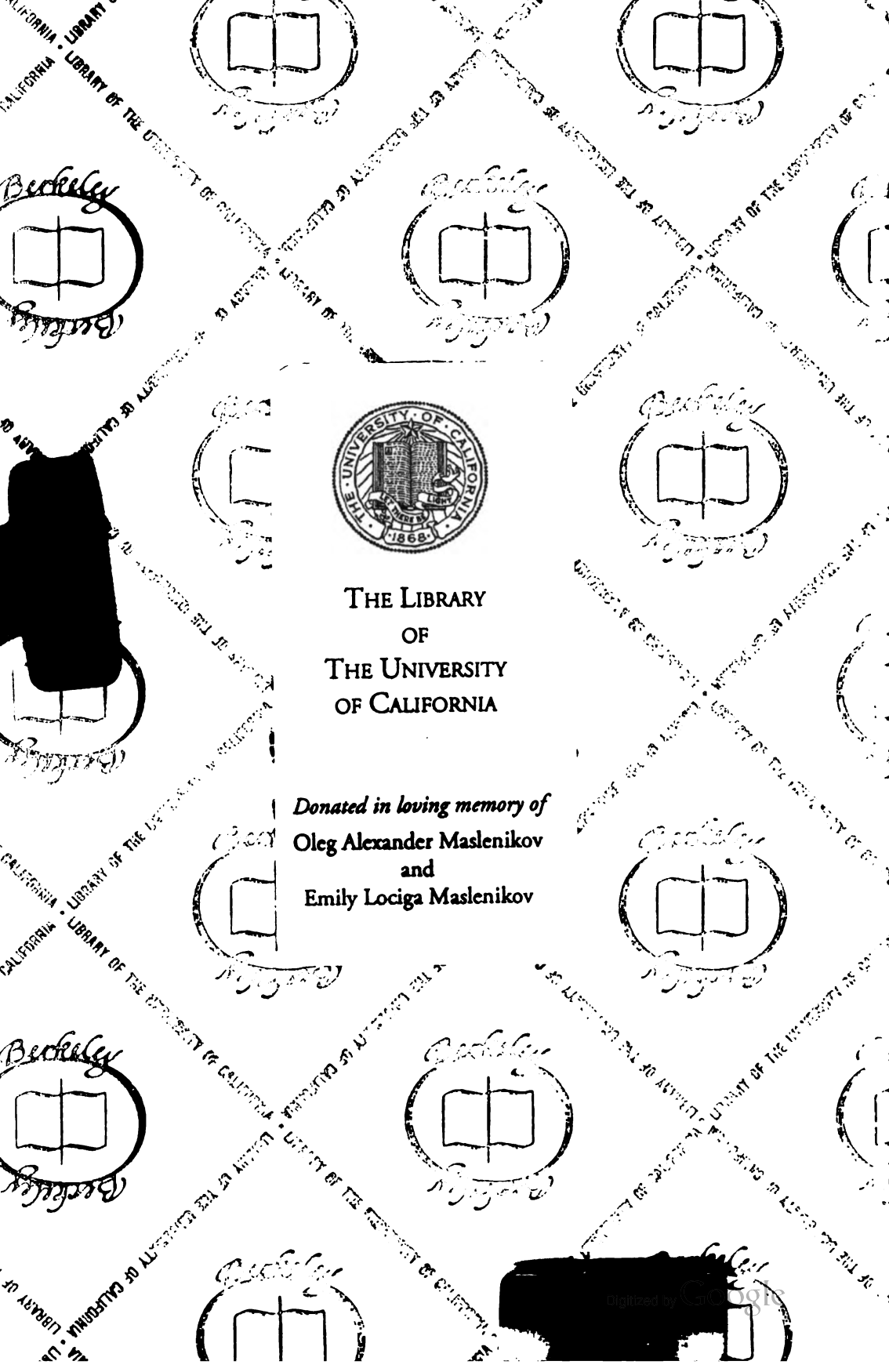

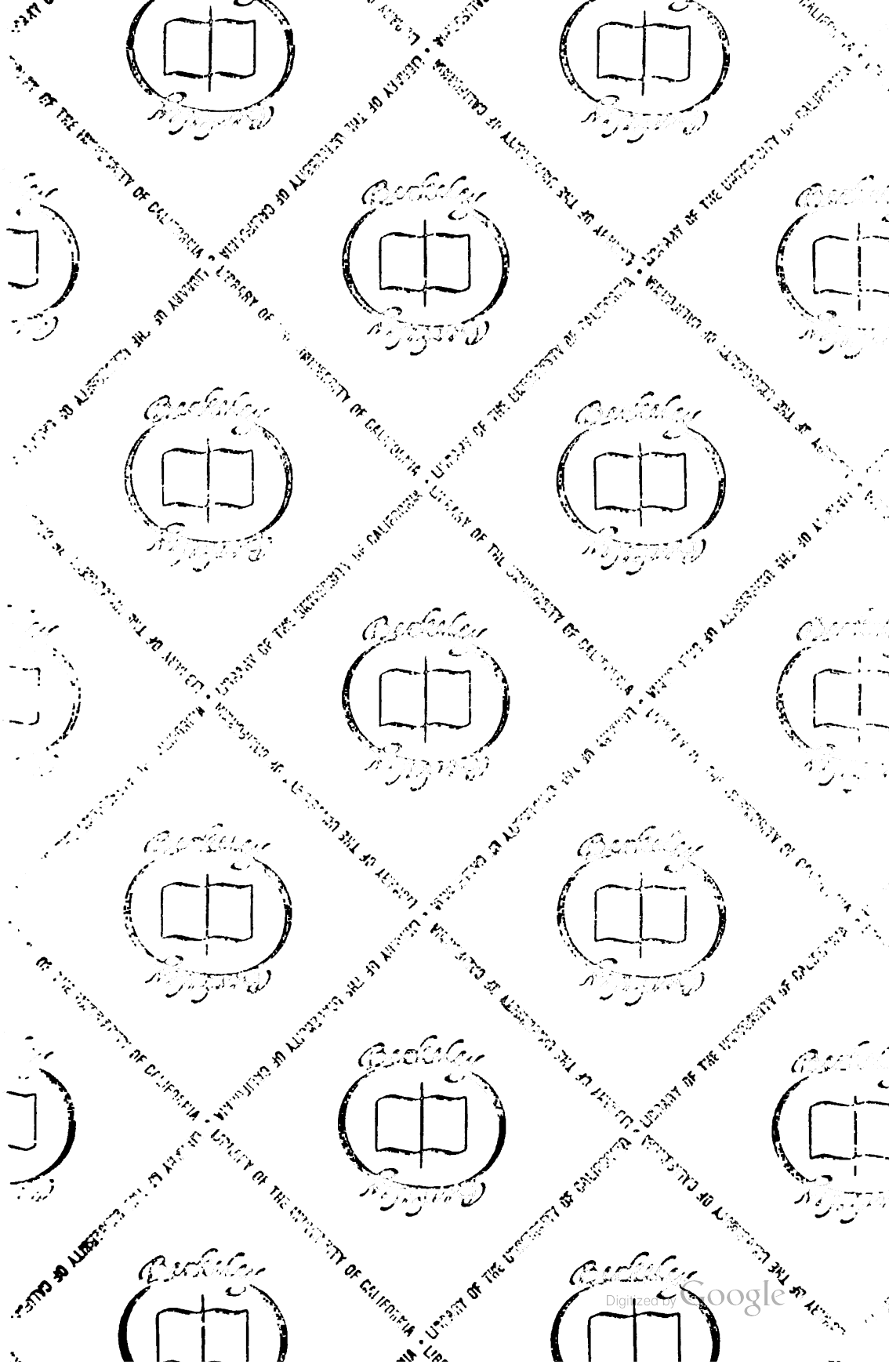

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

Donated in loving memory of
Oleg Alexander Maslenikov
and
Emily Lociga Maslenikov

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
А. А. МАСЛЕНИКОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

СЪ ЕГО БІОГРАФІЕЙ И ПРИМѢЧАНІЯМИ.

ВЪ 3-хъ ТОМАХЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

А. И. Кирпичникова.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКОВЪ:

Аванасьева, Иванова, Навозова, Пичулина, Янужинскаго и др.

Томъ II-й.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1902.

0727

11)

Рисунки дозволени цензурою.

111111

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1902.

PG 3332

A₁

1902

V. 2

MAIN

П О В Ъ С Т И .

07277

111)

Рисунки дозволени цензурою.

111)

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1902.

PG 3332

A₁

1902

V. 2

MAIN

П О В Ъ С Т И .

Н О С Ъ.

I.

Марта 25 числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣстѣ его, — гдѣ изображенъ господинъ съ намышленною щекою и надписью: *и кровь отворяютъ*, — не выставлено ничего болѣе), — цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только что испеченные хлѣбы.

— Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофею, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ: — а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ. — (То-есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того и другого, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей).

«Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше, — подумала про себя супруга: — останется кофею лишняя порція», — и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соли, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину — и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ. «Плотное! — сказалъ онъ самъ про себя: — что бы это такое было?»

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ!.. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать пальцами: носъ, точно, носъ! и еще казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

— Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ? — закричала она съ гнѣвомъ. — Мошеникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи! Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ тербишь за носы, что еле держатся.

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не кого другого, какъ коллежскаго ассессора Ковалева, котораго онъ брилъ каждую среду и воскресенье.

— Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежитъ, а послѣ я его вынесу.

— И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!.. Сухарь поджаристый! знай умѣть только бритвой возить

по ремню, а долга своего скоро совѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ, ты пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! Неси, куда хочешь. Чтобы я духу его не слыхала!

Иванъ Яковлевичъ стоялъ, совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что подумать.

— Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось, — сказалъ онъ, наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ: — пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ — ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно-быть, происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совѣмъ не то. Ничего не разберу!

Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинять его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, напялилъ на себя эту дрянъ и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но, какъ на бѣду, ему попался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: «Куда идешь?» или: «Кого такъ рано собрался брить?» такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совѣмъ уронилъ было носъ, но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: «подыми, вонъ ты что-то уронилъ!» и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицъ по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукъ) былъ пѣгій, то-есть, онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговиць висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и, когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!» то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: «отчего жъ бы имъ вонять?» «Не знаю, братецъ, только воняютъ», — говорилъ коллежскій ассессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою, — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотреть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы идти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: *кушанье и чай*, спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ

моста квартального надзирателя благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ, квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ: «А подойди сюда, любезный!»

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузь и, подошедши проворно, сказалъ: «Желаю здравія вашему благородію!»

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію, — скажи-ка, что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?

— Ей-Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣва идетъ.

— Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься! Изволь-ка отвѣчать.

— Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія, — отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка рассказать, что ты тамъ дѣлалъ.

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего не извѣстно.

II.

Коллежскій ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: «брр»... — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу; но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ шупать рукою, ущипнулъ себя, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій ассессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся — все нѣтъ носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицеймейстеру.

Но, между тѣмъ, необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими ассессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе ассессора... Но Россія такая чудная земля, что, если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессора, отъ Риги до Камчатки, непременно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи, и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ ассессоромъ, но всегда майоромъ. «Послушай, голубушка, — говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: — ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: здѣсь ли живетъ майоръ Ковалевъ? — тебѣ всякій покажетъ». Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева». По этому-то самому и мы будемъ вперёдъ этого коллежскаго ассессора называть майоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ, если только они русскіе люди, а также у отправляющихъ разныя полицейскія обязанности и вообще у всѣхъ тѣхъ мужей, у которыхъ чрезвычайно полныя и румяныя щеки, и которые хорошо играютъ въ бостень: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и пряمهонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество сердоликовыхъ печатокъ, и съ гербами и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: *среда, четвергъ, понедѣльникъ* и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся то вице-губернаторскаго, а не то — эзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капитала. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурнаго и умѣреннаго носа, преглупое ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду его еще ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто бы у него шла кровь. «Но авось-либо мнѣ такъ представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру», — подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотреть въ зеркало. Къ счастью, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчерашнія газеты. «Ну, слава Богу, никого нѣтъ, — произнесъ онъ: — теперь можно поглядѣть». Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. «Чортъ знаетъ что, какая дрянь! — произнесъ онъ, плюнувши: — хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..»

Съ досадою закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ произошло явленіе неизяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переверотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять, но рѣшился, во чтѣ бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ, дѣйствительно, вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большими стоячимъ воротничкомъ; на немъ были замшевыя панталоны; при боку шпага. По шпалѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: «подавай!» сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать о такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастью, прѣѣхала недалеко и остановилась передъ Гостиннымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстиями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ, увидѣлъ его, стоящаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

«Какъ подойти къ нему? — думалъ Ковалевъ. — По всему, — по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!»

Онъ началъ около него покашливать, но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

— Милостивый государь! — сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться: — милостивый государь...

— Что вамъ угодно? — отвѣчалъ носъ, оборотившись.

— Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу и гдѣ же?... Согласитесь...

— Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить. Объяснитесь.

«Какъ мнѣ ему объяснить?» — подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ:

— Конечно, я... впрочемъ, я — маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; по, имѣя въ виду получить... притомъ будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами), извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...

— Ничего рѣшительно не понимаю, — отвѣчалъ носъ. — Изъяснитесь удовлетворительнѣе.

— Милостивый государь, — сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственного достоинства: — я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы — мой собственный носъ!

Носъ посмотрѣлъ на маіора, и брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицмундира, вы должны служить по другому вѣдомству. — Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшаяся на ея стройной талии, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокой гайдукъ съ большими багенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ. Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печати и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонилась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда

онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, освѣщенной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ, и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадетъ ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслоь такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тѣма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обременивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой майоръ, получившій на Кавказѣ ассессорство, махаетъ рукой, чтобы шель къ нему...

— А, чортъ возьми! — сказалъ Ковалевъ. — Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицеймейстеру.

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извозчику: «Валяй во всю ивановскую!»

— У себя полицеймейстеръ? — вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ привратникъ, — только что уѣхали.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да, — прибавилъ привратникъ: — а оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Пошелъ!

— Куда? — сказалъ извозчикъ.

— Пошелъ прямо!

— Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо или налѣво?

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человека ничего не было священнаго, и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ,

какъ-нибудь улизнуть изъ города, — и тогда всё исканія будутъ тщетны или могутъ продолжиться — чего Боже сохрани — на цѣлый мѣсяць. Наконецъ, казалось, само небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ его качествъ, дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извозчику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тужить кулакомъ въ спину, приговаривая:

— Скорѣй, подлець! Скорѣй, мошенникъ!

— Эхъ, баринъ! — говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая возжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ.

Дрожки, наконецъ, остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдные деньги.

— Кто здѣсь принимаетъ объявленія? — закричалъ Ковалевъ. — А, здравствуйте!

— Мое почтеніе, — сказала сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

— Я желаю припечатать.

— Позвольте, прошу немножко повременить, — произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цыфру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ.

Лакей съ галунами и наружностію, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность:

— Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоить восьми гривенъ, т.-е. я не далъ бы за нее и восьми грошей, а графиня любитъ, ей-Богу, любить, — и вотъ тому, кто ее отыщеть, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несомѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи лягавую собаку или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но зато ужъ чтобъ была собака хорошая.

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отроду; новыя, полученные изъ Лондона сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ, но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что носъ-то его находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

— Милостивый государь; позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно, — сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Два рубля сорокъ три копейки!.. Сію минуту!.. Рубль шестьдесятъ четыре копейки!.. — говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. — Вамъ что угодно? — наконецъ, сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

— Я прошу... — сказалъ Ковалевъ: — случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только печатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлѣца представить, получить достаточное вознагражденіе.

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассессоръ, или, еще лучше, состоящій въ маіорскомъ чинѣ...

— А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?

— Какое дворовый человѣкъ! Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... носъ...

— Гмъ! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?

— Носъ, то-есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!

— Да какимъ же образомъ пропалъ? Я что-то не могу хорошенько понять.

— Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ: но главное то, что онъ разбѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ сапогъ — и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина, Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая — тоже очень хорошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться.

Чиновникъ задумался, что означали его крѣпко сжавшіяся губы.

— Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

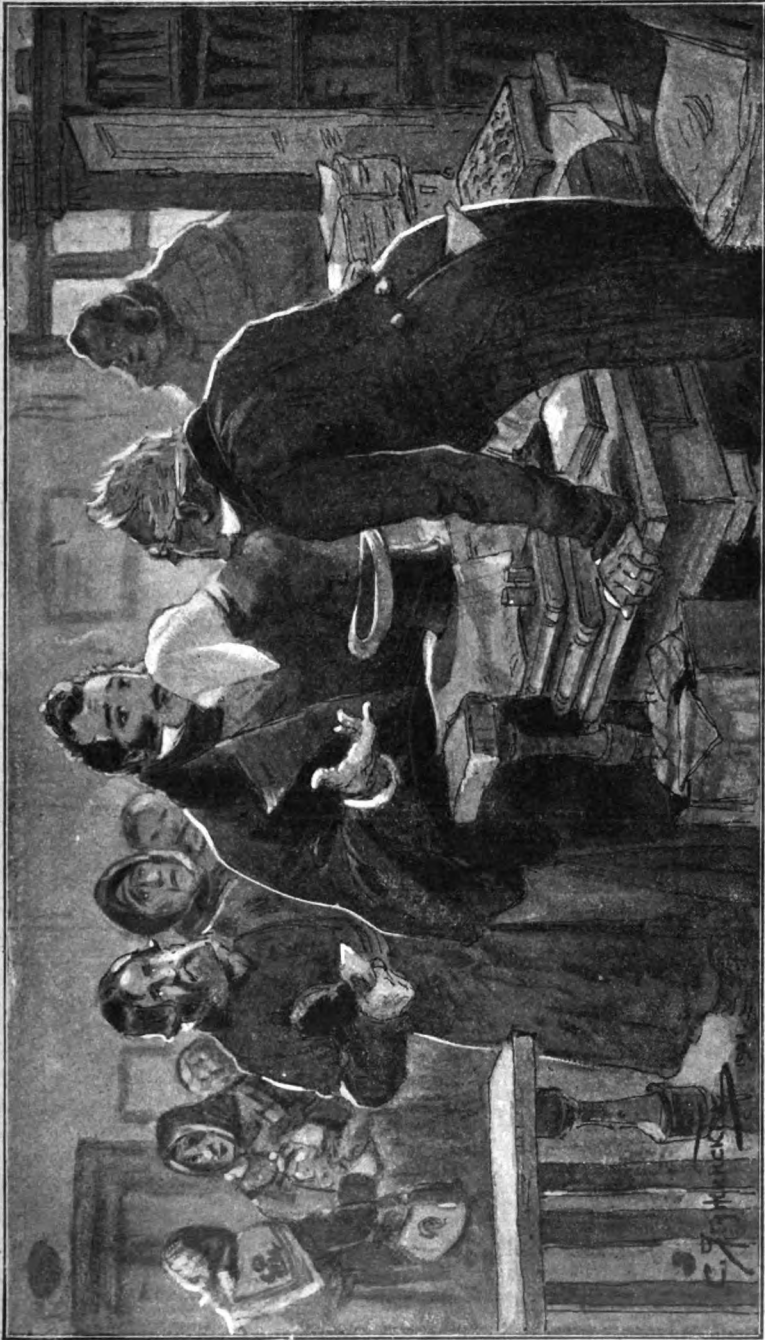
— Какъ? Отчего?

— Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

— Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого...

— Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ на прошлой недѣлѣ такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку; денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ вазначей, не помню, какого-то заведенія.

— Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ.

Коллежский ассессор отнял отъ лица платокъ. — Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайнаго странно! — сказалъ чиновникъ: — мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выщеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

— Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить.

— Да когда у меня точно пропаль носъ!

— Если пропаль, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить.

— Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ...

— Зачѣмъ беспокоиться! — продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. — Впрочемъ, если не въ безпокойство, — прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытствія, — то желательно бы взглянуть.

Коллежскій ассессоръ отнял отъ лица платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно! — сказалъ чиновникъ: — мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

— Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться. — Майоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

— Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое, — сказалъ чиновникъ: — только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе природы, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ», — (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), — для пользы юношества, — (тутъ онъ утеръ носъ), — или такъ, для общаго любопытства.

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустил глаза въ низъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синія ассигнаціи, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронуть затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ:

— Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? Это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ геморроидамъ это хорошо. — Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева.

— Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ, — сказалъ онъ съ сердцемъ. — Развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапѣ. — Сказавши это, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крикнуть и сказалъ: «Эхъ, славно засну два часа!» — и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не въ-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему.

— Это вещь, — обыкновенно говорил онъ: — ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: бѣтъ не просить, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется.

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть — (изъ этого коллежскій ассессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безызвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), — что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа. То-есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, чтó ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Приемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки:

— Признаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить... — и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною, или чрезвычайно гадкою, показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Вошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, при-молвивъ:

— Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!

Иванъ вскочилъ вдругъ съ своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ. Вошедши въ свою комнату, майоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ сказалъ:

— Боже мой! Боже мой! За чтó это такое несчастье? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; будь я безъ ушей — скверно, однакожъ, все сноснѣе; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ чтó: птица — не птица, гражданинъ — не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубилъ, или на дуэли, или я самъ былъ причиною, но вѣдь пропалъ ни за чтó, ни про чтó, пропалъ даромъ, ни за грошъ!.. Только, нѣтъ, не можетъ быть, — прибавилъ онъ, немного подумавъ: — невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ-быть, я какъ-нибудь ошибкою выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ, дуракъ, не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея.

Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, майоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслию, что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ, но въ ту же минуту отскочилъ назадъ, сказавши:

— Экій пасквильный видъ!

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, — но пропасть, и чему же пропасть? и притомъ еще на собственной квартирѣ!.. Майоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая

желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволкнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно, изъ мщенія, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь козодовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ съвозъ всѣхъ скважинъ дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій:

— Здѣсь ли живетъ коллежскій асессоръ Ковалевъ?

— Войдите, маіоръ Ковалевъ здѣсь, — сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивый наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который въ началѣ повѣсти стоялъ въ концѣ Исакиевскаго моста.

— Вы изволили затерять носъ свой?

— Такъ точно.

— Онъ теперь найденъ.

— Что вы говорите? — закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. — Какимъ образомъ?

— Станнымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И паспортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина, но, къ счастью, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть, мать жены моей, тоже ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя:

— Гдѣ же онъ? гдѣ? Я сейчасъ побѣгу.

— Не беспокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозревалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище¹⁾ пуговицы. Носъ вашъ совершенно

¹⁾ Бортище — дюжина.

таковъ, какъ былъ. — При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

— Такъ, онъ! — кричалъ Ковалевъ: — точно онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды; очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...

Коллежскій ассессоръ по уходѣ квартальнаго нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенный горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

— Такъ, онъ! точно онъ! — говорилъ маіоръ Ковалевъ. — Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня. — Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость въ слѣдующую минуту за первую уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ, сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смелнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

— А что, если онъ не пристанетъ?

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О, ужасъ! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ, но носъ никакимъ образомъ не держался.

— Ну, ну же! полѣзай, дуракъ! — говорилъ онъ ему; но носъ былъ, какъ деревянный, и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось.

— Неужели онъ не прирастетъ? — говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто — стараніе было попрежнему безуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолитыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разными родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маіора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что маіоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, и, посоветовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: «гм!» потомъ велѣлъ ему перегнуть

голову на лѣвую сторону и сказалъ: «гм!» и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что майоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотреть въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя! Вы ужь лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже.

— Вотъ, хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носа? — сказалъ Ковалевъ: — ужь хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ чтѣ! Куда же я съ такою пасквилиностію покажусь? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только черезъ полицію. Сдѣлайте милость, — продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ: — нѣтъ ли средства? Какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, чтѣ относится насчетъ благодарности за визиты, ужь будьте увѣрены, сколько дозволить мои средства...

— Вѣрите ли, — сказалъ докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣдливимъ и магнитическимъ: — что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствию самой природы. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожаетесь.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за чтѣ не продамъ! — вскричалъ отчаянный майоръ Ковалевъ; — лучше пусть онъ пропадетъ.

— Извините! — сказалъ докторъ откланиваясь: — я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что жь дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе.

Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавички бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возратить ему то, чтѣ слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая Государыня

Александра Григорьевна!

Не могу понять страннаго со стороны вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ этомъ вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ

и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ слѣдствіе волхвованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которыя упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я, съ своей стороны, почитаю долгомъ Васъ предупредить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

Милостивый Государь,
Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предупреждаю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированного, ни въ настоящемъ видѣ. Бывала у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то-есть, дать Вамъ формальный отказъ, то меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удвоить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

— Нѣтъ, — говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: — она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступленіи. — Коллежскій ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. — Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чертъ разберетъ это! — сказалъ онъ, наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ, слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только что занимали весь городъ опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера — и возлѣ Юнкера такая сбѣлалась толпа и давка, что должна была даже вступить полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочито надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться за восемьдесятъ

копеекъ отъ каждаго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ огнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, — картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою:

— Какъ можно такими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?

Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маіора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпныя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманія правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ... но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ — рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который развѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шума въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то-есть именно между двухъ щекъ маіора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хватъ рукою — точно, носъ!

— Эге! — сказалъ Ковалевъ и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ трепака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало — носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало — носъ!

— А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ, — сказалъ онъ и, между тѣмъ, думалъ: «Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: — Да нѣтъ, судырь, не только прыщика, и самаго носа нѣтъ!»

Но Иванъ сказалъ:

— Ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!

— Хорошо, чортъ поברי! — сказалъ самъ себѣ маіоръ и щелкнулъ пальцами. Въ это время взглянулъ въ дверь цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только-что высѣкли за кражу сала.

- Говори впередъ: чисты руки? — кричалъ еще издали ему Ковалевъ.
- Чисты.
- Врешь!
- Ей-Богу-съ, чисты, судырь.
- Ну, смотри же.

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. «Вишь ты!» сказавъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнувъ голову на другую сторону и посмотрѣвъ на него сбоку: «Вона! экъ его, право, какъ подумаешь...» продолжалъ онъ и долго смотрѣвъ на носъ. Наконецъ, легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

— Ну, ну, смотри! — закричалъ Ковалевъ.

Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣвъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ неподручно и трудно брить безъ поддержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое-какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣвъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взявъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали:

— Мальчикъ, чашку шоколаду! — а самъ въ ту же минуту къ зеркалу — есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣвъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — объ эзекуторскомъ. Проходя чрезъ приемную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому ассессору, или маюру, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки:

— Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!

Дорогою онъ подумалъ: «Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, чтò ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ». Но коллежскій ассессоръ ничего. «Хорошо, хорошо, чортъ побери!» подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штаб-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаньями: стало-быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго и нарочно, вынудивши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя: «Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ просто, раг атоиг — изволь!» И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того маіора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ Гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно

для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но чтѣ страннѣе, чтѣ непонятнѣе всего — это то, какъ авторы могутъ брать подобныя сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ... но и во-вторыхъ, тоже нѣтъ пользы. Просто я не знаю, что это...

А однакоже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... ну, да и гдѣ жъ не бываетъ несообразностей? — а все, однакоже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.

ПОРТРЕТЪ.

Часть I.

Нигдѣ не останавливалось столько народу, какъ передъ картинною лавочкою на Щукинномъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человека, — вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Сверхъ того, двери такой лавочки, обыкновенно, бываютъ увѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣлствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человека. На одномъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Иерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній, обыкновенно, немного, но зато зрителей — куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлѣбать супъ не слишкомъ горячій. Передъ нимъ уже, вѣрно, стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики, обыкновенно, тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодые русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ валякаетъ народъ, и посмотреть, на что онъ смотритъ.

Въ это время неволью остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ человека, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ, овладѣло имъ невольное размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Ерусалимовъ Лазаревичей*, на *обѣдалъ* и *опивалъ*, на *Оому* и *Ерему*, это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и

понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки; иначе въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы острый порывъ. Но здѣсь было видно, просто, тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ, — бездарность, которая была вѣрна, однакожь, своему призванію и внесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, приобывшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!..

Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже, наконецъ, не думая вовсе о нихъ, а между тѣмъ, хозяинъ лавки, сѣреный человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой, не бритой съ самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно.

— Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшаптикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! просто, глазъ прошибетъ; только что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима, — возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего стоить! Вонъ она какая зима! — Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы. — Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малый! подай веревочку.

— Постой, братъ, не такъ скоро, — сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ: — А вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь; — и, наклонившись, сталъ доставать съ полу громоздко наваленныя истертыя, запыленные старыя малеванья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинныя фамиліальные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ-быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать; совершенно неизвѣстныя изображенія съ прорванными холстомъ; рамки, лишенныя позолоты; словомъ, всякій ветхій соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнѣ: «Авось что-нибудь и отыщется». Онъ не разъ слышалъ рассказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ.

Хозяинъ, увидѣвъ, куда полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши свое обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился сызнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку:

— Сюда, батюшка! вотъ картины! зайдите, зайдите; съ биржи получены.

Уже накричался онъ вдоволь и большею частью бесплодно; наговорился дѣсь съ лоскутнымъ продавцомъ, стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей своей лавчонки, и, наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, оборотился къ народу спиной и отправился внутрь ея.

— Что, батюшка, выбрали что-нибудь?

Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ огромныхъ, когда-то великолѣпныхъ рамахъ, но на которыхъ чуть блестя теперь слѣды позолоты.

Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахламъ: черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенія и

отзывались не съвременною силою: пламенный поддень был запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ не конченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеннѣе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тщаніе свое художникъ. Они просто глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ, еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти то же впечатлѣніе произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула:

— Глядитъ, глядитъ! — и понятилась назадъ.

Что-то неприятное, непонятное самому себѣ почувствовалъ онъ и поставилъ портретъ на землю.

— А что жъ, возьмите портретъ! — сказалъ хозяинъ.

— А сколько? — сказалъ художникъ.

— Да что за него дорожитья? три четвертачка давайте!

— Нѣтъ.

— Ну, да что жъ дадите?

— Двугривенный, — сказалъ художникъ, готовясь идти.

— Экъ цѣну какую завернули! Да за двугривенный одной рамки не купишь! Видно, завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель. — За симъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говорившій: — Такъ ужъ и быть, пропадай картина!

Такимъ образомъ, Чартковъ совершенно неожиданно купилъ старый портретъ и въ то же время подумалъ: «Зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ?» Но дѣлать было нечего. Онъ вынулъ изъ кармана двугривенный, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подъ мышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послѣдній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту.

— Чортъ побори! гадко на свѣтѣ! — сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба, еще дома, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ, уже холодное, синеватое сіяніе мѣсяца становилось сильнѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ. Уже художникъ начиналъ мало-малу заглядывать на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: «Какой легкій тонъ!» и слова: «Досадно, чортъ побори!» и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съѣзжавшій изъ-подъ мышки, ускорялъ шагъ.

Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію, на Васильевскій островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакого отвѣта: человекъ не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались, наконецъ, позади его шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣшника,

натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшего ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ, дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего, впрочемъ, они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ въ пей въ свою студию — квадратную комнату, большую, но низенькую, съ замерзшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развѣшанной по стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожей, потому что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ что Никита засовывалъ подъ нее черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ, наконецъ, спросилъ свѣчу.

— Свѣчи нѣтъ, — сказалъ Никита.

— Какъ нѣтъ?

— Да вѣдь и вчера еще не было, — сказалъ Никита.

Художникъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть и надѣлъ свой врѣшко и сильно заношенный халатъ.

— Да вотъ еще, хозяинъ былъ, — сказалъ Никита.

— Ну, приходилъ за деньгами? Знаю, — сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

— Да онъ не одинъ приходилъ, — сказалъ Никита.

— Съ кѣмъ же?

— Не знаю, съ кѣмъ... какой-то квартальный.

— А квартальный зачѣмъ?

— Не знаю, зачѣмъ; говорить, затѣмъ, что за квартиру не плачено.

— Ну, что жъ изъ того выйдетъ?

— Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ: «Коли не хочеть, такъ пусть, — говорить, — съѣзжаетъ съ квартиры». Хотѣли завтра еще прийти оба.

— Пусть ихъ приходятъ, — сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ Чартковъ. И ненастное расположение духа овладѣло имъ вполнѣ.

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться къ природѣ.

— Смотри, братъ, — говорилъ ему не разъ его профессоръ, — у тебя есть талантъ: грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь заманить, одно что-нибудь тебѣ полюбится — ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянъ, прочее тебѣ ни по чемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подъ-часъ и вовсе слабъ, линия не видна; ты ужъ гоняешься за моднымъ освѣщеніемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза, — смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкій родъ. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть: ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской

платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки и портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу; брось щегольство, — пусть ихъ другіе набираютъ деньги, — твое отъ тебя не уйдетъ.

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда нашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, щегольнуть, — словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался онъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвидо, останавливался передъ портретами Тиціана, восхищался фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосыпаемо ушли отъ насъ: ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чемъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмнѣгъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питьѣ, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, наконецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ, — бросить все и закутить съ горя, на зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

— Да, терпи, терпи! — произнесъ онъ съ досадою: — есть же, наконецъ, и терпѣнью конецъ. Терпи! а на какія деньги я буду завтра ѣбдять? Взаимы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно; я это чувствую: каждая изъ нихъ была предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? Этюды, попытки — и все будутъ этюды, попытки, — и конца не будетъ имъ. Да и кто купить, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки съ антиковъ и натурнаго класса, или моя неконченная любовь Психей, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право, лучше портретовъ какого-нибудь моднаго живописца? Что въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь я, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда какъ могъ бы блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такъ же, какъ они, съ деньгами?

Произвесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ: на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо; два страшныхъ глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣнье молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣнье; но вдругъ остановился и засмѣялся; чувство страха отлегло вмнѣгъ: это былъ имъ купленный портретъ,

о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сіянье мѣсяца, озарившее комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялъ его разсматривать и оттирать. Обмакнувъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пылъ и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило, и глаза взглянули на него такъ, что онъ, наконецъ, вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голосомъ:

— Глядитъ, глядитъ человѣческими глазами!

Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная имъ давно отъ своего профессора, объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонардо да-Винчи, надъ которымъ великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ, и который, по словамъ Вазари, былъ, однакоже, почтенъ отъ всѣхъ за совершеннѣйшее и окончаннѣйшее произведеніе искусства. Окончаннѣ всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники: даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ жилки были не упущены и переданы полотну. Но здѣсь, однакоже, въ этомъ, нынѣ бывшемъ передъ нимъ портретѣ было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонію самаго портрета; это были живые, это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живого человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высоаго наслажденія, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе художника, какъ ни ужасенъ взятый имъ предметъ: здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство.

— Что это? — невольно вопрошалъ себя художникъ: — вѣдь это, однакоже, натура, это живая натура; отчего же это странно-непріятное чувство? Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? Или, если возьмешь предметъ безусловно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность — и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣтѣ — и не чувствуешь никакого низаго впечатлѣнья, напротивъ, кажется, какъ будто наслаждался, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя? И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а между прочимъ, онъ также былъ вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ природѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца.

Онъ опять подошелъ къ портрету, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры: это была та странная живость, которую бы озарило лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собой бредъ мечты и облакающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому, — только ему сдѣлалось вдругъ, неизвѣстно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отвортился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между тѣмъ глазъ невольно, самъ собою, косясь, огидалъ его. Наконецъ, ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ: ему

казалось, какъ будто сей же часъ кто-то другой станеть ходить позади его, — и всякій разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображенье и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храбѣе Ниянты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ, наконецъ, робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего.

Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь шелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сильные мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣрится, что это вздоръ. Но, наконецъ, уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ него, — глядитъ просто къ нему во внутрь... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ, приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ... Сквозь шелку ширмъ видны были уже одиѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который, наконецъ, становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильно колотиться у бѣднаго художника. Съ занявшимся отъ страха дыханьемъ, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ, точно, за ширмы, съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большими глазами. Чартковъ силится вскрикнуть — и почувствовалъ, что у него пѣть голоса, силится пошевелиться, сдѣлать какое-нибудь движенье — не движутся члены.

Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ смотрѣлъ онъ на этотъ странный фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой азиатской рясѣ, и ждалъ, что станеть онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ затѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Старикъ развязалъ его и, схвативши за два конца, встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: «1000 червонныхъ». Высунувъ свои длинныя, костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезпамятвѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестя, звенѣло тонко и глухо и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подальше отъ другихъ, къ самой ножкѣ его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы.

Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ крѣпче свертокъ свой въ рукѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него, — и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, старикъ вспомнилъ, что недоставало одного свертка. И вотъ — онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ всю силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усиліе сдѣлать движеніе, вскрикнулъ — и проснулся.

Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться; грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье.

— Неужели это былъ сонъ? — сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову.

Но страшная живость явленья не была похожа на сонъ. Онъ увидѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ собою какую-то тяжесть.

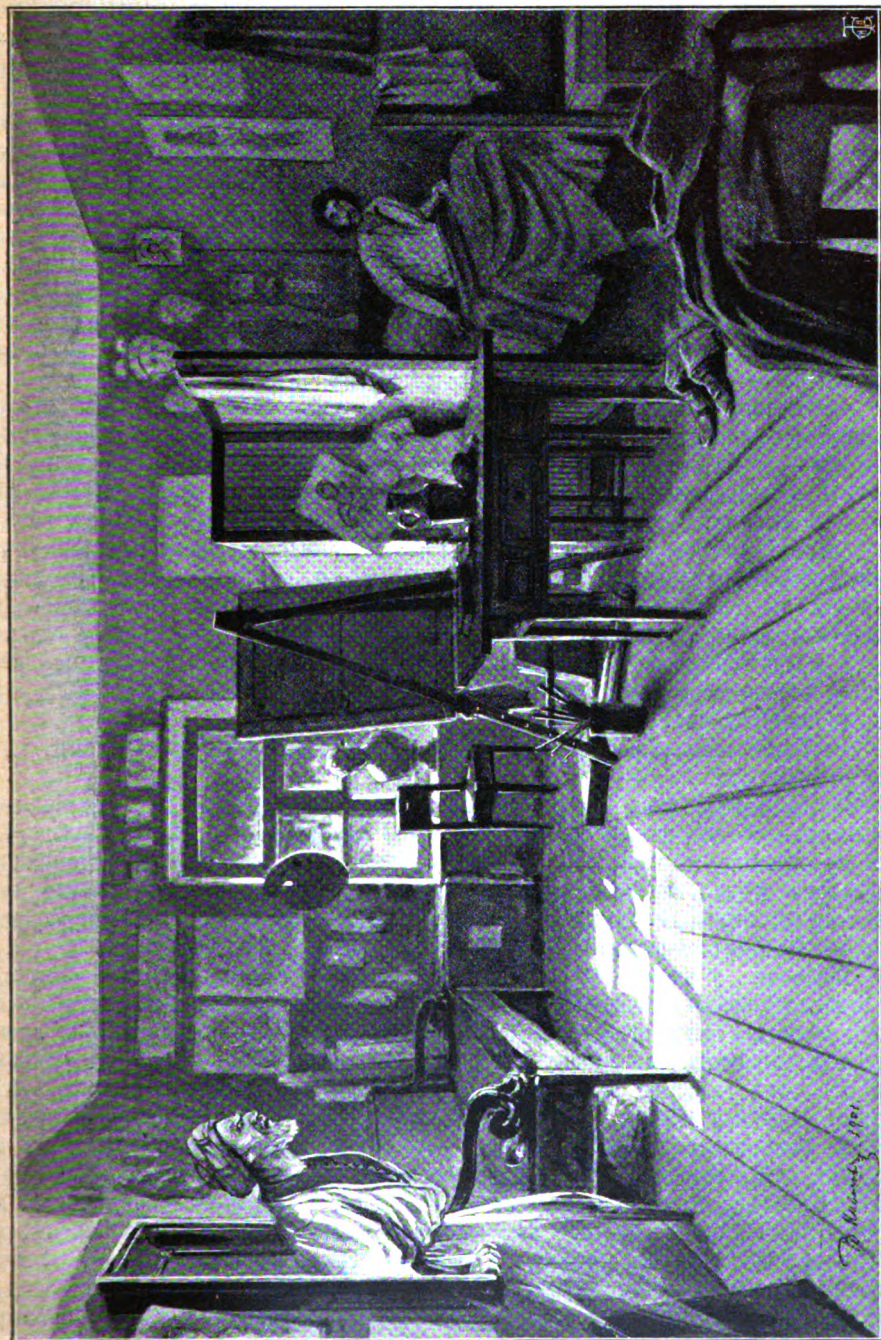
Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея — гдѣ холстъ, гдѣ гипсовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели, а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда, — ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь, и простыни на немъ, дѣйствительно, не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видитъ онъ, — это уже не сонъ, — черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... Съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ — и проснулся.

— Неужели и это былъ сонъ?

Съ бѣющимъ на разрывъ сердцемъ ощупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели, въ такомъ точно положеніи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ виденъ былъ портретъ, закрытый, какъ слѣдуетъ, простынею, такъ, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ, это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука еще чувствуетъ, какъ будто бы въ ней что-то было. Бѣшенъ сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простыню. И вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ будто бы подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить.

— Господи, Боже мой, что это! — вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянію, — и проснулся.

И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезпамятѣвшій, и уже не могъ изъяснить, что это съ нимъ дѣлается: давленіе ли кошмара, или домового, бредъ ли горячки, или живое видѣніе. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненіе и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извозчика, который гдѣ-нибудь въ

...Онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портреть открытъ весь и глядятъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ него, — глядятъ, просто, къ нему во внутрь... У него заохотило сердце. И видитъ: старякъ пошевельнулся и вдругъ уперся въ раму обѣими руками, наконецъ, приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамы...

невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнливою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ рождались признаки приближающейся зари; наконецъ, почувствовать онъ дремоту, захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ, какъ убитый, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснуся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота сѣялась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный; какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что принялся, что дѣлать, и вспомнилъ, наконецъ, весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминая, сонъ этотъ представлялся въ его воображеніи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего - то другого, не было ли это видѣнье.

Сдернувши простыню, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ странный портретъ. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго; только какъ будто какое-то неизяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ, онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то странный отрывокъ изъ дѣйствительности. Казалось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ будто что-то говорило, что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую въ ней тяжесть, какъ будто бы кто-то, за одну только минуту предъ симъ, ее выхватилъ у него. Ему казалось, что если бы онъ держалъ только покрѣпче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденья.

— Боже мой! если бы хотя часть этихъ денегъ! — сказалъ онъ, тяжело вздохнувши.

И въ воображеніи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнные имъ свертки съ заманчивой надписью: «1000 червонныхъ». Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь — и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и бессмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояніи оторваться отъ такого предмета, какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ его другіе.

Наконецъ, у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, чѣмъ для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ или въ отдаленномъ углу Коломны, — творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопнень, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставку, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по комнатѣ,правлялъ сальный огарокъ, аккуратно по истеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами, выходилъ на улицу, съ ключомъ въ

рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома, выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрятывался спать: однимъ словомъ, былъ человекъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыя привычки.

— Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ, — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки: — вотъ не платить за квартиру, не платить.

— Что жь, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу.

— Мнѣ, батюшка, ждать нельзя, — сказалъ хозяинъ въ сердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держалъ въ рукѣ: — у меня вотъ Потогонкинъ, подполковникъ, живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Бухмистерова и сарай и конюшню нанимаетъ на два стойла, три при ней дворовыхъ человекъ — вотъ какіе у меня жильцы! У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей же часъ заплатить деньги да и сѣзжать вонъ.

— Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить, — сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

— Да чѣмъ платить? вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гроша.

— Въ такомъ случаѣ удовлетворите Ивана Ивановича издѣльями своей профессіи, — сказалъ квартальный, — онъ, можетъ-быть, согласится взять картинами.

— Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ со звѣздой, или князя Кутузова портретъ, а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, что треть краски. Еще съ него, свинья, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ, мошенникъ! Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуесть. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную; а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрягломъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату; извольте сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова, Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу, нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья свиньей живетъ, просто — не приведи Богъ.

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ.

Квартальный надзиратель, между тѣмъ, занялся разсматриваньемъ картинъ и этюдовъ, и тутъ же показалъ, что у него душа живѣе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

— Хе, — сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина: — предметъ того... игривый. А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно? табакомъ, что ли, онъ себя засыпалъ?

— Тѣнь, — отвѣчалъ на это сурово, и не обращая на него глазъ, Чартковъ.

— Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто, — сказалъ квартальный.

— А это чей портретъ? — продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика. — Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядитъ! Эхъ, какой Громобой! Съ кого вы писали?

— А это съ одного...— сказалъ Чартковъ, и не кончилъ слова: слышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко рамку портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ: боковыя дощечки вломились внутрь; одна упала на полъ, и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: «1000 червонныхъ». Какъ безумный, бросился онъ поднять его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, опустившейся внизъ отъ тяжести.

— Никакъ деньги зазвенѣли?— сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидеть его за быстротой движенья, съ какою бросился Чартковъ прибрать его.

— А вамъ какое дѣло знать, что у меня есть?

— А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру, что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить— вотъ что.

— Ну, я заплачу ему сегодня.

— Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете безпокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?

— Потому что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать. Я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатитъ,— сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину.— А если насчетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ.— Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни, а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьи.

— Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!— сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услалъ зачѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся, съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ, разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркіе, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя: «не во снѣ ли все это?» Въ свертокѣ было ровно ихъ тысяча; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ прійти въ себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: «Не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамилнаго портрета?» Полный романческаго бреда, онъ сталъ даже думать: нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судьбою? не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое прибрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе? Онъ принялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанья вѣка въ покоѣ. Разсматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными, но все еще въ душѣ оставалось всякій разъ какое-то невольное-непріятное чувство.— Нѣтъ,— сказалъ онъ самъ въ себѣ:—

чей бы ты ни былъ, дѣдушка, а я тебя поставлю за стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки». Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такого прикосновенья. «Что съ ними дѣлать?—думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза.—Теперь я обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, на три года: могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру—есть; мѣшать и надождать мнѣ теперь никто не станетъ. Куплю себѣ отличный манкенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформирую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если пороботаю три года для себя, не торопясь, не на продажу,* я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ».

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но изнутри раздавался другой голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото—не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то, на что онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую, въ... и прочее—и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ.

Прежде всего зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помады, нанялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуконъ, болѣе, чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, обѣлся безъ мѣры конфетъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ, подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и црпавляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было ему знакомо болѣе по слуху. Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію—«чорту не брать». Прошелся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что остолбенѣвшій профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ.

Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холсты, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ, что было получше, на видныя мѣста, что похуже, забросилъ въ уголъ и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая къ зеркалу. Въ душѣ его возродилось желанье непреборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики: «Чартковъ, Чартковъ! Видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!» Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ и уносился нивѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился онъ къ одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ «почтеннѣйшій», пожалавшимъ ему обѣ руки, распроставшимъ подробно объ имени, отчествѣ, мѣстѣ жительства, и на другой же день

появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ салныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: «*О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова*». «Спѣшимъ обрадовать образованныхъ жителей столицы прекраснѣйшій, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ приобрѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть много прекраснѣйшихъ физиогномій и прекраснѣйшихъ лицъ, но не было до сихъ поръ средства передать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи потомству. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ: отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ все, что нужно. Теперь красавица можетъ быть увѣрена, что она будетъ передана со всей граціей своей красоты, воздушной, легкой, очаровательной, пріятной, чудесной, подобной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ. Почтенный отецъ семейства увидитъ себя окруженнымъ всей своей семьей. Купецъ, воинъ, гражданинъ, государственный мужъ — вслѣдъ съ новой ревностью будетъ продолжать свое поприще. Спѣшите, спѣшите, заходите съ гулянья, съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестящій магазинъ, спѣшите, откуда бы ни было. Великолѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, такой-то номеръ) оставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиковъ и Тиціановъ. Не знаешь, чему удивляться: вѣрности ли и сходству съ оригиналами или необыкновенной яркости и свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! вы вынули счастливый билетъ изъ лотерей. Вивать, Андрей Петровичъ! (журналистъ, какъ видно, любилъ фамиліарность). Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеобщее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги, — хотя нѣкоторые изъ нашей же братіи, журналистовъ, и возстаютъ противъ нихъ, — будутъ вамъ наградою».

Съ тайнымъ удовольствіемъ прочиталъ художникъ это объявленіе; лицо его просіяло. О немъ заговорили печатно — это было для него новостью: нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: «Вивать, Андрей Петровичъ!» также очень понравилась: печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству — честь, донинѣ ему совершенно неизвѣстная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошитъ себѣ волосы, то садился въ кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтельницацъ, подходить къ холсту и производить надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукъ.

На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять. Вошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая восемнадцатилѣтняя дѣвица, дочь ея.

— Вы мсьѣ Чартковъ? — сказала дама.

Художникъ поклонился.

— Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства. — Сказавши это, дама наставила на глаза свой лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было. — А гдѣ же ваши портреты?

— Вынесли, — сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись: — я только что переѣхалъ на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали.

— Вы были въ Италіи? — сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другого, на что бы можно было навѣсть его.

— Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь погамѣсть я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали?..

— Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ, наконецъ, вижу вашу работу! — сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наведя

лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. — *C'est charmant, Lise! Lise, venez ici.* Комната во вкусъ Теньера. Видишь? беспорядокъ, беспорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована! *C'est charmant!* А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо — *quelle jolie figure!* Ахъ, мужичокъ! *Lise, Lise!* мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?

— О! это вздоръ... такъ, шалилъ... этюды...

— Скажите, какого вы мнѣнія насчетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и объѣгала съ лорнетомъ всѣ галлерей въ Италиі). Однако, мсьё Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженья въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсьё Ноля?

— Кто этотъ Ноль? — спросилъ художникъ.

— Мсьё Ноль. Ахъ, какой талантъ! Онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Нужно, чтобы вы непременно у насъ были. *Lise*, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ.

— Какъ же, я готовъ сію минуту, — и въ одно мгновенье придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру, вперилъ глаза въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ челоуѣческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ балямъ, начало тоски и жалобъ на длину времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти, почти фарфоруную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и кошіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ выйдетъ это легонькое личико.

— Знаете ли? — сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица: — я бы хотѣла... на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ... Простоты, понимаете, чтобы было больше. — (Увы! на лицахъ и матушки и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми).

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты: прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки,

временами подпѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи, однимъ движеньемъ кисти, заставляя онь оригиналь поднимать голову, который, наконецъ, началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталость.

— Довольно, на первый разъ довольно, — сказала дама.

— Еще немножко, — говорилъ позабывшійся художникъ.

— Нѣтъ, пора! Lise, три часа! — сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золотой цѣпи у ея кушака, и вскрикнула: — Ахъ, какъ поздно!

— Минуточку только! — говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и общала, вмѣсто того, просидѣть въ другой разъ долѣе.

«Это, однакожь, досадно, — подумалъ про себя Чартковъ: — рука только что расходилась». — И вспомнилъ онь, что его никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онь работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ. Никита, бывало, сидѣлъ, не ворохнувшись, на одномъ мѣстѣ — пиши съ него, сколько угодно; онь даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онь свою кисть и палитру на стулъ и остановился смутно предъ холстомъ.

Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онь бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получить приглашеніе бывать, прійти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онь глядѣлъ на подобныя существа, какъ на что-то недоступное, — которая рождены только для того, чтобы пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащикѣ чловѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онь пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное; онь былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онь только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ, аристократическая дама пріѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онь усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ, уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онь увидѣлъ въ легонькомъ своемъ оригиналь много такого, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой окончатности, въ какой теперь представилась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онь почувствовалъ, что выразить то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла его всего; весь погрузился онь въ кисть, позабывъ опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходила у него легкія черты и это почти прозрачное, нѣжное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онь ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами, и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери:

...На ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща...

— Ахъ, зачѣмъ это? это не нужно, — говорила дама: — у васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнышки...

Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составляютъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется.

— Но позвольте, здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской, — сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица, взятые съ натуры, въ какія-то холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъяснила только удивленіе, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оганчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ своимъ портретомъ.

Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его, между тѣмъ, носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ оттѣнки и воздушныя тоны, имъ подмѣченныя, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однихъ общихъ чертъ, не принявшее живого тѣла. Отъ нечего дѣлать онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловенныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отдаляется отъ нея и производитъ ей равное созданіе. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался по частямъ и вмѣстѣ всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленья и всплеснули руками.

— Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы издумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ.

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо:

— Это Психея.

— Въ видѣ Психеи? C'est charmant, — сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбулась также и дочь. — Не правда ли, Lise, тебѣ больше

всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicateuse! Но какая работа! Это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непременно должны написать также и съ меня портретъ.

Дамъ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать? — подумалъ художникъ. — Если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется», — и произнесъ вслухъ:

— Потрудитесь еще немножко присѣсть, я кое-что немножко трону.

— Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа.

Но художникъ понялъ, что опасенья были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ боже блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали, наконецъ, выходить яснѣе изъ облика Психеи.

— Довольно! — сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, уже черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды, — словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ.

Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искусству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Последнее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но, на бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить, — народъ торопливый, занятый, или же принадлежащій свѣту, стало-быть, еще болѣе занятый, чѣмъ всякій другой, и потому нетерпѣливый до крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобы было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти, — схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженъе и не углубляться кистью въ утонченныя подробности, — однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея окончатности было рѣшительно невозможно. Притомъ, нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ портретахъ, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе, — словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И вслѣдствіе этого, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженья, которыя приводили въ изумленъе художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолю, другая мечтательность, третья, во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался, наконецъ, въ одну точку, не больше булавочной головки. И, несмотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми вверхъ

вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непременно, чтобы въ глазахъ виденъ былъ Марсъ, гражданскій чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты и благородства въ лицѣ, и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: «Всегда стоять за правду». Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ, онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся нисколько. Даже изъ двухъ-трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны, онъ давалъ ему байроновское положенье и поворотъ. Коринной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большою охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадить, и за что простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само собою разумѣется, были въ восторгѣ и провозглашали его гениемъ.

Чартковъ сдѣлался моднымъ живописцемъ во всѣхъ отношеньяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлерей и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу, что нужно поддержать это званье, что художники одѣваются, какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлялъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завивался; занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ которыми принимать посѣтителей; занялся украшеніемъ всѣми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ея пріятное впечатлѣніе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. Объ художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что всѣ они, до Рафаэля, писали не фигуры, а сеledки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеньями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи; что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящаго блеска, силы кисти и колорита нужно искать только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ, натурально, невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя.

— Нѣтъ, я не понимаю, — говорилъ онъ, — напряженья другихъ сидѣть и корпѣть за трудомъ: человѣкъ, который копается по нѣсколькимъ мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ, труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; гений творить смѣло, быстро. — Вотъ у меня, — говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ: — этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество. — Такъ рассказывалъ онъ своимъ посѣтителямъ, и посѣтители дивились сидѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились; и потомъ пересказывали другъ другу:

— Это талантъ, это истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ говорить, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!

Художнику было лестно слышать объ себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листокъ вездѣ и, будто бы не нарочно, показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надѣвать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенія и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросать только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ, все-таки, искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не въ мочь, да и некогда: разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтскаго человѣка, все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы; однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и штатскихъ, немного представляли поля для кисти: она позабывала и великолѣпныя драпировки, и сильныя движенія, и страсти. О группахъ, о художественной драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ, да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинствъ самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между тѣмъ, они все еще расходились, все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чаркова прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованіе въ чловѣкѣ, тогда какъ онъ только что достигнуть еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ: сталъ толстѣть и видимо раздвигаться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: «Почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ». Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокому достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колотъ ими глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изыятія всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенія свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ чловѣкѣ, когда могущественный смѣчокъ слабѣе доходитъ до души и не отбивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣйственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отторѣвшія чувства становятся

доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденья тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепеть только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и, какъ всякій, кому достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему, равнодушнымъ ко всему, кромѣ золота, безпричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человекъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами, съ мертвецомъ внутри, вмѣсто сердца. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своею, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣетъ величавый расадникъ искусствъ, — въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемая ничѣмъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣнн обращать съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличій, объ униженіи, которое онъ причинялъ званью художника своимъ скуднымъ, нещегоольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли, или нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегъ онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галереи, по цѣлымъ часамъ застывался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданьяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изъ всего только то, что было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учителя одного божественнаго Рафаэля, — подобно, какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставялъ, наконецъ, себѣ настольною книгой одну только Илиаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ успѣшилъ принять значительную фізіогномію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, как невѣста, стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ гений, возносило оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы.

Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительный всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ достигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывучая округлость линий, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя, и которая выходитъ углами у копѣиста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданьемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которую невольно были объаты всѣ, вперившіе глаза въ картину — ни шелеста, ни звука; а картина, между тѣмъ, ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣе и чудеснѣе отдѣлялась ото всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, — мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чартковъ передъ картиною, и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтителѣ и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, вродѣ слѣдующаго: «Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то; однакоже, что касается до главнаго... и вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, теплившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, также исторгнуваго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту.

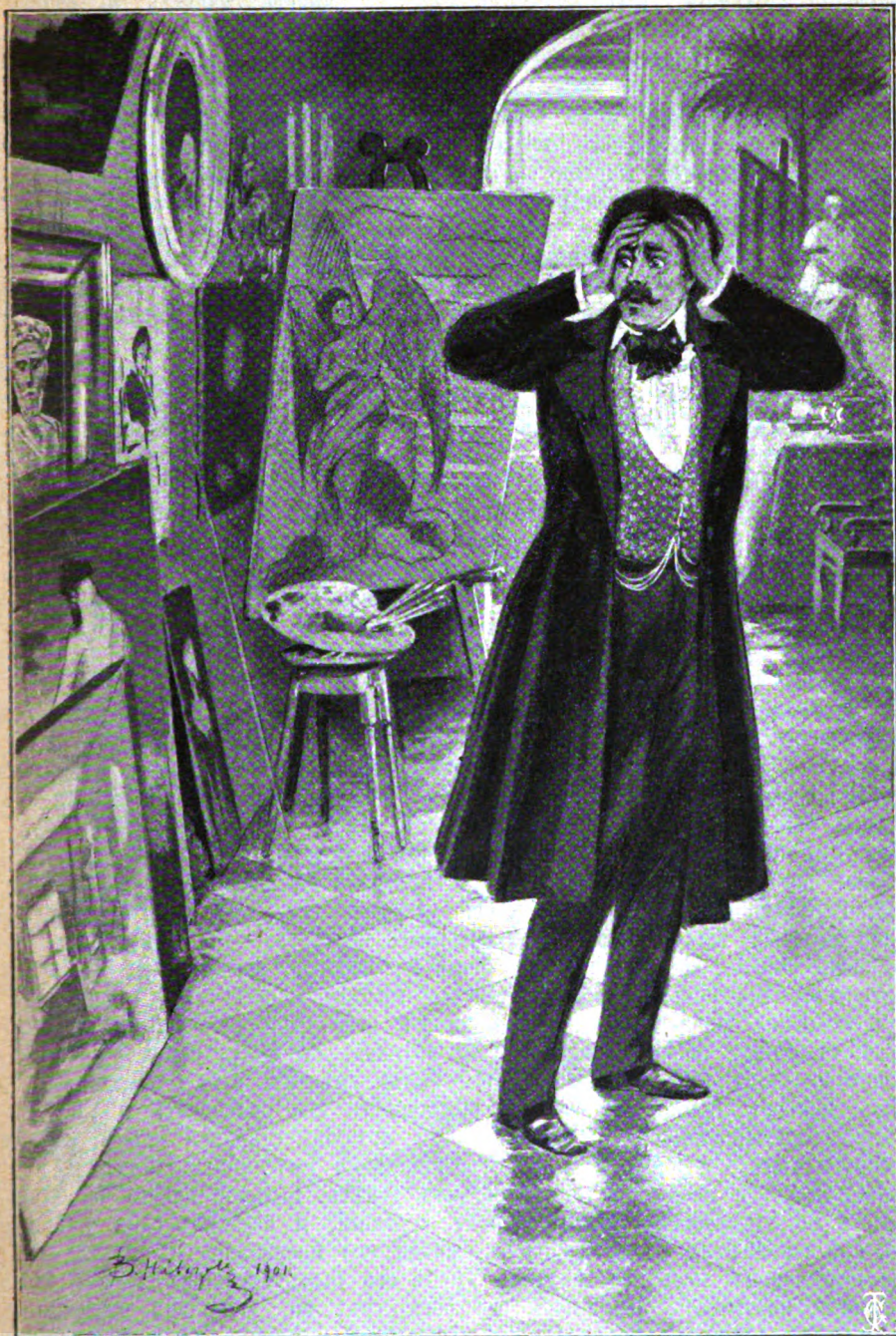
Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслью: ему хотѣлось изобразить отпаднаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенные, уже отзывался неправильностію и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынести прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенія, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ; заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать и весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагѣ онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

— Но точно ли былъ у меня талантъ? — сказалъ онъ, наконецъ: — не обманулся ли я?

И, произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведениямъ, которыя работали когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его.

— Да, — проговорилъ онъ отчаянно: — у меня былъ талантъ! Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же, какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнявшіе мастерскую, онъ выглянулъ наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведениями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенія, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденія, погубившія его талантъ, — почти бѣшенство готово было врататься къ нему въ душу. Онъ въ ту жъ минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненіе оттого не умиралось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юности рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ бесплодную жажду, — ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на

Онъ оставовился и вдругъ затряся всёмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно шерившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукинѣмъ дворѣ.

ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотыя мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ приобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Худа на міръ и отрицаніе изображалось само собою въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпіи, попадался онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день.

Къ счастью міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и коллосаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставался отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, — и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ; всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась бесконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользоваться и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ, жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

Часть II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиръ и амуръ, невинно прослыли Меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ Меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX вѣкъ давно уже приобрѣлъ скучную физиогномію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою перестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на непрібранный тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ гостинаго двора и даже толкучаго рынка, въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженіе лицъ были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались той приторной услужливостью, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покущикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, шутили безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать на немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другого занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотреть, чѣмъ то кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку, съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ-быть, не имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линиями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты — все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелью и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ, — все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную неприятность впечатлѣнія.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: «рубль, рубль, рубль», не давали времени аукціонисту повторять набавляемую цѣну, которая уже возросла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который

не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ, повидимому, уже нѣсколько разъ былъ реставрированъ и поновленъ, и представлялъ смуглыя черты какого-то азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженьемъ въ лицѣ; но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ. Много уже изъ составившихся о немъ отступились, потому что цѣну набили неимовѣрную. Остались только два извѣстные аристократа, любители живописи, не хотѣвшие ни за что отказаться отъ такого приобрѣтенія. Они горячились и набили бы, вѣроятно, цѣну до невозможности если бы вдругъ одинъ изъ тутъ же разсматривавшихъ не произнесъ:

— Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ всякій другой, имѣю право на этотъ портретъ.

Слова эти вмгъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человекъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ, точно, художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ.

— Какъ ни странно вамъ покажутся слова мои, — продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе, — но если вы рѣшитесь выслушать небольшую историю, можетъ-быть, вы увидите, что я былъ въ правѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу.

Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самъ аукционистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ разказа многие обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ всѣ вперились въ одного рассказчика, по мѣрѣ того, какъ разказъ его становился занимательнѣй.

— Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною, — такъ онъ началъ. — Тутъ все не похоже на другія части Петербурга: тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякіе молодые желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка, — все, что осѣло отъ столичнаго движенія. Сюда переѣзжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавочкѣ и забирающія каждый день на пять копеекъ кофе да на четыре сахару, и, наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который можно назвать однимъ словомъ *пепельный*, — людей, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ, просто, ни то, ни се: сѣтся туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ капелдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ; молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ немного добра, иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ

всякаго сильнаго прилива къ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ приѣмомъ, какой обыкновенно любить задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бряканьемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все пѣшеходы; извозчикъ весьма часто (безъ сѣдока) плетется, таща сѣно для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ, даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсіонъ, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ чисто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дорогихъ гонимыхъ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолеть, клеятъ изъ картона всякія вещицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшимъ пріателемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеніемъ кое-когда пунша.

Послѣ этихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество пасѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ угусѣ. Тутъ есть старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя и молятся и пьянствуютъ вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами: какъ муравьи, таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Каликина моста до толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копеекъ; словомъ, чисто самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политическій эгономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе.

Я для того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибѣгать къ займамъ; и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщики бывають въ нѣсколько разъ безчувственнѣй всякихъ большихъ, потому что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видятъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ... Но не мѣнаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказать, относится къ прошедшему вѣку, именно, къ царствованію покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. Итакъ, между ростовщиками былъ одинъ — существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное, поселившееся уже давно въ этой части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи: индѣецъ, грекъ, персіянинъ, — объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ

всѣхъ пепельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе вродѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самыя блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва, по обыкновенью, разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоценностей, брилліантовъ и всякихъ залоговъ, но что, однакоже, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казался, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариометическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непоимѣрныхъ процентовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ, — это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги: всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпыя суевѣрные толки, или съ умысломъ распушенные слухи, — это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны.

«Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искусство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ Мецеата. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованиями, — мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможа окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительныя призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился. Но полный великодушнаго движенія, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и, наконецъ, обратился къ извѣстному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ, наконецъ, подозрѣвать самого себя, сталъ сочинять ужасныя, несправедливыя доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собою разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣщности, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художества; что, напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры процвѣтали подъ ихъ великодушною

защитой, между тѣмъ какъ Дантъ не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные гении возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили миру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненіе и ропотъ; что ученые, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брилліанты въ императорской коронѣ: ими красуются и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, государыня, произнесшая эти слова, была въ ту минуту божественно прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ всѣ приняли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя рассказать, какъ страдала тщеславная душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды, все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.

«Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліяніе нашей сѣверной красоты съ красотой полудня, — брилліантъ, какой попадаетъ на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа, и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучший изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ, и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ, Грандисонъ во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неровною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ, и плохое положеніе дѣла его было извѣстно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла, и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ, навѣрно, изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ неспостижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы то ни было, но свадьба заняла весь городъ; и женихъ и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была извѣстна ихъ жаркая, постоянная любовь, долгія томленія, претерпѣнныя съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ. Пламенные женщины начертывали заранѣе то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые супруги. Но вышло все иначе. Въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Ядомъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился его дотошъ благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнувъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще

недавно блистала и влекла за собою толпы покорных поклонников: Накопецъ, не въ силахъ будучи выносить долге тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеніи неистовства ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножомъ и, безъ сомнѣнія, закололъ бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленья и отчаянья онъ обратилъ ножъ на себя — и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь.

«Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, рассказывали множество случившихся въ низшихъ классахъ, которые почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческій приказчикъ обворовалъ своего хозяина; тамъ извозчикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошь зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, рассказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ подымались волосы, и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ прожигающее свойство, раскаляются сами собою и носятъ какіе-то странные значки. Словомъ, много было о немъ всякихъ нелѣпныхъ толковъ. И замѣчательно то, что все это коломенское населеніе, весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, чѣмъ обратиться къ страшному ростовщику; находили даже умершихъ отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, чѣмъ погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдаль его непомѣрно высокую фигуру. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, вѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка: этотъ горячій, бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его азіатской одежды, — все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякій разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякій разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: «Дьяволъ, совершенный дьяволъ!» Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который, между прочимъ, есть настоящій сюжетъ этой исторіи.

«Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало, — одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій, по причинамъ, можетъ-быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою: одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники чествуютъ обиднымъ словомъ «невѣжи» и которые, не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которое получили титло *невѣжи*. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ истинное значеніе слова: «историческая живопись»; постигнулъ, почему простую головку, про-

стой портретъ Рафаэля, Леонарда да Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ *tableau de genre*, несмотря на всѣ притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣскольکو черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно и рѣзко.

«— Что на нихъ глядѣть, — обыкновенно говорилъ онъ: — вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня, поблагодарить; не пойметъ — все-таки помолится Богу. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслить живописи: зато онъ смыслить въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадахъ — зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другого да пойдетъ умищать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. По мнѣ ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говорить прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ тотъ, который лицемѣритъ: говорить будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадить да портить». Онъ работалъ за небольшую плату, то-есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанія семейства и для доставленія возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ-быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженіе, до котораго не могли доконаться блестящіе таланты. Наконецъ, постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой. Ему давали безпрестанно заказы въ церкви — и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то — на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему образъ: ему хотѣлось осязательно въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно: «Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало написать дьявола!» Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ прямо вошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

«— Ты художникъ? — сказала онъ безо всякихъ церемоній моему отцу.

«— Художникъ, — сказалъ отецъ въ недоумѣніи, не зная, что будетъ далѣе.

«— Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ-быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно, какъ живой?

«— Отецъ мой подумалъ: «Чего лучше? онъ самъ просится въ дьявола ко мнѣ на картину». Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна,

сундуки, покрытые странными коврами, и, наконецъ, самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ, — все это произвело на него странное впечатлѣнне. Окна, какъ нарочно, были заставлены и загромажены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. «Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!» — сказалъ онъ про себя и принялся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобы какъ-нибудь не исчезло счастлирое освѣщене. «Злая сила! — повторялъ онъ про себя: — если я хотя вполонину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всѣхъ моихъ святыхъ и ангеловъ: они поблѣднѣютъ предъ нимъ. Какая дьявольская сила! онъ у меня, просто, выскочитъ изъ полотна, если только хоть немного буду вѣрнѣе натурѣ. Какія необыкновенныя черты!» — повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенне, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однакоже, несмотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальнойю точностью всякую незамѣтную черту и выражене. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ такъ, какъ были въ натурѣ. Однакоже, во что бы то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращене, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ, уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзались ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованне въ мѣрѣ, что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мѣрѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странными и страшными что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты.

«Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь; а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Вечеру въ тотъ же день узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ, и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религiи. Все это казалось ему неизъяснимо-страннымъ. А между тѣмъ, съ этого времени оказалась въ характерѣ его оцутительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состоянiе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать. Съ нѣкотораго времени труды однихъ изъ учениковъ его начали привлекать вниманiе небольшого круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему зато свое особенное расположенне. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участiе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ, къ довершенью досады, узнаетъ онъ, что уче-

нику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. «Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать! — говорилъ онъ: — рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадить въ грязь». И прямодушный, чистый въ душѣ человекъ употребилъ интриги и происки, которыми дотогѣ всегда гнушался; добился, наконецъ, того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ, и другіе художники могли войти также съ своими работами. Послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Базалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И, точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею, какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлавъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ. «Въ картинѣ художника, точно, есть много таланта, — сказалъ онъ: — но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское въ глазахъ, какъ будто бы рукою художника водило не чистое чувство». Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножа и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеніи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирושку.

«— Чтѣ ты дѣлаешь? Чтѣ собираешься жечь? — сказалъ онъ и подошелъ къ портрету. — Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да это совершеннѣйшая вещь. Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядѣли глаза, какъ они глядятъ у тебя.

«— А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ! — сказалъ отецъ, сдѣлавши движеніе швырнуть портретъ въ каминъ.

«— Остановись, ради Бога! — сказалъ пріятель, удержавъ его: — отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колетъ глазъ.

«Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ, согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеніемъ, утащилъ портретъ съ собою.

«По уходѣ его отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно, какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной переимѣнѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой, онъ опечалился душою и, не безъ внутренней скорби, произнесъ:

«— Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя подѣломъ понесла поспрамленье. Она была замыслена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило мою кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней.

«Онъ немедленно отправился искать бывшего ученика своего, обнять его крѣпко, просилъ у него прощенія и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли попрежнему безмятежно, но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не выдался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался было идти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ онъ сказалъ:

«— Ну, братъ не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное... Я вѣдмажь не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидятъ нечистая сила...

«— Какъ? — сказалъ отецъ мой.

«— А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что такое бессонница, а теперь испыталъ не только бессонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это, или что другое: точно домовый тебя душитъ и все мерещится проклятый старикъ, однимъ словомъ, не могу рассказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго слова; точно, какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, сострапалъ ты чорта!

«Во время этого разказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ и, наконецъ, спросилъ:

«— И портретъ теперь у твоего племянника?

«— Куда у племянника! не выдержалъ! — сказалъ весельчакъ: — Знать, душа самого ростовщика переселилась въ него; онъ выскакиваетъ изъ рамы, рассказываетъ по комнатамъ, и то, что рассказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбывъ съ рукъ.

«Этотъ разказъ произвелъ сильное впечатлѣнье на моего отца. Онъ задумался не въ шутку, впалъ въ ипохондрію и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самою дѣлѣ какъ-нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, соврашая художника съ пути, порождая страшныя терзанья зависти, и проч. и проч. Три случившіяся вслѣдъ затѣмъ несчастія, три внезапныя смерти — жены, дочери и малолѣтняго сына, почелъ онъ небесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ.

«Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденіемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ онъ изумилъ всю братію. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ

наотрѣзъ, что онъ недостойнъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ, уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенья настоятеля, въ пустынь, чтобы быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до захода солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая непрерывно молитвы, — словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ только житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю:

« — Теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ.

« Предметъ, взятый имъ, было рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было, точно, чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренья и кротости, въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокой разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ Его, и, наконецъ, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину, — все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣнье было магическое. Вся братья поверглась на колѣни предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ:

« — Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства призвести такую картину: святая, высшая сила водила твою кистью, и благословенне небесъ почло на трудъ твоимъ.

« Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію — лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Мнѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я расстался. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько слышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ себѣ встрѣтить черствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнья. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта рассыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервья, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда. Но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякій мой собратъ сдѣлалъ то же.

« — Я ждалъ тебя, сынъ мой, — сказалъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенью. — Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоценнѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изсѣдуй, изучай все, чтѣ ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуше всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранныкъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозить невидимо сквозъ него прекрасная душа создаваго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозъ чистилище его души... Намежь о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірскаго; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангель одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, — во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью, — не страстью, дышащею земнымъ вождельньемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ ждать чудныхъ звуковъ успокоенія: ибо для успокоенья и примиренья всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты... — Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако. — Есть одно происшествіе въ моей жизни, — сказалъ онъ. — Доннынѣ я не могу понять, кто былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованіе дьявола и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, загнушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ. Мнѣ говорили, что портретъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнья, зарождаая въ художникѣ чувство зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранить тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызгнутою одною каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ и толкуетъ объ его неряшствѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна».

«Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвышенно подвигнутъ. Благоговѣно, болѣе, чѣмъ съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцѣловалъ въ рассыпавшіеся его серебряные волосы. Слеза блеснула въ его глазахъ.

«— Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу, — сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньи. — Можетъ-быть, тебѣ случится увидать гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, — ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію, — во что бы то ни было, истреби его...

«Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать вѣтвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ...»

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышались явственно слова: «украденъ». Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ слушателей, увлеченныхъ разговоромъ. И долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или же это была просто мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваньемъ старинныхъ картинъ.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментъ... но лучше не называть, въ какомъ департаментъ. Ничего нѣтъ сердитѣ всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого - то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнуть государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого - то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. И такъ, *въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ*, — чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшою лысиною на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ...

Что жъ дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ тѣ, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться.

Фамилія чиновника была Башмакинъ. Уже по самому имени видно, что она когда - то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, — ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмакины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акавій Акакіевичъ. Можетъ - быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и высканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акавій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерощкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума (жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей), Арна Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хозазата.

«Нѣтъ, — подумала покойница, — и имена - то все такія».

Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифілій, Дула и Варахасій.

— Вотъ это наказаніе! — проговорила старуха:—какія все имена! Я, право, никогда и не слыживала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варахъ, а то Трифілій и Варахасій.

Еще переверотили страницу — вышли Павсигахій и Вахтисій.

— Ну, ужъ я вижу, — сказала старуха:—что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его: отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій.

Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, причежь онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости, и другого имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ, и кто опредѣлялъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни пережѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вищундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ - то холодно - деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «Перепишите», или «вотъ интересное, хорошенькое дѣянце», или что - нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи: про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докучъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что - то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что - то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человекъ, недавно опредѣлившійся, который по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все пережѣнялось передъ нимъ и показало въ другомъ видѣ. Какая - то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за пріятныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой».

И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человекъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человекѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человекѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человека, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ—онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслаждение выражалось на лицѣ его, нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человекъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы переменить заглавный титулъ да переменить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, лучше, дайте, я перепису что-нибудь.

Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать.

Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжеватаго-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ ротенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да приипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынные корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотреть его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того penetrability своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу у панталонъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ, если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровными почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ

баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, кошю для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо, и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипящаго перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неутомимый человѣкъ, когда чиновники слѣзая предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпеноекъ; кто на вечеръ — истратитъ его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто, — и это случается чаще всего, — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоявшей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ шутурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копейными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комедантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента, — словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя-стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ-быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинается онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болятъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять—шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ

можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ — трехъ мѣстахъ, именно, на спигѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная серпанка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка распозалась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подгачиванье другихъ частей ея. Подгачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраконъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какаго-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣрнѣе дѣдовскимъ обычаемъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и вѣжкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней немного было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носить даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испутивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая, — надобно отдать справедливость, — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакію Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухню, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакію Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и повернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, не попадая и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лѣзеть, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!» Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту,

когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу—тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ куражомъ, или, какъ выражалась жена его, «осадила сивухой, одноглазый чортъ». Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ-де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь — и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ:

— Здравствуй, Петровичъ!

— Здравствовать желаю, судырь! — сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...

Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изыскался большею частью предложениями, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: «Это, право, совершенно того»... а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

— Что жъ такое? — сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь видундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалды и петлей, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

— А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного...

Петровичъ взялъ капоть, разложилъ его сначала на столъ, разсмотрѣвалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четверугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табакъ, Петровичъ растопырилъ капоть на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подглядкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумажкой, и, натащивши въ носъ табакъ, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петровичъ? — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка — вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказалъ Петровичъ: — да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иголой, — а вотъ ужъ оно и ползеть.

— Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку.

— Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуи вѣтеръ, такъ разлетится.

— Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..

— Нѣтъ, — сказалъ Петровичъ рѣшительно: — ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать.

При словѣ «новую» у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровицовой табакерки.

— Какъ же новую? — сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: — вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ.

— Да, новую, — сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

— Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того?..

— То-есть, что будетъ стоить?

— Да.

— Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить, — сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

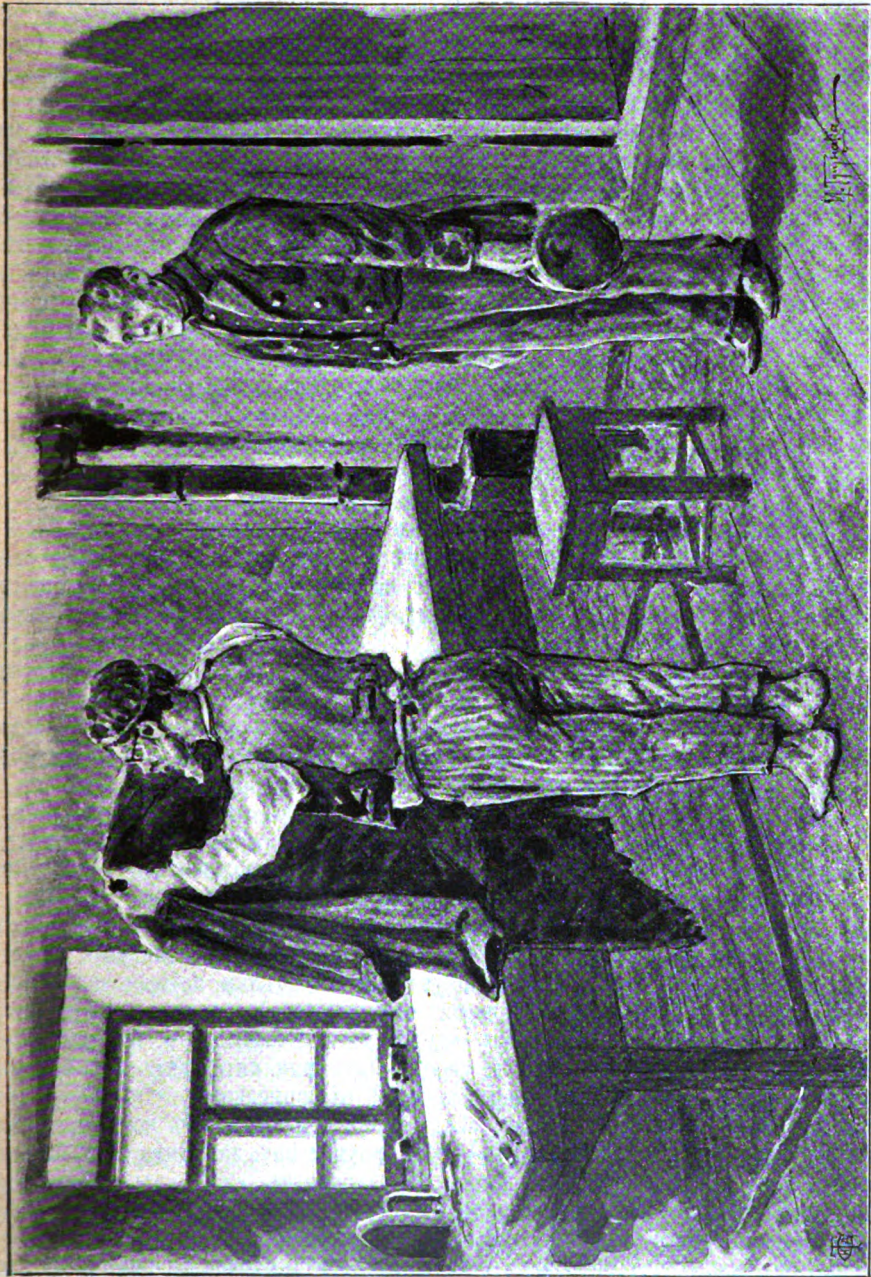
— Полтора ста рублей за шинель! — вскрикнулъ бѣдный Акакія Акакіевичъ, вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-съ, — сказалъ Петровичъ: — да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куніцу да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ.

— Петровичъ, пожалуйста, — говорилъ Акакія Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: — какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нѣтъ, это выйдетъ — и работу убивать, и деньги попусту тратить, — сказалъ Петровичъ, и Акакія Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакія Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. «Этаково-то дѣло этакое, — говорилъ онъ самъ себѣ: — я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того»... а потомъ послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ: «такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ». За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ провзнесъ: «Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозревая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высypалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого

Нонюха въ табакѣ, Петровичъ растопырилъ пальцы на рукахъ и рассмотрѣлъ его противъ свѣта.

не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставив около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табакъ, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ:

— Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?

Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. «Ну, нѣтъ,—сказалъ Акакій Акакіевичъ:—теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь похозяйитъ его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешней субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того, въ руку — онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...» — такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободривъ себя и дождался перваго воскресеня и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ — прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ.

— Нельзя, — сказалъ: — извольте заказать новую.

Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ.

— Благодарствую, судырь, подгрѣплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказалъ Петровичъ: — а ужъ объ шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ стоимъ.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ:

— Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положить, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода: воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣнены и распределены впередъ. Требовалось завести новыя панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ чортъ знаетъ какую непомянутую цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьмешь работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоимъ!» Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать, однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей! Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ-быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, гдѣ

взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля отглядывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертой на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугодя онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не стереть скоровременно предметы; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демитоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыкло и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человекъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человекъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, кунцу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: «ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго — и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ: зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого

добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцевитѣй. Купицы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно было всегда принять за кунцу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытѣсняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлось такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плеча Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу, потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава: Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава — вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть прямо въ лицо. Между тѣмъ, Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Незавѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ,

приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакія Акакіевичъ потерялся совершенно, не зная, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь покраснѣвъ, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знаетъ даже съ низшими себя, сказалъ:

— Такъ и быть, я, вмѣсто Акакія Акакіевича, даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ.

Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакія Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось приятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненія, прежній капоть свой, совершенно распозавшись. Онъ взглянулъ на него и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капоть. Пообѣдавъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плеча шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень не далеко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынные улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бровные воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными розгами. Акакія Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотреть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши, такимъ образомъ, всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой испанской подъ губой. Акакія Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? Потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ

чиновникамъ, слѣдующее: «Ну, ужъ эти французы! что и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ, точно, того...» А можетъ-быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу челоуѣку и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шуми и испуская клубами парь. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь, и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ, и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ, хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи челоуѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, — все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣтъ руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подѣлъ онъ къ играющимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, — тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ, никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плеча и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онъ не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣждалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у. которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скорѣ

потянулись передъ нимъ тѣ пустынные улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже — масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видимыми на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею. Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ — точное море вокругъ него. «Нѣтъ, лучше и не глядѣть», подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами, — какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилося въ груди.

— А вѣдь шинель-то моя! — сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ.

Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: «караулъ», какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ:

— А вотъ только крикни!

Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничъ въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не устая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человекъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за тѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человека. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человека, да думалъ, что то были его пріятеля; а что пусть онъ, вмѣсто того, чтобы донепременно браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ, и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же рассказала онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ также всякое воскресенье

въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало-быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и, какъ онъ провелъ тамъ ночь, предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять — сказали опять: «спитъ»; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ — сказали: «да нѣтъ частнаго дома»; онъ въ обѣденное время — но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непременно узнать, за какимъ дѣломъ, и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, и что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нпхъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Въмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возмѣтетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе.

Повѣствованіе о грабѣжѣ шинели, — несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже, многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*, что *значительное лицо*, спишась и снесясь съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ *значительному лицу*. Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица*, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сдѣлался *значительнымъ лицомъ*, а до того времени онъ былъ *незначительнымъ лицомъ*. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось *значительнымъ*, въ сравненіи съ другими, еще *значительнѣйшими*. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ *незначительное* въ глазахъ прочихъ есть уже *значительное*. Впрочемъ, онъ старался усилить *значительность* многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернской секретарь —

титularному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнить и корчить своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титularный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствія», и поставилъ у дверей какихъ-то капельднеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и открывали ее всякому приходившему, хотя въ «комнатѣ присутствія» насилу могъ устояться обыкновенный письменный столъ. Приемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость.

«Строгость, строгость и — строгость», — говаривалъ онъ обыкновенно, и при последнемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставалъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отъзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: «Какъ вы смѣете?» «Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите?» «Понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ, но генеральскій чинъ совершенно сблизилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ равными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и приобрѣлъ, такимъ образомъ, титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ,* и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень, очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто:

— Кто такой?

Ему отвѣчали:

— Какой-то чиновникъ.

— А! можетъ подождать, теперъ не время, — сказалъ значительный человѣкъ.

Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно пригнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями,

слегка только потрепывая друг друга по ляжкѣ и приговаривая: «такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!» «Этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!» Но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада:

— Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти.

Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: — что вамъ угодно? — голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснялъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобы онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамиліарнымъ.

— Чтѣ вы, милостивый государь, — продолжалъ онъ отрывисто: — не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...

— Но, ваше превосходительство, — сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: — я ваше превосходительство осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...

— Чтѣ, чтѣ, чтѣ? — сказалъ значительное лицо: — откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!

Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало-быть, если бы онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ.

— Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю!

Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ

удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояннн и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ; въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоствованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрее, чѣмъ можно было ожидать, и, когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ, тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капуть, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ:

— А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ.

Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и называлъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивалъ, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капоть его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: «Виновать, ваше превосходительство!» то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ «ваше превосходительство». Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что беспорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатовали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть блѣой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капоть. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался рассказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на

мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастье, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше прійти; и на запросъ: «почему?» выразился словами:

— Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили.

Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели и, подъ видомъ сташенной шинели, сдирающей со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ, всякаго рода мѣха и кожи, какіе только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризую шинель съ какого-то отставнаго музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троемъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ и только издали покрикивали: «Эй ты, ступай своею дорогою!» и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по-настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ

пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то вродѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностного распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ и какъ, и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлалъ пріятель въ разговорѣ, любезенъ, — словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго, — средство, какъ извѣстно, недурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, — дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо было уже человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколькими выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили всякій день цѣловать его руку, приговаривая: «*bonjour, papa*». Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бывають на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру: «*Къ Каролинѣ Ивановнѣ!*» — а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ, мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, такимъ образомъ, вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ

въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшною моголою, произнесъ такія рѣчи: «А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя, того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ — отдавай же теперь свою!» Бѣдное *значительное* лицо чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: «У, какой характеръ!» но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру несвоимъ голосомъ:

— Пошелъ во весь духъ домой!

Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упрягалъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минуть въ шесть съ небольшимъ значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь въ весьма большомъ беспорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо:

— Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папá.

Но папá молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?» если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца — видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ: по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, — такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: — Тебѣ чего хочется? — и показало такой кулакъ, какаго и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: — Ничего, — да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромныя усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

КОЛЯСКА.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ, а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ нехотати какую-нибудь глупость, — однимъ словомъ, нехорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣтными; крыши большею частию крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую, какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая при малѣйшемъ дождѣ превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьёзные морды изъ своихъ ваннъ, они поднимаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанговомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходитъ чрезвычайно глупо — не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный досчатый заборъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранговъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ приказчиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но, какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все переизменилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять маіорскій

денщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усыянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: берутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣшанки — изъ-за плечь ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружные помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно греялся въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женинными порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья со своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ — офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчательнъ Пиеагоръ Пиеагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Вѣсьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется «непріятною исторіею»: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ проносивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявлялъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще, велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно

отличных лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумястами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ... изрядный помѣщикъ. Кромѣ него, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были все военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый маіоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы — доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, — все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли, съ чашками кофе въ рукахъ, на крыльцо.

— Вотъ ее можно теперь посмотрѣть, — сказалъ генералъ. — Пожалуйста, любезнѣйшій, — примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: — прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу. Вотъ вы увидите сами. — Тутъ генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. — Она еще не слишкомъ въ холѣ! проклятый городишка: нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.

— И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее? — сказалъ Чертокуцкій.

— Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода.

— И получить ее изволили объѣзженную, или уже здѣсь изволили объѣздить?

— Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь. — Сказавши это, генералъ весь исчезъ въ дымъ.

Между тѣмъ, изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ, показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами.

— Ну жъ, ну, Аграфена Ивановна! — говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взявъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителемъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Очень, очень хорошая! — сказала Чертокуцкій. — Статистая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?

— Шагъ у нея хорошъ, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.

— Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?

— Экипажъ?.. да вѣд это верховая лошадь.

— Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?

— Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, — замѣтилъ полковникъ: — нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская.

— Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ.

— У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы.

— Какая? та, въ которой вы пріѣхали?

— О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!

— Стало-быть, покойна?

— Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано.

— Это хорошо.

— А еще укладиста какъ! то-есть я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящикѣ помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того, со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.

— Это хорошо.

— Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.

— Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое — все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и коляску вмѣстѣ посмотрите.

— Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?

— И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Полковникъ, маюръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

— Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непременно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рта дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій, вродѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ расслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.

— Мнѣ очень приятно, — сказалъ генераль, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ-то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ, уже въ комнатахъ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣлось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться, — онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два роббера, Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ.

— Пора, господа, мнѣ домой; право, пора.

Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы; но неиграющіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, рассказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ, съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: — въ которомъ году? — или: — котораго полка? — не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего, и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ, подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налѣво стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но, впрочемъ, какъ-то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, рассказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку отъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали раздѣжаться, то уже было

три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покурою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, прїѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвущкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и улегся возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поверотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щеку на руку, скоро поспѣ пего заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожагѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ, она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей. Но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утроили свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣбѣдненное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллѣѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми блестящими на солнцѣ эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая, четверомѣстная; въ ней сидѣлъ майоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстные всѣмъ полковныя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный майоръ; за дрожками — четверомѣстный бонвоажъ¹⁾, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвоажемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

«— Неужели это къ намъ? — подумала хозяйка дома. — Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ, они поверотили на мостъ!» — Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

— Вставай, вставай! вставай скорѣе! — кричала она, дергая его за руку.

— А? — проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

1) Бонвоажъ — родъ экипажа.

— Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!

— Гости? какіе гости?.. — Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордюю сосцовъ своей матери.

— Мм... — ворчалъ онъ: — протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую!

— Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генераль съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!

— Генераль? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?

— Какой обѣдъ?

— А развѣ я не заказывалъ?

— Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ... — Последнія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертовуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ, вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

— Ахъ, я лошадь! — сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу: — я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? Далеко они?

— Я не знаю... они должны сію минуту уже быть.

— Душенька... спрячься!.. Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! ступай — чего, дура, боишься? — пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ! что еще съ утра выѣхалъ... Слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. «А вотъ это будетъ лучше», мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожей и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу. Вышелъ генераль и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый майоръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвоая тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ, сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

— Барина нѣтъ дома, — сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

— Какъ нѣтъ? Стало-быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?

— Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ генераль: — какъ же это?..

— Признаюсь, это штука, — сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? — продолжалъ генераль съ неудовольствіемъ. — Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять; зачѣмъ запрашиваться?

— Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать, — сказалъ одинъ молодой офицеръ.

— Что? — сказалъ генераль, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

— Я говорю, ваше превосходительство, какъ можно поступать такими образомъ!

— Натурально... Ну, не случилось что ли — дай знать, по крайней мѣрѣ, или не проси.

— Что жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ! — сказалъ полковникъ.

— Разумѣется, другого средства нѣтъ. Впрочемъ, коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!

— Чего изволите?

— Ты конюхъ?

— Конюхъ, ваше превосходительство.

— Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ.

— А вотъ, пожалуйста въ сарай.

Генераль отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

— Вотъ извольте, я ее немного выкачу; здѣсь темненько.

— Довольно, довольно, хорошо!

Генераль и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

— Ну, ничего нѣтъ особеннаго, — сказалъ генераль: — коляска самая обыкновенная.

— Самая неказистая, — сказалъ полковникъ: — совершенно нѣтъ ничего хорошаго.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

— Что?

— Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ.

— Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

— А, вы здѣсь!.. — сказалъ изумившійся генераль.

Сказавши это, генераль тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

Р И М Ъ.

ОТРЫВОКЪ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскрывши черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннуціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурныя рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями рассыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотить она сіяющій снѣгъ своего лица — образъ ея весь отпечатѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ — дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными вверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ — и тамъ она чудо! Но чудеснѣ всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдъ. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Буда ни пойдетъ она — уже несетъ съ собою картину: сплшитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованою мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ея окрестность: легче уходятъ вдаль чудесныя линіи альбанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летитъ вверхъ кипарисъ, и красавица южныхъ деревъ, римская пинна, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухѣ верхушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ, одна выше другой, альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьетъ вода звонкой алмазной дугой въ подставляемые мѣдныя чаны, и самый фонтанъ, и самая толпа, — все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводитъ всѣмъ, подобно какъ царица предводитъ за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галерея, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Миненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ; бредутъ или несутся вскачь ослы съ полузашмуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блистающихъ бѣлыми головными уборами, или таща вовсе не живописно, съ трудомъ и слотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непромокаемомъ макинтошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ ящикомъ на ремнѣ и ловкой вандивовскою бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ попеременно по всей

группѣ, — и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлерей выдаетъ ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ ищерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летитъ съ лица ея навстрѣчу всѣмъ. И, повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопаные: и щеголь Миненте съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольно восклицаніе; и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ; и художникъ съ вандиковской бородкой, долге всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая: «то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно!» и дерзновенно думая въ то же время: «то-то былъ бы рай, если бъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую».

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимѣ вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожитъ ея рѣчи, движенія и движенія мыслей на ея лицѣ? Двадцатипятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Карачей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ дунь, *maestro di casa*. Его-то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней, изъ-за перекинутого черезъ плечо плаща, носъ, очеркнутый античной линіей, слоновую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, появился гордымъ юношею вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непременно, какъ все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что угодно, былъ у него аббатъ, строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованни della Casa и пяти-шести грѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями: «Dio, che cosa divina!» и потомъ черезъ двѣ строки: «Diavolo, che divina cosa!» въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика, — обращавшій остальной разговоръ на брокколи и артишоки, любимый свой предметъ, знавшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какаго мѣсяца нужно начинать ѣсть возленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтаться съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя игры свои въ шелковые черныя чулки, прежде запихнувши подъ нихъ шерстяные; чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ *olio di ricino* въ чашкѣ кофе и полнѣвшій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты. Естественно, что молодой князь узналъ не много подъ такимъ началомъ. Узналъ онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ италіянскаго, что монахи бываютъ трехъ родовъ: одни въ черныхъ чулкахъ, другіе въ лиловыхъ, а третьи такіе, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узналъ нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, болѣею частью поздравительныхъ; узналъ хорошо улицу Корсе, по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббатъ для закупки бумаги, перьевъ и нюхательнаго табаку, да аптеку, гдѣ бралъ онъ свое *olio di ricino*. Въ этомъ заключался весь

горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббать намекнулъ въ какихъ-то неясныхъ и нетвердыхъ чертахъ: что есть земля Франція, богатая земля, что англичане — хорошіе кушцы и любятъ ѣздить, что нѣмцы — пьяницы, и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бывають такіе жестокие морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ чело-вѣческой. Далѣе сихъ свѣдѣній воспитанникъ, вѣроятно бы, не узналъ, достигнувъ до двадцатипятилѣтняго своего возраста, если бѣ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея переимѣнить старую методу воспитанія и дать сыну образованіе европейское, что можно было отчасти приписать вліянію какой-то французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонъ на парикѣ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванія, развернулась его живая итальянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ. Итальянскій университетъ, гдѣ наука влачилась, скрытая въ черствыхъ схоластическихъ формахъ, не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италиі: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, виньетками, водевилями и напряженными произведеніями необузданной французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ іюльской революціи отозвалось и здѣсь. Мечтали о возвращеніи погибшей итальянской славы, съ негодованіемъ глядѣли на ненавистный бѣлый мундиръ австрійскаго солдата. Но итальянская природа, любительница покойныхъ наслажденій, не вспыхнула возстаніемъ, надъ которымъ не позадумался бы французъ; все окончилось только непреодолимымъ желаніемъ побывать въ заальпійской, въ настоящей Европѣ. Вѣчное ея движеніе и блескъ заманчиво мелькали вдали. Тамъ была новость, противоположность ветхости итальянской, тамъ начиналось XIX столѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодого князя, чая приключеній и свѣта, и всякій разъ тяжелое чувство грусти его осѣняло, когда онъ видѣлъ совершенную къ тому невозможность: ему былъ извѣстенъ непреклонный деспотизмъ стараго князя, съ которымъ было ему не подъ силу ладить, — какъ вдругъ получилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ предписано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить ученіе въ тамошнемъ университетѣ и дожидаться въ Луккѣ только пріѣзда дяди, съ тѣмъ, чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь прыгнулъ отъ радости, перецѣловалъ всѣхъ своихъ друзей, угостилъ всѣхъ въ загородной остеріи и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ, съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ бѣншемъ всякій предметъ. Когда переѣхали Симплонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ. Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжашей красотѣ итальянской природы. Но онъ просвѣтлѣлъ вдругъ при видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ, свѣтлыхъ гостиницъ, удобствъ, разставленныхъ всякому путешественнику, располагающемуся, какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ — все было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразили его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди итальянца; нѣмецкій языкъ также поразили непріятно его музыкальное ухо. Но передъ

нимъ была уже французская граница; сердце его дрогнуло. Порхающіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская, облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удовольствіемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, который еще въ Италіи казался ему чѣмъ-то возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ судорожныхъ движеній, какими сопровождаются сильные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣніе произвелъ на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва выначавшимися легкими формами, съ маленькой ножгой, съ тоненькимъ воздушнымъ станомъ, съ отвѣтнымъ огнемъ во взорахъ и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населяя его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ, наконецъ, близкіе признаки столицы: наклеенныя афиши, исполнскія буквы, умножавшіеся дилижансы, омнибусы... наконецъ, понеслись дома предмѣстья. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовишною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиной трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, облѣпленныхъ тѣсною лоскутностью магазиновъ, безобразіемъ нагихъ, не прислоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколъ. Вотъ онъ Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенія, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепеть и любимая мечта двадцатилѣтняго чело-вѣка, разбѣнъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошелъ онъ по улицамъ, пересыпавшимся всякимъ народомъ, исчерченнымъ путями движущихся омнибусовъ, поражаясь то видомъ кафе, блиставшаго неслышаннымъ, царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушалъ его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ шумѣвшихъ шаговъ сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галерею, то останавливаясь передъ афишами, которыя милліонами пестрѣли и толпились въ глаза, крича о двадцати четырехъ ежедневныхъ представленіяхъ и безчисленномъ множествѣ всякихъ музыкальныхъ концертовъ; то растерявшись, наконецъ, совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщеніи газа — всѣ дома вдругъ стали прозрачными, сильно засіявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе, и все, что лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и отражаясь въ углубленья зеркалами. «Ma quest'è una cosa divina!» повторялъ живой италіянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы многихъ молодыхъ иностранцевъ, наѣзжающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, вскочивши съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолокомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденіемъ свой жирный кофе изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и

вспоминая о низенькихъ, темныхъ итальянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой, несущимъ невымытые стеклянные стаканы. Потомъ принимался онъ за чтеніе колоссальныхъ журнальныхъ листовъ и вспомнилъ о чехоточныхъ журнальщикахъ Італіи, о какомъ-нибудь *Diario di Roma, il Pirato* и тому подоб-ныхъ, гдѣ помѣщались невинныя политическія извѣстія и анекдоты чуть не о Термопилахъ и персидскомъ царѣ Даріи. Тутъ, напротивъ, вездѣ видно было кипѣвшее перо. Вопросы на вопросы, возраженія на возраженія — казались, всякій изъ всѣхъ силъ топорщился: тотъ грозилъ близкой переменной вещей и предвѣщалъ разрушеніе государству; всякое чуть замѣтное движеніе и дѣйствіе камеръ и министерства разрасталось въ движеніе огромнаго размаха между упорными партиями и почти отчаяннымъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже страхъ чувствовалъ итальянецъ, читая ихъ и думая, что завтра же вспыхнетъ революція; какъ будто въ чадѣ, выходилъ изъ литературнаго кабинета, и только одинъ Парижъ съ своими улицами могъ вывѣтрить въ одну минуту изъ головы весь этотъ грузъ. Его порхающій по всему блескъ и пестрое движеніе, послѣ этого тяжелаго чтенія, казались чѣмъ-то похожимъ на легкіе цвѣтки, взбѣжавшіе по оврагу пропасти. Въ одинъ мигъ онъ переселялся весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, зѣвакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зѣвалъ предъ свѣтлыми, легкими продавщицами, только что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темнымъ пятномъ изъ-за цѣльныхъ стеколъ. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфетъ, межъ тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ, какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картинномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣсницы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую свѣжнюю шейгу, и всякій волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ зѣвалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ пауки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанныя размашисто, сторчача, такъ что иногда и разобрать нельзя было, что на нихъ такое, и глядѣли иероглифами странныя буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ предъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы и разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка, съ лаконическою надписью: «300 fr.», и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ среди города стояли деревья въ ростъ шестнадцатиэтажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ повѣстяхъ. И, назѣвавшись вдоволь и досыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, шумѣвшихъ рѣчами за маленькими столиками, разбросанными по залу. Послѣ обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая только, который выбрать: на каждомъ изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ. Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтранный, какъ самъ французъ, новый всякій день, создавшійся весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала

до конца, благодаря неистощимымъ вапризамъ веселости актера; тамъ горячая драма. — И онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италиі, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони, знаемый всѣми наизусть, или же новыя комедійки, невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ ними; онъ сравнилъ ихъ тощую группу съ этимъ живымъ, торопливымъ драматическимъ наводненіемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякій боялся только, чтобы не простыла его новостъ. Насмѣявшись досыта, наволновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращался онъ домой и бросался въ постель, которая, какъ извѣстно, одна только нужна французу въ его комнатѣ: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но князь, однакоже, не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ званіемъ соединить занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялся слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новыя точки и стороны, подмѣченныя рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданны для молодого италянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде незамѣченные предметы, и самый приобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыя обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался и, оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора камерныхъ преній и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь присылалъ ему содержанье, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ, однакоже, найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европейскіе листки; даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданьями была поражена, на ряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мнилось слышать еще не бранныя дотолѣ струны, неуволнимые доселѣ изгибы страстей. Словомъ, жизнь италянца приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день, беззаботное званье и тревожное пробужденье, легкая работа глазъ и напряженная — ума, водевилъ на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политическій вихрь журналовъ и камеръ, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполнинская жизнь для двадцатипятилѣтняго юноши! Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не промѣнялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ, идя, поднимаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества! Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италиі и основаться навсегда въ Парижѣ: Италиа казалась ему теперь какимъ-то темнымъ, заплѣсневѣлымъ угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движенье.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишкомъ значительные для юноши, и къ концу ихъ уже многое показалося не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеніи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность,

страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски-движущейся политики и, еще-чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно итальянцу.

Въ движеніи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился передъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Бупецъ весь капиталъ свой употреблялъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпиемъ его заманить къ себѣ толпу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобы ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само безъ зазыва, какъ непотребная женщина, что ловить человѣка ночью на улицѣ; все, одно передъ другимъ, вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надоедливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желаніе выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченія всего цѣлаго. Вездѣ усилія поднять доселѣ незамѣченные факты и дать имъ огромное вліяніе, иногда въ ущербъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія, — и онъ привелъ себя на память стихъ, которымъ итальянецъ Алфіери, въ ѣдкомъ расположеніи своего духа, попрекнулъ французовъ:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.

Тоскливое расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ; но не сошлась итальянская природа съ французскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, дагѣ известной глубины уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось дагѣ остріе мысли; а чувства итальянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себя полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И нашелъ онъ какую-то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженіи. И увидѣлъ онъ, наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вспышкахъ, вся нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почилъ на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, и нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полустрасти, и нѣтъ страстей; все не

окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство италіянца было тому причиною, то или другое, только Парижъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и шумомъ, скоро сдѣлался для него тягостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы ея. Только въ одну еще италіянскую оперу заходилъ онъ; тамъ только какъ будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь выросли предъ нимъ во всемъ могуществомъ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣшился, наконецъ, писать къ отцу, чтобы позволить ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться болѣе онъ не видитъ для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовало ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца; наконецъ, начало овладѣвать имъ безпокойство. Нѣсколько разъ на недѣлѣ навѣдывался къ своему банкиру и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже давно сдѣлалъ онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли; давно уже онъ обдѣлалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали поглядывать на него — и хоть бы отъ кого-нибудь изъ друзей какое-нибудь извѣстіе! Тутъ-то онъ сильно почувствовалъ свое одиночество. Въ безпокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надобѣвшемъ на-смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него еще невыносимѣе: всѣ наѣздня толпы разлетѣлись по минеральнымъ водамъ, по европейскимъ гостиницамъ и дорогамъ. Призракъ пустоты видѣлся на всемъ. Дома и улицы Парижа были несносны; сады его томились сокрушительно между домовъ, палимыхъ солнцемъ. Какъ убитый, оставливалась онъ надъ Сеной, на грузномъ, тяжеломъ мосту, на ея душной набережной, напрасно стараясь чѣмъ-нибудь позабыться, на что-нибудь заглядѣться; тоска необъятная жрала его, и безыменный червь точилъ его сердце. Наконецъ, судьба надъ нимъ умилосердилась — и въ одинъ день банкиръ вручилъ ему письмо. Оно было отъ дяди, который извѣщалъ его, что старый князь уже не существуетъ, что онъ можетъ пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое требуетъ его личного присутствія, потому что разстроено сильно. Въ письмѣ былъ тощій билетъ, едва доставшій на дорогу и на расплату четвертой доли долговъ. Молодой князь не хотѣлъ медлить минуты, уговорилъ кое-какъ банкира отсрочить долгъ и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марсели, не хотѣлъ отдохнуть часу, и въ тотъ же вечеръ пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже, только глядя на однѣ безконечныя его волны. Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при видѣ перваго италіянскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двойной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чернаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Никогда не видалъ онъ Генуя. Эта играющая пестрота домовъ, церковей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ, блиставшемъ непостижимою волубизною,

была единственна. Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощеныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его поразила эта тѣснота между домами, высокими, огромными, отсутствие экипажного стуку, треугольня маленькія площадки и между ними, какъ тѣсны коридоры, изгибающіяся линии улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ серебряниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живописныя кружевы покрывала женщинъ, чуть волнуемая теплымъ широко, ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенныя двери церквей, кадилный запахъ, несшійся оттуда, — все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная, за что, — молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый подѣлуй Италиі. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустѣющую Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ прежде. Величаво глянулъ на него тяжелый, граненый куполь ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшого городка. Потомъ понесся чрезъ Апеннины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположеніемъ духа, и когда, наконецъ, распостлавшаяся передъ нимъ дорога, показавшаяся въ ясной дали, на чистомъ небѣ, чудесно круглившійся куполь — о!.. сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди! Онъ не умѣлъ и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякій холмикъ и отлогость. И вотъ уже, наконецъ, Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянулъ Monte Pincio съ террасами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ! Боже, какъ забилось его сердце! Ветурина понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда-то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавшій только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго. Вотъ предстали предъ нимъ опять всѣ дома, которые онъ зналъ наизусть: Palazzo Ruspoli съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконецъ, воротилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки, гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долготулю кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ, карета остановилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго стиля. Никого не было въ нагихъ, неубранныхъ сѣняхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ его дряхлый maestro di casa, потому что швейцаръ съ своей булавой ушелъ, по обыкновенью, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Старикъ побѣждалъ отворять ставни и освѣщать мало-по-малу старинныя величественныя залы. Грустное чувство овладѣло княземъ, — чувство, понятное всякому пріѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говорить всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насылаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулъ кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ крестами и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокъ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреніемъ

пополнить, — уборную, где онъ наряжался съ утонченнымъ стараньемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе, дорнирывать постоянно какому-то англичанку, приѣзжавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлилъ и всякихъ притираний, которыми молодилъ себя старикъ. *Maestro di casa* объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ было твердое намѣреніе жениться и сдѣлалъ нарочно консультацію съ иностранными докторами, какъ поддержать *con onore i doveri di marito*, но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита кардиналамъ и какому-то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣлъ въ кресла и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы блаженнѣе, если бы онъ, по словамъ *maestro di casa*, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ *il padre Benvenuto*. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно, не принадлежа мыслью ни къ чему. Отдохнувши отъ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся своими дѣлами. Его поразила страшный беспорядокъ ихъ. Все, отъ малаго до большого, было въ безтолковомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищенскій недостатокъ среди великолѣпія — вотъ что представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скудости и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кромѣ ливреи, и довольствовалась подаянiями иностранцевъ, приходившихъ смотрѣть галерею. При князѣ были егеря, официанты, лакеи, которые ѣздили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ѣздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ ближнемъ кафе или остеріи, болтая всякій вздоръ. Онъ распустилъ тотъ же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика *maestro di casa*; уничтожилъ почти вовсе конюшню, продать никогда не употреблявшихся лошадей; призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальные, какъ вовсе бесполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, — которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій, — общества, воспитаннаго кое-какъ отголосками французскаго образованья, да богача-банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей необщительныхъ, черствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ *tresette* (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брдобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялся разсматривать Римъ и сдѣлался въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и съ недоумѣньемъ вопрошаетъ, попадая изъ переулка въ переулокъ: «где же огромный древній Римъ?» и потомъ уже узнаетъ его, когда мало-по-малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинаетъ выдвигаться древній Римъ, где темной аркой, где мраморнымъ карнизомъ, вдѣланнымъ въ стѣну, где порфиrowой потемнѣвшей колонной, где фронтономъ посреди вонючаго рыбнаго рынка, где цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и, наконецъ, далеко, тамъ, где оканчивается вовсе живущій городъ, громадно воздымается онъ среди тысячелѣтнихъ пшостей, алоэ и открытыхъ равнинъ, необъятнымъ Коллизеумъ, триумфальными арками, останками необозримыхъ

цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ; и уже не видить иноземецъ нынѣшнихъ тѣсныхъ его улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его возстаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо!..

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ, — нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людной столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ, молчаливыхъ, заслоненныхъ снизу громадь, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавчонкой передъ Пантеономъ. Ему нравилась самая невзрачность улицъ, темныхъ, неприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, идиллія среди города: отдохавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое-то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишины, обнимающей человѣка. Ему нравились эти безпрерывныя внезапности, нежданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключеній, онъ отправлялся отыскивать всякій день новыхъ и новыхъ чудесъ и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился предъ нимъ дворецъ, дышавшій строгимъ сумрачнымъ величіемъ. Изъ темнаго травертина были сложены его тяжелыя, несокрушимыя стѣны, верхнюю вѣчалъ великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ неожиданно, вмѣстѣ съ небольшой площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивавшій себя самого и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени; — какъ темная, грязная улица оканчивалась неожиданно играющей архитектурной декорацией Бернини или летящимъ къверху обелискомъ, или церковью и монастырской стѣною, вспыхивавшими блескомъ солнца на темнолазурномъ небѣ, съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе вглубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурныя созданья Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньола, Бонаротти, — и появлялся онъ, наконецъ, ясно, что только здѣсь, только въ Итали, слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ искусства. Еще выше было духовное его наслажденіе, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столбы и круглыя колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазурными карнизами, порфиромъ, золотомъ и античными камнями, сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ вознеслось безсмертное созданіе кисти. Они были высоко-прекрасны, эти обдуманныя убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ сей плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ, и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могуція созданія кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились сумрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя

для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной, прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенія магазиновъ, выведшая на поле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искусство! Какъ низко показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслию — украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданьемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслию владѣльца дворца — доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденія въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шумнаго жизненнаго дрягга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и, вмѣстѣ со взоромъ, входя глубже душою въ тайны висти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ! Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая благородство и красоту чудную движеньямъ души. Какъ низки казались ему предъ этой неизблемой, плодотворной роскошью, окружившею человѣка предметами, движущими и воспитывающими душу, нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, — губительницей и разрушительницей всего, чтѣ колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не оттого ли этотъ равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій расчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ? Иконы вынесли изъ храма — и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитаютъ въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его эта необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ: «Когда и какъ успѣли они это надѣлать?» Эта великолѣпная сторона Рима какъ будто бы росла передъ нимъ ежедневно. Галереи и галереи — и конца имъ нѣтъ: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ, еще дивить готовый исчезнуть фрескъ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столпахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещетъ неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой! Какъ было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ!

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ браняемая иностранцами. Ему бы непріятно было выйти послѣ всего этого на модную улицу, съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ чернаго аббата съ треугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной пурпурной кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами — все какъ-то согласовалось съ

важностью Рима: этот живой, не торопящийся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полуплащъ или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженья въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеньи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, безопасно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ; нечистый рыжий капуцинъ, вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтло-верблюжьимъ цвѣтомъ; наконецъ, это население художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе доскуточки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ, живописенныхъ нарядахъ; ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонарда-да-Винчи и Тициана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бороды, которыя французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый нѣмецъ, съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана, получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатнымъ нарядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ cinquecento, которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣды строгаго спокойствія и тихаго труда отражались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнія, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преньяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ — тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ вѣсти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласья о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ и, наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человекъ и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и подилическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ.

Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти нѣмыя, пустынные римскія поля, устѣянные останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствіемъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слиявшихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны. Съ одной — соединялись они прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой — надъ полями сіяли горы; не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но согласными пльвучими линиями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданья, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей — эти поля увѣнчивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя вдаль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облака ихъ тонкій голубой воздухъ; и свозъ это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящія въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощъ. Когда

же обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самими Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполь Петра, вырастающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленія отъ него, и властительно остающійся, наконецъ, одинъ на всемъ полугоризонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати или Альбано, въ часы захожденія солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала они еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще видѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки; потомъ они сивозили уже свѣтлой желтизою въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и, наконецъ, становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполь и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же, какъ и они, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ предъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все. Когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи, — тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватилъ его всего, и сбѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаціяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди этой жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда-либо, желаніе проникнуть поглубже исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ, какъ италянецъ-домосѣдъ, входящій и тѣломъ, и душою въ читаемыя событія и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго, — онъ теперь могъ оглядывать все покойно, какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе въ Италіи, въ виду шума и движенія дѣйствующихъ народовъ и государствъ, служило ему строгою повѣркою всѣхъ выводовъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое разнообразное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеньемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у cadaго города были цѣлыя томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственными нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ нѣдрѣ незначительнаго городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и

палитра; храмы, воздвигающіеся среди браней и волненій; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними; такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ чловѣка, совершавшихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ! — И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказывается бѣдная Италия своего развѣчанаго чела, лишенная значенія политическаго, а съ нимъ и вліянія на міръ.

«И неужели, — думалъ онъ, — не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели нѣтъ средствъ возвратить минувшій блескъ ея?» И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы; какъ это было любимой мыслью молодежи; какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ. И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почувялъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, предъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмѣющий чловѣкъ, — Великій Перстъ, начертывающій свыше всемірныя событія. Онъ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго ея гражданина, бѣднаго генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе, широкіе пути. Раздадся всемірный горизонтъ; огромнымъ размахомъ закипѣли движенія Европы; понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италия. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адриатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда понишій гондольеръ влечетъ его подъ пустынными стѣнами и разрушенными перилами безмолвныхъ мраморныхъ балконовъ. Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядятъ пустынно на всемъ пространствѣ Италии ея наклонныя башни и архитектурныя чуда, очутясь среди равнодушнаго къ нимъ поколѣнья. Звонкое эхо раздается въ шумѣвшихъ когда-то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подѣзжаетъ къ грязной остеріи, поселившейся въ великолѣпномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретичѣ очутилась Италия, и пыльными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чувялъ онъ другимъ, высшимъ чутьемъ, что не умерла Италия, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея великій геній, уже въ самомъ началѣ завязавшій въ груди ея судьбу Европы, внесшій крестъ въ европейскіе темные лѣса, захватившій гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго чловѣка, закипѣвшій здѣсь впервые всемірной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданскихъ пружинъ, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи и, когда уже политическое вліяніе Италия стало исчезать, развернувшійся надъ міромъ торжественными дивами — искусствами, подарившими чловѣку невѣдомыя наслажденія и божественныя чувства, которыя дотолѣ не подымались изъ лона души его. Когда же и вѣкъ искусства сокрылся и къ нему охладѣли погруженные въ расчеты люди, онъ вѣетъ и разносится надъ міромъ въ завывающихъ вопляхъ музыки, и на берегахъ Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ

Алжира и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ, островахъ гремятъ восторженные плески звонкимъ пѣвцамъ. Наконецъ, самой ветхостью и разрушеньемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мѣрѣ; эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собраніе отжившихъ мировъ, и прелесть соединенья ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой—все существуетъ для того, чтобы будить мѣрѣ, чтобы жителю Сѣвера, какъ сѣвозъ сонъ, представлялся иногда этотъ Югъ, чтобы мечта о немъ вырывала его изъ среды холодной жизни, преданной занятіямъ, очерствяющимъ душу, — вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему неожиданно уносящею вдаль перспективой, коллизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха, — чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человекомъ...

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеньемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, лучшаго будущаго, которое вѣчно готовитъ міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріалъ, еще непочатый. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи: отжѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы да аристократическіе дома, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образованье и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что-то младенчески-благородное. Эта гордость римскимъ именемъ, вслѣдствіе которой часть города, считаая себя потомками древнихъ квинтовъ, никогда не вступала въ брачные союзы съ другими; эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру (никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра; онъ или добрый, или злой, или расточитель, или скрыга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ и не смѣшались, какъ у образованнаго человѣка, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ понемногу подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма); эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги, замашка сильныхъ народовъ, — все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ: вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшить народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ; онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его насилу удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накошено имъ въ продолженіе года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли; все усадить онъ на одинъ нарядъ; одѣнется панцомъ, женщиной, поэтомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи и слушающему и неслушающему, — и веселость эта обнимаетъ, какъ вихрь, всѣхъ, отъ сорокалѣтняго до мальчишки: послѣдній бобыль, которому не во что одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжить туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмель дѣйствуетъ: тотъ же самый народъ освѣщаетъ пьянаго, если встрѣтить его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣшность въ его картинѣ; онъ видѣлъ, какъ выражалось неволью это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ; какъ въ Дженсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обрабались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры,

кардинальскіе гербы, портрѣтъ папы, вензеля, птицы, звѣри и арабески; какъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія продавцы съѣстныхъ припасовъ, *пиццакаролы*, убирали свои лавочки: свинные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, лимоны и листья обращались въ мозаику и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другія сыровы, дожаясь одиной на другой, становились въ колонны; изъ сальныхъ свѣчей составлялась бахрома мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннія стѣны; изъ сала, бѣлаго какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христіанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя; вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сіяя позлащенными звѣздами, искусно освѣщаясь развѣшанными шваляками и отражая зеркалаи безконечныя кучи яницъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пиццакароле дѣлалъ это не изъ-за какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ, народъ, въ которомъ живетъ чувство собственнаго достоинства: здѣсь онъ иі *popolo*, а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала временъ первоначальныхъ квинитовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй, — наѣзды, порождающіе по трактиражъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая негѣпость правительственныхъ постановленій, эта безсвязная куча всякихъ законовъ, возникшихъ во всѣ времена и отношенія и не упитоженныхъ понинѣ, между которыми даже есть эдикты времени древней римской республики, — все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народѣ. Онъ порицаетъ несправедливаго притязателя, осмыслываетъ гробъ покойника и впригася великодушно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительныя, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдѣлать религію отъ лицемерныхъ исполнителей и не заразился холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность, неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ веселъ и переноситъ все, и только въ романахъ да повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатого, для котораго какъ будто бы готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное правительство, этотъ странный удѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобы никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего-то умершаго; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительнаго, проникающаго чувства, которымъ объемлется невольнo человекъ, созерцающій памятники заживо умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойствіе. И всякій разъ, соображая все это, князь предавался невольнo размышленіямъ и сталъ подозрѣвать какое-то таинственное значеніе въ словѣ «вѣчный Римъ».

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ остеріяхъ, куда не заходитъ иностранецъ, гдѣ римскій *povile* садится иногда

рядомъ съ Миненте, и общество скидаетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркіе дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда фамиліями и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, *far allegria*. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшиваясь охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравомыслію и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и празднествъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима и вдругъ показывается несмѣтное множество дотолѣ неподозрѣваемыхъ красавиць,—красавиць, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полныя взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячъ разныхъ образовъ поднятые на голову или опрокинутые назадъ, картинно пронзенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка—вездѣ черты и намеи на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть граціозныхъ женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданіямъ въ Италиі: онѣ или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразныя; середины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ. Онъ ими наслаждался; какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбывшимися изъ ряду другихъ и насылавшими свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденіямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ,—чувство, которое вызвало изъ душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, поднимающія демократическій бунтъ противъ высокаго единодержавія души: онъ увидѣлъ Аннунціату. И вотъ, такимъ образомъ, мы добрались, наконецъ, до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей повѣсти.

Это было во время карнавала.

— Сегодня я не пойду на Корсо, — сказалъ принципъ своему *maestro di casa*, выходя изъ дому: — мнѣ надоѣдаетъ карнавалъ; мнѣ лучше нравятся лѣтніе праздники и церемоніи...

— Но развѣ это карнавалъ? — сказалъ старикъ: — это карнавалъ ребяты. Я помню карнавалъ: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали цѣлыя группы, исторіи; когда народъ — князь понимаетъ — весь народъ, всѣ, всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ *nobili*, всѣ, всѣ, всѣ... о *quanta allegria!* Вотъ когда былъ карнавалъ, такъ карнавалъ! А теперь что за карнавалъ? Э!.. — сказалъ старикъ и пожалъ плечами; потомъ опять сказалъ: — э! — и пожалъ плечами, и потомъ уже произнесъ: — Е *una rochegria*. — Затѣмъ *maestro di casa*, въ душевномъ порывѣ, сдѣлалъ необыкновенно сильный жестъ рукою, но утишился, увидѣвъ, что князь давно предъ нимъ не было: онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнавалѣ, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо и, забросившись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только продрался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже пототчевали его сверху мукой; пестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей Коломбиною; «конфетти» и пучки цвѣтовъ полетѣли ему въ глаза; съ двухъ сторонъ стали ему жужжать въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавшій ему длинную лекцію о томъ, что у него находится въ желудочной кишкѣ. Пробраться между нихъ не было силъ, потому что народная толпа возросла, цѣль

экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Внимание толпы заняло какой-то смѣльчакъ, шагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на-смерть о мостовую. Но объ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ на плечахъ чучелу великана, придерживая ее одной рукою, неся въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажнаго змѣя, и крича во весь голосъ: «Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda. (Вотъ умершій великій поэтъ! Вотъ его сонетъ съ хвостомъ!)¹⁾. Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ, вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ поэтомъ; цѣпь экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хотъ народное движеніе сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и остолбенѣлъ: предъ нимъ стояла неслышанная красавица. Она была въ сіяющемъ альбанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были предъ ней — какъ ночь предъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, что разсыпалось и блещетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блестящими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣядохнуть. Предъ ея ногами показались бы щепками ноги англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй; одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтись, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій и невѣрующій упали бы предъ ней, какъ предъ внезапнымъ явленіемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько его тамъ ни было, заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невѣльное изумленіе на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденіемъ и повторяли: «O, bella!»; какъ все, что ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманіе къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слушающая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно, родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было разспрашивать у стоявшихъ подлѣ него, кто была такая чудная красавица и откуда, но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатіе плечьми, сопровождаемое жестомъ, и слова: «Не знаю; должно-быть, иностранка»²⁾. Недвижный, притаивъ дыханье, онъ поглощалъ ее глазами. Красавица, наконецъ, навела на него свои полныя очи, но тутъ же смугилась и отвела ихъ въ другую сторону. Его пробудилъ крикъ: передъ нимъ остановилась громадная телѣга. Толпа

1) Въ итальянской поэзіи существуетъ родъ стихотворенія, названнаго подъ именемъ *сонета съ хвостомъ* (son la coda) — когда мысль не вмѣстилась и ведетъ за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самого сонета.

2) Римляне всѣхъ, кто не живетъ въ Римѣ, называютъ иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города.

находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, назвавъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: «у, у, у!..» И въ одну минуту съ ногъ до головы былъ онъ обсыпанъ бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его сосѣдей. Весь бѣлый, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покаместъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться, уже только полтора часа оставалось до *Ave Maria*. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотрѣть оттуда не перестававшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телѣгу, полную мужчинъ въ курткахъ, и сіяющихъ женщинъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телѣга, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были убраны гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Свергающимъ смѣхомъ озарилось ея лицо. Телѣга быстро промчалась при кликахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ея; но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страшилищной величины скрипку. Одинъ человѣкъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, иди сбоку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скрипка, вѣроятно, стоила большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шелъ исполнскій барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкалъ извѣстный въ Римѣ своей толщиною пицкароло, неся клистирную трубку вышиною съ колокольню. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за телѣгой глупо и поздно, и притомъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понеслась она. Онъ не могъ, однакоже, отказатьсь отъ мысли искать ее. Въ воображеніи его порхалъ этотъ сіяющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. «Это блескъ молніи, а не женщина!» повторялъ онъ въ себѣ и въ то же время съ гордостью прибавлялъ: «Она римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непременно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не свѣтъ, чтобы любить ее, — нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы. Не цѣловать ее, — хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? Вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно въ своемъ сердцѣ. Если бы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустыню, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великолѣпный храмъ строить архитекторъ въ тѣсномъ переулкѣ? Нѣтъ, онъ ставитъ его на открытой площади, чтобы человѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и подивиться ему. Развѣ для того зажженъ свѣтильникъ, — сказалъ Божественный Учитель, — чтобы скрывать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтильникъ зажженъ для того, чтобы стоять на столѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть непременно». Такъ разсуждалъ князь и потомъ долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства, какъ достигнуть этого; наконецъ, какъ казалось, остановился на одномъ и отправился тутъ же, нимало не медля, въ одну изъ тѣхъ отдаленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ нѣтъ даже

кардинальскаго дворца съ выставленными расписными гербами на деревянныхъ овальныхъ щитахъ, гдѣ виденъ нумеръ надъ каждымъ окномъ и дверью тѣснаго домишка, гдѣ идетъ горбомъ выпученная мостовая, куда изъ иностранцевъ заглядываетъ только развѣ пройдоха нѣмецкій художникъ съ походнымъ стуломъ и красками, да козелъ, отставшій отъ проходящаго стада и остановившійся посмотреть съ изумленіемъ, что за улица, имъ никогда не виданная. Тутъ раздастся звонко лепетъ римлянотъ: со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ оконъ несутся рѣчи и переговоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ незамѣтно вовсе. Едва только блеснетъ утро, уже открываетъ окно и высовывается сьора Сусанна; потомъ изъ другого выказывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Нанна; потомъ выѣзжаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ, сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, виданьемъ на полъ и словами: «*che bestia!*» Тутъ все живо, все кипитъ: летитъ изъ окна башмакъ съ ноги въ шалунасына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовой ребенокъ, принялся его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значать рога. Тутъ ничего не было неизвѣстнаго: все извѣстно. Сьоры все знали, что ни есть: какой сьора Джудита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаруччи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Изрѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоящій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій необходимою, услыша о капуцинѣ, прибавить короткую фразу: «*всѣ мошенники!*» послѣ чего продолжалъ снова пускать себѣ подъ носъ дымъ. Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ только одной двухколесной трясушки, запряженной муломъ, привезшимъ хлѣбнику муку, и соннаго осла, едва дотащившаго перекидную корзину съ бродолями, несмотря на всѣ поуканья мальчишекъ, убогающихъ камнями его нещекотливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, кромѣ лавчонки, гдѣ продаются хлѣбъ и веревки, съ стеклянными бутылками, да темнаго узенькаго кафе, находящагося въ самомъ углу улицы, откуда виденъ былъ безпрестанно выходившій боттега, разносившій сьорамъ кофе или шоколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ маленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ именемъ Авроры. Дома тутъ принадлежали двумъ, тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ только пожизненное право, другой владѣетъ однимъ этажомъ и имѣетъ право пользоваться съ него доходомъ только два года, послѣ чего, вслѣдствіе завѣщанія, этажъ долженъ былъ перейти отъ него къ раде Vincenzo на десять лѣтъ, у котораго, однакоже, хочеть оттягать его какой-то родственникъ прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже благовоременно затѣявшій процессъ. Были и такіе владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да полагая съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое, впрочемъ, вовсе не платилъ неисправный жилецъ, — словомъ, предметъ неистощимый тяжбъ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ, наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, честныя полными именами, такъ и второстепенныя, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты, Тутты, Нанны, болѣею частью ничѣмъ не занимались: онѣ были супруги—адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгоша, носильщика,

факина, а чаще всего незанятого гражданина, умѣвшаго только красиво драпироваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ сьоръ служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ — не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была тише обыкновеннаго, потому что нѣкоторые отправились въ народную толпу на Борсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домища, которая вся была выверчена дырами, такъ что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключомъ, покамѣстъ попадетъ въ настоящую. Уже готовъ онъ былъ взятъ за кольцо, какъ вдругъ услышалъ слова: «Сьоръ принчипе хочеть видѣть Пеппе?» Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сьора Тутта.

— Экая крикунья! — сказала изъ супротивнаго окна сьора Сусанна. — Принчипе, можетъ-быть, совсѣмъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе.

— Конечно, съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не правда ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не такъ ли, князь? Чтобы увидѣть Пеппе?

— Какой Пеппе, какой Пеппе! — продолжала съ жестомъ обѣими руками сьора Сусанна: — князь сталъ бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала: князь поѣдетъ вмѣстѣ съ своей куджиной, маркезой Монтели, поѣдетъ съ друзьями въ каретѣ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ *far allegria*. Какой Пеппе! какой Пеппе!

Князь изумился такимъ подробностямъ о своемъ препровожденіи времени, но изумляться ему было нечего, потому что сьора Сусанна знала все.

— Нѣтъ, мои любезныя сьоры, — сказалъ князь: — мнѣ, точно, нужно видѣть Пеппе.

На это дала отвѣтъ князю уже сьора Грація, которая давно высунулась изъ окошка второго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощелкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ, — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянокъ — и потомъ прибавила:

— Нѣтъ дома.

— Но, можетъ-быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушелъ?

— Э, куда ушелъ! — повторила сьора Грація, приклонивъ голову къ плечу: — статься можетъ — въ остеріи, на площади, у фонтана: вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушелъ: *chi lo sa!* (кто его знаетъ)!

— Если хочеть принчипе что-нибудь сказать ему, — подхватила изъ супротивнаго окна Барбаручья, вдѣвая въ то же время серьгу въ свое ухо: — пусть скажетъ мнѣ: я ему передамъ.

«Ну, нѣтъ», — подумалъ князь и поблагодарилъ за такую готовность.

Въ это время выглянулъ изъ перекрестнаго переулка огромный запачканный носъ и, какъ большой топоръ, повиснулъ надъ показавшимися вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

— Вотъ Пеппе! — вскрикнула сьора Сусанна.

— Вотъ идетъ Пеппе, *signe principe!* — вскрикнула живо изъ своего окна сьора Грація.

— Идетъ, идетъ Пеппе! — зазвенѣла изъ самаго угла улицы сьора Чичилия.

— Принчипе, принчипе, вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (*ecco Pèppe! ecco Pèppe!*) — кричали на улицѣ ребяташки.

— Вижу, вижу, — сказалъ князь, оглушенный такимъ живымъ крикомъ.

— Вотъ я, *eccellenza!* вотъ! — сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь сбоку хватилло сильно мукою: весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно,

шляпа изломана, и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчательнѣе потому, что всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамилии, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домашка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человекъ тоже вродѣ самого Пеппе, хотя и назывался *signor Джіованни*, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то-есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугою у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студии какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ скюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнушемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто вовсе безынтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментныя книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны и башмаки для почистики къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ отъ излишняго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то-есть, на завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой номеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначашее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случилось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянъ, онъ тотъ же часъ справлялся въ гадательной книгѣ, за какимъ номеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ же взять въ лотереѣ. Приснился ему однажды сонъ, что сатана, — который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны, — что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку *tre Ladroni*, потомъ по *via della Stamperia*, и остановился, наконецъ, у самой *Trinita* на лѣстницѣ, приговаривая: «Вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ». Сонъ этотъ произвелъ большіе толки между сьорой Чечиліей, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрѣшилъ его по-своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значить 13 номеръ, носъ 24, святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три номера. Потомъ сложилъ всѣ три номера — вышелъ 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре номера, по обыкновенью, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римляниномъ, сьоромъ Рафаэлемъ Томачели. За что они поссорились, — Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильныя жесты руками, и, наконецъ, оба поблѣднѣли — признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ всѣ

женщины и проходящій пѣшеходъ отсторонивается подальше, — признавъ, что дѣло доходить, наконецъ, до ножей. И точно, толстый Томачели запустилъ уже руку за ременное голенище, обтягивающее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда ножъ, и сказалъ: «Погоди ты, вотъ я тебя, телячья голова!» какъ вдругъ Пеппе ударилъ себя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни разу не взялъ билета; отыскавъ нумеръ телячьей головы и побѣжалъ бѣгомъ въ лотерейную контору, такъ что всѣ, приготовившіеся смотрѣть кровавую сцену, изумились такому нежданному поступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши обратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что ему дѣлать, и, наконецъ, сказалъ: «Che uomo curioso!» (какой странный человѣкъ!) Что билеты лопались и пропадали, этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что будетъ богачомъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда, что стоитъ всякая вещь. Одинъ разъ, узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и когда стали надъ нимъ смѣяться знавшіе его, онъ отвѣчалъ очень простодушно: «Но къ чему смѣяться? къ чему смѣяться? Я вѣдь не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со временемъ, когда будутъ деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого... Всякій долженъ приобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи... chi lo sa!» Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, былъ даже когда-то взятъ отцомъ его въ домъ въ качествѣ официанта, и тогда же прогнанъ за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно толкнувъ его локтемъ.

— Послушай, Пеппе! — сказалъ князь.

— Что хочеть приказать есселенза?—говорилъ Пеппе, стоя съ открытою головою: — князю стоить только сказать «Пеппе!» а я: «вотъ я!» Потомъ князь пусть только скажетъ: «Слушай, Пеппе», а я: «ессо те, есселенза!»

— Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую услугу... — При сихъ словахъ князь взглянулъ вокругъ себя и увидѣлъ, что всѣ сьоры Граціи, сьоры Сусанны, Барбаруччи, Тетты, Тутты, — всѣ, сколько ихъ ни было, выставились любопытно изъ окна, а бѣдная сьора Чечилія чуть не вывалилась вовсе на улицу.

«Ну, дѣло плохо!» — подумалъ князь.

— Пойдемъ, Пеппе, ступай за мною!

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе, потупивъ голову и разговаривая самъ съ собою: «Э! женщины, потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны».

Долго шли они изъ улицы въ улицу, погрузясь каждый въ свои соображенія. Пеппе думалъ вотъ о чемъ: «Князь дастъ, вѣрно, какое-нибудь порученіе, можетъ-быть, важное, потому что не хочеть сказать при всѣхъ; стало-быть, дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ денегъ, что съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сьору Сервиліо, содержателю кафе, которому онъ давно долженъ? потому что сьоръ Сервиліо на первой же недѣлѣ поста непременно потребуеть съ него денегъ, потому что сьоръ Сервиліо усадилъ всѣ деньги на чудовищную скрышку, которую собственноручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобъ проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ, — теперь, вѣроятно, сьоръ Сервиліо долго будетъ ѣсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни брокколи, варенные въ водѣ, пока не набереть вновь денегъ за кофе. Или же не платить сьору Сервиліо, да вмѣсто того позвать его обѣдать въ остерію? потому что сьоръ Сервиліо — il vero Romano, и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ; а лотерея непременно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ образомъ до того

времени уберечь деньги? какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо, ни мастеръ Петруччо, точилщикъ, которые непременно попросятъ у него займы? потому что Джакомо заложилъ въ Гету жидамъ все свое платье, а мастеръ Петруччо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, наряжая женщиною... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ займы?» Вотъ о чемъ думалъ Пеппе.

Князь думалъ вотъ о чемъ: «Пеппе можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живетъ, и откуда, и кто такая красавица. Во-первыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше, нежели всякій другой, можетъ встрѣтить въ толпѣ друзей, можетъ чрезъ нихъ развѣдать, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчасъ болтунъ и разсѣянная голова, но, если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранитъ все втайнѣ».

Такъ думалъ князь, идя изъ улицы въ улицу, и, наконецъ, остановился, увидѣвши, что уже давно перешелъ мостъ, давно уже былъ въ Транстеверской сторонѣ Рима, давно взбирается на гору, и недалеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ взомель на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, оборотившись къ Пеппе:

— Слушай, Пеппе: я отъ тебя потребую одной услуги.

— Чтò хочетъ есселенза? — сказалъ опять Пеппе.

Но здѣсь князь взглянулъ на Римъ и остановился: предъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая гряда домовъ, церквей, куполовъ, острокопечій сильно освѣщена была блескомъ понизившагося солнца. Группами и поодинокѣ одинъ изъ-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушныя террасы и галереи; тамъ пестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ темный дворецъ; тамъ плоскій куполь Пантеона; тамъ убранная верхушка Антониновской колонны съ капителю и статуей апостола Павла; еще правѣ возносили верхи капитолійскія зданія съ конями, статуями; еще правѣ надъ блещущей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина коллизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ виллъ Людовизи, Медичисъ, и цѣлымъ стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиннъ, поднятыя тонкими стволами. И потомъ, во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятаы какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанія всѣхъ плановъ этой картины! Воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая черточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза — все вызначалось въ не постижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушечный выстрѣлъ и отдаленный слившійся крикъ народной толпы — знакъ, что уже пробѣжали кони безъ сѣдоковъ, завершающіе день карнавала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, чтò ни есть на свѣтѣ.

КОМЕДИИ.

КОМЕДИИ.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.

Жена его.

Аммосъ Федоровичъ Ляпкинь-Тяпкинь, судья.

Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.

Петръ Ивановичъ Добчинскій,
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, } городскіе помѣщики.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.

Федоръ Андреевичъ Люлюковъ,
Иванъ Лазаревичъ Раетаковскій,
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, } отставные чиновники, почетныя
лица въ городѣ.

Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.

Свистуновъ,
Пуговицынъ,
Держиморда, } полицейскіе.

Абдулинъ, купецъ.

Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.

Жена унтеръ-офицера.

Мишка, слуга городничаго.

Слуга трактирный.

Гости и гостыи, кушцы, мѣшане, прогителіи.

Характеры и костюмы.

ЗАМѢЧАНІЯ ДЛЯ ГОСПОДЪ АКТЕРОВЪ.

Городничій. Уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый по своему человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезень, нѣсколько даже резонеръ; говорить ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокоумію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженные, съ просѣдью.

Анна Андреевна. Жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполнину на романахъ и альбомахъ, вполнину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ. Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говорить и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постоянного вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ. Слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говорить серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любить себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровень, въ разговорѣ съ баринкомъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій. Оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брющками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестиами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Дяпкинъ - Тяпкинъ. Судья, человекъ, прочитавшій пять или шесть книгъ и потому нѣсколько вольнодумецъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсь. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говорить басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника. Попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человекъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ. Простодушный, до наивности, человекъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна переменить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

Я В Л Е Н І Е I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммось Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммось Ѳедоровичъ. Вотъ-те-на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы¹⁾. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: — «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель — *(бормочеть вполголоса, пробная скоро глазами)* — «и увѣдомить тебя...» А! вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человекъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» — *(остановясь)* ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...» — Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень

¹⁾ Въ первомъ изданіи „Ревизора“ (мартъ 1836 г.) начало его читалось такъ:

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ, съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммось Ѳедоровичъ. Что вы говорите! изъ Петербурга?

Артемій Филипповичъ *(съ испугъ)*. Съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ *(съ испугъ)*. Инкогнито?

Городничій. Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Дальше, какъ въ текстѣ.

потолстъль и все играет на скрипкѣ...» — и прочее и прочее... Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммось Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій. Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммось Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значить вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человекъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммось Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаеъ на усъ.

Городничій. Мотаеъ или не мотаеъ, а я васъ, господа, предупѣдомилъ, — смотрите. По своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственные вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Нехорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человекъ простой: если умереть, то и такъ умереть; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ. *Издастъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е.*

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ погами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завести его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммось Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того; дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шапомъ съ бумагами охотничій арашникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже нехорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ; можно ему посоветовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

А ммось Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтерянцы напрасно противъ этого говорятъ.

А ммось Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это всѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками, или чѣмъ другимъ, все взятки.

А ммось Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругъ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

А ммось Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его всѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда; это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукничъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на кафедру, не сдѣлать гримасу вотъ такъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукничъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ

классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству¹⁾).

Городничій. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покаместъ говорилъ объ ассирянахъ и вавилонянахъ еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей-Богу! Сбѣжалъ съ кафедръ и, что силы есть, хватъ стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? — отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... говорить: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничій. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судьбы: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую соорудитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто, — скажете, — здѣсь судья?» — «Ляпкинъ-Тяпкинъ». — «А подать сюда Ляпина-Тяпина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» — Вотъ что худо!

Я В Л Е Н І Е П.

Тъ жѣ « почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? — война съ турками будетъ.

Аммось Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадить.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей-Богу, если и взялъ съ инога, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*береть его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ

1) Въмѣсто этой реплики Луки Лукича въ изданіи 1836 г. стоитъ:

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, такъ немножко распечатать и прочесть: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать¹⁾; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это пренеприятное чтеніе. Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ!»

Городничій. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ другу, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ, — говоритъ, — въ эмпирияхъ²⁾: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публично что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! а я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчевать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Батюшка, не мило мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и шашть...³⁾.

Я В Л Е Н І Е III.

Тъ же, Добчинскій и Бобчинскій (оба вглядываясь вѣдвѣсившись).

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

¹⁾ Въ изданіи 1836 г. послѣ этихъ словъ стоитъ: „Для этого снять какъ-нибудь изъ глянцъ слѣпокъ“.

²⁾ Вмѣсто этихъ словъ въ изданіи 1836 г. „Я провожу время съ крайнимъ удовольствіемъ, барышень много“ и т. д.

³⁾ **Городничій.** Вотъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ухахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ... (Изд. 1836 г.).

В с ъ . Что, что такое?

Д о б ч и н с к і й . Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Б о б ч и н с к і й (*перебивая*). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Д о б ч и н с к і й . Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я расскажу.

Б о б ч и н с к і й . Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слова такого не имѣете...

Д о б ч и н с к і й . А вы собѣетесь и не припомните всего.

Б о б ч и н с к і й . Припомню, ей-Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я расскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Г о р о д н и ч і й . Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. (*Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что, что такое?

Б о б ч и н с к і й . Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ, пожалуйста, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ! Такъ я, вотъ, изволила видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Д о б ч и н с к і й (*перебивая*). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги...

Б о б ч и н с к і й . Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая не знаю зачѣмъ-то была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Д о б ч и н с к і й (*перебивая*). За боченкомъ для французской водки.

Б о б ч и н с к і й (*отводя его руки*). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ.. эного... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ,—говорить,—въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...» да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ,—говорить,—привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Д о б ч и н с к і й (*перебивая*). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Б о б ч и н с к і й . Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ. ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физиономія... по-ступки, и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не проста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчишъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ... Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто,—говорить,—этотъ молодой человѣкъ?» А Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это,—говорить...» Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте. вы не расскажете, ей-Богу, не расскажете: вы пришептываете, у васъ, я

знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это, — говоритъ, — молодой человекъ, чиновникъ», да-съ; «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи, — говорятъ, — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ, — говоритъ, — въ Саратовскую губернію и, — говоритъ, — престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ слыше и вразумило: «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: «э!»

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э! — сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. — А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?» — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить noticia, — ревизоръ.

Городничій (*въ страхъ*). Что вы, Господь съ вами! Это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же бѣ быть, какъ не ему? И дорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ¹⁾! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Приѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! (*Въ сторону*). Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодики! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! (*Хватается за голову*).

Артемій Филипповичъ. Что жъ, Антонъ Антоновичъ? — ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммось Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ «Дѣянія Іоанна Масона...»

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось.

¹⁾ Э! — сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, — съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ, Богъ знаетъ, куда: въ Саратовскую губернію! Это, вѣрно, не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

Городничій. Что вы говорите! Не можетъ быть. (*Придвигаетъ поближе стулъ*). Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось: — это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ? и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бѣ быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана дорожная въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши тарелки, полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій. Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ! (Изд. 1836 г.).

Богъ вынесетъ и теперь. (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше! молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой—весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или вотъ хотя съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе неприятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно скорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бѣжитъ впопыхахъ*).

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда¹⁾.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габерь-супъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшить, что въ ней правда и что неправда. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ*).

Я В Л Е Н І Е IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоять.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, стой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій (*хватаясь за голову*). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

¹⁾бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ все въ исправности. Артемій Филипповичъ. Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и пр.*). (Изд. 1836 г.).

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожжахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожжами. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій (*принимая шпату, къ квартальному*). Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ, шпата какъ испаралась! Проклятый купчишка Абдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпата, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ... Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вывели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вывели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя! ты тамъ кумаешься да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо остро!.. что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черныевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штучку. Смотри! не по чину берешь! Стулай!

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степень Ильичъ! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! (*Вздыхаетъ*). Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всѣмъ довольны, ваше благородіе», а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. (*Беретъ вмѣсто шпаты футляръ*). Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на

каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ёдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бу-мажный фуляръ)*.

Ч А С Т Н Ы Й П Р И С Т А В Ъ. Анто́нъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Г о р о д н и ч і й *(бросая коробку)*. Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведе-ніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставить фонари подъ гла-зами — и правому и виноватому. Ёдемъ, ёдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается)*. Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрян-ная гарнизана надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *(вбѣгаютъ на сцену)*.

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь)*. Мужъ! Антоша! Анто́нъ! *(Говоритъ скоро)*. А все ты, а все за тобой. И пошла копать: «Я булабочку, я косынку». *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ)*. Анто́нъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Г о л о с ъ г о р о д н и ч а г о. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ полковникъ? А? *(Съ пренебреже-ніемъ)*. Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, по-годите, зашила сзади косынку; я сейчасъ». Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почт-мейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

М а р ь я А н т о н о в н а. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ. Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать. *(Сѣвшивается въ окно)*. Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ шелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна)*.

Д Ъ Й С Т В І Е . В Т О Р О Е .

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Я В Л Е Н І Е I.

Осипъ (лежитъ на баѣской постели).

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ, и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (*Дразнитъ его*). «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучший: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучший обѣдъ». Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатахъ да ѣшь пироги. Ну, кто жъ спорить, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: келятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступить; пойдешь на Шугинъ — купцы тебѣ кричатъ: «Почтенный!» на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ расскажетъ про лагеря и объявитъ, что всякая звѣзда значить на небѣ, такъ вотъ какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ, горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (*Усмѣхается и трясетъ головою*). Галантерейное, чортъ возьми, обхождение! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякій тебѣ говорить *вы*. Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виновать. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и, куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ келятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь — и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ что на немъ всего останется сюртучишка да шинелишка... Ей-Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтора ста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынокѣ спустить рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ничо чемъ идти. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается. Въсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играть. Эхъ, если бъ узнать это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теиерь трактирщикъ сказалъ, что

не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ)*. Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ! Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели)*.

Я В Л Е Н І Е П.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими это *(отдаетъ фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ)*. Посмотри, тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ *(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ, говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ)*. Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ *(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ)*. Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ *(голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ)*. Внизъ въ буфетъ... тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говорить, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говорить, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говорить, этикихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говорить: «Этакъ всякій прїѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я, — говорить, — шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобы на съѣзжую да въ тюрьму».

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяина? ты поди, самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ).

Я В Л Е Н І Е III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли апшегить, — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не дають въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка“, а наконецъ, — ни се, ни то).* Никто не хочетъ идти.

Я В Л Е Н І Е IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаковъ. Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ, хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобъ поскорѣе, — видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что ужъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отошкать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутилъ это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: «Я ему обѣдать не дамъ, покажьсть онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее». Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Я В Л Е Н І Е V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать,

да прѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, прѣхать домой въ каретѣ, подкатить этапнымъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всё переполошились! «Кто такой, чтѣ такое?» А лакей входитъ (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, чтѣ такое значить «прикажете принять». Къ нимъ если прѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валить, медвѣдь, прямо въ гостиную... Къ дочекѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» (*потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой*). Тьфу! (*пюетъ*). Даже тошнить, такъ ѣсть хочется.

Я В Л Е Н І Е VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ объѣдъ.

Хлестаковъ (*прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга (*съ тарелками и салфеткой*). Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Чтѣ тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: чтѣ это, въ самомъ дѣлѣ, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говорить, что еще много.

Хлестаковъ. А соусу почему нѣтъ?

Слуга. Соусу нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человекъ ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты свѣрный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Шамкаетъ супъ и пстѣ*). Чтѣ это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ (*защищая рукою кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (*Бѣтъ*). Боже мой, какой супъ! (*Продолжаетъ ѣсть*). Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Рѣжетъ курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Рѣжетъ жаркое*). Чтѣ это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да чтѣ жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, чтѣ такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (*Бѣтъ*). Мошенники, каналы! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ зубакъ*). Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой*). Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Каналы! Подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.

Я В Л Е Н І Е VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ (*входитъ*). Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ (*испугавшись*). Вотъ тебѣ на! Эка bestія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Чтѣ, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Чтѣ жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да чтѣ онъ? какъ онъ смѣетъ, въ самомъ дѣлѣ? Чтѣ я ему, развѣ купецъ, или ремесленникъ? (*Бодрится и выпрямляется*). Да я ему прямо скажу: «Какъ вы смѣете? Какъ вы...» (*У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и сжигивается*).

Я В Л Е Н І Е VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(*Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, вытучивъ глаза*).

Городничій (*немного оправившись и протянувъ руки по швамъ*). Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (*кланяется*). Мое почтеніе!..

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій.

Хлестаковъ (сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко). Да что жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ — онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня морить голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я... Вотъ новость!

Городничій (робѣя). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ Холмогорскіе купцы, люди и трезвые, и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значить на другую квартиру: то есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ... (Бодрится). Я, я, я...

Городничій (въ сторону). О, Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (храбрясь). Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой — не пойду. Я прямо къ министру! (Стучитъ кулакомъ по столу). Что вы? что вы? ¹⁾

Городничій (вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ). Помилуйте, не погубите! жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугъ прячется). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (дрожа). По неопытности, ей-Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей-Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (Въ размышленіи). Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копейки.

Городничій (въ сторону). О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого тумана напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (Вслухъ). Если вы, точно, имѣете нужду

¹⁾купцы.

Хлестаковъ (храбрясь). Да какъ вы смѣете! Меня самъ министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду! Ей-Богу, не пойду, хоть вы со всей своей командой... (Въ сторону). Не поддаваться! право, не поддаваться! и если что-нибудь... то... (Беретъ сладу рукою бутылку). (Изд. 1836 г.).

въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

Городничій (*поднося бумажки*). Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій (*въ сторону*). Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я-таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ*). Позови сюда трактирного слугу! (*Къ городничему и Добчинскому*). А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (*Добчинскому*). Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (*Добчинскому*). Садитесь! (*Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прищипывается*).

Городничій (*въ сторону*). Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитою. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (*Вслухъ*). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошей приемъ, — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое приятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (*въ сторону*). Да, рассказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (*Вслухъ*). Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій (*въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе*). Въ Саратовскую губернію! А! и не покраснѣть! О, да съ нимъ нужно ухо остро! (*Вслухъ*). Благое дѣло изволили предпринять. Въдь вотъ относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны, неприятности насчетъ задержки лошадей, а въдь, съ другой стороны, развлеченье для ума. Въдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владимира въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій (*въ сторону*). Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика отца припелелъ! (*Вслухъ*). И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Въдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнь, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить

безъ Петербурга. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій (*съ стороны*). Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется? А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговорился. Я тебя ужъ заставлю побольше разказать! (*Вслушъ*). Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. (*Ожидываетъ глазами комнату*). Кажется, эта комната нѣсколько сыра? ¹⁾

Хлестаковъ. Свѣрная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки, кусаютъ ²⁾.

Городничій. Скажите, какой просвѣщенный гость, и терпите отъ кого же? — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ? ³⁾

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно ⁴⁾.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостойнъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! недостойнъ, недостойнъ!

Хлестаковъ. Да что жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнуть... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь — ей-Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже — я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность ⁵⁾.

¹⁾ Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Городничій (*съ стороны*). Батюшка требуетъ... А? Экія пули отлиываетъ! А вѣдь какой маленькій... (*Вслушъ*). И на долгое время извольте ѣхать туда?

Хлестаковъ. Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ, отставку подалъ.

Городничій (*съ стороны*). И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! (*Вслушъ*). И прекрасно дѣлаете. Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ. (*Ожидываетъ глазами комнату*). Какія большія пятна по угламъ! Должно-быть, течь и сырость бываетъ; и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна. (Изд. 1836 г.).

²⁾ Изд. 1836 г.: такъ, какъ собаки, каналы кусаютъ.

³⁾ Изд. 1836 г.: мнѣ кажется, сколько на мои слабые глаза или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

⁴⁾ Изд. 1836 г.: „не можно, потому что вовсе темно“.

⁵⁾ Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наибольшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ-быть, я даже не достоинъ.

Я В Л Е Н І Е IX.

Тъ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь*).

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давеча подаю вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить объѣдъ, а на другой день только загусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Дуракъ! еще началъ высчитывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте беспокоиться, онъ подождетъ. (*Смѣетъ*). Пошелъ вонъ, тебѣ пришло.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. (*Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій*).

Я В Л Е Н І Е X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то — богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (*Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь*).

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, отсюда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть въ домѣ для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ (*съ размышленіемъ*). Какъ, то-есть, къ вамъ?.. Да у васъ какая комната?

Городничій. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть — хоть не столичный, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактиръ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостеприимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если еще притомъ гость такой просвѣщенный человекъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Поборно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились. (Изд. 1836 г.).

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (*Добчинскому*). Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперѣ нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе, Земляникѣ, а другую женѣ. (*Хлестакову*). Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобы она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?.. А, впрочемъ, тутъ и чернила, только бумаги — не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?..

Городничій. Я здѣсь напишу. (*Пишетъ и въ то же время говоритъ про себя*). А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки-толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видѣ, а слона повалить съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (*Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается*).

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлепка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій (*отъѣзжая Добчинскому укорительный знакъ; Хлестакову*). Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйста! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (*Осину*). Любезнѣйшіи, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (*Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Добчинскому*). Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. (*Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (*стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ*).

Анна Андреевна. Ну, вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся... А все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна прійти (*Всматривается въ окно и вскрикиваетъ*). Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идти? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идти. Кто жъ это идти? Небольшого роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? Это, однакожь, досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. (*Машетъ платкомъ*). Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорять тебѣ — не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь? (*Кричитъ въ окно*). Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? (*Немного отступя отъ окна, съ досадою*). Такой глухой: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не расскажетъ.

Я В Л Е Н І Е П.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагаюсь, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними!.. и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ванчику и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили.

Добчинскій. Ей-Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевести. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, рассказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антогъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? генераль?

Добчинскій. Нѣтъ, не генераль, а не уступить генералу: такое образование и важные поступки-сь.

Анна Андреевна. А, такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу?

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-сь; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все нехорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антогъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говорить, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Расскажите: каковъ онъ собою? что, старъ, или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человекъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. «Извольте, — говоритъ, — я поѣду и туда, и туда...» *(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. «Я, — говоритъ, — и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, — говоритъ, — немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантреть, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ)*. «Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копеекъ...» *(Остонавливается)*. Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать)*. «Но, упоая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что загусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; сжати кушчу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуй, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Севозникъ-Дмухановскій...» Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ кушчу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку. *(Садится къ столу, пишетъ записку и, между тѣмъ, говоритъ)*. Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ кушчу Абдулину и принесть оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ приברי хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставитъ кровать, рукомоиникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотреть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

Я В Л Е Н І Е Ш .

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штука. Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платьѣ съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится; и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ пойдетъ палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое неидеть?

Марья Антоновна. Неидеть; я, что угодно даю, неидеть: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говорить! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трэфовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Постынно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценою).* Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что такое! *(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на плечѣ).*

Я В Л Е Н І Е І V.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжелой.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генераль?

Осипъ. Какой генераль?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? да какой онъ генераль?

Мишка. А развѣ не генераль?

Осипъ. Генераль, да только съ другой стороны.

Мишка. Что жъ, это больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустить.

Осипъ. Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

Я В Л Е Н І Е V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, да еще попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій, съ пистолетомъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга вполыхахъ.

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники заботятся больше о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиномъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Въдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ (*подбѣлая*). Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, немного.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше: а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, — можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, — всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностію и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежить всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... Словомъ, нанумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?... — Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волю, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ (*въ сторону*). Эка, бездѣльникъ, какъ расписывается! Даль же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стихи выкинутся.

Бовчинскій (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій (*въ сторону*). Эге, знаетъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! (*Вслухъ*). Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я карты и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что просто плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоценное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ (въ сторону). А у меня, подлець, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше ужъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно, однакоже... Все зависить отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримеръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда, конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь. Хлестаковъ (*раскланиваясь*). Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ (*рисуеть*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастье; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сию возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привывши жить, *comprenez vous*, въ свѣтѣ, и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если бѣ, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуеть передъ ней*) такъ вознаградилъ за все...¹⁾.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнить съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! Что за жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить по

¹⁾ Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всеми удобствами, и вдругъ, послѣ этого, въ какой-нибудь дорогѣ... не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь: стационарные смотрители чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія... Если бѣ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно (*посматривая на Анну Андреевну*), то я совсѣмъ не нашелся бы. (Изд. 1836 г.).

плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, такая крыса, перомъ только — тр... тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да, думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, — говорить, — сапоги почищу!» (*Городничему*). Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вмѣстѣ. { Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артеміи Филипповичъ, Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте беспокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничій и всѣ садятся*). Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: «Вонъ, — говорятъ, — Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго¹⁾: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говорить мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго»²⁾.

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевилчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, братъ, Пушкинъ?» — «Да такъ, братъ, — отвѣчаетъ, бывало: — такъ какъ-то все...» — Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть приятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говорить: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: — Пожалуй, изволь, братецъ. — И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написалъ³⁾.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же; я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это господина Загоскина сочиненіе.

¹⁾ и ²⁾ турецкаго посланника. (Изд. 1836 г.).

³⁾ Да и въ журналы помѣщаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро... Вотъ и Финелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ по случаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но Театральная Дирекція говорить: пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь. Думаю себѣ: пожалуй, изволь, братецъ! И тутъ же въ одинъ вечеръ написалъ. Да и въ журналы помѣщаю сочиненія: въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и въ „Библиотекѣ для Чтенія“. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все мои“. (Изд. 1836 г.).

Анна Андреевна. Ну, вот: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашу читала, какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко встѣ)*. Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю¹⁾.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпьемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлкѣ прямо на пароходѣ прѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ умирнѣлся, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель»... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоять... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжать тамъ, какъ шмели, только и слышно ж...ж...ж... Иной разъ и министр... *(Городничій и прочіе съ робостью встанутъ съ своихъ стульевъ)*. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало, — нѣтъ, мудрено. Кажется, и легко на видъ, а размотришь — просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказать, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужный списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, — говорю: — такъ и быть, — говорю: — я принимаю, только ужъ у меня ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясеніе — все дрожитъ и трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха²⁾*; Хлестаковъ горячится сильнѣе). О, я шутить не люблю! Я имъ всѣмъ задаю острастку. Меня самъ государственный

¹⁾ Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашу читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, мнѣ (мирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, если бъ такую квартиру нанимать, то нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда. (Изд. 1836 г. стр. 90).

²⁾ *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха)*. Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-кавалеромъ. *(Звѣдетъ во всю лютку)*. О чемъ, бишь, я говорилъ? (Изд. 1836 г. стр. 93).

совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ:— Я самъ себя знаю, самъ. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельд-марш... (*поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтениемъ поддерживается чиновниками*).

Городничій (*подходя и трясясь встѣмъ тѣломъ, силится выговорить*). А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ (*быстрымъ отрывистымъ голосомъ*). Что такое?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. (*Съ декламацией*). Лабарданъ! лабарданъ! (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій*).

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣ же, *кромя Хлестакова и городничаго.*

Бобчинскій (*Добчинскому*). Вотъ это, Петръ Ивановичъ, чело-вѣкъ-то! Воиъ оно, что значить чело-вѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генераль.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станеть; а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, расскажем по-скорѣе Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! (*Оба уходятъ*).

Артемій Филипповичъ (*Лукъ Лукичу*). Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? (*Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ зрителемъ училищъ, произнеся*): Прощайте, сударыня.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку; пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень ^я понравилась: ^я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вот: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала, какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (*Обращаясь ко встѣмъ*). Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю¹⁾.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпьемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлкѣ прямо на пароходѣ прѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ умирисья, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель»... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжать тамъ, какъ шмели, только и слышно ж...ж...ж... Иной разъ и министр... (*Городничій и прочіе съ робостью встанутъ съ своихъ стульевъ*). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало, — нѣтъ, мудрено. Кажется, и легко на видъ, а размотришь — просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказатьсь, но думаю, дойдемъ до государя, ну, да и послужный списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, — говорю: — такъ и быть, — говорю: — я принимаю, только ужъ у меня ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясеніе — все дрожитъ и трясется, какъ листъ. (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха*²⁾); Хлестаковъ горячится сильнѣе). О, я шутить не люблю! Я имъ вѣстѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный

¹⁾ Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, если бъ такую квартиру нанимать, то нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда. (Изд. 1836 г. стр. 90).

²⁾ (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха*). Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-кавалеромъ. (*Звѣаетъ во всю глотку*). О чемъ, бишь, я говорилъ? (Изд. 1836 г. стр. 93).

совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ:—Я самъ себя знаю, самъ. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельд-марш... *(поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтениемъ поддерживается чиновниками).*

Городничій *(подходя и трясясь встѣмъ тѣломъ, силится выговорить)*. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ)*. Что такое?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтрагъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламациею)*. Лабарданъ! лабарданъ! *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій)*.

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человекъ-то! Вонъ оно, что значить человекъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генераль.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станетъ; а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, расскажем поскорѣ Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ)*.

Артемій Филипповичъ *(Лукъ Лукичу)*. Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вѣсть съ зрителемъ училищъ, произнеся)*: Прощайте, сударыня.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку; приемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась: я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вот: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала, какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко встѣмъ)*. Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю¹⁾.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпьемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлкѣ прямо на пароходѣ прѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель»... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжать тамъ, какъ шмели, только и слышно ж...ж...ж... Иной разъ и министр... *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ)*. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало, — нѣтъ, мудрено. Кажется, и легко на видъ, а размотришь — просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказать, но думаю, дойдемъ до государя, ну, да и послужный списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, — говорю: — такъ и быть, — говорю: — я принимаю, только ужъ у меня ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясеніе — все дрожитъ и трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха²⁾*; Хлестаковъ горячится сильнѣе). О, я шутить не люблю! Я имъ всѣмъ задаю острастку. Меня самъ государственный

¹⁾ Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, мнѣ (мирнѣй сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, если бъ такую квартиру навимать, то нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда. (Изд. 1836 г. стр. 90).

²⁾ *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха)*. Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворцѣ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ. *(Звѣкаетъ во всю лютку)*. О чемъ, бишь, я говорилъ? (Изд. 1836 г. стр. 93).

совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ:— Я самъ себя знаю, самъ. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельд-марш... *(поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).*

Городничій *(подходя и трясясь встѣмъ тѣломъ, силится выговорить)*. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ)*. Что такое?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтрагъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламацией)*. Лабарданъ! лабарданъ! *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій)*.

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, чело-вѣкъ-то! Вошь оно, что значить чело-вѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генераль.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станеть; а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, расскажем поскорѣ Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ)*.

Артемій Филипповичъ *(Лукъ Лукичу)*. Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся)*: Прощайте, сударыня.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку; пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень ^я понравилась: ^я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда рассказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А,—говорить себѣ: — дай ужъ посмотрю на нее!»

Я В Л Е Н І Е IX.

Т ѣ ж е и г о р о д н и ч і й.

Городничій (*входитъ на цыпочкахъ*). Чш...ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну, что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? (*Задумывается*). Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши человекъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да въдъ, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь¹⁾. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человека, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтирлюшки! Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ посъкуютъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не беспокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (*посматриваетъ на дочь*).

Городничій (*одино*). Ну, ужъ съ вами говорить!.. эка въ самомъ дѣлѣ окаязія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (*Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь*). Мишка, позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (*Постъ небольшого мочальника*). Чудно все завелось теперь на свѣтѣ²⁾: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку — ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А въдъ долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, въкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человекъ молодой.

¹⁾ Изд. 1836 г.: Городничій. Прилежъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть. — Такъ совсѣмъ ошеломило! (Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человека никогда не видѣлъ. (*Задумывается*). Съ министрами и пр.

²⁾ Въмѣсто всего послѣдующаго въ изд. 1836 г.: „Народъ все тоненькій, поджаристый такой, — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. (Однакожъ, какъ онъ ни скрывался, а наконецъ-таки не выдержалъ и все рассказалъ. Видно, что человекъ молодой“.

Я В Л Е Н І Е X.

Тѣ же и Осипъ. (*Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.*)

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!.. что? что? спить?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій (*женѣ и дочери*). Полно, полно вамъ! (*Осипу*). Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ (*въ сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значить, послѣ еще лучше накормятъ. (*Вслухъ*). Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька, Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій.

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоёмъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну что, другъ, какъ твой баринъ? строгъ? любить такъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любить. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошей человѣкъ. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходить?..

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... (*къ Осипу*). Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлювиковъ на чай.

Осипъ (*принимая деньги*). А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! какой миленькій носишь у твоего барина!

Городничій. Да постоитъ, дайте мнѣ!.. (*Къ Осипу*). А что, другъ, скажи, пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ. Любить онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любить, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было хорошее.

Городничій. Хорошее?

О с и п ъ. Да, хорошее. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотреть, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей-Богу. Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородіе!» — «Э, — говорить, — это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты, — говорить, — напомни мнѣ, какъ пріѣду». — «А, — думаю себѣ (*махнувъ рукою*) — Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой».

Г о р о д н и ч і й. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

О с и п ъ. За что жалуете, ваше высокоблагородіе? (*Прячетъ деньги*). Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

А н н а А н д р е е в н а. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

М а р ь я А н т о н о в н а. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! (*Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова*).

Г о р о д н и ч і й. Чш! (*поднимается на цыпочки; вся сцена вполоса*). Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

А н н а А н д р е е в н а. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Г о р о д н и ч і й. О, ужъ тамъ наговорять! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. (*Обращаясь къ Осипу*). Ну, другъ...

Я В Л Е Н І Е XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Г о р о д н и ч і й. Чш! экіе косолапые медвѣди стучать сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Д е р ж и м о р д а. Былъ по приказанію...

Г о р о д н и ч і й. Чш! (*закрываетъ ему ротъ*). Экъ какъ каркнула ворона! (*Дразнитъ его*). Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычить! (*Къ Осипу*). Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно, для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. (*Осипъ уходитъ*). А вы стоять на крыльцѣ — и ни съ мѣста! И никого не выпускать въ домъ сторонняго, особенно кушцовъ! Если хоть одного изъ нихъ выпустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочеть подать на меня просьбу, въ-защей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! (*Показываетъ ногою*). Слышите? Чш... чш... (*Уходитъ на цыпочкахъ встѣ за квартальными*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго¹⁾.

Я В Л Е Н І Е I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполноса.

Аммосъ Ѳедоровичъ (*строитъ вѣсьхъ полукружіемъ*). Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздить, и государственный совѣтъ распекаетъ! Строитесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забываютъ на цыпочкахъ*).

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А что именно?

Артемій Филипповичъ. Ну, извѣстно, что.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Подсунуть?²⁾

Артемій Филипповичъ. Ну, да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ.

Почтмейстеръ. Или же: «вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія».

¹⁾ Въ изд. 1836 г. 4-е дѣйствіе начиналось монологомъ Хлестакова: „Мнѣ нравится дѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей... А какъ много значить нѣсколько времени пожить въ Петербургѣ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, какъ будто точно за какимъ-нибудь важнымъ“. Сцена между чиновниками, съ которой начинается IV дѣйствіе, сочинена Гоголемъ для 2 изд. „Ревизора“ въ 1841 г., гдѣ читается не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ теперь.

²⁾ Во 2-мъ изд. (1841 г.): „Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу. Оно, знаете, въ такомъ видѣ слѣдуетъ представиться. (*Осматриваетъ вѣсьхъ ихъ*). А вѣдь если посмотрѣть нѣсколько издалека, такъ у насъ есть точно что-то воинское. (*Слышно изъ комнаты Хлестакова открываніе и плаваніе. Чиновники пугаются*).

Артемій Филипповичъ. Да видно уже проснулся.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Утрудился.

Почтмейстеръ. А вѣдь нечего сказать, вчера онъ куда бойко развернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Еще бы! подгулялъ, ну и пригнулъ. Это не порокъ; это за всякимъ государственнымъ человѣкомъ водится. Но вѣдь зато у него все звѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулялъ, но какъ подгулялъ? — съ цѣлью подгулялъ.

Почтмейстеръ. А хорошо, что мы вздумали состроить закуску: хлѣба-соли отвѣдалъ, вредить ужъ не будетъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы, вѣрно, не сказалъ.

Артемій Филипповичъ. А мой совѣтъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну, что, какъ теперь, проснувшись, онъ поворотитъ опять круто? Я, право, боюсь. Вѣдь Антошка нашъ старый плутъ: онъ удовлетворилъ его, вѣрно, чѣмъ-нибудь наединѣ, только не говоритъ.

Лука Лукичъ. А что вы думаете, вѣдь это можетъ случиться.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Знаете, господа, что если бы ему... (*Показываетъ жестомъ*).

Артемій Филипповичъ. Подсунуть?²⁾

Артеміѣ Филипповичъ. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиначкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ, — чтобы и уши не слышали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Такъ лучше жъ вы! въ нашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусагъ хлѣба.

Артеміѣ Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукъ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право, увольте!

Артеміѣ Филипповичъ. Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или о гончей ищейкѣ...

В сѣ (присадаютъ къ нему). Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставяйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ стискиваютъ наперерывъ къ дверямъ, толкаются и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія):*

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу.

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай! наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста).

Я В Л Е Н І Е П.

Хлестаковъ *(одинъ, выходитъ съ застанными глазами).*

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ, откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучить. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь¹⁾.

¹⁾ Въ изд. 1841 г.: „Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь такая, даже вспотѣлъ. Мнѣ, однакоже, вѣрно, чего-нибудь прекрѣпкаго подсунули вчера за завтракомъ, — шнапсъ, что ли, — только до сихъ поръ еще въ головѣ какъ будто бы что-то стучить. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Вотъ это я люблю! это по-моему! Я насчетъ этого странный человѣкъ; я не знаю, какъ другіе, но мнѣ вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобы я видѣлъ желаніе угождать; словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится — отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень недурна; да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.“

Я В Л Е Н І Е П І .

Хлестаковъ и судья.

Судья (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (*Вслухъ, выткнувшись и придерживая рукою шпагу*). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинь-Тяпкинь.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816 былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однакоже, быть судьей?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4 степени съ одобренія со стороны начальства ¹⁾. (*Въ сторону*). А деньги въ кулакѣ, да кулакѣ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3 степени уже не такъ.

Судья (*высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону*). Господи Боже! не знаю, гдѣ сажу! Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ. Что это у васъ въ рукѣ?

Аммось Ѳедоровичъ (*потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи*). Ничего-съ.

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммось Ѳедоровичъ (*дрожа встѣмъ тѣломъ*). Никакъ нѣтъ-съ! (*Въ сторону*). О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ (*подымая*). Да, это деньги.

Аммось Ѳедоровичъ (*въ сторону*). Ну, все кончено—пропаль! пропаль!

Хлестаковъ. Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммось Ѳедоровичъ (*постынно*). Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. (*Въ сторону*). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сѣ... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю ²⁾.

1) Въ изд. 1836 г. „Аммось Ѳедоровичъ. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это, впрочемъ, еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ таковой, что пятнадцать лѣтъ служить, и получилъ только одну пряжку. — Скажите, пожалуйста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ-быть, завтра же отдамъ“.

2) Въ изд. 1841 г. „О, Боже, вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ. Что, вы уронили что-то?

Аммось Ѳедоровичъ. Упали какія-то ассигнаціи; я полагаю, что не съ вашего ли стола. (*Въ сторону*). Ну, все кончено, пропаль! пропаль!

Хлестаковъ. А позвольте, я посмотрю, можетъ-быть, точно, не моя ли. Мнѣ, признаюсь, по развѣянности случилось очень часто ронять деньги. А ужъ извозчику почти всякій разъ случается, по ошибкѣ, дать вмѣсто четвертака золотой полумимеріаль.

Аммось Ѳедоровичъ. Я полагаю тоже, что это ваши. (*Въ сторону*). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

А ммось Ѳедоровичъ. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ*). Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

А ммось Ѳедоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Погорнѣйше благодарю.

А ммось Ѳедоровичъ (*раскланиваясь и уходя, въ сторону*). Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ (*по уходѣ его*). Судья хорошій человекъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (*входитъ, вытянувшись, въ мундиръ, придерживая штату*).

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпевиный.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. (*Въ сторону*). А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ спрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (*Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя*). А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы. (*Вслухъ*). Какой странный со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займы?

Почтмейстеръ. Почему же? почему за величайшее счастье. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Больше трехсотъ, кажется, рублей. Не знаю, право, можетъ-быть, и мон. Я никогда не знаю, сколько у меня денегъ. А если на всякій случай нѣтъ, такъ все равно: вы мнѣ дайте ихъ займы, а я вамъ потомъ пришлю.

А ммось Ѳедоровичъ. Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человека.

Хлестаковъ. Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же недѣлѣ пришлю.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придержививаетъ шпату)*. Не смѣю далѣе беспокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтового управленія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ).

Хлестаковъ *(раскуривая сигарку)*. Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человекъ; по крайней мѣрѣ, услужливъ. Я люблю такихъ людей.

Я В Л Е Н І Е V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей.
Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: «чего робѣешь?»

Лука Лукичъ *(вытягиваясь не безъ тремета и придержививая шпату)*. Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару)*.

Лука Лукичъ *(про себя, въ нерышимости)*. Вотъ тебѣ разъ. Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка—просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу)*.

Лука Лукичъ *(пробуетъ закурить и весь дрожитъ)*.

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ *(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя)*. Чортъ побери все! сгубида проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушень. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся—брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣннн, что сказать*.

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непременно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону)*. Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ*.

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... превос... сят... *(Въ сторону)*. Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ, я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ со-всѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займа?

Лука Лукичъ (*звѣтаясь за карманы, про себя*). Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (*Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнацію*).

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ (*вытягиваясь и придерживая штаны*). Не смѣю долѣе беспокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ (*летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону*). Ну, слава Богу! авось, не заглянетъ въ классы!

Я В Л Е Н І Е VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, вытянувшись и придерживая штаны.

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я, — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. (*Помолчавъ*). Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ втолмолося*). Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: послышки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами, — конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ яковинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? Я все позабываю.

Артеміѣ Филипповичъ. Земляника.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что жъ, скажите, пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артеміѣ Филипповичъ. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Артеміѣ Филипповичъ. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ?

Артеміѣ Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ. Это хорошо.

Артеміѣ Филипповичъ. Не смѣя беспокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти).*

Хлестаковъ *(проводая)*. Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста, и въ другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему).* Эй, вы! какъ васъ, я все забываю, какъ ваше имя и отчество.

Артеміѣ Филипповичъ. Артеміѣ Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артеміѣ Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы — рублей четыреста?

Артеміѣ Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

Я В Л Е Н І Е VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто).* Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій. Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей-Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественного призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій *(шаря въ карманахъ)*. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ)*. Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣхъ нѣтъ.

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... Это все равно. *(Принимаетъ деньги)*.

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не беспокоилъ васъ, да жаль- насчетъ способностей. Мальчишка-то этакій... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные расскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дробечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣеть.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... *(Обращаясь къ Бобчинскому)*. Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень низайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ: что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если такъ и государю придется, то скажите и государю, что, вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпроваживаетъ ихъ)*.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожь, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ обшелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ, подай мнѣ бумаги и чернилъ! *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: «сейчасъ»)*. А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ, — берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любить. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они

мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!¹⁾.

Я В Л Е Н І Е IX.

Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагою).

Хлестаковъ. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? *(Начинаетъ писать)*.

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ)*. Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, — ну, и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровень часъ: какой-нибудь другой найдеть... Ей-Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя — такъ бы закатали!..

Хлестаковъ *(пишетъ)*. Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да что завтра! Ей-Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшались. Такъ бы, право, закатали славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ)*. Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и дорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли! *(Продолжаетъ писать)*. Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ. Я, сударь, отправлю его съ человекомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не прошло напрасну время.

¹⁾ Въ изд. 1841 г. этотъ монологъ читается: „Хлестаковъ *(однимъ)*. Здѣсь, однакожъ, много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенько разсматривать, они, вѣрно, полагаютъ, что я въ большомъ ходу въ Петербургѣ. Моя физиономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, вродѣ грань-жанъ. Для провинціального какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть прїѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что-то околдовывающее. Дурачье, впрочемъ, должно-быть, ужасное!.. Въ головѣ, я чай, только посвистываетъ. А посмотримъ, сколько у меня денегъ. *(Считаетъ ассигнаціи)*. Сто, двѣсти... какая замасленная!.. пятьсотъ, семьсотъ!.. ого! перевалило за тысячу!.. тысяча сто, тысяча двѣсти... да, кушникъ не дурень. А ну-ка, пѣхотный капитанъ! а попадись-ка ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ даль знать!.. Это, однакожъ, благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ взаймы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стоить написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка, между прочимъ, онъ ихъ обреетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и черниль. *(Осипъ выскочилъ въ дверь, сказавши: „сейчасъ“)*. Нельзя отнять отъ Тряпичкина... *(пишетъ)*... вѣдь подлець... у! какой подлець!.. и надуть, такъ надуетъ, что только держись!.. Но остроуміе необыкновенное — ужъ такая шпилька: отца родного не пожалѣетъ. И деньгу-таки любитъ“.

Хлестаковъ (пишетъ). Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ (выходитъ и говоритъ за сценой). Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ: прогонь, молю, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молю, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ (продолжаетъ писать). Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ — въ Почтамтской или Гороховой? Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. (Свертываетъ и надписываетъ).

Осипъ (принеситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды): Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ (даетъ Осипу письмо). На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спать. (Шумъ увеличивается).

Хлестаковъ. Чтò тамъ такое, Осипъ? Посмотри, чтò за шумъ?

Осипъ (глядя въ окно). Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ (подходя къ окну). А чтò вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажете, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. (Осипъ уходитъ).

Хлестаковъ (принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ). «Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...» Чортъ знаетъ, чтò: и чина такого нѣтъ!

Я В Л Е Н І Е X.

Хлестаковъ и купцы (съ кузовомъ вина и сахарными юювами).

Хлестаковъ. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А чтò вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватить за бороду, говорить: «Ахъ, ты татаринъ!» Ей-Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: чтò слѣдуетъ на платьяхъ супружницъ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придетъ въ лавку и, чтò ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говорить: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ». Ну, и несешь, а въ штуку-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Бупцы. Ей-Богу! такого никто не запомнить городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянъ беретъ: черносливъ такой, что дѣтъ ужъ по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запустить. Именины его бывають на Антона, и ужъ, какъ жись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говорить, и на Онуфрѣя его именины. Что дѣлать? И на Онуфрѣя несешь.

Хлестаковъ. Да это, просто, разбойникъ!

Бупцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведеть къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велить запереть двери. «Я тебя,—говорить,—не буду,—говорить,—подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать: это,—говорить,—запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!»

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Бупцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадить его — все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгуй, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцемъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совѣтъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста, — ну, тогда совѣтъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Бупцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги)*. Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Бупцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносе деньги)*. Ужъ, пожалуйста, и подносики вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносики можно.

Бупцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогъ все пригодится. Давай сюда головы и кулеки! Подавай все, все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогъ пригодится; телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Бупцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто, хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Кутцы уходятъ)*.

Слышенъ голосъ женщины. Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну)*. А что ты, матушка? Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ *(въ окно)*. Пропустить ее.

Я В Л Е Н І Е XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша *(кланяясь въ ноги)*. Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрать лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону не лезя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюща былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подслала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. «На что, — говорить, — тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! «Онъ, — говорить, — воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно, — говорить, — онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возмуть въ рекруты». Да мнѣ-то какво безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человекъ, подлець ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроставиваетъ старуху).*

Слесарша *(уходя)*. Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну, да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отпарторовали: два дня сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку то повели ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте! ступайте! Я распорядюсь. *(Въ окно высовываются руки съ просьбами).* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну).* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(отходя).* Надѣля, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ *(кричитъ въ окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритую бородою, раздутою губою и перевязанною щеккою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько друцелъ).*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? *(Утирается первому руками въ брюхо и вытирается влѣзть съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь).*

Я В Л Е Н І Е XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ, куда вы намѣрены были идти?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важные дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принести удовольствіе.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти. (*Сшла*).

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая страшная погода.

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше всякой погоды.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Какіе-нибудь, этакіе — хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! Я много ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человекъ!» ну, и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*Придвигая стулъ*).

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Любовь! Я не понимаю любовь... Я никогда и не знала, что за любовь... *(Отодвигаетъ стулъ).*

ХЛЕСТАКОВЪ. Отчего же вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

МАРЬЯ АНТОНОВНА *(отдвигаясь)*. Для чего жъ близко? все равно и далеко.

ХЛЕСТАКОВЪ *(придвигаясь)*. Отчего жъ далеко? все равно и близко.

МАРЬЯ АНТОНОВНА *(отдвигается)*. Да къ чему жъ это?

ХЛЕСТАКОВЪ *(придвигаясь)*. Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бы могъ прижать васъ въ свои объятія.

МАРЬЯ АНТОНОВНА *(смотритъ въ окно)*. Что это такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорбка или какая другая птица?

ХЛЕСТАКОВЪ *(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это сорбка.

МАРЬЯ АНТОНОВНА *(встаетъ въ негодованіи)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

ХЛЕСТАКОВЪ *(удерживая ее)*. Простите, сударыня, я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Вы почитаете меня за такую провинціалку... *(Сильнѣе уйтѣ).*

ХЛЕСТАКОВЪ *(продолжая удерживать ее)*. Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣняхъ у васъ просить прощенья. *(Падаетъ на колѣни)*. Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ!

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тъ же и Анна Андреевна.

АННА АНДРЕЕВНА *(увидя Хлестакова на колѣняхъ)*. Ахъ, какой пассажъ!

ХЛЕСТАКОВЪ *(вставая)*. А, чертъ возьми!

АННА АНДРЕЕВНА *(дочери)*. Это что значить, сударыня? Это что за поступки такіе?

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Я, маменька...

АННА АНДРЕЕВНА. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ)*. Извините, я признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

ХЛЕСТАКОВЪ *(въ сторону)*. А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колѣни)*. Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

АННА АНДРЕЕВНА. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ не чистъ.

ХЛЕСТАКОВЪ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непременно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

АННА АНДРЕЕВНА. Но, позвольте, я еще не понимаю вполне значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери?

ХЛЕСТАКОВЪ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: «Законы осуждаютъ». Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

Я В Л Е Н І Е XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна *(вдругъ вбѣгаетъ)*.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказали, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колыняхъ, вскрикиваетъ)*. Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андреевна. Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтренность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна *(сквозь слезы)*. Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимы примѣрамы ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ *(схватывая за руку дочь)*. Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(съ изумленіемъ)*. Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колыняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стѣдить, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька, право, впередъ не буду.

Я В Л Е Н І Е XV.

Тѣ же и городничій *(впотьмахъ)*.

Городничій. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите! Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша нагала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей-Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея!

Городничій. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ воть этакій ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Буда! куда!.. - Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство—она немного съ придурью: [такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорить тебѣ!

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостойнъ такой чести.

Хлестаковъ. Да если вы не согласитесь отдать [руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Городничій. Не могу вѣрить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человекъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подь судъ отдадутъ.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей-ей, не виновать ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... Я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

(Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной).

Городничій. Да благословить васъ Богъ! а я не виновать!
(Хлестаковъ цѣлуетъ съ Марьей Антоновной, городничій смотритъ на нихъ). Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза).* Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. *(Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости).* Ай, Антонъ! Ай, Антонъ! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

Я В Л Е Н І Е XVI.

Тъ же и Осипъ.

О с и п ъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо... Я сейчасъ.

Городничій. Какъ-съ? Извольте ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?..

Хлестаковъ. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ — богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто, не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея руку).*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ).* А впрочемъ, пожалуй.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Сейчасъ! (*Вынимаетъ изъ бумажника*). Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! (*Беретъ и газматриваетъ ассигнации*). Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепрѣимство. Я признаюсь, отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго прѣема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! (*Выходятъ*).

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангель души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болить отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть дадутъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучший, — что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣзавтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! (*Бьетъ рукою по коврику*). Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! (*Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экій богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось — просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу, ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты — простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожь, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побори! Пстой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*Входитъ кварталный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, кушовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Пстойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писаекъ, писаекъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужь когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество.

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужь, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э? вишь, чего захотѣла! Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что, случится, поѣдешь куда-

нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: «лошадей!» И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой, городничій! Хе, хе, хе! (*Заливается и помираетъ со смѣху*). Вотъ что, канальство, замачиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣдишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что жъ? вѣдь слово не вредить.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня гъ комнатъ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ, какъ хорошо!

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соволики!

Купцы (*кланяясь*). Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. обманываетъ народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною — на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. «Мы, — говорятъ, — и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сбьютъ въ школъ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаетъ? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. — Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И загаемся впередъ жаловаться! Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. «Не погуби!» Теперь «не погуби!» а прежде что? Я бы васъ... (*махнувъ рукой*). Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлюбенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! (*Купцы уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растваковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ (*еще въ дверяхъ*). Вѣрить ли слухамъ Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастье?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастьемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Анна Андреевна! (*Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны*) Марья Антоновна!

Растваковскій (*входитъ*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны*).

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ*).

Жвна Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастьемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, шепчетъ языкомъ съ видомъ удальца*). Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. (*Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ*).

Я В Л Е Н І Е V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» **Бобчинскій** и **Добчинскій** (*протаживаются*).

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! (*Оба подходятъ въ одно время и стаживаютъ лбами*).

Добчинскій. Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ*). Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большемъ, большемъ счастьи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные суны кушать, очень забавно будете проводить время...

Бобчинскій (*перебивая*). Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонъ этакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Я В Л Е Н І Е VI.

Еще нѣсколько гостей (*подходящихъ къ ручкамъ*), **Лука Лукичъ** съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Луки Лукича (*бѣжитъ впередъ*). Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*Цѣлуются*). А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку». — «Ахъ, Боже мой», думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ, вотъ какое счастье Аннѣ Андреевнѣ!» «Ну, — думаю себѣ, — слава Богу!» И говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъяснить лично Аннѣ Андреевнѣ»... «Ахъ, Боже мой! — думаю себѣ: — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ, просто, рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчикъ, — говорю, — я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются».

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стужевъ!

(*Гости садятся*).

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! (*Гости усаживаются*).

А ммось Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ». И такой прекрасный, воспитанный человекъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! — «Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества».

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: — Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь, — онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертию окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. — Застрѣлюсь, застрѣлюсь! — говорить.

Многие изъ гостей. Скажите, пожалуйста!

А ммось Ѳедоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ, подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба — индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону)*. Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

А ммось Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

А ммось Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакъ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Городничій. Испросить благословенія; но завтра же... *(Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ)*. Много благодарень! Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышныя друныя голоса)*:

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и кулъ червощевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коровкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того жъ желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая неприятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получить генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммось Ѳедоровичъ. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммось Ѳедоровичъ *(съ стороны)*. Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ. Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(съ стороны)*. Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзеть! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Въдъ у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно *(обращаясь къ нему)*: Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммось Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коровкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сына въ столицу на пользу государству, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ, съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять такими обѣщаніями?

Городничій. Почему жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да въдъ не всякой же мезюжгъ оказывать покровительство.

Жена Коровкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, а она-и ноги свои...

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ *(вотыкахъ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ)*.

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ, вижу: — въ Почтамтскую улицу. — Я такъ и обомлѣлъ ¹⁾. «Ну, — думаю себѣ, — вѣрно, нашель

¹⁾ Въ 1-мъ изд., 1836 г.: „Почтмейстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А напримѣръ, что такое? послушаемъ.

Почтмейстеръ. Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

безпорядки по почтовой части и увѣдомляеть начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?..

Почтмейстеръ. Самъ не знаю. Неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой, но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица»; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей-Богу, морозъ. И руки дрожать, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сѣ, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій (*запальчиво*). Какъ ни сѣ, ни то? Какъ вы смѣете называть его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подь арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки.

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

В с ѳ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Трипичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физиономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать, — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ займы, сколько угодно. Оригиналы страшные! Отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки; помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...¹⁾»

Н ѳ к о т о р ы е. Какое? что?

Почтмейстеръ. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому-то Трипичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ».

¹⁾ Въ изв. 1836 г. ... „трактирщикъ хотѣлъ даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писалъ: ведаловель тономъ. Все одно: розги да розги. Этими, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена переѣвилась: я живу теперь у городничаго въ домѣ, жуирую, отпускаю bon mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать: думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ,

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого!

Почтмейстеръ (*показываетъ письмо*). Читайте сами.

Городничій (*читаетъ*). Какъ сивый меринь. — Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «Городничій — глупъ, какъ сивый меринь...»

Городничій. О! чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... — сивый меринь. — Почтмейстеръ тоже добрый человекъ... — (*оставляя читать*). Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?..

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. (*Надвѣваетъ очки и читаетъ*): «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно-быть, также, подлець, пьетъ горькую».

Почтмейстеръ (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ (*продолжая читать*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе...и...и...и...» (*закрывается*).

Боробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Боробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо*).

Артемій Филипповичъ (*не давая письма*). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Боробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю: да-лѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*). Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. (*Отдаетъ письмо*). Вотъ, позвольте... (*Закрываетъ пальцемъ*). Вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему*).

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Боробкинъ (*читая*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ¹⁾».

Артемій Филипповичъ (*къ зрителямъ*). И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

можетъ-быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничій благороднѣйшій человекъ, съ гостепріимствомъ патриархальнымъ, но глупъ какъ сивый меринъ!!!»

1) Изд. 1836 г.: «Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Земляника: вообрази себѣ чужонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами...»

Боробкинъ (*продолжая читать*). «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ (*къ зрителямъ*). Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммось Ѳедоровичъ (*въ сторону*). Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ!

Боробкинъ (*читаетъ*). «Судья»...

Аммось Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на!.. (*Вслухъ*). Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дряннъ этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, ужъ читайте!

Боробкинъ (*продолжаетъ*). «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...» (*Останавливается*). Должно-быть, французское слово.

Аммось Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значить! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть, и того еще хуже.

Боробкинъ (*продолжая читать*). «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ¹⁾. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домъ подъ номеромъ девяносто седьмымъ, поворота на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убить, убить, совсѣмъ убить! Ничего не вижу: вижу какія-то свинья рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою*).

Почтмейстеръ. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Боробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммось Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммось Ѳедоровичъ (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій (*бьетъ себя по лбу*). Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глухой барабъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; не одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы

1) Над. 1836 г.: „Словомъ, дурачье страшное! По моей физиогноміи приняли меня за военнаго генераль-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для „Библіотеки для Чтенія“. Пожалуйста, помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкинъ“.

обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша; онъ обручился съ Машенькой...

Городничій (*въ сердцахъ*). Обручился! Купишь съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзеть мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изступленіи*). Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всё смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаешь колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется шелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ, что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всё скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣтесъ? надъ собою смѣтесъ!.. Эхъ, вы!.. (*Стучитъ со злости ногами объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомарака! У, шелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туды ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ*).

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*).

До сихъ поръ не могу прійти въ себя¹⁾. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ, просто, ни на полминца не было похожаго — и вдругъ всё: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ (*разставляя руки*). Ужъ какъ это случилось, хотъ убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммось Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бобчинскій. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе изъ трактира: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...» Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашими ревизоромъ и рассказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммось Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхія! (*Всѣ обступаютъ ихъ*).

Бобчинскій. Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

1) Въ изданіи 1836 г. монолога отъ „Вотъ, смотрите“ до „Вотъ, подлинно“ — нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И ЖАНДАРМЪ.

ЖАНДАРМЪ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ. (*Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣннѣи).*

НѢМАЯ СЦЕНА.

Городничій посерединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и зкинутаю назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гости, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько набокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движеніе губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнести: „Вотъ тебѣ, бабушки, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и пѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеньемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе.

Занавѣсъ опускается.

СНИМОКЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО НАБРОСКА ПОСЛѢДНЕЙ СЦѢНЫ.

(Промышленн. съездъ)
поздравленіе съездомъ Удѣльному. Видъ авылскаго швед
поздравленія на авылскіе улицы въ авылскіи дворы

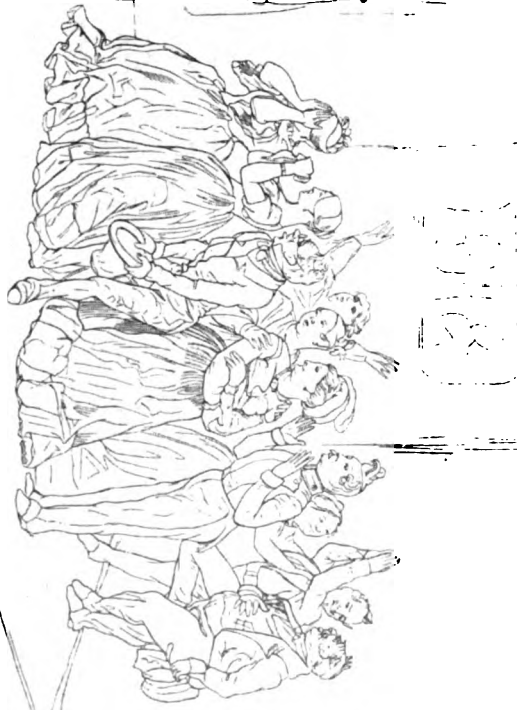
Ты ищешь сына.

Городники вон въ лодке... (The text is extremely faint and largely illegible, appearing to be a handwritten transcription of a scene or dialogue.)

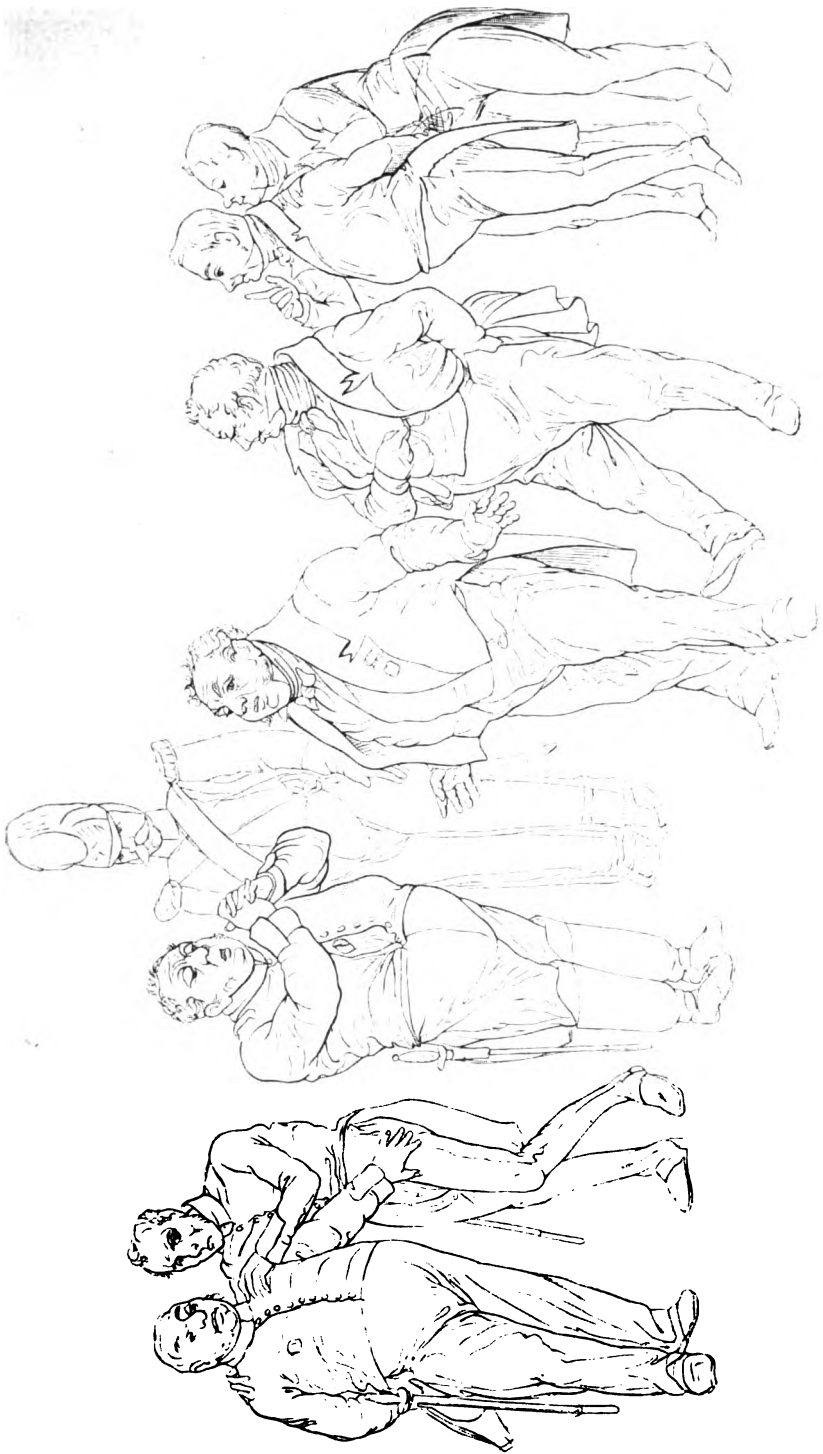
ब्रह्मचर्य शाला: श्री. अग्रवाल

ब्रह्मचर्य शाला

श्री. अग्रवाल

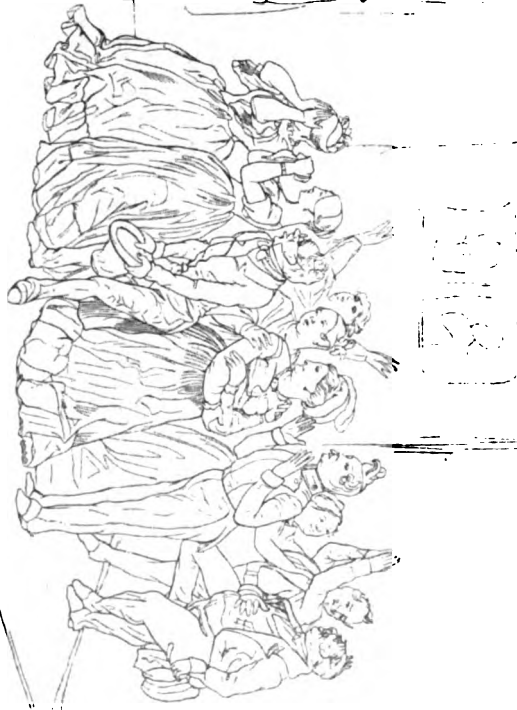
डॉ. अग्रवाल

ब्रह्मचर्य श्रमः
श्री. अग्रणी

ब्रह्मचर्य श्रमः

श्री. अग्रणी

श्री. अग्रणी

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ КОМЕДИИ „РЕВИЗОРЪ“.

I.

Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ Альнаскарова, чѣмъ-то вродѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намега въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваецъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говорить. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говорить плавно, развязно, говорить отъ души, говорить совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значить просто нести болтовню. Лгать значить говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь-то заключается именно все комическое жи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человекъ ловкій, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни — почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т.-е. лица, т.-е. видимой наружности, т.-е. фізіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундрахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя

довольно благовидны и не выходят острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга, — дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говорить иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Чтѣ такое, если разобратъ, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многого, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадаетъ и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, естественно, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодарить меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приѣмѣ публики я не заботился. Одно только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ «Ревизора» городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о которомъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили

его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во всеневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли, сверхъ ожиданія, дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькиихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенныя, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклооченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы почувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали немного, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолеваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотогѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣнливо. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: «стало-быть, — сказалъ я самъ въ себѣ, — я плохо выполнилъ эту сцену». И, точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носить признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи «Ревизора».

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣнять ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ-называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унижительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: «нѣтъ, это не свяжетъ

нимало, это не унизительно». Пусть даже балетмейстеръ сочинить и составить группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не останавливать указанныхъ ему границы, какъ не останавливать рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движеть свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ: размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣнни для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степени боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолебенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжить свою роль и, несмотря на то, что, повидимому, покоришь себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ, чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.

С.-Петербургъ ¹⁾.

II.

Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

МАРЬЯ АНТОНОВНА. Но, я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза...

АННА АНДРЕЕВНА. Вадоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы, — бывало, мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: «Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте

¹⁾ Отдѣльныя мысли, вошедшія въ этотъ „Отрывокъ“, дѣйствительно, могли быть набросаны Гоголемъ весной 1836 г. для сообщенія ихъ Пушкину, (что именно Пушкина надо разумѣть подъ однимъ литераторомъ, указалъ самъ Гоголь; послѣднія слова: „Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо“... ниютъ въ виду тотъ моментъ изъ жизни двухъ великихъ поэтовъ, когда въ концѣ мая 1836 г. Пушкинъ отсутствовалъ изъ Петербурга, а Гоголь собирался уѣзжать за границу). Но въ настоящемъ своемъ видѣ „Отрывокъ“ написанъ въ Римѣ въ началѣ 1841 г. (см. Н. С. Тихонравовъ, т. II, стр. 672—681) и посланъ 5 марта того же года въ Москву для напечатанія при 2-мъ изд. „Ревизора“.

мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ...» И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: «Съ вами, Анна Андреевна, довольно побывать минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства». А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? — Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? — Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю чѣмъ; глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: «Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, чѣмъ со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...» На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше какъ въ палецъ — это, просто, было обворожение! Такъ говорить бывало: «Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце», говорить... Я ужъ не могу теперь припомнить, чѣмъ онъ мнѣ говорилъ. Куда жь! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непременно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька, — мнѣ, однакожъ, кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Чѣмъ вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже, сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ, того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ, какъ. *(Шоптиливо уходитъ; за ней Марья Антоновна).*

II.

Хлестаковъ и Растваковскій *(въ екатерининскомъ мундирѣ съ аксельбантомъ).*

Растваковскій. Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растваковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растваковскій *(стѣмъ).* А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растваковскій. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывший начальникъ.

Хлестаковъ. Да... такъ вы служили давно?..

Растваковскій. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку — не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растваковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

РАСТАКОВСКІЙ. Я такъ и полагаю, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

ХЛЕСТАКОВЪ. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

РАСТАКОВСКІЙ. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ ту-рокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: «Ты, — говоритъ, — не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ». И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмейстеръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

ХЛЕСТАКОВЪ. Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

РАСТАКОВСКІЙ (*не слушая*). Видный мужчина: русый волосъ, золотой аксельбантъ. Ловко танцевалъ польскій. Хлопнетъ, бывало, рукою и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе-хе-хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешъ къ нему въ палатку... хе-хе-хе... тамъ ужъ сидитъ, и на утро денщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе-хе-хе... и португея виситъ, хе-хе-хе...

ХЛЕСТАКОВЪ. Да подобная этой исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ кавалергардскаго полку, и говоритъ... (*Останавливается и смотритъ, между тѣмъ, пристально въ глаза Растаковскому*). Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаимны денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

РАСТАКОВСКІЙ. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

ХЛЕСТАКОВЪ. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

РАСТАКОВСКІЙ. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны, пришелъ беспокоить преубѣдительною просьбою.

ХЛЕСТАКОВЪ. А что, о чемъ?

РАСТАКОВСКІЙ. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

ХЛЕСТАКОВЪ. Извольте, извольте.

РАСТАКОВСКІЙ. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ. А какъ давно вы подавали просьбу?

РАСТАКОВСКІЙ. Да если сказать правду, не такъ и давно, — въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи.

Я послалъ чрезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ - то не слишкомъ надежный человекъ. Такъ, статья можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало - быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Х л е с т а к о в ъ. Да, естественно, теперь рѣшать скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо ¹⁾).

III.

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для этого публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія «Ревизора», нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піесы: «Развязка Ревизора». По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, піеса эта не могла быть доселѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ, — словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично въ ихъ трудныя обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена задача вспомошествованія.

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человекъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго суроваго внутренняго горя, котораго вся участь, можетъ-быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: безопасно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ, — не подозрѣвая того, что причиной этой гибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради Самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ

¹⁾ Эти двѣ сцены напечатаны въ Приложеніяхъ ко 2-му изданію „Ревизора“ въ 1841 г.

читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождаю его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоствованій, которыхъ имена и адреса приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишаящими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, несмотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копейка напрасно. Не помогутъ они по тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получаютъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить данную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи своей, и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, если бы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самого дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; если жъ кому онъ и неудобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя раздачу вспомоствованія:

ВЪ МОСКВѢ:

Авдотья Петровна Елагина.
Катерина Александровна Свербѣева.
Вѣра Сергѣевна Аксакова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
Николай Филипповичъ Павловъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Ольга Степановна Одоевская.
Графъ Анна Михайловна Вьельгорская.
Графиня Дашкова.
Аркадій Осиповичъ Россети.
Юрій Федоровичъ Самаринъ.
Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

IV.

Развязка Ревизора.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Первый комическій актеръ — Михайло Семеновичъ Щепкинъ.
Хорошенькая актриса.

Другой актеръ.

Еедоръ Еедорычъ, любитель театра.

Петръ Петровичъ, человекъ большого свѣта.

Семень Семенычъ, человекъ тоже немалого свѣта, но въ своемъ родѣ.

Николай Николаичъ, литературный человекъ.

Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ (*выходя на сцену*). Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыгралъ, и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самими собой, то, значить, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа актеровъ и актрисъ.

Другой актеръ (*съ вѣнокъ съ рукъ*). Михайло Семенычъ, это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздастъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги; но если своя братья — товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если своя братья — товарищи поднесутъ кому съ единоплеменнаго приговора вѣнокъ, то, значить, такой человекъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ (*принимая вѣнокъ*). Товарищи, ужью принять этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ. Нѣтъ, не въ рукъ держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы. На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса (*выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ*). Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ. Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ — возьму, но надѣть на голову — не надѣну. Другое дѣло — принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженіе привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка — значило бы показать пренебреженіе къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей, — господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

Всѣ. Вѣнокъ на голову!

Хорошенькая актриса. На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ. Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не устать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его. — И вотъ вамъ за что подносимъ теперь всѣ до единого вѣнокъ.

Первый комическій актеръ (*ристроанный*). Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлъ бы, чтобы было такъ.

Входятъ Федоръ Федорычъ, Семенъ Семенычъ, Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.

Федоръ Федорычъ (*бросившись обнимать [перваго актера]*). Михайло Семенычъ! Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ. Не почите словъ моихъ за лесть, Михайло Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ, — а могу сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, — не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ. Михайло Семенычъ!.. (*въ безсильи выразить словомъ, выражаетъ движениемъ руки*) вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ. Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончателности, такъ сознательно и въ такомъ соображеннн всего исполнить роль свою — нѣтъ, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Федоръ Федорычъ. Вѣнецъ искусства — и больше ничего! Здѣсь-то, наконецъ, узнаешь высокій смыслъ искусства. Ну, что есть привлекательнаго, напримѣръ, въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Бакъ можно доставить наслажденіе зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ; но плакать не отъ участія къ положенью лица, — плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что такое плутъ.

Петръ Петровичъ. Позвольте, однакожь, оставивши въ сторону мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ, — а могу сказать нехвастовски, былъ на лучшихъ театрахъ, — ужъ не знаю, кому обязанъ авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ, — вѣроятно, тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую пьесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!) — позвольте, однакожь, оставивши все это въ сторону, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой пьесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія: не вижу я въ «Ревизорѣ», даже

и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семенъ Семенычъ. Я даже вижу вредъ. Въ пьесѣ выставлено намъ униженіе наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ! «Что смѣтетесь? — Надъ собой смѣтетесь!»

Федоръ Федорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говорить разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ. Позвольте, Федоръ Федорычъ, позвольте вамъ, однакожъ, замѣтить, что слова эти точно произвели странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому обращаетъ эти слова: «надъ собой смѣтетесь!» Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ автору, или предубѣжденіе, или... словомъ, не то, чтобы я имѣлъ противу него что-нибудь, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе; мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человекъ, который смѣется надъ всѣмъ, что ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говорить въ глаза: «вы надъ собой смѣтетесь!»

Первый актеръ. Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки, которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренія: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мнѣ, съ моей стороны, сдѣлать запросъ: ну, что, если бы у сочинителя была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семенъ Семенычъ. Благодарю за комплиментъ! Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ «Ревизорѣ» людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Федоръ Федорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива? *(Обращаясь ко всѣмъ другимъ)*. Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Федоръ Федорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшныя. Нельзя же сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ. Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человека; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого

разума въ комедіи, не вижу цѣли: по крайней мѣрѣ, въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ. Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленіе къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства: безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получить къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ. Безспорно, Николай Николаичъ; но позволете, однакоже, вамъ...

Николай Николаичъ (*не слушая*). Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ прістать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комическій актеръ. Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! Вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлечши изъ того, что видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Федоръ Федорычъ. И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ. Не говорите этого: ваши слова мѣтятъ въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженіе. Иногда забудешься, войдешь въ положеніе лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясъ, — противенъ станешь самому себѣ: хотѣлъ бы просто провалиться съвозъ землю, и отъ рукоплесканій горить, какъ отъ собственного стыда. Я и рѣшить не знаю, что хуже: выставлять ли преступленія такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или не выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ — гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ. Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ. Противу этого я не могу сказать рѣшительнаго никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что

вы сейчасъ сказали, то-есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурного, а дурное было выражено въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя, — все это, Николай Николаичъ, должно быть непрѣмнымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженіе, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ, — понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ «Ревизорѣ» того большого значенія, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на чтѣ именно бьетъ оно, къ чему клонится, чтѣ новаго хотеть доказать собой. Вотъ чтѣ, Николай Николаичъ, а не то, чтѣ вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ. Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится... вѣдь это... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ. Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ-быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это выйдетъ уже преступленіе предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, чтѣ вы себѣ ни говорите, Разберемте-ка сурьезно эту комедію: вѣдь «Ревизоръ» совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, чтобы зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали бесплодное раздраженіе, другіе даже озлобленіе, а вообще всягѣ унесъ какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положеніе многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то этакое... я вамъ даже объяснить не могу. — Что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ беспорядковъ нашихъ. Самое это появленіе жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ, — все это какъ-то необыкновенно страшно! Признаюсь вамъ достоверно, à la lettre, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобы это вышло такъ, само собой.

Первый комическій актеръ. А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ «Ревизоръ». Всѣ, болѣе или менѣе, напали на тягостное впечатлѣніе, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его? — точно какъ будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она, и чтѣ выйдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ).

Петръ Петровичъ. Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что-то неясно. Семенъ Семенычъ. Это пахнетъ какою-то загадкой.

Первый комическій актеръ. Да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы не замѣтили, что «Ревизоръ» безъ конца?

Николай Николаичъ. Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ. Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ. — Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ. Позвольте, однакожь, замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за пьеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по моему, значить, принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, чтѣ въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ. Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петръ Петровичъ. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комическій актеръ. Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ же, возлѣ шкатулки?

Николай Николаичъ. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

Федоръ Федорычъ. Объявите, Михайло Семенычъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ. Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Чтѣ это за странная такая шкатулка, которая, неизвѣстно зачѣмъ, намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ, передъ нами поставлена и, неизвѣстно зачѣмъ, отъ насъ заперта?

Первый комическій актеръ. Ну, а что жъ, если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для однихъ, чтѣ старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, чтѣ свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ. Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

Семенъ Семенычъ. Ключъ, Михайло Семенычъ!

Федоръ Федорычъ. Ключъ!

Петръ Петровичъ. Ключъ!

Всѣ актеры и актрисы. Михайло Семеновичъ, ключъ!

Первый комическій актеръ. Ключъ? Да примете ли вы, господа, этотъ ключъ? Можетъ-быть, швырнете его прочь вмѣстѣ съ шкатулкой?

Николай Николаичъ. Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ!

Всѣ. Ключъ!

Первый комическій актеръ. Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ-быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но чтѣ жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разгорѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, чтѣ ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бывають такія минуты состоянья душевнаго, когда становитѣя самому понятнымъ то, чтѣ прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце мое говорить мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говорить мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ пьесѣ! Всѣ до единого согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано,

чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до одинаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка, — вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ, — взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, — не позабудете этого, — потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: «Да развѣ у меня рожа крива?» Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только-что видѣлъ въ пѣсѣ! Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семень Семенычъ, не говорите: «это старыя рѣчи!», или: «это ужъ мы сами знаемъ!» Дайте жъ, наконецъ, ужъ и мнѣ сказать слово. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ, — тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ, Семень Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только-что сыграли мы. Чтѣ ни говори, но страшень тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто этотъ ревизоръ? Чтѣ приглядываться? Ревизоръ — это наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнію, онъ посланъ, и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше жъ сдѣлать ревизовку всему, чтѣ ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея, — на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвалыбы со-бой, да побываешь теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другого города, — въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, чтѣ ни есть въ насъ, — настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — шелкопѣръ, Хлестаковъ — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупать какъ разъ наши же, обятающія въ душѣ нашей страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался, — вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похваляешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!» Лицемерья — наши страсти, говорю вамъ, лицемерья, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самоѣ онѣ надуваютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже

было нивѣсть куда — и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка стать возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ стать обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣль, что былъ кругомъ обмануть и одураченъ мальчишкомъ, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ Семень Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стѣить того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бить, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значеніе! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все, что бы ни показалось изъ-подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ, шепнулъ его устами: «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» Гордо ему скажемъ: «Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими другихъ!» Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства, и возбуждалъ въ васъ смѣхъ, — не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаютъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же (*взгляни вверхъ*) кверху, къ Верховной вѣчной красотѣ!

V.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“.

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло).

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшнить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той сурьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но сами они совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли... Долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль, долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ. — Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ въ такой силѣ исполниться ею самъ, чтобы мысли и стремленія взятаго имъ лица какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться. Онѣ выйдутъ сами собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движеніе, но не создавать цѣликомъ роли, — суть не болѣе какъ краски, которыя нужно влать уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они — платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ почти непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только просто желаніе прибрать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти

заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чуть слышать положенье и страданье другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердь. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и заманчивы блага жизни, и хватать все, не пропуская ничего, сдѣлалось у него уже какъ въ простой привычкѣ.

Русскій человекъ — который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятіе правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленія скажетъ иное слово. Можетъ-быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность этого требов...

2.

(Полный черновой текстъ).

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ.... Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшнить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ сурьезности всѣхъ лицъ, съ какою каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. Прежде самаго характера лица нужно рассмотреть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоитъ забота и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается его.... около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленія такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онъ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ сурьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ не шутя занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть городничій. Человекъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ-быть, и, самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался и самъ притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желанье прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещить спина у ближняго. Временами онъ, однакожь, чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердь, и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что плыветъ въ руки, и велика набитая привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ ревизоръ — incognito: неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступить. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ выше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взгляды его нѣсколько распаивенъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что ревизоръ въ его рукахъ, не страшень и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли

о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пируваній, попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ переднихъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о прїѣздѣ настоящаго ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовой ударъ, и положенье становится истинно трагическимъ.

Судья — человѣкъ меньше грѣшный въ взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но велика страсть ко псовой охотѣ... что жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... Изъ-за нея онъ надѣляетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и безбожникъ только тому, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденіе должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говорить и въ то же время смотреть, какой эффектъ производить на другихъ его слова. Онъ ищетъ выраженій.

Земляника — человѣкъ толстый, по плутъ тонкій. Несмотря на необъятную толщину свою, имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, затѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: «Лабарданъ-съ». Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, какъ чтобы топить другихъ, и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ стр... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за чтѣ; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о ревизорѣ, хотя не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій для препровожденія времени, которыхъ онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв... Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій требуютъ особенно, чтобы были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствомъ почтенья всѣмъ до одинаго и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало... Страсть рассказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленьемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь рассказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему рассказать. Любопытны — отъ желанья имѣть о чемъ рассказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается. Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже

небольшая лысинка на срединѣ головы: видно, что онъ не холостой человекъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ по причинѣ бѣльшей живости и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. Всѣ мелкіе атрибуты долженъ бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: кущы, гости, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ, умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человека всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несмотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русскій слуга пожилая лѣтъ, — который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекувши, что баринъ шелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоченье для барина, который молча плутъ, однако очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться, — извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякій можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ ревизоръ. Всѣ заняты ревизоромъ. Около ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало-быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за ревизора. Хлестаковъ самъ по себѣ ничтожный человекъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни ни случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратитъ чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность. Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ни-что не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ государствен- ный человекъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни..... Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всеми чувствами въ то, что говорить. и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанья

надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производить. Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, и навела такой страхъ на всякаго чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ рассказываетъ, какъ распевалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Будучи самъ неоднократно распеваемъ, онъ это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ: онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе распечь, наконецъ, и самому другихъ, хотя въ рассказахъ. Онъ бы и подалше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его съ почтеньемъ и страхомъ на отведенный ночлегъ.

Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ.

Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно... Просить денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка и потому, что уже у перваго онъ попросилъ и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то повыше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это фантазмагорическое лицо, которое, какъ живой олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но, тѣмъ не менѣе, нужно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желанье порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ, — желанье ребяческое, но оно бываетъ у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на въякъ своему не случалось въ какомъ-либо дѣлѣ от..... его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтреность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Последняя сцена «Ревизора» должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положенье многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе горючичаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ обманутымъ такъ грубо и притомъ пустѣйшимъ, ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькій, прочіе всѣ толсты), — быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщеніе о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго ревизора для него громовый ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновеніе окаменѣвшую группу въ разныхъ положеньяхъ.

Вся сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть

назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ на-стоящаго ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою, и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ роковымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походитъ на автоматомъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ релетцій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится и станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматомъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная переходить въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это, которые меньше; другіе вдругъ — это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя, чтобы видѣть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ: Посредствѣ городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ въ лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ, весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человекъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы говоря: «Вотъ тебѣ, бабушка, и»... За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна соединяетъ въ одно общее движеніе, стараясь заглянуть въ лицо городничаго. Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія пьесы, то они выразятъ также и въ этой нѣмой сценѣ положеніе разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся также и холодны и натянуты и здѣсь, съ тою разницею, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

ЖЕНИТЪБА.

СОВЕРШЕННО НЕВЪРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агафья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.

Арина Пантелеймоновна, тетка.

Фекла Ивановна, сваха.

Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.

Кочкаревъ, другъ его.

Яичница, экзекуторъ.

Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.

Жевакинъ, морякъ.

Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.

Стариковъ, гостинодворецъ.

Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

Я В Л Е Н І Е I.

Подколесинъ (одинъ, лежитъ на диванъ съ трубкой).

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугъ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь. живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

Я В Л Е Н І Е II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портного былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Что жъ, онъ шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашихъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, онъ говорилъ: не хочеть ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фракы? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядистѣе, что на нашемъ.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это поприглядистѣе, что на нашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговариваль.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказываль.

Подколесинъ. Что жъ онъ на это?

Степанъ. Говорить: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

Я В Л Е Н І Е III.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ, — молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполеть. Эй, Степанъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ; въ той самой.

Подколесинъ. Что жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробоваль чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробоваль.

Подколесинъ. Что жъ, блестить?

Степанъ. Блестѣть-то она блестить хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускаль тебѣ ваксу, не спрашиваль, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ.

Я В Л Е Н І Е V.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ, что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

Я В Л Е Н І Е VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что же онъ говорить?

Степанъ. Говорить: хорошо.

(Степанъ уходитъ).

Я В Л Е Н І Е VII.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь—женитьба! То, да се, да это. Чтобы то да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побори, это не такъ легко, какъ говорить. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ)*. Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ)*. Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и рассказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? какъ бишь ее: Меланья...

Ѳекла. Агафья Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агафья Тихоновна. И, вѣрно, какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песь врать.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ этажахъ, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платить семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигера — одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборской сторонѣ. Третьяго году купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмельного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣеть: двухъ ужъ поженилъ, «а третій, — говорить, — еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ, — говорить, — старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче».

Подколесинъ. Да собой-то, какова собой?

Өекла. Какъ рефинать! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и рассказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны (*показывая на горю*), то-есть и пріятелю, и непріятелю скажете: «Ай, да Фекла Ивановна, спасибо!»

Подколесинъ. Да вѣдь она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

Өекла. Кушца третей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О кушцѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ, — говоритъ, — какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ». Да, такой великаться! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ, вотъ те Христось, такъ и шумить. Книгиня просто.

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я на дворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Өекла. Да ужъ обнаковенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть — такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Өекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужъ самая лучшая?

Өекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ-завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты расскажешь...

Өекла. Да помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба, все равно, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» Натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразудить, поразмотрѣть.

Өекла. Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватить дождемъ.

Өекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угодило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жъ сѣдой волосъ? (*Шутитъ свои волосы*).

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу, на то живетъ человекъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говорить-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служить.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало, — гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ? Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, стой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. (*Уходитъ въ другую комнату*).

Я В Л Е Н И Е IX.

Фекла и Кочкаревъ (вбѣгая).

Кочкаревъ. Что Подколесинъ?.. (Увидѣвъ Феклу). Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Фекла. А что жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль — жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Фекла. Да вѣдь ты жъ самъ пристагъ; жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ, ты, крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочеть?..

Фекла. А что жъ, Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ! Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ? Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

Я В Л Е Н И Е X.

Тѣ же и Подколесинъ (съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).

Кочкаревъ (подкрадываясь сзади, пугаетъ его). Пуфъ!

Подколесинъ (вскрикнувъ и роняя зеркало). Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутить.

Подколесинъ. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ.

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь улика налицо. (Указываетъ на Феклу). Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. (Къ Феклѣ). Ну, говори: какъ, что и прочее. — Дворянка, чиновница, или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Фекла. Агаѣя Тихоновна.

Кочкаревъ. Агаѣя Тихоновна Брандахлыстова?

Фекла. Анъ, нѣтъ — Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Фекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

Фекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ, вотъ тутъ-то я не знаю.

Кочкаревъ (подрадаваясь сзади, пугаетъ его). Пуфъ!
Подколесникъ (выкрикивая и роняя зеркало). Сумасшедшій! Ну, загвѣчь... загвѣчь... Ну, загвѣчь... загвѣчь... Ну, что за глупости! Перепуталъ, право,
такъ, что душа не на мѣстѣ.

ӨЕКЛА. А вотъ какъ поворачишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ. гдѣ живеть швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлетаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живеть, Агаоыя Тиховна-то, невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

ӨЕКЛА. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

ӨЕКЛА. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право.

Кочкаревъ. Поди, поди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай, сверчокъ, свой шестокъ, — убирайся!

ӨЕКЛА. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ тагой! Въ такую дрянъ вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала.

(Уходитъ съ досадою).

Я В Л Е Н І Е XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать — ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузся: я тебя жену такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать.

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, разсмотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбагъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чирикъ какой-нибудь въ клеткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія, въ самомъ дѣлѣ, бываютъ, ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куды тебѣ! Будто у нихъ только, что ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя. ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непременно.

У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнгъ — чортъ съ нимъ, неправда ли? а? А что же касается до объѣда — у меня, братъ, есть на примѣтъ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... Я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ? помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ что жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...

Кочкаревъ. Что жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно? все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну... Ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало — что ты тамъ видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ — быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе этакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протягнувши ручонки, будетъ теревить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалать, да вѣдь всѣ на тебя похожи, вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ по-бери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ (*одѣваясь передъ зеркаломъ*). Я думаю, однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жить.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ (*надѣвая воротнички*). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички, никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводить время, а не гладить.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. (*Надѣваетъ фракъ и садится*).
Послушай, Илья Ѳомиичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты одинъ.

Бочкаревъ. Ну вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Бочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлець ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что жъ ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Бочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хотъ и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь? О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманять кусъ. Лежитъ проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ? Ну, ну, дрянъ, волпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (*Вполголоса*). Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человекъ, а онъ при немъ бранится, да еще такими словами; не нашелъ другого мѣста!

Бочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи, пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человекъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто сдуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду — чего жъ ты раскричался?

Бочкаревъ. Ёду! Конечно, что жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! (*Стелану*). Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ (*въ дверяхъ*). Такой, право, странный человекъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбрать вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаю никакого обращения.

Бочкаревъ. Да ужъ кончено, теперь не браню. (*Оба уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е XII.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

Агаѣя Тихоновна *раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка*
Арина Пантелеймоновна.

Агаѣя Тихоновна. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновой король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѣя Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѣя Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѣя Тихоновна. Вотъ ужъ, вѣрно, не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѣя Тихоновна, волось ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѣя Тихоновна. А вотъ же нѣтъ; трефовый король значить здѣсь дворянинъ — купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѣя Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударить всей пятерней по столу, да вскрикнуть: «Плевать я, — говорить, — на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же, — говорить, — дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлають другіе! А и сына, — говорить, — не отдамъ на службу. Что, — говорить, — развѣ купецъ не служить государю такъ же, какъ и всякій другой?» — Да всей пятерней-то такъ по столу и хватить. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѣя Тихоновна. Ну, вотъ, чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитриевичъ не такой.

Агаѣя Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода! станетъ вѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѣя Тихоновна. Ѳекла Ивановна сыщеть; она общалась сыскать самага лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тѣ же « Ѳекла.

Ѳекла. Ахъ, нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну, что, говори, разскажывай! Есть?

Ѳекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей-Богу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ», — говорить. — Да что жъ, — сказала я напрямикъ: — я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить. — Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ припаса! То-есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и придутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѣя Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Придутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не пондравятся, — ну, и уйдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѣя Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Ѳекла. Да человекъ шесть есть.

Агаѣя Тихоновна (*вскрикивая*). Ухъ!

Өекла. Ну, что жъ ты, мать моя, такъ вспорхнула! Лучше выбрать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѣя Тихоновна. Что жъ они, дворяне?

Өекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѣя Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Өекла. А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотъ служилъ—какъ разъ по тебѣ придется. Говорить, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любить. А Иванъ-то Павловичъ, что служить экекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?» — Столько-то и столько-то, отецъ мой! — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вложилъ такое слово, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала; э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѣя Тихоновна. Ну, а еще кто?

Өекла. А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя, малина — совсѣмъ малина — такой славный. «Мнѣ, — говорить, — нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить». Да, тонкаго поведенія человекъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой subtilный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѣя Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти subtilные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Өекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Иванъ Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ — такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ — такой славный.

Агаѣя Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Өекла. А человекъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѣя Тихоновна. А фамилія какъ?

Өекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѣя Тихоновна. Это такая фамилія?

Өекла. Фамилія.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай. Өеклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѣя Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое!

Өекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина, славный женихъ.

Агаѣя Тихоновна. А какіе у него волосы?

Өекла. Хорошіе волосы.

Агаѣя Тихоновна. А носъ?

Өекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ, никакой мебели.

Агаѣя Тихоновна. А еще кто?

Өекла. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любить ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи.

Оекла. А пьеть; не прекословлю, пьеть. Что жъ дѣлать, — ужъ онъ титулярный совѣтникъ! зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѣя Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Оекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что жъ такого, что иной разъ выпьеть лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѣя Тихоновна. Ну, а еще кто?

Оекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! эти будутъ почище.

Агаѣя Тихоновна. Ну, да кто же онъ?

Оекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носить, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѣя Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Оекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ разобрало! а вѣдь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Оекла. А, нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что въ почтеньи-то? А вотъ Алексѣй Дмитриевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Оекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: «Что ты, купчишка? свороти съ дороги!» или: «Покажи, купчишка, бархату самого лучшаго!» а купецъ: «Извольте, батюшка!» — «А сними-ка, невѣжа, шляпу!» вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину.

Оекла. А дворянинъ зарубить купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Оекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенатору.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернатору.

Оекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернаторъ больше сенатора. Разносились съ дворяниномъ. А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку... *(Въ дверяхъ слышнень звонокъ)*. Никакъ звонить кто-то.

Оекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Оекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѣя Тихоновна *(вскрикиваетъ)*. Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совѣтъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ и бѣгаетъ по комнатѣ)*. Да салфетка-то, салфетка на столѣ совѣтъ черная, Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является)*. Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ)*.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! (*Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ*). Бѣги, скажи: сейчасъ! (*Дуняшка кричитъ издалека: Сейчасъ!*).

Агаѣя Тихоновна. Тетушка, да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердый, не погуби!.. Надѣнь другое.

Фекла (*вбѣгая*). Чтò жъ вы нейдете? Агаѣя Тихоновна, поскорѣй, мать моя! (*Слышеть звонокъ*). Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. (*Дуняшка бѣжитъ въ спни и отворяетъ дверь. Слышны голоса: Дома? — Дома, пожалуйста въ комнату. Въ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину*).

Агаѣя Тихоновна (*вскрикиваетъ*). Ахъ, какой толстый!

Фекла. Идетъ, идетъ! (*Всѣ бѣгутъ отпрямью*).

Я В Л Е Н І Е XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. (*Уходитъ*).

Яичница. Пожалуй, пождать-пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генераль: «А гдѣ экзекуторъ?» — «Невѣсту пошелъ выглядывать...» Чтòбъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожъ, разсмотрѣть еще разъ роспись... (*Читаетъ*). «Каменный двухъэтажный домъ...» (*подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату*) есть! (*Продолжаетъ читать*) «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховать. «Дрожки, сани парныя съ рѣзбой подь большой коверъ и подь малый». Можеть-быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисихъ шубы...» Гм! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» (*значительно сжимаетъ губы*). Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, общають и домъ, и экипажи, а какъ женишься только и найдешь, что пуховики да перины. (*Слышеть звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: Дома? — Дома*).

Я В Л Е Н І Е XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выдутъ. (*Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей*).

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница (*въ сторону*). Физиогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. (*Вслухъ*). Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница (*въ сторону*). Вреть, вреть, съ прогулки! жениться, подлецъ, хочеть! (*Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату открывать двери. Въ стнхъ голоса: Дома? — Дома.*)

Я В Л Е Н И Е XVI.

Тѣ же и Жевакинъ (*въ сопровожденіи дѣвочки*).

Жевакинъ (*Дуняшкѣ*). Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку. (*Поворачивается*). Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазить! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. (*Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича*). Суконце-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти что новый. Благодарю, душенька, и... раскрасоточка! (*Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы*).

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ италяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты (*показываетъ на плеча*), золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія — у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балковчики и крыши, вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски, — бывало этакъ смотришь, и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... (*Кланяется и размахиваетъ рукою*) и она этакъ только. (*Дѣлаетъ рукою движеніе*). Натурально, одѣта: здѣсь у ней кака-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, — позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, — на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слышалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба» — не пойметъ, ей-Богу не пойметъ; а скажи по-французски: «Dateci del pane» или: «Portate vino!» — пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная, однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать, не замѣтилъ, пахутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... натурально, сидитъ этакая италяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши — моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаемъ другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обзнакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, этакъ на бутылку или стаканъ, — ну, тотчасъ и знаешь, что это значить выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ — знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій, — наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте, съ своей стороны, тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Ячница.

Жевакинъ (*не дослышавъ*). Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впередъ будетъ довольно, а время холодновато: сеledочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя — Ячница.

Жевакинъ (*кланяясь*). Ахъ, извините! я немножко туговать на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали ячницы.

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Ячницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ».

Жевакинъ. А это, однакожъ, бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы, — всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣвъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: «Эй, ты, Дырка, поди сюда!» и бывало надъ нимъ всегда пошутить: «эхъ, ты дырка этакон!» говорить бывало ему. (*Слышенъ въ стѣнѣ звонокъ; Джекъ бѣжитъ черезъ комнату отворять*).

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте, матушка, Фекла Ивановна!

Фекла (*блжтитъ вполыхахъ*). Спасибо, отцы мои, здорова, здорова!
(Отворяетъ дверь; въ стнхъ раздаются голоса: Дома? — Дома. Потому н-сколько почти несмысленныхъ словъ, на которыя Фекла отвѣчаетъ съ досадою: Смотри ты, какой!).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Фекла.

Кочкаревъ (*Подколесину*). Ты помни только — куражъ и больше ничего. (*Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про себя*). Фу ты, какая куца народу! Это что значить? Ужъ не женихи ли? (*Толкаетъ Феклу и говоритъ ей тихо*). Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ — а?

Фекла (*вполоса*). Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ (*ей*). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Фекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твой разживные, по дырѣ въ карманѣ. (*Вслухъ*). Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? (*Подходитъ къ двери*).

Фекла. Безстыдникъ! Говорять тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что жъ тутъ такого! Вѣдь только посмотри и больше ничего. (*Смотритъ въ замочную скважину*).

Жевакинъ. А позвольте мнѣ подлюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ (*продолжая смотрѣть*). Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое блѣбеть, женщина или подушка. (*Всѣ, одна-кожъ, обступили дверь и проридаются взглянуть*).

Кочкаревъ. Чш... кто-то идетъ. (*Всѣ отскакиваютъ прочь*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаея Тихоновна. (*Всѣ раскланиваются*).

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хотъ подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій ассессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. (*Обращается къ Жевакину и смотритъ на него*). А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамилиі?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставку, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила — какъ иголкой шило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину)*. А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домъ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покажѣсть живу еще на Пескахъ, но имѣю, однакоже, намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву)*. А позвольте узнать...

Бочкаревъ. Да неужли вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѣ Тихоновнѣ)*. И вы также, сударыня?

Агаѣ Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Бочкаревъ. Однакожъ, припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѣ Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ ли?

Бочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѣ Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Бочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѣ Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожжахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожжъ.

Бочкаревъ. Да, то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамилиі?

Бочкаревъ. Какъ же, — Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте *(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его)*: пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служить экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамилиі?

Бочкаревъ. Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ. Директоръ такъ только для чина поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

Я В Л Е Н І Е XIX.

Т ѣ ж е и Стариковъ.

Стариковъ (*кланяясь живо и скоро, но-купечески, и слегка берясь въ боки*). Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Робята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѣья Тихоновна (*отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ, что онъ слышитъ*). Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитриевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(*Всѣ устали. Молчаніе*).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѣья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность.

Жевагинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время, — если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдемъ, бывало, изъ дому — день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Неприятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло — не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевагинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Бочкаревъ. Какое? — просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣ мужу?

Жевагинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Бочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, дѣлать обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѣья Тихоновна (*молчитъ*).

Фекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Бочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѣья Тихоновна?

Фекла (*тихо ей*). Скажи же, скажи: «Благодарствую, — молъ, — съ моимъ удовольствіемъ...» Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѣья Тихоновна (*тихо*). Мнѣ стыдно, право, стыдно; я уйду, право, уйду. Тетушка, посидите за меня.

Өекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ острамишься. Они нивѣсть что подумаютъ.

Аглабья Тихоновна (такъ же). Нѣтъ, право, уйду, уйду, уйду!
(Убѣгаетъ. Өекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею).

Я В Л Е Н І Е XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! Это что значить?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалета... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... прищипать. (Өекла входитъ. Встѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами: Что, что такое?)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Өекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей-Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Өекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ сконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Просить извинить: ввечеру - де на чашку чаю чтобы пожаловали. (Уходитъ).

Яичница (въ сторону). Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ-возня: сегодня нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послѣ завтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянъ, ничуть не головоломное! Чортъ побори, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ. (Подколесину). А вѣдь хозяйка недурна — а?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяйка-то хороша?

Кочкаревъ (въ сторону). Вотъ, чортъ побори! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (Вслухъ). Совсѣмъ нехороша. Совсѣмъ нехороша.

Яичница. Ночь великъ.

Жевакинъ. Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакій розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ. Да что жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастья воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было приучить, стояло только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непременно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А, нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непременно знала, а безъ того у ней и то, и это... (показываетъ жестами) все ужъ будетъ не то.

Яичница (въ сторону). Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны — народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Стариковъ (князя въ жезло и скоро, по-купецки, и смежъ беря въ бока). Здравствуйте, матушка Ариня Ивангелевна! Робята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

ЖЕВАКИНЪ. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

АНУЧКИНЪ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

ЖЕВАКИНЪ. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову, въ 18 линіи, а впрочемъ, все-таки я васъ провожу.

СТАРИКОВЪ. Нѣтъ, тутъ что-то спесьеваго. Ай, припомните потомъ, Агаея Тихоновна, и насъ. Съ моимъ почтеніемъ, господа! (*Кланяется и уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что, вѣдь правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему жъ?

Подколесинъ. Да потому что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ. Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она — красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну, я разсмотрѣлъ и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ, ты, пирей не нашель дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ, — такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышать. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ (*умблалъ*). Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдѣмъ къ ней, изяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего жъ?

Подколесинъ. Да что жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь.

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣживаться.

Подколесинъ. Почему жъ не дать? изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться.

Бочкаревъ. Руку!

Подколесинъ *(подавая)*. Возьми!

Бочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно.
(Оба уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѣя Тихоновна одна, потомъ Кочкаревъ.

Агаѣя Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ! Если бы еще одинъ, два человека, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недурень, хотя, конечно, худошавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недурень. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто рассказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божию: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить)*. Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого... Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою)*. Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ)*. Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непременно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ)*. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится мозади). Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Бочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшно взглянуть назадъ)*.

Бочкаревъ. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Бочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѣя Тихоновна (*въ половину открывая лицо*). Мнѣ, право, стыдно.

Бочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ! (*вскрикиваетъ и закрывается вновь руками*).

Бочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаѣя Тихоновна (*немногу открываетъ лицо*). Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Бочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна. Отчего же?

Бочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѣя Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ.

Бочкаревъ. И Иванъ Павловичъ — дрянь, всѣ они — дрянь.

Агаѣя Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Бочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что не попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаѣя Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Бочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Бочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѣя Тихоновна. Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича?

Бочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. (*Въ сторону*). Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѣя Тихоновна. Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

Бочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна. А тѣмъ, другимъ развѣ отказать?

Бочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаѣя Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Бочкаревъ. Почему жъ стыдно? Скажите, что еще, молоды и не хотите замужъ.

Агаѣя Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Бочкаревъ. Ну, такъ если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

Агаѣя Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Бочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣрю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѣя Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Бочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѣя Тихоновна. Да все какъ-то нехорошо... они вѣдь разсѣдятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

Агаѣя Тихоновна. Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозялъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ — плюнулъ въ самое лицо, ей-Богу! «Вотъ тебѣ, — говорить, — твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья, однакоже, все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ да и вытеръ. *(Въ смятъ звонятъ)*. Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѣя Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону)*. Поскорѣй приведу Подколесина.

Я В Л Е Н І Е II.

Агаѣя Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону)*. О, она не то, что, какъ бывають, худенькія нѣмки — кое-что есть.

Агаѣя Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... *(Слышенъ колокольчикъ)*. Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу)*. Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе.

Яичница *(въ сторону)*. Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ)*. Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ? *(Слышенъ колокольчикъ; Яичница плететъ съ сердцовъ)*. Опять колокольчикъ.

Я В Л Е Н І Е І V.

Т ѣ ж е и А н у ч к и н ѣ .

А н у ч к и н ѣ . Можеть-быть я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ я повелѣваетъ долгъ приличія... (*Видя прочіихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается*). Мое почтеніе!

Я и ч н и ц а (*въ сторону*). Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! (*Вслухъ*). Такъ какъ же, сударыня, рѣшите, — я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да, или нѣтъ?

А г а ѡ ѣ я Т и х о н о в н а (*въ смущеніи*). Не нужно-съ... не нужно-съ... (*Въ сторону*). Ничего не понимаю, что говорю.

Я и ч н и ц а . Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

А г а ѡ ѣ я Т и х о н о в н а . Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... (*Собираясь съ духомъ*). Пошли вонъ!.. (*Въ сторону, всплеснувши руками*). Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Я и ч н и ц а . Какъ «пошли вонъ?» Что это такое значить: «пошли вонъ?» Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? (*Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно*).

А г а ѡ ѣ я Т и х о н о в н а (*взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ*). Ухъ, прибѣть, прибѣть! (*Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: Ухъ, прибѣть! и убѣгаетъ*).

Я и ч н и ц а . Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! (*Въ дверяхъ звенитъ звонокъ и слышны голоса*).

Г о л о с ѣ Б о ч к а р е в а . Да входи, входи, что жъ ты остановился.

Г о л о с ѣ П о д к о л е с и н а . Да ступай ты впередъ. Я только не минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Г о л о с ѣ Б о ч к а р е в а . Да ты улизнешь опять.

Г о л о с ѣ П о д к о л е с и н а . Нѣтъ, не улизну! Ей-Богу, не улизну!

Я В Л Е Н І Е V.

Т ѣ ж е и К о ч к а р е в ѣ .

К о ч к а р е в ѣ . Ну, вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Я и ч н и ц а (*обращаясь къ нему*). Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

К о ч к а р е в ѣ . А что? случилось развѣ что?

Я и ч н и ц а . Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: «прибѣть, прибѣть!» Чортъ знаетъ, что такое!

К о ч к а р е в ѣ . Ну, да, это за ней водится: она дура.

Я и ч н и ц а . Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

К о ч к а р е в ѣ . Какъ же, родственникъ.

Я и ч н и ц а . А какъ родственникъ? позвольте узнать.

К о ч к а р е в ѣ . Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ей отцу, или отецъ ей что-то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя, — это ихъ дѣло.

Я и ч н и ц а . И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго сызмала.

Яичница. Да, конечно, лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ, и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь — мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Чтò вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строить дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожь, вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не только заложенъ, но за два года проценты еще не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, — сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снятъ бы, безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ она бестія этакая, извергъ рода челоувъ... *(Въ сторону)*. Однакожь, онъ, можетъ-быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поють.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезкокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Чтò вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансионѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ, ты бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала, — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! «Домъ, флигель, — говорить, — на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани — вотъ садись, да и катайся!» словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ, ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же и *Фекла*. *(Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами):*

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Фекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Фекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Текла. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти бь тебя съѣли, въдьма ты проклятая! *(Притопывая ногой)*.

Текла. Смотри ты, какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствие, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Текла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насаказали, что она знаетъ по-французски.

Текла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по-всякому; какия хочешь манеры — все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говорить.

Текла. Что жь тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говорить по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужь тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — известно, какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Текла *(потясь ближе къ дверямъ)*. И не подойду, я знаю тебя: ты человекъ тяжелый, ни за что прибьешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлець! Слышишь, непременно скажи. *(Уходитъ)*.

Текла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толсть, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлець, вотъ что!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! *(Уходитъ)*.

Текла. Белены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Светла съ ума глупая грамота!

Я В Л Е Н І Е VII.

Текла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ. *(Хочетъ во все горло, смотря на Теклу и указывая на нее пальцемъ)*.

Текла *(съ досадою)*. Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ. *(Продолжаетъ хохотать)*.

Текла. Экъ, какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерница женить, знаетъ, какъ повести дѣло! *(Продолжаетъ хохотать)*.

Текла. Экъ, его заливаается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала.

(Уходитъ съ досадою).

Я В Л Е Н І Е VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *(продолжая хохотать)*. Охъ, не могу; право, не могу! Силы не выдержать, чувствую, что тресну отъ смѣха! *(Продолжаетъ хохотать)*.

ЖЕВАКИНЪ. (*Глядя на него, начинает тоже смѣяться*).

БОЧКАРЕВЪ (*въ усталости валится на стулъ*). Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

ЖЕВАКИНЪ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдарева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палець—вдругъ засмѣется, ей-Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ, точно, этакъ смѣешься.

БОЧКАРЕВЪ (*переводя дыханье*). Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

ЖЕВАКИНЪ. Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

БОЧКАРЕВЪ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

ЖЕВАКИНЪ. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

БОЧКАРЕВЪ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

ЖЕВАКИНЪ. Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный много вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

БОЧКАРЕВЪ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданого ничего нѣтъ.

ЖЕВАКИНЪ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ, съ такою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданого. Небольшая комнатка (*размѣриваетъ примѣрно руками*), этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какаля-нибудь вродѣ такой перегородки...

БОЧКАРЕВЪ. Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

ЖЕВАКИНЪ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматѣрь со стороны женской полноты.

БОЧКАРЕВЪ (*поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону*). А вѣдь самъ ужъ куды не пошеголяеть; точно кисеть, изъ котораго вытрясли табакъ. (*Вслухъ*). Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

ЖЕВАКИНЪ. Какъ такъ?

БОЧКАРЕВЪ. Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

ЖЕВАКИНЪ. Пѣтушья?

БОЧКАРЕВЪ. Конечно. Что у васъ за видъ!

ЖЕВАКИНЪ. То-есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

БОЧКАРЕВЪ. Да просто—пѣтушья.

ЖЕВАКИНЪ. Мнѣ кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

БОЧКАРЕВЪ. Да вѣдь я говорю потому, что знаю, вы разсудительный человекъ; другому я не скажу. А васъ женю, извольте, только на другой.

ЖЕВАКИНЪ. Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

БОЧКАРЕВЪ. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

ЖЕВАКИНЪ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хотъ на глаза нужно будетъ показаться.

Бочкаревъ. Совѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ (*потираетъ руки*). А вотъ это и ужъ куды бы хорошо! Да не нужно ли аттестать, послужной списокъ? Можетъ-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Бочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (*Вытраваживаетъ его*). Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? Что жъ это Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужели онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ?

Я В Л Е Н І Е IX.

Кочкаревъ, Агаѣя Тихоновна.

Агаѣя Тихоновна (*осматриваясь*). Что, ушли? никого нѣтъ?

Бочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакое, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Ячница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Бочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѣя Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ (*высовывая голову въ двери*). Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакій.

Агаѣя Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! (*Потираетъ руки*).

Бочкаревъ. Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ, что, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѣя Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Бочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей-Богу, не понимаю!

Агаѣя Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Бочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ (*громко*). Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не прогилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить — другое дѣло; а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Бочкаревъ (*въ сторону*). Какъ это угораздило его подвернуться? (*Агаѣя Тихоновна* *эпимолоса*). Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день писать. Прогоните его, да и коншы въ воду! (*Въ сторону*). А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экій мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е X.

Агаѣя Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ (*съ стороны*). Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! (*Вслухъ*). Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѣя Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-съ голова. (*Хочетъ уйти*).

Жевакинъ. Но, можетъ-быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится? (*Указывая на голову*). Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѣя Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѣя Тихоновна. Для васъ лучше. Прощайте! (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е XI.

Жевакинъ (*одинъ, говоритъ вслѣдъ ей*).

Сударыня, позвольте, — скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Ушла!.. Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки — смотришь, и откажутъ. (*Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи*). Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожь, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... (*Подумавъ*). Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. (*Осматривается*). Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундукъ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей-Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ (*входятъ и оба оглядываются назадъ*).

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ (*съ самодовольною улыбкой*). А прекофузно, однакоже, должно-быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, — такъ, просто, и кипитъ.

Подколесинъ (*самодовольно усмѣхается*). А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина если захочетъ, какихъ словъ не насажаетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ. Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ (*усмѣхаясь*). Будто?

Кочкаревъ. Какъ честный человекъ! Послушай, теперь, однакожь, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же минуту... а вотъ и она сама.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тъ же и Агаѣя Тихоновна.

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ, и неприятелю не пожелаю...

Подколесинъ (*толкая ея подъ руку, тихо*). Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ (*ему*). Ничего, ничего! (*Ей тихо*). Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и сръзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ! — Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да, впрочемъ, и это хорошо. (*Вслухъ*). Ну, я оставляю васъ въ приятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться — сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ: можетъ быть, и вина принесены... До свиданья! (*Подколесину*). Смѣлѣе! Смѣлѣе! (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XIV.

Подколесинъ и Агаѣя Тихоновна.

Агаѣя Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться.

(*Садятся и молчатъ*).

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѣя Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень приятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѣя Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(*Оба молчатъ*).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѣя Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѣя Тихоновна. Да, приятное занятіе. (*Молчаніе*). Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу)*. Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѣя Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѣя Тихоновна. Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ)*; девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѣя Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе)*. Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѣя Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанитъ пальцами, наконецъ, берется за шляпу и раскланивается)*.

Агаѣя Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ - быть, наскучилъ вамъ.

Агаѣя Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ *(улыбаясь)*. А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, право, нѣтъ!

Подколесинъ. Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеромъ когда-нибудь...

Агаѣя Тихоновна. Очень пріятно-съ. *(Раскланивается. Подколесинъ уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XV.

Агаѣя Тихоновна *(одна)*.

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное тѣ хорошо, что совѣтъ не пустесловить. Я было хотѣла ему тоже слова два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, расскажу тетушкѣ. *(Уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ)*.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало-быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку припеку: «Сударыня, дайте я на васъ женюсь!»

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали бы-тыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно вѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что ты съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ. Почему жь нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты жь самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны — сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, нужно дать роздыху.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямяся, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня, по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну полно же, душенька, рѣшишь, взгляни окомъ благоразумнаго человека.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли. я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ (*становясь на колѣни*). Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя! Вѣгъ не позабуду твоей услуги, не упрямяся, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ (*вставая въ сердцахъ*). Свиныя!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Бочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что до того?

Бочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Бочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Бочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что жъ, и пойду.

Бочкаревъ. Ступай, ступай, и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышло въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся.

Подколесинъ. И не покажусь. *(Уходитъ).*

Бочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ).* Дуракъ!

Я В Л Е Н І Е XVII.

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ въ сильномъ движеніи взадъ и впередъ).*

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Этакій дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое: нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто, чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!.. Этакій мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы, во всякое мѣсто. *(Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ).* Вѣдь вотъ что досадно: выпелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей-Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу, поддеца!

(Убѣгаетъ).

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Агаѣя Тихоновна *(входитъ).*

Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куды ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикюль, — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ).*

Итакъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня переѣзна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною — уфъ! Дрожь такъ меня и пробраетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь! *(Плачетъ)*. Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовы сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-по-малу отягъ рьдаты)*. Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... *(Переменная улыбка)*. Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшгаетъ?

Я В Л Е Н І Е XIX.

Агаѣя Тихоновна и Подколесинъ *(вытаскивается на сцену изъ дверей двумя руками Кочкарева)*.

Подколесинъ *(затинаясь)*. Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѣя Тихоновна *(потупляя глаза)*. Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѣя Тихоновна *(такъ же)*. Не могу знать, что такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно, вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѣя Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слышали. *(Агаѣя Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами)*. Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѣя Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про себя, складывая руки)*. Господи ты Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѣя Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣіе.

Кочкаревъ *(вслухъ)*. Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ *(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо)*: Помилуй, что ты?

Кочкаревъ. Такъ что жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастье?

Агаѣя Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобы я могла составить счастье... а впрочемъ, я согласна.

Бочкаревъ. Естественно, естественно, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку).*

Бочкаревъ *(соединяя руки).* Ну, Богъ васъ благословить! Соглашень и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взявъ извозчика, да и поѣхалъ куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я расскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать, ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агабья Тихоновна потупляетъ глаза).* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку).* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непременно сей же часъ.

Агабья Тихоновна. Какъ, сейчасъ? Ужъ это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье!

Бочкаревъ. Bravo! Хорошо! Благородный человекъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь, Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агабья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

Я В Л Е Н І Е XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый).* Будущей весною навѣщу непременно могилу твоего отца.

Бочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую).* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(и жалеются)*, въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили вучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человекъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человекъ живетъ.

Бочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону).* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою).*

Я В Л Е Н І Е XXI.

Подколесинъ (одинъ).

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, — словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный чедовѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, — какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ! Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого чедовѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанья*). Однакожь, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попытаться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности... А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально, нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну спросить: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (*Подходитъ къ окну*). Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже шляпы. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто, однакоже, нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови!» соскакиваетъ на улицу; за сценой кричатъ и охаютъ*). Охъ! однакожь, высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго мосту.

Голосъ извозчика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Пошелъ! (*Слышенъ стукъ отъъезжающихъ дрожжекъ*).

Я В Л Е Н І Е XXII.

Агаѣя Тихоновна (*входитъ въ отъичальномъ платьѣ робко и потупивъ голову*).

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ зачѣмъ-нибудь вышелъ! (*Съ робостью оглядывается*). Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (*Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда*). Фекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Феклы. Да онъ тамъ.

Агаѣя Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Фекла (*входя*). Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѣя Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Фекла. Ну, да ужь изъ комнаты онъ тоже не выходилъ, — я сидѣла въ прихожей.

Агаѣя Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Фекла. Я ужь не знаю, гдѣ; не вышла ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеевны?

Агаѣя Тихоновна. Тетушка! тетушка!

Я В Л Е Н І Е XXIII.

Тѣ же и Арinna Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна (*разодѣтая*). А что такое?

Агаѣя Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; **кто мнѣ** не заходилъ.

Фекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѣя Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

Я В Л Е Н І Е XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѣя Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? ушелъ?

Агаѣя Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? и нѣтъ — и не ушелъ?

Фекла. Ужь куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужь по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! (*Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулъ*). Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положила туда.

Арина Пантелеймоновна. Ужь развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!

Я В Л Е Н І Е XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видела?

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко. (*Агаѣя Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками*).

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ, какъ высочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду говоришь?

Бочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей-Богу, высочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна (*подступая къ Кочкареву*). Что жъ, вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что ли? Посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого страму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человекъ. Да вы послѣ этого подлець, коли вы честный человекъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я — мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (*Уходитъ съ сердцахъ и уводитъ невесту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный*).

Фекла. Что? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и ѳтакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ огна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Бочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! (*Уходитъ*).

Фекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ — ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

Я В Л Е Н І Е I.

Ихаревь *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги Алексѣя и своего собственнаго, Гаврюшки.*

А л е к с ѣ й. Пожалуйте-сь, пожалуйте! Вотъ-сь покойничгъ! ужь самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

И х а р е в ъ. Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

А л е к с ѣ й. То-есть, изволите говорить насчетъ блохъ? ужь будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужь это наша отвѣтственность; ужь на томъ стоимъ.

И х а р е в ъ (*Гаврюшкѣ*). Ступай выносить изъ коляски. (*Гаврюшка уходитъ. Алексѣю*). Тебя какъ зовутъ?

А л е к с ѣ й. Алексѣй-сь.

И х а р е в ъ. Ну, послушай! (*значительно*) рассказывай: кто у васъ живеть?

А л е к с ѣ й. Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

И х а р е в ъ. Кто жь именно?

А л е к с ѣ й. Швахневъ Петръ (Петровичъ, Вругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

И х а р е в ъ. Играютъ?

А л е к с ѣ й. Да вотъ ужь шесть ночей сряду играютъ.

И х а р е в ъ. Пара цѣлковиковъ! (*Суетъ ему въ руку*).

А л е к с ѣ й (*кланяясь*). Покорнѣйше благодарю.

И х а р е в ъ. Послѣ еще будетъ.

А л е к с ѣ й. Покорнѣйше-сь благодарю.

И х а р е в ъ. Между собой играютъ?

А л е к с ѣ й. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шеньгина выиграли тридцать шесть тысячъ.

И х а р е в ъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

А л е к с ѣ й. Нѣтъ-сь, они сами брали вмѣстѣ.

И х а р е в ъ. Да у кого?

А л е к с ѣ й. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

И х а р е в ъ. Врешь, врешь, плуть!

А л е к с ѣ й. Ей-Богу!

И х а р е в ъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужь. (*Гаврюшка вноситъ икатулку*). Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. (*Слуги уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е II.

Ихарець (*одинъ, оттираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами*).

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябить въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка, — просто перлъ! Зато жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, прѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. (*Услыша шумъ, постынно закрываетъ шкатулку*).

Я В Л Е Н І Е III.

Алексѣй и Гаврюшка (*несутъ лаванку, рукомойникъ и полотенце*).

Ихарець. Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей загѣ.

Ихарець. Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ! (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй. Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семень, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ (*осторожно входя*).

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. (*Алексѣю*). Ступай, братъ, тебя зовутъ! (*Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя постынно къ Гаврюшкѣ*). Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Гаврюшка. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля (даютъ ему бумажку). Разскажи-вай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохневъ. Что, какъ онъ теперь, — въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотыхъ эпюлетъ сколько-то паръ... одной выигри дали на 600 рублей.

Швохневъ (взявъ на Кругеля значительно). А? восемьдесятъ тысячъ! (Кругель покачалъ головою). Думаешь — не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. (Гаврюшкѣ). Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ — что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ барининомъ всего двѣ недѣли ѣзжу; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ (Кругелю). Думаешь — шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. (Оба уходятъ).

Я В Л Е Н І Е VI.

Гаврюшка (одинъ).

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣлятамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жизнь! Ужъ всегда что-нибудь приобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — все ужъ съ рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хощь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, ваяя подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

Я В Л Е Н І Е VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, потомъ Алексѣй.

Ихаревъ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. (Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться). Просто рука дрожить, никакъ не могу бриться. (Входитъ Алексѣй).

А л е к с ѣ й. Не прикажете ли чего покушать?

И х а р е в ъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре чело-
вѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его (*указывая*
на Гаврюшку).

А л е к с ѣ й (*Гаврюшкѣ*). Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ при-
готовлено. (*Гаврюшка уходитъ*).

И х а р е в ъ (*продолжая бриться*). Послушай! много они тебѣ дали?

А л е к с ѣ й. Кто-съ?

И х а р е в ъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

А л е к с ѣ й. Да-съ, за прислугу пожаловали.

И х а р е в ъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

А л е к с ѣ й. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

И х а р е в ъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ
лежить сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укусить. Отъ тебя
не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты
пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ
тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. (*Даетъ ему запечатанную дюжину*).
Понимаешь?

А л е к с ѣ й. Да ужъ какъ не понять? Извольте положитьсь, это ужъ
наше дѣло.

И х а р е в ъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь не
ошупали или не увидѣли. (*Кладетъ щетку и мыло и вытираетъ полотен-
цемъ. Алексѣй уходитъ*). Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ,
признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Швохневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный (*входятъ съ по-
клонами*).

И х а р е в ъ (*съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу*). Прошу простить. Ком-
ната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Привѣтливый ласки хозяина дороже всякихъ
удобствъ.

Ш в о х н е в ъ. Не съ комнатою жить, а съ добрыми людьми.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ обще-
ства. (*Кругелю*). Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ-
единѣшенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка — старуха. На лѣстницѣ
какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея ка-
кой-то армейщина, видно, натошакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ
судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я
былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все,
что ни есть на душѣ, готовъ рассказать каждому.

К р у г е л ь. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество
вредить. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обмануть.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду
обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

К р у г е л ь. Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну
со всякимъ. Дружба — это другое дѣло.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Такъ; но человекъ принадлежитъ обществу.

К р у г е л ь. Принадлежитъ, но не весь.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, весь.

Б р у г е л ь. Нѣтъ, не весь.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, весь.

Б р у г е л ь. Нѣтъ, не весь.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, весь!

Ш в о х н е в ь (*Утѣшительному*). Не спорь, братъ: ты не правъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й (*горячася*). Нѣтъ, я докажу. Это обязанность...

Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Ш в о х н е в ь. Ну, зарпортовался! Горячь необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говорить, а ужъ дальше ничего не поймешь.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: «господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право, увлекусь». Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипить, такъ и кипить.

И х а р е в ь (*про себя*). Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ «обязанность». У тебя, можетъ-быть, и кипить желчь, да только не въ этомъ случаѣ. (*Вслухъ*). А что, господа, покажемъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(*Въ продолженіе изъ разговора приготовленъ на столъ завтракъ*).

У т ь ш и т е л ь н ы й. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Б р у г е л ь. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

И х а р е в ь. А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Ш в о х н е в ь. О, только прикажите!

И х а р е в ь. Барты! (*Алексій хлопочетъ около карточного стола*). А между тѣмъ, прошу, господа! (*Указывая рукой на закуску и подходя къ ней*). Балыкъ, кажется, не того, а игра еще такъ и сякъ.

Ш в о х н е в ь (*посылая въ ротъ кусокъ*). Нѣтъ, и балыкъ того.

Б р у г е л ь (*также*). И сыръ хорошъ. Игра тоже недурна.

Ш в о х н е в ь (*Кругло*). Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Б р у г е л ь. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотнись другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартирмейстеръ, говоритъ: «Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто».

И х а р е в ь. Добро пожаловать, господа, карты на столъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й (*подходя къ карточному столу*). А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

И х а р е в ь (*въ сторону*). Да полно тебѣ корчить!..

У т ь ш и т е л ь н ы й. Хотите вы держать банчикъ?

И х а р е в ь. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? (*Мечетъ банкъ*).

(*Начинается игра. Раздаются восклицанія*).

Ш в о х н е в ь. Четверка, тузикъ, — оба по десяти.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Бругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побори, паролѣ!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Бругель. Атанде! позвольте посмотреть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный (*вскакиваетъ съ мѣста, про себя*). Чортъ побори, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(*Игра продолжается*).

Ихарева (*Кругло*). Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Бругель. Обѣ.

Ихарева. Не возвышаете?

Бругель. Нѣтъ.

Ихарева (*Швохневу*). А вы что жъ? не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талію переждать. (*Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро*). Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный (*съ волненіем*). Пеужели, однакожъ, откажутся отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока надо съ нимъ объясниться!

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. (*Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу*).

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихарева (*вздригиваетъ*). Какъ?

Утѣшительный. Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихарева (*гучиво*). Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный. Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихарева. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что словарились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человека обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихарева. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадите же другъ другу руки. (*Всѣ попеременно пожимаютъ руку Ихареву*). Отнынѣ все общее: притворство и церемонія въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

И х а р е в ъ. Признаюсь, это уже съ самых юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Я такъ и полагаю. Подобное искусство не можетъ быть приобретено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

И х а р е в ъ. Какого ребенка?

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. А вотъ расскажи!

Ш в о х н е в ъ. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говорить мнѣ его зять (*указывая на Утѣшительнаго*), Андрей Ивановичъ Пятницъ: «Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кобышева, передергивается съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!» Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кобышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человекъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендую, говорю: «Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ». — «Да, признаюсь, — говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отворокъ), — да, — говоритъ, — точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо... Миша! — говоритъ, — поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечу не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началь онъ метать — я просто потерялся. Это превосходить всякое описанье.

И х а р е в ъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Ш в о х н е в ъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

И х а р е в ъ. Это непостижимо!

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Феномень, феномень!

И х а р е в ъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа...

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отиѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

И х а р е в ъ. То-есть, ключъ рисунка?

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу назвать, одинъ почтенный человекъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колоды, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоятъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молю, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

И х а р е в ъ. Это, однакожъ, важная вещь.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи — распредѣленіе работъ. Все равно — каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

И х а р е в ъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Сохрани Бог! да и опасно. Это значить иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Прїѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ кушца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шарить въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ — сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, кушцы вмѣгъ расхватили въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

И х а р е в ь. Это очень ловко.

Ш в о х н е в ь. Ну, а у того, у помѣщика? :

И х а р е в ь. Что у помѣщика?

У т ь ш и т е л ь н ы й. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотреть самъ, люди у него воспитаны — камергеры, домъ — дворецъ, деревня, сады, — все это по англискому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто, нѣтъ возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это плано, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ — чемоданъ. Машутъ, кричатъ, «остановись!» куды! никто не слышитъ, умчались, только пылъ осталась по всей дорогѣ. — Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ, и гости, остались безъ копейки въ карманѣ, и кончился банкъ.

И х а р е в ь. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепрїятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сидеть со мною въ карты — я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

И х а р е в ь. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копейку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

У т ь ш и т е л ь н ы й. Знаю, но, можетъ-быть, другого рода.

И х а р е в ь. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотреть. Докторъ опасался воспаления въ глазахъ. (*Вынимаетъ изъ шкатулки*). Вотъ она! Зато ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Какъ, имя?

И х а р е в ъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

У т ь ш и т е л ь н ы й (*усмѣхает*). Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея — назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже это очень остроумнымъ.

Ш в о х н е в ъ. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

К р у г е л ь. Что я за нѣмецъ? Дѣдь былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

У т ь ш и т е л ь н ы й (*разсматривая колоду*). Это, точно, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстоянїи?

И х а р е в ъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ ассигурировать, если ошибусь.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ну, это какая карта?

И х а р е в ъ. Семерка.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Такъ точно. Эта?

И х а р е в ъ. Валетъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

И х а р е в ъ. Тройка.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Непостижимо.

К р у г е л ь (*пожимая плечами*). Непостижимо!

Ш в о х н е в ъ. Непостижимо!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Позвольте еще разъ рассмотретьъ. (*Разсматривая колоду*). Удивительная вещь! стоять того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

И х а р е в ъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человекъ — съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ — замгаться. Какъ поиграетъ два дни и двѣ ночи сряду, не поспавши — ну, и замгается. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ есть тысяча. Придержитесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Но, однакоже, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Приобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемонїи, оставимъ лишніе этикетки и станемъ говорить другъ другу «ты».

И х а р е в ъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Человекъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

И х а р е в ъ. Именно, это стѣитъ того, чтобы запить.

Ш в о х н е в ъ. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

И х а р е в ъ. Именно, именно, крѣлости недостаетъ только, на которую бы идти, вотъ бѣда!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Что жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. (*Смотря пристально на Швохнева*). Чтѣ? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... *(останавливается)*.

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ *(съ живостью)*. А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ; и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ во-все напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ. Ну, да приведи его, по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значить, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. изволь, изволь! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Утѣшительнаго.

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ — все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насыдешь на него хорошенко, скажеть: «да». Иной вѣдь съ виду корчить, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель. Ну, однакожъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку — я готовъ съестъ и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочить съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голъ и перетыга, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣтъ подать?

Ш в о х н е в ь. Въ ротъ не беретъ.

И х а р е в ь. Что жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожь, все я думаю... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подѣлалъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Ш в о х н е в ь. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. (*Садятся въ сторонѣ съ картами*).

Я В Л Е Н І Е X.

Тѣ же, Утѣшительный и Михайло Александровичъ Гловъ (*человѣкъ почетенныхъ лѣтъ*).

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михайлъ Александровичъ Гловъ!

И х а р е в ь. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Г л о в ь. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

И х а р е в ь (*подавая ему стулъ*). Прошу покорнѣйше!.. Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(*Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешиптываются между собою*).

Г л о в ь. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ, и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

И х а р е в ь. Что жъ, удерживаютъ дѣла?..

Г л о в ь. Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

И х а р е в ь. Вѣроятно, тяжба?

Г л о в ь. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

И х а р е в ь. А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Г л о в ь. Въ двухстахъ тысячахъ. На дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь — невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

И х а р е в ь. Какъ же, и денегъ не хотите дожидаться?

Г л о в ь. Что жъ дѣлать, батюшка? Вы рассмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяць, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. (*Обращаясь къ Швохневу и Кругелю*). А что жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

К р у г е л ь. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Г л о в ь. Кажется, что-то похоже на банчикъ!

Ш в о х н е в ь. Какое! для препровожденья времени, грошовый банчикъ!

Г л о в ь. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы — молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ

игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ (Ихареву). Ну, пошелъ ужъ старикашка плестъ свое. (Глову). Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору, — это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ. Да чтѣ жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человекъ. Я сужу по опыту..

Швохневъ. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непременно обожжется на томъ же. Если они пошла какой-нибудь дорожкой, да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедъ — они ужъ кричать и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедъ, и всякій непременно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженіе того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подонвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенія. Собака укусила человекъ на улицѣ — всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны, есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь зато жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломить шею!

Швохневъ. Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсятся, такъ что невтерпѣжъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпѣжъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ. Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Миханломъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно: но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда, — не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышь не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто чтѣ ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка, ей-Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человекъ. Ну, чтѣ, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро рассуждали? Господи Ты Боже мой, чтѣ бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрѣя. Ужъ какъ, ей-Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволялъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа,

послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей-Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей-Богу! Какъ вообразу: дочь кинется на шею: «папашъ ты мой, милый папашъ!» сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видашь... Просто, словъ не достаешь: ей-Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

И х а р е в ъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

А л е к с ѣ й (*входя, говоритъ Глову*). Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Г л о в ъ. А вотъ я [сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставляю. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

И х а р е в ъ. Ну, нѣтъ никакой надежды!

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоить только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

И х а р е в ъ. Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

И х а р е в ъ. Ну, да вѣдь что жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

Я В Л Е Н І Е XII.

Тѣ же « Г л о в ъ.

Г л о в ъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось, приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Ш в о х н е в ъ. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкуются, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

Г л о в ъ. Ей-Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся, — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы уследили мое уединеніе.

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Г л о в ъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Г л о в ъ. Успокойте старика-отца!

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. Какъ?

Г л о в ъ. Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все же еще ненадеженъ: двадцать два года, — ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончили учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочется, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!..» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блестятъ, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человекъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки)*.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Г л о в ъ. Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и ильются)*. Вѣдь какъ видно, когда у человека-то доброе сердце, ей-Богу! Богъ васъ наградить за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

И х а р е в ъ. Прощайте, доброй дороги!

Ш в о х н е в ъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Г л о в ъ. Благодарю васъ, господа!

У т ь ш и т е л ь н ы й. А я васъ-таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Г л о в ъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры! *(Оба уходятъ)*.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

И х а р е в ъ. Улетѣла птица!

Ш в о х н е в ъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

И х а р е в ъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

К р у г е л ь. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

И х а р е в ъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ве-тошекъ.

Ш в о х н е в ъ. И все это дрянь, гниль.

И х а р е в ъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ стомяко, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Ш в о х н е в ъ. Я помирюся и на половинѣ.

К р у г е л ь. Я доволенъ буду и четвертью.

Ш в о х н е в ъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

К р у г е л ь. Какъ честный человекъ.

Ш в о х н е в ъ. Надуешь.

Я В Л Е Н І Е XIV.

Тѣ же и Утѣшительный (*входитъ постынно и съ радостнымъ видомъ*).

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ, и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ — молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. (*Убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Bravo! дѣло возымѣло славный оборотъ! (*Всѣ потираютъ въ радости руки*).

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

Я В Л Е Н І Е XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ, Александръ Михайловичъ (*молодой человекъ*).

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михайлычъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня,

Швохневъ. Очень радъ... (*Пожимаетъ ему руку*).

Ихаревъ. Знакомство ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь, — всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на «ты!»

Швохневъ. Именно на «ты!»

Гловъ. На «ты!» (*Подаетъ имъ всѣмъ руку*).

Утѣшительный. Такъ! bravo! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини, — вѣдь мы на ты, — ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Г л о в ь. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Bravo, bravo, гусарь! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помочь бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Г л о в ь. Почему жъ? помочь бы.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Bravo, гусарь! Вотъ оно, что называется настоящимъ гусарь, чортъ побори! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Ш в о х н е в ь. Дай же и мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его).*

И х а р е в ь. Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ).*

К р у г е л ь. Ну, такъ и я жъ обниму его, если такъ. *(Обнимаетъ).*

(Алексей несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы).

У т ь ш и т е л ь н ы й. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочеть!

В с ь. Пусть его будетъ, что хочеть! *(Пьютъ).*

Г л о в ь. За здравіе всего гусарства! *(Подымая бокалы).*

В с ь. За здравіе всего гусарства! *(Пьютъ).*

У т ь ш и т е л ь н ы й. Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьеть онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Г л о в ь. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Г л о в ь. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на получение денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непременно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Г л о в ь. А какъ проиграю?

У т ь ш и т е л ь н ы й. Стыдись! что жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло: въ рискъ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полззеть на крѣпость.

Г л о в ь *(михнувъ рукой)*. Чортъ побори! если такъ, играю! Что мнѣ смотреть на отца!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Bravo, юнкеръ! Человѣкъ, карты! *(Наливаетъ ему стаканъ)*. Главное что нужно — Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, и вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. *(Мечетъ направо и налево)*. Ну, гусарь... Ты, Швохневъ, что ставишь? *(Мечетъ)*. Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убить, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусарь, гусарь-то, каковъ гусарь? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Она, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ! Нѣмцу всегда везеть! Четверка взяла, тройка взяла. Bravo, bravo, гусарь. Слышишь, Швохневъ? гусарь уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Г л о в ь (*перелибаешь карту*). Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

У т ь ш и т е л ь н ы й (*продолжая метать*). У, молодець гусарь! Семерка уби... ахъ, нѣтъ! пліе, чортъ побери, пліе! опять пліе! А, проигралъ гусарь. Ну, что жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдержуль. Bravo, выигралъ гусарь! Что жъ вы не поздравляете его. (*Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, пиковая дама всегда продасть, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брונетку, что называлъ ты пиковою дамою? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! (*Ихареву*) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусарь также лопнулъ.

Г л о в ь. Чортъ побери, ва-банкъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Bravo, гусарь! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусарь; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусарь. Вона нагура-то какъ того... Убить гусарь.

Г л о в ь. Ва-банкъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. У, bravo, гусарь! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи—гдѣ отыщешь такую черту?... Это именно подвигъ! Лопнулъ гусарь.

Г л о в ь. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ого, го, гусарь! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барилай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право, даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусарь!

Г л о в ь (*горячась*). Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадила двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Г л о в ь. Да гдѣ жъ у меня? у меня теперь нѣтъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Дай намъ вексель, подпишишь.

Г л о в ь. Извольте, я готовъ. (*Беретъ перо*).

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да и довѣренность на получение денегъ тоже отдай намъ.

Г л о в ь. Вотъ вамъ и довѣренность.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (*Даетъ ему подписаться*).

Г л о в ь. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте жъ играть!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Г л о в ь. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нѣтъ, братъ, деньги на столѣ!

Г л о в ь. Да что жъ это?... Вѣдь это, просто, подлость.

К р у г е л ь. Нѣтъ, это не подлость.

И х а р е в ь. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Ш в о х н е в ь. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Г л о в ь. Ну, что жь? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Чтѣ, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты; дай только намъ займы.

Г л о в ь (*отчаянно и рѣшительно*). Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Ш в о х н е в ь. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Г л о в ь (*вынимая изъ кармана пистолетъ*). Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (*Убѣгаетъ съ пистолетомъ*).

У т ь ш и т е л ь н ы й (*съ испугомъ*). Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣждать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! (*Убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

И х а р е в ь. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Ш в о х н е в ь. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

К р у г е л ь. Я всего боюсь. Это такъ возможно...

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й (*держа Глова за руку съ пистолетомъ*). Чтѣ ты, чтѣ ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

В с ь (*приступая къ нему*). Чтѣ ты! чтѣ ты! Помилуй, чтѣ ты!

Ш в о х н е в ь. А еще и умный человекъ! изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

И х а р е в ь. Этакъ, пожалуй, вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проигратъся. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Г л о в ь (*съ досадою*). Чтѣ жь вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Эхъ, ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Г л о в ь (*ободрившись*). Чтѣ жь вы думаете? У меня развѣ не станеть духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Bravo! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! (*Несутъ бутылки*).

Г л о в ъ *(со стаканомъ)*. Да здравствуютъ гусары!

И х а р е в ъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Ш в о х н е в ъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Г л о в ъ. На все плюю, когда такъ!.. *(Ставитъ на столъ стаканы)*. Вотъ бѣда только: домоѣ какъ приѣду? Отецъ, отецъ!.. *(Хватаетъ себя за волосы)*.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно!

Г л о в ъ *(вытираетъ глаза)*. Какъ?

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ты отсюда—прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ конкерь! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черно-мазая-то, а?

Г л о в ъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

И х а р е в ъ. Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Г л о в ъ *(беретъ ассигнацію и помакивая ею на воздухъ)*. Шампанскаго!

В с ъ. Шампанскаго! *(Несутъ бутылки)*.

Г л о в ъ. Да здравствуютъ гусары!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, приплявая на известный припѣвъ извѣстную пѣсню)*:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Нани важнѣе ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Г л о в ъ *(съ поднятой рюмкой)*. Ура!

В с ъ. Ура! *(Становятъ его на землю. Гловъ хлочитъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ)*.

Г л о в ъ. Иду прямо къ ней!

У т ь ш и т е л ь н ы й. А намъ нельзя за тобой, а?

Г л о в ъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

У т ь ш и т е л ь н ы й. А, рубака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ, юра, забяга. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Г л о в ъ. Прощайте.

Ш в о х н е в ъ. Да приходи намъ послѣ рассказать. *(Гловъ уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XIX.

Т ѣ же, кромѣ Глова.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Нужно его покамѣсть ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Ш в о х н е в ъ. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

Я В Л Е Н І Е XX.

Тѣ же и чиновникъ Замухрышкинъ (*высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношеннаго фрака*).

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнѣе садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него (*указывая пальцами на встѣхъ*) будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: «двѣ недѣли», а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копейки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали — три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?... да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентъичъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да что служба? Извѣстное дѣло — служимъ.

Утѣшительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный. Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну, что! Вы ужъ, я вижу, смѣтаетесь! Эхъ, господа!.. Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ размотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагородиѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ — такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный. Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значить задѣтъ за честь!

З а м у х р ы ш к и н ь. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужь, батюшка, прожилъ свое.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичь! Ну, что жь, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

З а м у х р ы ш к и н ь. Слава Богу, Богъ наградила. Двое сыновей ужь въ уѣздное училище ходять; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ну, а ручонками, я чай, ужь всё этакъ *(пока-зываетъ рукою, какъ будто беретъ деньги)* умѣютъ?

З а м у х р ы ш к и н ь. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ничего, ничего, Псой Стахичь! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что жь тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокаль шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

З а м у х р ы ш к и н ь *(принимая бокаль).* А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не съцтаете.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Небось, даровой, отъ купца?

З а м у х р ы ш к и н ь. Отъ купца-съ, выписной изъ Бяхты.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Да какъ же, Псой Стахичь? Вѣдь вы дѣль съ купцами не имѣете.

З а м у х р ы ш к и н ь *(выпивъ бокаль и утираясъ руками въ кофти).* А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужь сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. За-тѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на чтò другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то — будешь ждать! А ужь къ нему на фабрику привезли, понимаеете, и котлы, и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

У т ь ш и т е л ь н ы й. Послушайте, Псой Стахичь, ну, пожалуйста же, насчетъ этого дѣльца. Мы ужь вамъ дадимъ, а вы ужь тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только, ради Бога, Псой Стахичь, по-скорѣе, а?

З а м у х р ы ш к и н ь. Да будемъ стараться. *(Вставая).* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копейки денегъ. А будемъ стараться.

У т ь ш и т е л ь н ы й. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

З а м у х р ы ш к и н ь. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(Идетъ къ дверямъ).*

Ш в о х н е в ь. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! *(оглядывается)* постаньте!

У т ь ш и т е л ь н ы й. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте по-скорѣе!

Замухрышкинъ (*уходя*). Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный. Чортъ побери, какъ это долго! (*Бьетъ себя рукой по лбу*). Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ, авось, что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. (*Убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что, развѣ ваши дѣла...

Я В Л Е Н І Е XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный (*входитъ съ отчаяніемъ*). Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждуть? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши, во что бы ни стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чисто-ганомъ; да вчера прѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, такъ что жъ?

Утѣшительный. Какъ что жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непременно стануть играть.

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына?—или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не куцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутить. — Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ. И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почтѣ въ нашихъ рукахъ; теперъ всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя

есть — восемьдесят тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало-быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копейку.

И х а р е в ъ. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узлы товарищества... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ книгу ассигнацій).* Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

У т ѣ ш и т е л ь н ы й. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привести и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ).* Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(Уходитъ).*

И х а р е в ъ. Естественно, естественно; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Ш в о х н е в ъ. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ прїѣзжай къ намъ. Съ двумястами тысячъ знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Постынно уходитъ).*

Я В Л Е Н І Е XXIII.

Ихаревъ (одинъ).

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишений, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣние, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое прїобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройду мимо дворца, по англиской набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообедаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что всему причина? чему обязанъ? — именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ, — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, на примѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутому самому — вотъ настоящая задача и цѣль!

Я В Л Е Н І Е XXIV.

Ихаревъ и Гловъ (*вбѣгающій торопливо*).

Гловъ. Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

Я В Л Е Н І Е XXV.

Тъ же и Алексѣй.

Алексѣй (*обращаясь къ Глову*). Изволили спрашивать, гдѣ господя?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ, уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ (*всплеснувъ руками*). Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Чтѣ за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту должень возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь должень весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведень, какъ пошлый пень?

Ихаревъ. Чтѣ ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ (*безтокойно*). Чтѣ ты, помилуй, чтѣ за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михаилъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ. Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутять.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обмануть. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ (*подходя къ нему, запальчиво*). Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ (*отчаянно*). Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человекъ, поневогѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Чтѣ жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

И х а р е в ъ *(въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ)*. Мошенникъ ты...

А л е к с ѣ й *(въ сторону)*. Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. *(Уходитъ)*.

И х а р е в ъ *(таща его)*. Пойдемъ, пойдемъ!

Г л о в ъ. Куда, куда?

И х а р е в ъ *(въ изступленіи)*. Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Г л о в ъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

И х а р е в ъ. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Перчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(Тащитъ его)*.

Г л о в ъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ-то и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

И х а р е в ъ *(въ отчаяніи бьетъ себя рукой по лбу)*. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ, между тѣмъ, убѣгаетъ)*. Но только какой дьявольскій обманъ!

Г л о в ъ *(выглядывая въ дверь)*. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезаетъ)*.

И х а р е в ъ *(въ ярости)*. Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ея въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ)*. Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума — какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Вскакиваетъ со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ)*. Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощрай, изыскивай средства!.. Чортъ побери, не стоить, просто, ни благороднаго рвенія, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(Съ досадою махнувъ рукой)*. Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслить, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

УТРО ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человекъ, потягиваясь, выходитъ въ халатъ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: „Сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ — опять тотъ же голосъ: „Сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Что ты, оглохъ?

ЛАКЕЙ. Никакъ нѣтъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Что жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

ЛАКЕЙ. Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла — я сапоги чистилъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. А Иванъ что дѣлалъ?

ЛАКЕЙ. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Подай сюда собачку! *(Лакей приноситъ собачку).* Зююшка! Зююшка! а, Зююшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку).*

Вбѣгаетъ другой лакей. Александръ Ивановичъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Проси! *(Бросаетъ поспѣшно собачку и развертываетъ Сводъ Законовъ).*

II.

Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ *(также дѣловой человекъ).*

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Доброга утра, Иванъ Петровичъ!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу приѣхали домой?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подѣзжая къ будочнику: «Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?» — «Да шестой уже, — говоритъ, — пробило». Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Представьте, я самъ въ то же почти время! Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ. Хе, хе, хе, хе! хе! Я гляжу, что это значить, что онъ владеть короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третьей дама крестовъ, а у Лукьяна Федосѣвича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ. Длиннѣ всего тянулся осьмой роберъ.

Иванъ Петровичъ. Да! *(Помолчавъ)*. Я уже мигаю Лукьяну Федосѣвичу, чтобъ онъ козырялъ — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валеть мой и беретъ.

Александръ Ивановичъ. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валеть не беретъ.

Иванъ Петровичъ. Беретъ.

Александръ Ивановичъ. Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ. А семерка пикъ у Лукьяна Федосѣвича — позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иванъ Петровичъ. Конечно, у него были двѣ пики! четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ. Четверка была — это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ. Ей-Богу, Александръ Ивановичъ, ей-Богу!

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: побѣдемъ завтра къ Лукьяну Федосѣвичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ. Хорошо.

Иванъ Петровичъ. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Федосѣвичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобъ онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ. И прибавьте: большихъ свѣдѣній! — человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси... Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холоденъ. Вѣдь я, какъ, думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку; она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горчить. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Приѣзжаю къ его высокопревосходительству, — его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ, я дождался. Ну, тутъ пошли рассказы о томъ и о семь.

Иванъ Петровичъ. А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ (*оживляется*). Что, что такое?

Александръ Ивановичъ. Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство; между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ, и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: «Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владимировичъ Бубуницынъ». Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говоритъ: «Гм!» Я сказалъ: «И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству...»

Иванъ Петровичъ. Кто жъ это такой?

Александръ Ивановичъ. Позвольте! что жъ бы, вы думали, сказать на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ. Не знаю.

Александръ Ивановичъ. Онъ сказалъ: «Кто жъ бы это такой?» — «Иванъ Петровичъ Барсуковъ», отвѣчалъ я. «Гм! — свазалъ его высокопревосходительство: — это чиновникъ и притомъ...» (*Поднимаетъ вверхъ глаза*). Довольно хорошо у васъ потолоки расписаны: на свой или хозайскій счетъ?

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ (*съ нетерпѣніемъ*). Такъ что же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ. Да, я и позабылъ. Что жъ онъ сказалъ?..

Иванъ Петровичъ. Сказалъ «гм!» его высокопревосходительство: «это чиновникъ...»

Александръ Ивановичъ. Да, да; «это чиновникъ»... ну, «и служить у меня». Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ. А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ (*про себя*). Ну, покажѣсть еще немного. Господи, Боже мой! ну, что, если бы сказалъ онъ: «Такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...»

III.

Тѣ же и Шрейдеръ (*выглядываетъ въ дверь*).

Иванъ Петровичъ. Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что это — для доклада?

Шрейдеръ. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ (*между тѣмъ читаетъ*). «...Господину управляющему...» Это что значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?.. (*Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ*).

Шрейдеръ. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министр, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

ШРЕЙДЕРЪ. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министр не войдетъ...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: «Дай-ка я посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?»

ШРЕЙДЕРЪ. Если такъ, я сейчасъ перепису.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. То-то «если такъ». Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

ШРЕЙДЕРЪ. Я осмѣлился только потому, что г. министр...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министр на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... Что тогда?

ШРЕЙДЕРЪ. Я перепису. (*Уходитъ*).

IV.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу*). Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человекъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколько трудовъ мнѣ стоило привести все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной къ перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сi-*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? — порядокъ во всемъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались!

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*вздыхнувъ*). Именно, потомъ и кровью. Что жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденъ. Но, что прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*Вздыхнувши*). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бъ получить хоть орденъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству, что у Барсукова-де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай.

V.

Тъ же и Катерина Александровна (жена Ивана Петровича).

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (увидя Александра Ивановича). А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Фоминишна?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Слава Богу! недѣлю, впрочемъ, назадъ было захворала.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА. Э!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА. Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходить просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка, расту—какъ бы вамъ сказать?—вотъ этакого (показываетъ рукою), лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣрю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Очень хорошо поетъ Мелась.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (значительно). Мелась? О, да! съ большимъ чувствомъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Очень хорошо.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это.... (вертитъ рукою передъ глазами).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако, ужъ скоро два часа.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, такъ до свиданья. Когда жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Федосѣевича?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Непремѣнно! (Кланяется).

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ (въ лакейской накидывая шубу). Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаешь, жирѣешь только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ—настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получить! Получить, мошенникъ! получить! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физиономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашель кого просить, голубчикъ! Я-таки тебѣ удружу порядочно, и ты-таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! (Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ).

Т Я Ж Б А.

К а б и н е т ь.

I.

Пролетовъ, секретарь *(одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ)*.

Что это у меня? точно отрывка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ. Эти грибки да ботвинья!.. Ышь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(икаетъ)*. Вотъ оно! *(икаетъ)* еще! *(икаетъ)* еще разъ! *(икаетъ)*. Ну, теперь въ четвертый! *(икаетъ)*. Туды къ чорту и въ четвертый! Прочитать еще «Сѣверную Пчелу», что тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта «Сѣверная Пчела»: точь - въ - точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ)*. Брахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукой)*, я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза)*. Что это? Что это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! А? какво! Взятчоникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ — воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ, — какво? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говорить: «Дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнуть» — а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлося двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на снѣгъ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай, морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость и — больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Л а к е й *(входя)*. Чего изволите-съ?

Пролетовъ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакій. *(Андрей уноситъ газету)*. Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у каналы!

Л а к е й. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что?

Л а к е й. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что ты вздоръ несешь!

Лакей. Такъ точно-съ.

Пролетовъ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей. Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ. Какой другой?

Лакей. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ. Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ. Прошу извинить за безпокойство, что наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Приѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ (*въ сторону*). Это, точно, другой; а есть, однакоже, какое-то сходство. (*Вслухъ*). Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ (*съ пожатіемъ плечъ*). Дѣло, тяжба.

Пролетовъ. Тяжба? съ кѣмъ?

Бурдюковъ. Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ. Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ, Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ. Что вы? что? нѣтъ!

Бурдюковъ. Да что жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ?

Пролетовъ. Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ рассказывай теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата — процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ. Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность! (*обнимаются*). А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ. Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетовъ. Что за чепуху несеть онъ?

Бурдюковъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью, совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подожди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблѣять.

Пролетовъ. Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!.. Какъ же я радъ!

Бурдюковъ. А ужъ я какъ радъ, приобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій,

то-есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ (*въ сторону*). У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ. (*Вслухъ*). Времени у меня немного, пожалуйте, приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дѣло казусное! Знали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится теткой мнѣ и, бестіи, моему брату. У ней ближайшими наследниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова: та и безъ того получила слѣдующую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, — онъ на это хоть чорту въ дядьки годится, — вотъ и подѣхалъ онъ къ ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семь-десять лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить». Вона! замѣчайте, замѣчайте! переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ. Слышу.

Бурдюковъ. То-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего — Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ дають ужъ знать стороною. Замѣчайте! Приѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то-есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливаается, и растаялъ, и говорить: «Ну, — говорить, — братецъ, навѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...» — Что, отдала Богу душу? — «Нѣтъ, при смерти». Я вхожу, и, точно, тетушка лежитъ на корачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ. Не поможетъ.

Бурдюковъ. Ну, что жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно. Я приступилъ поближе. «Ну, — говорю, — тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?» Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала «э... э... э... э...» А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говорить: «Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась». Слышите, слышите!

Пролетовъ. Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ. Кой чортъ сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?» Что жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э, э, э...» А тотъ подлецъ опять: «Тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи». Слышите! слышите! Что жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ. Однакожъ, позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ. Что жъ? (*Размахиваетъ руками*). Стали божиться, что она, точно, все это говорила — ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ. А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ. Распечатали.

Пролетовъ. Что жъ?

Бурдюковъ. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люди только! «Возьмите, — говорить, — читайте сами». Собрались свидѣтели и прочтали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу, Петрову сыну, Бурдюкову, — слушайте! — въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти, — замѣчайте! — оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ, — вона! вона! вона куды пошло! — пятьсотъ ревизскихъ душъ, угодня и прочее». А? слышите ли вы это?.. «Племянницѣ моей Маріи, Петровой дочери, Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдующую ей деревню изо ста душъ». «Племяннику, — вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ! — Хрисанфію, сыну Петрову, Бурдюкову, — слушайте! слушайте! — на память обо мнѣ, — ого! го! — завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ. Ахъ, онъ мошенникъ этакій! Прощу покорно!

Бурдюковъ. Мошенничество — это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? Что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ. И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ. Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюковъ. Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ.

Пролетовъ. Какъ?

Бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ. Какъ такъ?

Бурдюковъ. Чортъ знаетъ, что такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: «обмокни».

Пролетовъ. Что вы!

Бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки».

Пролетовъ. (*Въ сторону*). Молодецъ, однооужь, Павежъ Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ (*размахивая руками*). «Обмокни»! Что жъ это значить? Вѣдь это не имя: «обмокни»?

Пролетовъ. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ. Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не «обмокни».

Пролетовъ. И хорошо. Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы, между тѣмъ, доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ. Несказанно обязанъ вамъ! (*Берется за шляпу*). А въ которыя двери нужно выходить — въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ. Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ. То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно будетъ еще по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.

Пролетовъ. Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Пролыдокоскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ. Нѣтъ.

Бурдюковъ. Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ. Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

Пролетовъ, *потомъ* слуга.

Пролетовъ. Вотъ неожиданный кладъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь такое какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей-Богу, этакое магнитическое какое-то! Эй, Андрей! (*Андрей входитъ*). Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька, — для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло!.. А, наконецъ-таки! наслу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнуть у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ.

1.

Театръ представляет переднюю. Направо дверь на лестницу, налево— въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь, нѣсколько сбоку, въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. Петръ, Иванъ и Григорій сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лестницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

Григорій. Ступай, отвори дверь! звонятъ.

Петръ. Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ (*махнувъ рукой*). Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! (*Отворяя дверь, вскрикиваетъ*). Это Андрюшка!

Чужой слуга (*входитъ въ картузь, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ*).

Григорій. А, московская ворона! отгуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ (*подымая узелокъ*) къ цвѣточницѣ велѣла снести, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что, спить?

Григорій. Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ. Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? (*Всѣ смѣются*).

Григорій. Ну, ужъ, ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей. Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до объѣда поварь, а послѣ объѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей. Ну, такъ что жъ, ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже — копейку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего жъ не дѣлаете.

Григорій. Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работою: на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды!» «Нѣтъ, моля,—скажетъ,—это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану». Вотъ оно какъ! Вотъ оно, что значить, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пигалица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадей позавязаны. (*Смѣются*).

Чужой лакей. Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь зато жъ ни копейки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій. Да на что жь мнѣ твоя копейка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужь онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что жь за баринъ, коли ужь пансіона слугѣ не выдасть за службу?

Чужой лакей. Что, говорятъ, ребята балъ затѣяли?

Петръ. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жь этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

Григорій. Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлновому жертвуютъ и больше. Бняжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ—не то, что орѣхи! ужь полпуда конфетъ купили, мороженаго тоже... *(Слышеть тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета).*

Чужой лакей. Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій. Подождать... Лминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужь было... *(Слышеть звонокъ изъ кабинета громче прежняго).*

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонитъ.

Григорій. Подождать! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жь этотъ балъ? вѣдь это все такъ.

Григорій. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ, смотри, Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь, и баринъ, въ халатъ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ).*

II.

Баринъ. Что вы, бездѣльники? Три человекъ, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что есть мочи, чуть тесмы не оборвалъ.

Григорій. Да ничего не было слышно, судырь!

Баринъ. Врешь!

Григорій. Ей-Богу! Что жь мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужь это такой колокольчикъ, судырь, никуда не годится: никогда ничего не слышать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ. Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій. Да я ужь сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что жь? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбрать за это.

Баринъ *(увидя чужого лакея)*. Это что за человекъ?

Григорій. Это-съ человекъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ. Что скажешь, братъ?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ. Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Онѣ только сказали: «Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ».

Баринъ. Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей. Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи-де, говорить, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говорить, къ нимъ сама-де, буду у нихъ-съ...

Баринъ. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы—не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ; за нимъ Петрушка).*

III.

Чужой лакей (Григорію). Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.
 Григорій (махнувъ рукой). А! ужъ служба такая! какъ ни старайся—все выбранятъ. (Въ дверяхъ, что у лестницы, раздастся звонокъ).
 Григорій. Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ! (Ивану). Ступай, отворяй! что жъ ты зѣваешь? (Иванъ отворяетъ дверь; сходитъ господинъ въ шубѣ).

IV.

Господинъ въ шубѣ. Федоръ Федоровичъ дома?
 Григорій. Никакъ нѣтъ.
 Господинъ. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?
 Григорій. Неизвѣстно. Должно-быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?
 Господинъ. Скажи, что былъ Нѣвелецагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь? Нѣвелецагинъ.
 Григорій. Лентягинъ-съ?
 Господинъ (вразумительнѣе). Нѣвелецагинъ.
 Григорій. Да вы нѣмецъ?
 Господинъ. Какой нѣмецъ! просто русскій: Нѣ-ве-ле-ца-гинъ.
 Григорій. Слышь, Иванъ, не позабудь: Ердцагинъ! (Господинъ уходитъ).

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.
 Григорій. Да что жъ на балъ будешь, что ли?
 Чужой лакей. Ну, да ужъ тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!
 Иванъ. Прощай! (Идетъ отворять дверь).

VI.

Горничная дѣвушка бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.

Григорій. Куды, куды? Удостоите взглядомъ! (Хватаетъ ее за полу платья).

Дѣвушка. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! (Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лестницу).

Григорій (смотря вслѣдъ ей). Вотъ она какъ поплелась! (Смѣется). Хе-хе-хе!

Иванъ (смѣется). Хи-хи-хи! (Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу).

Григорій. Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше?—нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ чортъ, брюхачъ дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе; десять человѣкъ въ домѣ, и' хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій. Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій (*входитъ съ сильными движеньями и размахами рукъ*).

Боялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей-Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлець послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій. Да что жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій. Да кто жъ противъ этого и слово говорить? Почему жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей-Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? (*Петръ медленно уходитъ*). А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій (*уходя*). Эхъ, ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій (*оставшись одинъ*). Въ томъ-то и есть поведеніе, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Боли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я бы сейчасъ сказалъ: «Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантерій». Да вѣдь за то мнѣ всякій бы сказалъ: «Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ» — вотъ что! «Твоя обязанность смотрѣть за домою, за поведеніемъ слугъ» — вотъ что! «Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженъе» — вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ Аннушка, горничная дѣвушка изъ другого дома.

Дворецкій. А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

Дворецкій. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка (*сѣвши*). Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на дняхъ затѣвается?

Дворецкій. Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ извольте видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это, впрочемъ, составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла затѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳей Ивановной?

Дворецкій. Ужъ Агаѳья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

Аннушка. Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстого, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

Дворецкій. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человекъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкурить обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой, — конечно, все это такъ; да, однакожъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился фрейторъ или кучеръ.

Аннушка. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій *(съ довольною улыбкою)*. Не стѣбитъ благодарности, сударыня! Оно, конечно, не всякій человекъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что, впрочемъ, уже происходитъ отъ природы... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею).

О Т Р Ы В О К Ъ.

I.

Комната въ домѣ Марьи Александровны.

Марья Александровна (*пожилыхъ лѣтъ дама*) и **Михайло Андреевичъ** (*ея сынъ*).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобой переговорить: тебѣ должно переимѣнить службу.

МИША. Пожалуй, хоть завтра же.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ты долженъ служить въ военной.

МИША (*вытаращивъ глаза*). Въ военной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да.

МИША. Чтò вы, маменька, въ военной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, чтò жь ты такъ изумился?

МИША. Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры — ужь это мое дѣло.

МИША. Да чтò вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы меня совершенно изумили такими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, чтò и подумать... Я, слава Богу, и толстенежъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками — совѣстно даже будетъ смотрѣть.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко толстъ — скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

МИША. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго ассессора. Я ужь два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранить мой уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ, чтò. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь.

МИША. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также, меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо ѣздить, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Приобрѣтешь, все приобрѣтешь. Я хочу, чтобы ты непременно служилъ; на это есть очень важная причина.

МИША. Да какая же причина?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, ужь причина важная.

МИША. Все же таки скажите, какая причина.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дня у Рогожинских говорить и нарочно такъ, чтобы я слышала, — а я сажу третьею: передо мной Софи Вотрущкова, княгиня Александрина, и за княгиней Александриной сейчас я, — что бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сдѣлала. Говорить: «Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все, — говорить, — mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, — говорить, — что мой Алексисъ не носить этого сквернаго фрака». И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ, право... я не знаю, что бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣть, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

МИША. Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

МИША. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсятся.

МИША. Однакожь...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непременно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

МИША. Да развѣ этимъ вы ей досадите?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. О, ужъ этого-то не позволю!

МИША. Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

МИША. За однимъ разомъ и перемѣнить службу, и женить?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Что жъ? Какъ будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться.

МИША. Да вѣдь я и намѣренія еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

МИША. Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Совсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

МИША. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное; нужно, чтобы душа...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, такъ! Я вотъ какъ будто почувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ.

Миша. Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать, — и я ѣду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то — и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцевать на балахъ — и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу — и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либераль! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этоъ сверный Собачкинъ.

Миша. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна. Ахъ, Боже мой, какой ужасный человекъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели — какой гнусный, какой гнусный человекъ! Если бъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня!.. я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подавать салыные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что у меня на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня.

Миша. И этакій человекъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна. Какъ нельзя? это почему?

Миша (въ сторону). Ну, рѣшительная минута!.. (Вслухъ). Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависить счастье моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая эта другая?

Миша. Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной — ангель, ангель и лицомъ и душою.

Марья Александровна. Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша. Отецъ — Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна. Одосимовъ! Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что онъ, богатый человекъ?

Миша. Рѣдкій человекъ! удивительный человекъ!

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобы вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да что онъ, какъ? въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?

МИША. Я понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ на счетъ этотъ сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женина приданого. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человекъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ-быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе, — словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ-быть, несправедливы бы были родители, если бы не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человекъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ, — что же будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ-быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ-быть, Богъ знаетъ, чѣмъ занимается.

МИША. Матушка!..

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Отецъ — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащіе по-питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣтъ, я не переживу этого!

МИША. Но, матушка, позвольте...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ)*. Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, стьянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

МИША *(бросаясь)*. Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгнать до сихъ поръ эту чуму.

ТАКЕЙ *(въ дверяхъ)*. Собачкинъ пріѣхалъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

ТѢ ЖЕ « СОБАЧКИНЪ ».

СОБАЧКИНЪ. Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей-Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться: право, зналъ... *(Увидя Мишу)*. Здравствуй, братъ! Какъ ты?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(въ сторону)*. У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

СОБАЧКИНЪ. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А брата вашего какъ здоровье? Я полагаю, признаюсь, и его также застать у васъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

СОБАЧКИНЪ (*усмѣхаясь*). Я пріѣхалъ рассказать вамъ одинъ претересный анекдотъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я не охотница до анекдотовъ.

СОБАЧКИНЪ. Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Какъ, объ Губомазовой?.. (*Стараясь скрыть любопытство*). Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

СОБАЧКИНЪ. На дняхъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Что жъ такое?

СОБАЧКИНЪ. Знаете ли, что она сама съчетъ своихъ дѣвокъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Нѣтъ! что вы говорите? Ахъ, какой срамъ! Можно ли это?

СОБАЧКИНЪ. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же рассказать. Одинъ разъ велить она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка за чѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Наталья Андреевна мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велить одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*всплеснувъ руками*). Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояннн это сдѣлать.

СОБАЧКИНЪ. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: «Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски!» Какое воспитанье! съчетъ всякій день мужа, какъ кошку!.. Какъ мнѣ жаль, право, что я не могу пробыть у васъ подождать. (*Раскланиваясь*).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое о чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. (*Миша уходитъ*).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

СОБАЧКИНЪ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Пожалуйста.

СОБАЧКИНЪ. Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

СОБАЧКИНЪ. Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

СОБАЧКИНЪ. Бредитъ? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

СОБАЧКИНЪ. Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на Масляной шесть купчихъ... можетъ-быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Блянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Не знаю тамъ никого.

СОБАЧКИНЪ. Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилию. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее — Сильфида Петровна.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

СОБАЧКИНЪ. Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да и Куропаткина я не знаю.

СОБАЧКИНЪ. Да вы послѣ припомните. Дочь — богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданого и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Что жъ вы? не женились?

СОБАЧКИНЪ. Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Почему жъ вы не женились?

СОБАЧКИНЪ. Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ — откупщикъ, родня — что ни попадо. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? (*Въ сторону*). Прошу покорно! Теперь всякая чуть выльзшая козьявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говорить!

СОБАЧКИНЪ. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... стануть говорить: «Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ, на комъ...» Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что ты прикажешь дѣлать? (*Говоритъ тихо*). Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ, — я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаться исторію... Да, любить; а вѣдь за что бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

СОБАЧКИНЪ (*усмѣхается*). А вѣдь вообразите, что, еще какъ была мальчишкой, ни одна бывало не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: «Плутиска, какъ хороша!»

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*). Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже — вѣдь мосьга совершенная, а воображаетъ, что хороша. (*Вслухъ*). Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія, и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ. Марья Александровна, сойdetь! Не спорьте, сойdetь: я голову дамъ отрубить, если не сойdetь. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на дняхъ...

Марья Александровна. Ну, какъ бы то ни было, сойdetь, или не сойdetь, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкинъ. Да.

Марья Александровна. Что — да?

Собачкинъ. Ничего, я такъ сказалъ: да.

Марья Александровна. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ. О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ, что такое... Конечно, я не то, чтобы этнмъ какъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна. О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня: я не допущу его до этого.

Собачкинъ. Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрите, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ, что, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна (*въ сторону*). Что съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаешь, а не дашь — распустишь по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показывать. И мнѣ нравится, что еще говорить: позабылъ книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А, нечего дѣлать, нужно дать. (*Вслухъ*). Извольте, Андрей Кондратьевич! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна (*уходя, въ сторону*). Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ (*одинъ*). Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскритится, ну, да что жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нею довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Юхима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ея. Если прибавлю эти двѣ тысячи въ моей коляскѣ, такъ я и весьма ее могу вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ-быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ, нужно подумать о порученьи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени

этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ что жъ? надаешь вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что — въ спальню Марьи Александровны, и прямо подь кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащить! Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто, хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо — просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что: у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя, — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это нехорошо? право! Пошарить въ карманъ, можетъ-быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. (*Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ*). Ну, хоть бы это, напримѣръ (*читаетъ*). «Я очинь слава Богу здорова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ позабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тятѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чортъ возьми! кажется, правописанія нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. (*Продолжаетъ*). «Я для васъ душинька вышла подвязку». Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ-быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? (*Развертываетъ другое и прищуриваетъ глаза, стараясь разобрать*). «Лю-без-ный другъ!» Нѣтъ, это, однакожъ, не любезный другъ; что же, однакожъ? «Нѣжнѣйшій, дражайшій?» Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. (*Читаетъ*). «Ме, ме, е... рзавецъ». Ух! (*Сжимаетъ губы*). «Если ты, коварный ободьститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа (*последнее слово читаетъ почти сквозь зубы*)... то я тебя въ полицію». Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что! Вотъ, ужъ, именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопрістойно, выраженіями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсемъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятюкъ, — кипятюкъ, что называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. (*Читаетъ*). «Жестокій тиранъ души моей!» А, это что-то хорошее, однакожъ. «Тронься сердечной моей участію!» И преблагогородно! ей-Богу, преблагогородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно. (*Смотритъ на подпись*). Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльце само собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбился бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. (*Подходя къ зеркалу*). Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсемъ былъ похожъ на Багратиона. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все голыемъ, а подь губой завести что-нибудь, а?

Театральный разъезд послѣ представ- ленія новой комедіи.

(Сънги театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлерей; посрединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ, съ другой стороны — выходъ. Слышатъ отдаленный гулъ рукоплексканій).

Авторъ пьесы ¹⁾ *(выходя)*. Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ, наконецъ, и крики, и рукоплексканья! Весь театръ гремитъ!.. Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы вострепнулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзко-мысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь, наконецъ, что рукоплексканья еще не много значатъ и готовы служить всему наградой; актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли — всѣмъ имъ гремитъ рукоплексканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ ставаны — все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплексканій я бы теперь желалъ; я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлерей, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣйствицены и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ влияніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже имѣетъ право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мною, пусть недоброжелательство правитъ устами его, пристрастие, негодованье, ненависть — все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнесть слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъезда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой пьесѣ: человѣкъ подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону. Показываются нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому).* Выйдемъ лучше теперь; играть будетъ незначительный водевиль. *(Оба уходятъ).*

¹⁾ „Само собою разумѣется, что авторъ пьесы лицо идеальное; въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ, — комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей“.

Два comme il faut, плотнаго свойства, сходятъ съ лестницы.

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нѣтъ, а очень недурна.

Первый comme il faut. Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую новый ресторанъ: вчера намъ подали свѣжій зеленый горохъ (*цѣлуетъ концы пальцевъ*) — прелесть! (*Уходятъ оба*).

Блжтитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку.

Другой офицеръ. Да останемся.

Первый офицеръ. Нѣтъ, братъ, на водевиль и казачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины — уродъ на уродѣ. (*Уходитъ*).

Свѣтскій человекъ, щеголевато одѣтый (*сходя съ лестницы*). Плутъ портной, претъсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. (*Уходитъ*).

Тоже свѣтскій человекъ, поплотнѣе (*говоритъ съ живостью другому*). Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтора ста рублей робберъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шурина мой, Пафнутаевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ пьесы (*про себя*). И все еще никто ни слова о комедіи.

Чиновникъ среднихъ лѣтъ (*выходя съ растопыренными руками*). Это, просто, чортъ знаетъ, что такое!.. Этакое!.. этакое! Это ни на что не похоже. (*Ушелъ*).

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы (*обращаясь къ другому*). Вѣдь это, однакожь, кажется, переводъ?

Другой. Помилюйте, что за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

Господинъ беззаботный насчетъ литературы. Я помню, однакожь, было что-то на французскомъ, но не совсѣмъ въ этомъ родѣ. (*Оба уходятъ*).

Одинъ изъ двухъ зрителей (*тоже выходящихъ вонъ*). Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Два бекеша (*одна другой*). Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша (*отлая значительныя движенія губами*). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... (*Утвердительно сжимая губами*). Да, да! (*Уходятъ*).

Авторъ (*про себя*). Ну, эти пока еще не много сказали. Толки, однакоже, будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Одинъ. Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой. Я полагаю: отличная комедія.

Первый. Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкаетъ его подъ руку)*.

Второй. Что?

Первый *(указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ по лѣстницѣ)*. Литераторъ!

Второй *(торопливо)*. Который?

Первый. Вотъ этотъ. Чш! послушаемъ, что будутъ говорить.

Второй. А другой кто съ нимъ?

Первый. Не знаю: неизвѣстно, какой человекъ. *(Оба офицера по-стараниваются и даютъ имъ мѣсто)*.

Неизвѣстно какой человекъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства: но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ. Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго? Что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ! Шутки самыя плоскія; просто, даже сально!

Неизвѣстно какой человекъ. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ. Да и не смѣшна. Помилуйте, что жъ тутъ смѣшнаго и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человекъ. Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, что за разговорный языкъ? Кто говоритъ такъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами такъ?

Неизвѣстно какой человекъ. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговоръ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей — это правда.

Литераторъ. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человекъ. Кто жъ хвалить? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пьеса — вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. *(Оба уходятъ)*.

Еще литераторъ *(входитъ въ сопровожденіи слушателей, которые говорятъ, размахивая руками)*. Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все — карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а пьеса, просто,

недостойна даже быть названа комедію. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Последняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею — Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всеѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ хѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захваливать. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говорить о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. (*Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями*).

О Б А О Ф И Ц Е Р А (*подаются впередъ и занимаютъ изъ мѣста*).

П е р в ы й. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

В т о р о й. Да вѣдь ты жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

П е р в ы й. А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ нужно растолковать. Тутъ чтó въ этой пьесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенья рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ позади.

О д и н ъ (*другому*). Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Д р у г о й, *заглянувъ сбоку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.*

П е р в ы й. Что? глупъ?

В т о р о й. Нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего. — Но, однакожъ, пойдемъ. (*Уходятъ*).

Два любителя искусствъ.

П е р в ы й. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такія слова болѣею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостинныхъ, и допускаются только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно, нѣтъ завязки.

В т о р о й. Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ взглянуть пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во чтó бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

П е р в ы й. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ пьесѣ завязки.

В т о р о й. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ пьесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ

любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производить потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими.

Второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но править пьесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе всеобщее.

Второй. Да развѣ не есть это ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданиемъ. По крайней мѣрѣ, такую показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій (*подходя и слегка ударивъ второго по плечу*). Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непременно исчезнетъ.

Третій. Стало-быть, предметомъ комедіи должно быть непременно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (*подходя*). Что можетъ послужить прекрасному и о чемъ у васъ толки?

Первый. Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

ЧЕТВЕРТЫЙ. А вотъ что скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія.

ТРЕТИЙ. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всё принадлежимъ правительству, всё почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало-быть, не мудрено, что это отражается въ созданьяхъ нашихъ писателей.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непременно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

ВТОРОЙ. Ну, видите: стало-быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало-быть, это уже составляетъ какой-то отличный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена кака-то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призванье свое — быть представителемъ Провидѣнья на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

ПЯТЫЙ. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедія возбудила крики и толки...

ВТОРОЙ. Поговорите лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. (*Уходятъ*).

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей появляются одинъ за другимъ.

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить это? — вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ? — вотъ что разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій. (*Уходитъ*).

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россією — вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставятъ дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто даже не слѣдуетъ позволять такихъ представленій (*Уходитъ*).

Входятъ господинъ А. и господинъ Б., люди не маловажныхъ чиновъ.

Господинъ А. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленія намъ нужно показывать; нужно, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчаніа одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ возлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А. Кто?

Господинъ Б. Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему).* Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ правительствомъ, надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю піесу, и, признаюсь, выраженіе комеди показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А что скажетъ народъ, когда увидить, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленья?»

Господинъ А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился, вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Что скажетъ народъ? *(Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ).*

Синій армякъ съ рому. Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ).*

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А. Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Скажетъ: «Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черплетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да, для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно наступитъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: «народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ». То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ

своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плуть-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, — глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотять быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А. Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точно-точно такіе люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ: «Неужели существуютъ такіе люди?» Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что, — я буду съ вами говорить прямодушно, — у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся?

Господинъ А. (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Признаюсь, надъ словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставить себя чуть не святымъ, а о дурномъ говорить вѣчно въ третьемъ лицѣ, — то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но простите мою нескромность, — вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами, — позвольте узнать: съ кѣмъ я имѣю удовольствие говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости,

и что есть благородное правительство, которое дозволить показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Господинъ А. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я апплодировалъ автору пьесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Пьеса понравилась — хвалили ее, а онъ — онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя, Богъ вѣсть, какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится сурьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. «Помилуйте, — говоритъ, — я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей, — какъ же мнѣ не дають ни чина, ни ордена?» Нѣтъ, по мнѣ кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству; не стоить гроша его мышиное благородство.

Господинъ А. По крайней мѣрѣ, вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтите такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякій государь былъ окруженъ такими людьми! (*Постынно уходитъ*).

Господинъ А. (*переворачивая въ рукахъ карточку*). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранить тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоёмъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ этомъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. (*Уходитъ*).

Господинъ В. (*подходя къ господину Б.*). Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ — а?

Господинъ П. (*подходя съ другой стороны*). Помилуй, братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?..

Господинъ Б. Что?..

Господинъ П. Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б. Почему же нѣтъ?

Господинъ П. Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки да пороки; ну, какой примѣръ подасть это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П. Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженъе... вѣдь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В. Но позвольте, однакоже, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Господинъ Б. Ну, такъ что жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? странный вопросъ: «зачѣмъ?» Много можно сдѣлать такихъ *зачѣмъ*. Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшныя слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ Б. Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемеріе, а не истинная любовь къ отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покажутся онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ пими, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человекъ, пусть сонно проходить жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ...

простите меня! Холодный эгоизмъ движеть устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. (*Уходитъ*).

Господинъ П. (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Что жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ, а?

Господинъ В. *молчитъ*.

Господинъ П. (*продолжая*). Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все-таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. (*съ стороны*). Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будеть онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П. Этакъ, пожалуй, и я могу насказать гучу всего, да вѣдь что жъ изъ этого?.. А вотъ князь Н. Послушай, князь, не уходи!

Князь Н. А что?

Господинъ П. Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, что, какъ піеса?

Князь Н. Да смѣшна.

Господинъ П. Но, однакожъ, скажи: какъ это представлять? на что это похоже...

Князь Н. Почему жъ не представлять?

Господинъ П. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ — вѣдь это все наши раны.

Князь Н. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь Н. (*съ досадою*). Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. (*Уходитъ*).

Господинъ П. (*продолжая*). И-потомъ опять, что за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говорить: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господинъ В. Однакожъ, пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. (*Въ сторону*). Есть люди, которые имѣютъ искусство все охаять. Твою же мысль повторивши, они умѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ-быть, такъ и проскользнула незамѣченной — нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непременно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно, право: точно въ грязь посадилъ. (*Уходятъ*).

Военный и статскій выходятъ вмѣстѣ.

Статскій. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: «это нужно выводить на сцену»; вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ чиновникомъ; а затронъ какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками — да вы изъ-за одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный. Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкишоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званье. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

СТАТСКІЙ (*въ сторону*). Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: «подавай-те! подавайте!» а подашь — такъ и разсердится. (*Уходятъ*).

ДВѢ БЕКЕШИ.

ПЕРВАЯ БЕКЕША. У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь — ну, что это, право? — какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ, — ну, что это, право? на что это похоже?

ДРУГАЯ БЕКЕША. У французовъ другое дѣло. Тамъ *société, mon cher!* У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это большею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? (*Уходитъ*).

СВѢТСКАЯ ДАМА (*въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ*). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участіемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица — одно отвратительнѣй другого.

МУЖЧИНА ВЪ МУНДИРѢ. Да, тривіально, тривіально.

СВѢТСКАЯ ДАМА. Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?

МУЖЧИНА ВО ФРАКѢ. Душа моя, послѣ расскажешь, отчего тривіально: кричатъ нашу карету. (*Уходятъ*).

Выходятъ трое мужчинъ вмѣстѣ.

ПЕРВЫЙ. Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки — злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

ВТОРОЙ. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

ПЕРВЫЙ. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

ВТОРОЙ. Какіе же другіе предметы?

ПЕРВЫЙ. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ? Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольно-му монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сдѣленій?

ВТОРОЙ. То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непрѣмнннй законъ? Комедій въ томъ именно

вкусъ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытаскилъ его оттуда за ногу.

ТРЕТІЙ. Ну, нѣтъ, послушайте: это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

ВТОРОЙ (*про себя, съ горькой усмѣшкой*). Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ — всѣ закричатъ: «онъ смѣется надъ святыней».

ПЕРВЫЙ. Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣдену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. (*Уходятъ*).

ВТОРОЙ (*про себя*). Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: «Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли»; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль — будутъ говорить: «Не его дѣло, пиши пустыя!» (*Уходитъ*).

Молодая дама большого свѣта въ сопровожденіи мужа.

МУЖЪ. Барета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

ГОСПОДИНЪ N. (*подходя къ дамѣ*). Что вижу! Вы пріѣхали смотреть русскую піесу!

МОЛОДАЯ ДАМА. Что жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка?

ГОСПОДИНЪ N. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните піесу?

МОЛОДАЯ ДАМА. Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

ГОСПОДИНЪ N. Отчего же вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что русское?

МОЛОДАЯ ДАМА. Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая, въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ, — она была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

ГОСПОДИНЪ N. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но что при всѣмъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

МОЛОДАЯ ДАМА. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть инныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣють духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже молодая дама съ мужемъ.

Господинъ N. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. *(Обѣ дамы подають другъ другу руку).*

Первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Господинъ N. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ N. Стало-быть, комедія вамъ не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто жъ это говорить? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и больше даже, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просить, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы. А вотъ же этого именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непременно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

Вторая дама. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть, и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ N. Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: «Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили піесу, потому что въ ней, можетъ-быть, отыскали они кое-что похужее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы. О! да у васъ ужъ начинается рождаться маленькая злость!

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами.

Мужъ первой дамы. Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама. Извините.

Мужъ первой дамы. Натурально: женщинамъ что нужно? — Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно.

У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемерить, гдѣ лицемерите вы, не можетъ смотрѣть сквозъ пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ, — потому что это нужно говорить. Чтò подло, то подло, какъ вы ни скрываете и какой ни дадите видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку! Я пошутилъ.

Вторая дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. (*Обращаясь къ г-ну N*). Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Господинъ N. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама. Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N. Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нѣтъ глубинныхъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Господинъ N. Отчего жъ такъ?

Вторая дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, чтò чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Господинъ N. Вотъ хорошо! Стало-быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ второй дамы. Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ N. Стало-быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка?

Вторая дама. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, я, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы (*Обращаясь къ господину N*). Ну, развѣ ты не видишь — выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. (*Обращаясь къ господину N*). Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непременно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значить?— Это значить, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ-быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ чело-вѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ Н. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ Н. Какъ вамъ сказать? Я не знаю такъ коротко его, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало-быть, карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы къ намъ, не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

Первая дама (*уходя*). Пожалуйста!

Вторая дама. Непремѣнно.

Мужъ второй дамы. Бажется, наша карета тоже готова. (*Уходятъ за ними*).

Выходятъ двое зрителей.

Первый. Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ, вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, что говорить пословица: «не душой худъ, а просто плутъ».

Первый. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество — не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни: то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вставилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежать имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это — сборное мѣсто: отовсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — про-извести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многого кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего чело-вѣческаго образа: чело-вѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И смѣясь, зритель невольно

оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: «зачѣмъ лица и герои его непривлекательны», тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ-быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: «Неужели существуютъ такіе люди?»

Первый. Да. Ну, это, однакоже, не вдругъ поймутъ.

Второй. Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекаетъ и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такіа буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ — не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. (*Уходятъ*).

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ. Теперь, значить, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ, — его, значить, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка.

Бѣгутъ двое молодыхъ людей.

Одинъ. Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько слышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о піесѣ.

Другой. Ну, что думаетъ вотъ этотъ?

Первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой. Да.

Первый. Вотъ что онъ думаетъ: «За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..» Однакожъ, тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! (*Оба уходятъ*).

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія — съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающего въ рукавъ шинель; господинъ посторонивается и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливеряхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ: «Батюшка, припихнули со всѣхъ сторонъ!»)

Молоденькій чиновникъ угловатаго свойства (подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель). Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденькій чиновникъ. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели. Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣтъ.

Господинъ въ шинели. За этакія вещи нужно съѣчь, а не хвалить.

Молоденькій чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Молоденькій чиновникъ. Какъ можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! (*Народу, толкая того и другого*). Эй, вы, посторонитесь, генераль идеть! (*Подходя съ необыкновенною учтивостію къ двумъ щегольски одѣтымъ*). Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, постораниваясь и давая дорогу.

Первый. Не знаешь, какой генераль? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (*подхватывая сзади*). Просто, статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3.000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммисіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые (*одинъ другому*). Уйдемъ! (*Уходятъ*).

Чиновникъ разговорчиваго свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служить. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. (*Уходитъ*).

Голосъ изъ толпы. Экъ народу навалило!

Офицеръ (*пробираясь съ дамой подъ руку*). Эй, вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь — дама?

Купецъ (*съ дамой подъ руку*). У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы. Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи.— Подлая, скверная піеса!— Забавная піеса!— Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы. Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ острову.

Голосъ въ другомъ концѣ. Ну, вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Г о л о с ь к у п ц а. Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Г о л о с ь г о с п о д и н а п о о щ р и т е л ь н а г о с в о й с т в а. Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Г о л о с ь с е р д и т а г о ч и н о в н и к а, н о, к а к ъ в и д н о, о п ы т н а г о. Чтѣ онъ знаетъ?— чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, чтѣ ни написалъ онъ, все — враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то...

Г о л о с ь д р у г о г о ч и н о в н и к а и з ъ т о л п ы. Да чтѣ вы говорите: «смѣшно, смѣшно!» знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Н е и з в ѣ с т н ы й г о л о с ь. Стой, украли платокъ!

Два офицера, узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.

П е р в ы й. Мишель, ты туда?

В т о р о й. Туда.

П е р в ы й. Ну, и я тамъ.

Ч и н о в н и к ъ в а ж н о й н а р у ж н о с т и. Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно.

Г о л о с ь в ѣ н а р о д ѣ. Чтѣ жъ, коли подлець, то и подлець. Не будь подлецомъ, то и не будешь надъ тобой смѣяться.

К р а с и в ы й и п л о т н ы й г о с п о д и н ъ (*говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому*). Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ чтѣ главное!

Г о с п о д и н ъ н и з е н ь к і й и н е в з р а ч н ы й, н о я д о в и т а г о с в о й с т в а. Да вѣдь нравственность — вещь относительная.

К р а с и в ы й и п л о т н ы й г о с п о д и н ъ. Чтѣ вы разумѣете подъ именемъ «относительная»?

Н е в з р а ч н ы й, н о я д о в и т а г о с в о й с т в а г о с п о д и н ъ. То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье свозъ пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братіи своимъ подчиненнымъ? — Свысока говоритъ: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества», а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

К р а с и в ы й и п л о т н ы й г о с п о д и н ъ (*въ сторону*). Скверенъ, какъ чортъ, а языкъ, какъ у змѣи.

Н е в з р а ч н ы й, н о я д о в и т а г о с в о й с т в а г о с п о д и н ъ (*толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему челоуька, говоритъ ему, кивая на красиваго господина*). Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ (*Уходя постынно*). Извините, я не дослышалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ (*толкая подъ руку незнакомаго сосѣда*). Глухота - то какъ нынче распространилась въ городъ, а? Вотъ что значить нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всё дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. Да, и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ городѣ. (*Пропадаетъ въ толтъ*).

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый. А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы (*подхватывая рѣчь*). Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорять, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства. Авторъ долженъ быть умный человекъ.

Господинъ отрицательнаго свойства. Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста долго не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! — Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: «милостивый государь!» А потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отваялъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: «Ну, — говоритъ, — благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства (*обращаясь къ другому человеку хладнокровнаго свойства*). Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства. Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

Господинъ добродушнаго свойства. Какъ экспромптомъ?

Господинъ хладнокровный. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышать отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ — возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ — и пошелъ передавать ее по городу всѣмъ.

Господинъ добродушный. Это, однакоже, безовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

ДАМА СРЕДНЯГО СВѢТА. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза; такъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

ГОСПОДИНЪ СЪ ВЪСОМЪ. Я не знаю, что это за человѣкъ. Это, это, это... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ — такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

ВТОРОЙ ГОСПОДИНЪ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значить разрушить всякое уваженіе — вотъ что это значить. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибѣтъ на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!» Вѣдь это вотъ что значить.

ТРЕТИЙ ГОСПОДИНЪ. Еще бы! Это сурьезная вещь! Говорять: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе». Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За такія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто посадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, Богъ въстѣ, какого свойства, впрочемъ, благородной наружности и прилично одѣтыхъ.

ПЕРВЫЙ. Постойте лучше здѣсь, пока мѣсть выйдетъ толпа. Ну, что это, право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы, Богъ знаетъ, что! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пѣса и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора — ну, что это такое!

ВТОРОЙ. Однакожь, пѣса повеселила, развлекала.

ПЕРВЫЙ. Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселитъ всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица — ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? Бричать: «литераторъ! литераторъ! писатель!» Да что такое писатель? Что иной разъ попадетъ остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ природы... Да что же здѣсь за трудъ? Что жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки — и больше ничего.

ВТОРОЙ. Да, конечно, вещь не важная.

ПЕРВЫЙ. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша — не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется, выгнали.

ВТОРОЙ. Ну, однакожь, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

ПЕРВЫЙ. Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно — ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй. Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается — вотъ и вся штука!

Третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ, народъ выходитъ, пойдете!.. Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! (*Уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе оставшіе*).

Добродушный человѣкъ. А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты!

Одинъ изъ народа. Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ (*смотря на часы*). Однако, скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. (*Уходитъ*).

Отставшій чиновникъ. Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! (*Уходитъ. Стѣны пустѣютъ*).

Авторъ пьесы (*выходя*). Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая нестрай куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націй, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предрасудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ этомъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ этомъ высокоомъ самоотверженія забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа. Какъ даже въ этихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ — *смѣхъ*. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику, — прозваніе холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлечения и забавы людей; — не тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, — излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не

испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «Неужели есть такіе люди?» тогда какъ, по собственному сознанию его, бывають хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтлый. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей: но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышать могучей силы такого смѣха: «что смѣшно, то низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки; святыя движенія души — для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданія были сейчасъ названы побасенками, — нѣтъ, я вижу свои пороки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ, когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались творцами однихъ пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: «побасенки!» Побасенки!.. А вонъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унесло все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понинѣ, и ввемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!.. А вонъ стонутъ балконы и перила театровъ: все потряслось снизу доверху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышать ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку — и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и просить вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!.. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсню и тиной

покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный персть Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣды и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ: вѣнчаннй монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеняхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Мiръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки, но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И, почему знать, можетъ-быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣды, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!..

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА
ИЛИ
МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Г Л А В А I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздить холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ, — словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, не слишкомъ толстъ, не слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ, и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ.

— Вишь ты, — сказалъ одинъ другому: — вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бѣ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?

— Доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

— А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?

— Въ Казань не доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ,

ф Word
C 100
Sow,

+

придержалъ рукою картузь, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ вѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ известнаго рода, ибо гостиница была тоже известнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устроивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности; она была очень длинна, въ два этажа; нижній — не былъ вычекатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитеничкѣ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно было подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною, какъ смоля, бороною.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывающій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержаномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ затѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ-быть, такъ же замаслившимся, какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покаместъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы — всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шесть и самъ-сѣмъ испивать свою известную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда позовой бѣгала по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла

такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію; иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ снянулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготавливаетъ своими руками супругъ, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно берегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, рассказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ, и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой, по обыкновенію, отвѣчалъ:

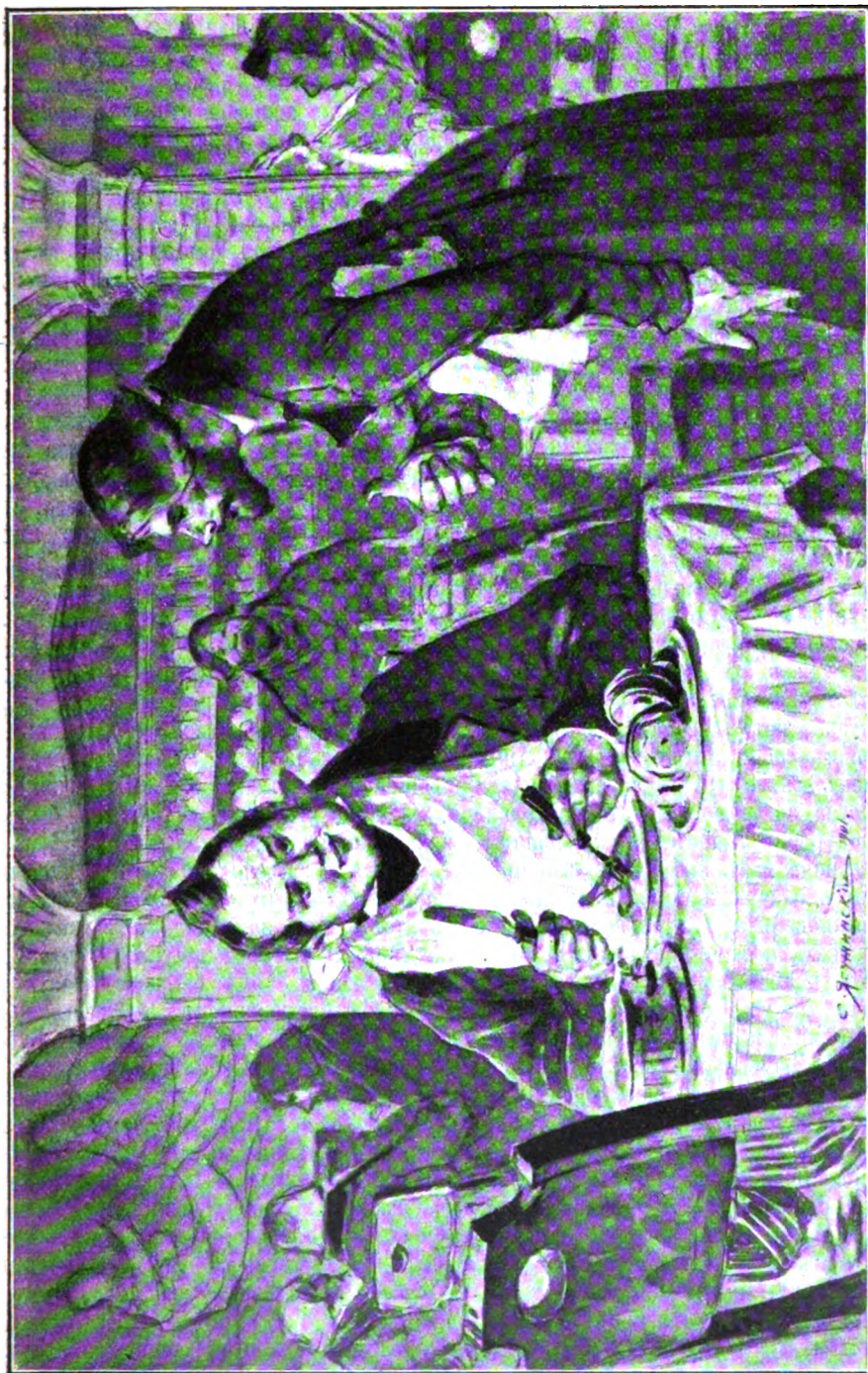
— О, большой, сударь, мошенникъ!

Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить со слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжіи дѣлали не все пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропустилъ ни одного

eats

значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ приемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ, какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство приобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: «Не нужно ли чего?» Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой номеръ, гдѣ, прилегли, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскутѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: «Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ». Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотреть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно была въ глаза жѣлтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой, какъ поле, улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбывались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «Иностранецъ Василій Федоровъ»; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлѣвшимися кѣями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: «И вотъ заведеніе». Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаше же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: «Питейный домъ». Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городскую садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день», и что при этомъ «было очень умилительно глядѣть,

Покажишь ему все это подавалось, разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ салту, или шовото, рассказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ, и кто теперь, много ли дастъ дохода, и большою ли подаецъ ихъ хозяинъ.

какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику». Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую посрединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочесть ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой, прямо въ свой номеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплѣвинъ, Кору — дѣвица Ябллова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже, онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переверотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ своимъ во всю нососную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстѣ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; Впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомянуть всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію вѣзжаешь, какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостоичикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностію, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что

Онъ незначашій червь міра сего и недостойнъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, нищетъ избрать, наконецъ, мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почеть за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показывать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣздѣмъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ объ щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ выгѣзшие изъ носу два волоска и непосредственно затѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ, одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хотъ бы и для бала: коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали, — словомъ все, какъ нужно. Вошедши въ заль, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубить и дѣлать его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, поднимающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенные богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши объ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми догучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернской городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ же небрежно подѣдали къ дамамъ, такъ же

говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т-е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ, и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленого стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни бугаями, ни на манеръ *чортъ меня поberi*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямиыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрепичить и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шпатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь — и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодыми. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ баринномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ, наконецъ, присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣскольکو подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ будто бы говорилъ: «пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу» — человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка, — которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣскольکو набожъ, впрочемъ, не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣскольکو неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «Прошу прошенія». Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда, наконецъ, предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую фізіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадь!» если же король: «Пошелъ, тамбовскій мужикъ!» А предсѣдатель приговаривалъ: «А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: «А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!» или же просто восклицанія: «черви!

червоточина! пикенция!» или «пикендрась! пичурушухъ! пичура!» и даже просто: «пичукъ!» — названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «Вы пошли», но «вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего спросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человекъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и шутившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почитать за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: «И ко мнѣ прошу», шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человекомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленномъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочемъ, стоялъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стояла обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтись и показать въ себѣ опытнаго свѣтскаго человека. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ — и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою, — онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной

игрѣ — и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели — и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина — и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ — и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны прїездомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ, — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; председатель палаты, — что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицеймейстеръ, — что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера, — что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, прїехавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать возлѣ худошавой жены своей, сказалъ ей: «Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: прїятный человѣкъ!» На что супруга отвѣчала: «Гм!» и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

ГЛАВА II. *Маниловъ*

Уже болѣе недѣли прїѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, развѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень прїятно время. Наконецъ, онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣститъ помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ-быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣчающему дѣлу. Бучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ известную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатою и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хотеть быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше

молчаливаго, тѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т.-е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ, чортъ знаетъ, что и значить. Это чтеніе совершалось

болѣе въ ле-
жачемъ поло-
женіи, въ пе-
редней, на
кровати и на
тюфякѣ, сдѣ-
лавшемся отъ
такого обстоя-
тельства уби-
тымъ и то-
ненькимъ,
какъ лепешка.
Кромѣ страсти
къ чтенію, онъ
имѣлъ еще
два обыкнове-
нія, соста-
вляющія двѣ
другія его ха-
рактеристиче-
скія черты:
спать не раз-
дѣваясь, такъ,
какъ есть, въ
томъ же скур-
тукѣ, и носить
всегда съ со-
бою какой-то
свой особен-
ный воздухъ,
своего соб-

ственного запаха, отзывавшійся нѣсколько жилимъ покоемъ, такъ что до-
статочно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже
въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетасить туда шинель и пожитки,
и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ,
будучи человѣкъ весьма шекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ при-
вередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только
помарщивался да встряхивалъ головою, приговаривая: «Ты, братъ, чортъ
тебя знаетъ, потѣпъ, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню». На что
Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь
дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто
прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ-

быть, онъ говорилъ про себя: «И ты, однакожь, хорошъ; не надѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...» Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣститъ занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ-ни прискорбно то и другое, а все, однакожь, нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, — а въ тотъ день случилось воскресенье, — выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящей атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: «Баринъ, подай сиротинкѣ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукъ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся, наконецъ, по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чуть и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ всякихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высыввала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстныя. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладь. На вопросъ: «далеко ли деревня Заманиловка?», — мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывший поумнѣе и носившій бороду кляномъ, отвѣчалъ:

— Маниловка, можетъ-быть, а не Заманиловка?

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то-есть, такъ прямо направо.

— Направо? — отозвался кучеръ.

— Направо, — сказалъ мужигъ. — Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо, на горѣ, увидишь домъ, каменный, въ два этажа, — господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки со-всѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на поселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали; а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значить, что въ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-английски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храмъ уединеннаго размышленія»; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглинскихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы; которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака, и блестя попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, — какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозга носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шапоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ, наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. — Насилу вы-таки насъ вспомнили!

Оба пріятели очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размаха: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно — черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неувловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ-быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человекъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, чрезчуръ было передано сахару; въ приемахъ и оборотахъ его было что-то занскивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человекъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое!» и отойдешь подальше; если жь не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если воснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спать и грезить о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, пообратиться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать»; «да не дурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно не дурно», — повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать»; «ступай», — говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шель пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на

дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницъ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стояла весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла

стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутрымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салъ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выразившимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ,

я тебѣ положу этотъ кусочекъ». Само собою разумѣется, что ротцѣвъ раскрылся при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ печистоплатны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ (не милосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависить отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, то-есть вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрасивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, (не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы — гость, — говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь; пожалуйста, проходите, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему жъ образованному?.. Пожалуйста, проходите!

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего жъ?

— Ну, да ужъ оттого! — сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ, оба пріятеля вошли въ дверь богомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ. — Душенька! Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не прижилилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта съ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила послѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ

дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ (не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ прїѣздомъ, и что мужъ ея, (не) проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да, — примолвилъ Маниловъ, — ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: — «Да что же твой прїятель не ѣдетъ?» — Погоди, душенька, прїѣдетъ. — А вотъ вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое, право, доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣеть, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете, — прервалъ Маниловъ съ такою же прїятною улыбкою: — все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? — примолвила Манилова. — Прїятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ: — и время провелъ очень прїятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препотеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человекъ? — прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, — сказалъ Чичиковъ: — препотеннѣйшій человекъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, соблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ, — присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и прїятный человекъ, — продолжалъ Чичиковъ: — и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваются разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдка дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернатора, не правда ли, какой милый человекъ? — сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человекъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень прїятный человекъ?

— Чрезвычайно прїятный, и какой умный, какой начитанный человекъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человекъ!

— Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, — отвѣчалъ Чичиковъ.

За сямъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь, вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда, впрочемъ, прїѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одицаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, — продолжалъ Маниловъ: — другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человекъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... — Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько заропотался, ковырнулъ только рукою въ воздухъ и продолжалъ: — тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества».

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавилъ Маниловъ: — все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервалъ Чичиковъ. — Что всё сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластитъ немилосердно, воображая ея обрадовать пациента: — тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастье, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что жъ за пріятный разговоръ?... Ничтожный человекъ и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга (не доложивъ, что кушанье готово).

— Прошу покорнѣйше, — сказалъ Маниловъ. — Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и, наконецъ, Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! — сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ: — а который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Семействуюсь! — сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти

греческое имя, которому, неизвѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ*; но постарался тотъ же часъ привести лицо въ обыкновенное положеніе.

— Фемистоклюсь, скажи мнѣ: какой лучший городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Фемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Фемистоклюсь сказалъ: «Парижъ».

— А у насъ какой лучший городъ? — спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, — отвѣчалъ Фемистоклюсь.

— А еще какой?

— Москва, — отвѣчалъ Фемистоклюсь.

— Умница, душенька! — сказалъ на это Чичиковъ. — Скажите, однакожь... — продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. — Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его! — отвѣчалъ Маниловъ: — у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшей, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части... Фемистоклюсь! — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: — хочешь быть посланникомъ?

— Хочу, — отвѣчалъ Фемистоклюсь, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налево.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столomъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Фемистоклюсь укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: «Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Приятный разговоръ лучше всякаго блюда».

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, — сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. — Вотъ мой уголокъ, — сказалъ Маниловъ.

— Приятная комнатка, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то

голубенькой краской, вродѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложеною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столъ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленные не безъ старанія очень красивыми рядами. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, — сказалъ Маниловъ. — Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулъ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, — сказалъ Маниловъ съ улыбкою. — Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или ~~не~~ ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчевать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю, — отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего? — сказалъ Маниловъ, тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изъ рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ затѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, (неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. — Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

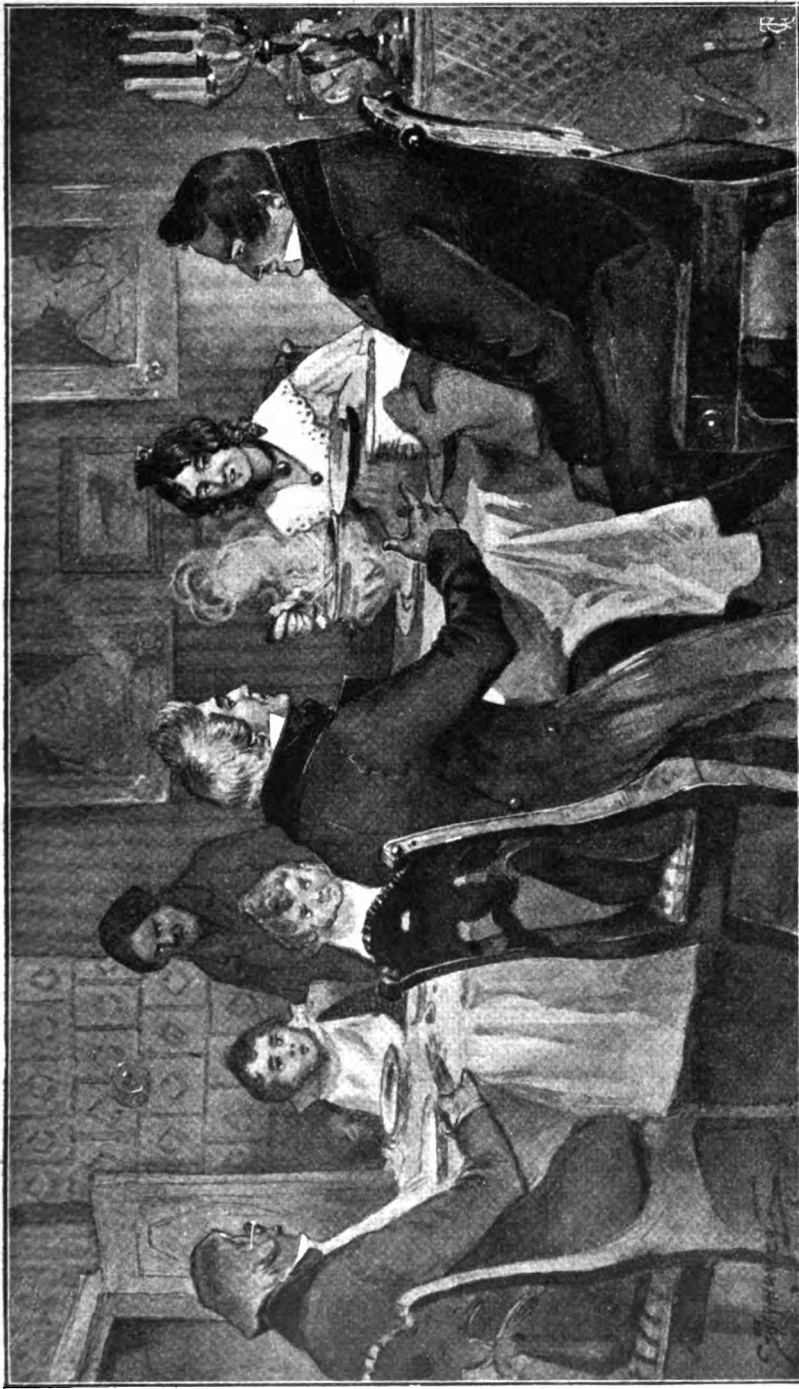
— Да ужъ давно; а лучше сказать — не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

— А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подлѣ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукъ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашѣ — ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказникомъ. А сдѣлавшись приказникомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизию?

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало едите». На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: «Покорнѣйше благодарю, я емъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда».

— Да какъ — сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ, — сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, на подобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, — подхватилъ Маниловъ: — именно очень многіе умирали! — Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: — точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ? — подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умираю: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно, — сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову: — я тоже предполагаю, большая смертность; совсѣмъ (неизвѣстно, сколько умерло).

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти, — сказалъ Чичиковъ: — и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно, — сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: — Слушаю! — и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? — спросилъ, по уходѣ приказчика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ, наконецъ, услышалъ такіа странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слышали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ... — сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ, — сказалъ Маниловъ: — какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводѣ, то-есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, — сказалъ Чичиковъ: — я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю приобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые, — сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижими, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ, Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого: напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго чловѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изъ рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь? — замѣтилъ Чичиковъ.

— Я!.. нѣтъ, я не то, — сказалъ Маниловъ: — но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ-быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ-быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ, — подхватилъ Чичиковъ, — нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Боячилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

— Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости, — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! — сказалъ Чичиковъ. — Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревиаской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потернѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня — дѣло священное, законъ — я имѣю предъ закономъ..

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не викиъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого (неслышаннаго) обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ — и больше ничего.

— Можетъ-быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобы еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція, — такъ не будетъ ли эта негоція несоответствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ-быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слиткомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоответствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получить даже выгоды, ибо получить законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю; что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло; я противъ этого (ничего), — сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ? — сказалъ опять Маниловъ и остановился. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло такое, такъ

сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолгло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ повернулся такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, — сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокой вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова:

— Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и, дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ-горемыкѣ!..

Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятели долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были наворачнувшія слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать? — сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, — сказалъ Маниловъ съ нѣскольکو жалостливымъ видомъ: — Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу, — отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь, — сказалъ Чичиковъ, — здѣсь, вотъ гдѣ, — тутъ онъ положилъ руку на сердце: — да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И повѣрете, не было бы для меня большаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ!

— А знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль; — какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чѣмъ-нибудь, углубиться!..

— О, это была бы райская жизнь! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. — Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены! — отвѣчалъ Маниловъ. — Я съ вами расстаюсь не долге, какъ на два дни.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки! — сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ приѣду, непременно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ? — продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Барабанъ, — отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ, — такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр...ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!

Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ! — сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. — Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ расскажу вашему кучеру.

Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію рассказалъ дѣло кучеру и сказалъ ему даже одинъ разъ *см.*

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и повернуть на третій, сказалъ:

— Потрафимъ, ваше благородіе, — и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удаляющуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, онъ все еще стоялъ, курия трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и, наконецъ, занеслись, Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ приѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворажаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

Коробочка

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльные замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ приобретень отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю! — говорилъ Селифанъ, поднявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнильца. — Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой — почтенный конь, онъ исполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель — тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползеть!

Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, промолвивъ:

— У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!.. — Потомъ прикривнулъ на всѣхъ: — эй, вы, любезные! — и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ.

Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому:

— Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человекъ; съ человекомъ хорошимъ мы всегда свои друзья, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человекъ. Хорошему человекъ всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, исполняетъ службу государскую, онъ сколеской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался, наконецъ, въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотреть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косо направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ ея кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то

дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное расслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые въ пропустилъ онъ мимо. Тагъ какъ русскій челоуѣкъ въ рѣшительныя минуты найдетъ, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: «Эй, вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно беспокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая — хоть глазъ выколи.

— Селифанъ! — сказалъ онъ, наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ? — отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!

Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ — пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительныя и понудительныя крики, которыми потчеваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попало на языкъ. Такимъ образомъ, дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ, Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь? — сказалъ Чичиковъ.

— Да что жь, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!

Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ, — говорилъ Селифанъ. — Это нехорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.

Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и, наконецъ, выворотилъ ее совершенно набокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однагожь, остановилъ; впрочемъ, онъ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силсяя оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты, и перекинулась!»

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это нехорошее дѣло — быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, — въ томъ нѣтъ худого, — и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? заблѣлъ? — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно, — отвѣчалъ на все согласный Селифанъ: — коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣеть доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударила оглоблями въ заборъ, и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозъ густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и достигнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучить? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать, — произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты какой востроногій, — сказала старуха: — пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постояльнй дворъ: помѣщица живетъ.

— Что жь дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время, — прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дурагъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой? — сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.

— Погодите, я скажу барынѣ, — произнесла она, — и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ.

Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ огнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходящимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ, псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ пономарь; промежь нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дисантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это, наконецъ, повершалъ басъ; можетъ-быть, старикъ, надѣленный дожею собачей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипить пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, пристѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озлбшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она зриводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ — старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его лишили, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки, и держатъ голову нѣсколько набокъ, а между тѣмъ, набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопы, имѣющаго потомъ обратиться въ платье,

если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ прїездомъ.

— Ничего, ничего! — сказала хозяйка. — Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣніемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всеми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно шелкать направо и налево.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чемъ, что, кромѣ постели, онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, къ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова? — сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канатъевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди, или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобы по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засадиться?

— Еще слава Богу, что только засадился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потерять спину?

— Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повесушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! — сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходявшей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обохъ боковъ руками, напустила цѣлый потокъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверх перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вот тебѣ постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки: покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ посѣвшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, поставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсенныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и,

свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолокъ, всѣ обратились къ нему: одна съѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подѣстъ близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ въ сонникахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть, — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять: въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалося ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и, наконецъ, вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ, — окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, «желаю здравствовать», на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову набокъ; какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ пыленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузные корки своимъ порядкомъ. Этого небольшой дворикъ, или курятникъ, переграждалъ дощатый заборъ, за которыми тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ пестяхъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоящую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у ней деревушка не маленька», — сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуете, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. — Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Бессонница. Все поясница болить, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломить.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ бѣльшею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не утнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣннн обращать. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смеянетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ миллионщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримеръ, существуетъ канцелярія — не здѣсь, а въ тридѣвatomъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ, — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой слѣзшить съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какового и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! «Да это не Иванъ Петровичъ, — говоришь, глядя на него. — Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ — чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется». Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ! «Эхе, хе, хе!» думаешь себя... Но, однакожъ, обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, — сказала хозяйка: — да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ, мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... прїѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная; сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? — спросила помѣщица: — вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка! — отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: — чай, не засѣдатель, а такъ ѣдимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупили! Какъ же жаль, право, что я продала медь купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньги у меня теперь маловато — полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! — сказала старуха, вздохнувши. — И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подѣхалъ — подать, говорить, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ поберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, чрезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ прекрасный кузнецъ! И теперь мнѣ выхвать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: — противъ мудрости Божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватилась далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ? — сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говорить, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого-то я не думаю! Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только тѣ и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

«Ну, баба, кажется, крѣпколовая!» — подумалъ про себя Чичиковъ.

— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! — подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю внесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я со-вершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побавляться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покущикъ; пріѣхаль же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову — двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки трутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не повести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — а тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купить на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

«Экъ ее, дубинно-головая какая, — сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. — Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!» Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иною и почтенный, и государственный даже человекъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка, — сказалъ онъ: — или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почему продали медъ?

— По 12-ти рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

— Ну, видите ль? Такъ зато — это медь. Вы собирали его, можетъ-быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчель, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, поддастся.

— Право, — отвѣчала помѣщица: — мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю, авось, понаѣдутъ кушцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онѣ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подь случай понадобится... — возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онѣ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суετε! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! — вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. — Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился огаинный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпѣть нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! — сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворяжка, что лежитъ на снѣгъ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду... — Здѣсь онѣ пригнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ ноги и послужилъ ей чорта. Чорта помышца испугалась необыкновенно.

неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:

— Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, — говорилъ онъ, а между тѣмъ, отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ распросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.

— Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служить въ палатѣ, — сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было, — подумала, между тѣмъ, про себя Коробочка: — если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирога прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много». — Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. «Экъ уморила какъ проклятая старуха!» сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелають даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же и не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвы, потомъ квадратныя закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незаметно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужь знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало. — Хоть бы мнѣ листовъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленький списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ (не сказать: «Экій длинный!») Другой имѣлъ прищипленный къ имени — «Коровій Кирпичъ»; иной оказался просто: «Колесо Иванъ». Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и нѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! — сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половиною, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? — сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекуть, — сказала хозяйка: — да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужь такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложать; матушка, заложать. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужь, пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, — говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ.

— Можетъ-быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филипову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ.

— Вот видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Расскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. — Рассказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Въѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная — мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбрѣдетъ въ голову. Можетъ-быть, станешь даже думать: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосыгаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, звѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженные мысли, — мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, — мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталь другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А вотъ бричка, вотъ бричка! — вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку. — Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платѣ изъ домашней крапешины и съ босыми ногами, которые издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: — покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ влѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ, помѣстился, сказавши: «А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!» Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случилось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо

въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотогѣ почти всегда въ разорванномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ.

Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-неприятныя восклицанія: «Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!» и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезныя*, ни *почтенныя*. Чубарый чувствовалъ пренеприятныя удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. «Вишь ты, какъ разнесло его! — думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрыгывая ушами. — Небось, знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпить, или подъ брюхо захлыснетъ».

— Направо, что ли? — съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу, — отвѣчала дѣвчонка.

— Куда жъ? — сказалъ Селифанъ, когда подѣхали поближе.

— Вотъ куды, — отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты! — сказала Селифанъ. — Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расплзались во всѣ стороны, какъ пойманныя раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдаль строеніе, сказавши:

— Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе? — спросила Селифанъ.

— Трактиръ, — сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами дождемъ, — сказалъ Селифанъ: — ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: «Эхъ ты, черноногая!»

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

Г Л А В А IV.

Подѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпитъ. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ

Петербургъ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсы, морскихъ пауковъ и прочіихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовымъ плѣсомъ, такъ что вчужь пронимаетъ аппетитъ, — вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ дайнѣмъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всеми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, ниждѣ имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то вродѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворяющуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» Въ комнату попались все старыя пріятеля, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленные гладко сосновые стѣны, трехъугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя ящики предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ — четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ, натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ и больше ничего.

— Поросенокъ есть? — съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаню?

— Съ хрѣномъ и со сметаню.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и распросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ — холостой или женатый человекъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало

подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. «А! Собакевича знаешь?» — спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ повеликатѣй Собакевича: велить тотчасъ сварить курицу, спросить и телятинки: коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросить, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спросить, да ужъ зато все съѣсть, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый — просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и шупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ знаетъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе немногихъ минутъ они, вѣроятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пылъ по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ, и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузь свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба! — вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ руки при видѣ Чичикова. — Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ объѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздишь? — говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — А я, братъ, съ ярмарки. Поздравъ: продулся въ нухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно! — Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова такъ, что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. — Видишь, какая дрянь? Насилу дотасили, проклятая; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку. — Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. — А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. —

Ну, смотри, — говорю, — если мы не встрѣтимъ Чичикова... — Ну, братъ, если бы ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ... — Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. — А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, — продолжалъ Ноздревъ: — именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человекъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ, — отвѣчалъ бѣлокурый: — а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадила ихъ.

— И не просадила бы! Ей-Богу, не просадила бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадила бы. Не загни я послѣ паролѣ на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ, не сорвалъ, — сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во-время. А ты думаешь, маюръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или не хорошо, однакожъ, онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность! — сказалъ Ноздревъ, — этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человекъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называется просто бурдашкой. «Принеси-ка, братъ, — говоритъ, — бурдашки!» Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человекъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ въ вѣсть. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать; въ вино мѣшаетъ всякую дрянъ: сандалъ, жженую пробку и даже бузиной, подлець, затираетъ; но зато ужъ если вытащить изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпи-реяхъ. Шампанское у насъ было такое... что предъ нимъ губернаторское? — просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? — розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ прѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ — нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь, — замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человекъ говорю, что выпилъ, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну что бы тебѣ стоило прѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ, или я ему? Онъ прѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бъ ты зналъ, вологита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и триши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: «Чортъ возьми!» А Кувшинниковъ, то-есть, это такая bestia, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: «попользоваться насчетъ клубнички». Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я-таки привезъ съ собою одинъ, — хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподелъдокъ Ивановичъ!

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливаются только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожать и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произносить: «Экъ его разобрало!»

— Что жъ тутъ смѣшного? — сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: «Ой, пощади! право, тресну со смѣху!»

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово, — сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда прѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчуй! Пономаревъ, bestia, такъ раскланивался, говоритъ: «Для васъ только; всю ярмарку, — говоритъ, — обыщите, не найдете такого». Пауть, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. «Вы, — говорю, — съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!» Смѣется, bestia, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ,

братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю.

— Эй, Порфирій! — закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего челоуѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. — Эй, Порфирій! — кричалъ Ноздревъ: — принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. — Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. И ему сулилъ каурюю кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...

Чичиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Баринъ! ничего не хотите закупить? — сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая, — отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой, — сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку! — сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня: «Вотъ, — говоритъ, — братъ, попользуйтесь бы насчетъ клубнички!» Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницей.

Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась.

— А, давай его сюда! — закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ.

Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамаслянѣй.

— Давай его, клади сюда на полъ!

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ! — сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

— Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, — сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и рассматривая тщательно брюхо щенка: — и не подумалъ вычесать его?

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички понаѣзали.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы! — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши:

— Да, хорошая будетъ собака.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою.

Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши:

— Хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ, — продолжалъ Ноздревъ: — я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непременно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

«А что жъ, — подумалъ про себя Чичиковъ: — заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно кое-что выпросить».

— Изволь, ѣдемъ, — сказалъ онъ, — но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Пстой же! я тебя поцѣлую за это. — Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣбовались. — И славно: троємъ и покатымъ!

— Нѣтъ, ты ужь, пожалуйста, меня-то отпусти, — говорилъ бѣлокурый, — мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пуцу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь переѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку — словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ! — сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокурого, надѣлъ ему на голову картузь, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили... — сказала старуха.

— А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати, пожалуйста. У меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Сколько тебѣ? — сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? двугривенникъ всего, — сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ, — сказала старуха, однакожь, взяла деньги съ благодарностію и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стояла водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадахъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то слѣдаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ-быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывуть еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и

при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ ты. Дружбу заведутъ, кажется, навѣтъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осмынадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими създами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми друзьями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человекъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непременно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же друзья. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или наръвется въ буфетъ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что, наконецъ, самому сдѣлается совѣстно. И навреть совершенно безъ всякой нужды: вдругъ рассказать, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе, наконецъ, всѣ отходятъ, произнеши: «Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить». Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человекъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человекъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивнись, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Таковую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходилъ, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небыллицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріателемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь».

Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на все руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но все не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неутомимой юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накопалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный ружейный инструментъ, голландскаго холста, крупчатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кisetомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можеть-быть, назовутъ

его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можеть-быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ, три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посерединѣ столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣдили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать

аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на видъ и неказистаго, но за котораго Ноздревъ боился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десяти тысячъ ты за него не далъ, — замѣтилъ зять. — Онъ и одной не стоитъ.

— Ей-Богу, далъ десять тысячъ, — сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь, — отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ? — сказалъ Ноздревъ. Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волченка, бывшаго на привязи. «Вотъ волченокъ! — сказалъ онъ. — Я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ». Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться. «Я тебѣ, Чичиковъ, — сказалъ Ноздревъ, — покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ просто наводитъ изумленіе, щитокъ — игла!» и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣлай, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ, — хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, — *порхающий*, по чудному выраженію русскаго мужика. «А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница», — сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ, — сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле, — русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

— Ну, русака ты не поймалъ рукою, — замѣтилъ зять.

— А вот же поймалъ, нарочно поймалъ! — отвѣчалъ Ноздревъ. — Теперь я поведу тебя посмотрѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову, — границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ большая, а гдѣ меньшая грязь. Прошедши порядочное разстоянiе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

— Вотъ граница! — сказалъ Ноздревъ. — Все, что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣтъ, и все, что за лѣсомъ — все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ? — спросилъ зять. — Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, даль.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ?

— Эхъ ты, Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну развѣ приказчикъ, — сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ затѣмъ показала гостямъ шарманка. Ноздревъ тутъ же провертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ похалъ, а Мальбругъ въ походъ похалъ* неожиданно завершался какимъ-то давно знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая утомиться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показали трубы деревянныя, глиняныя, пѣнковые, обкуреныя и необкуреныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительною *сюперфло*, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составляя у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совагъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ: катая-валяя, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на

вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому го-сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ». Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безошадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принести какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо и налево, и зятю, и Чичикову: Чичиковъ замѣтилъ, однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ немного прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ называлъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ челоѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть челоѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ гнѣвнымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! не пуцу! — сказала Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять; — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу; жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей рассказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право, нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ!.. Важное, въ самомъ дѣлѣ, дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь! у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный челоѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку? — сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и вправду! — сказалъ Ноздревъ. — Смерть не люблю такихъ растепелей! — и прибавилъ вслухъ: — Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, оетюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня оетюкомъ¹⁾, — отвѣчалъ зять: — я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ...

¹⁾ „Оетюкъ — слово обидное для мужчинъ, происходитъ отъ Ѡ, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою“.

до слез разбираетъ. Спросить, что видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все рассказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу.

Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ на брячкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! — говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. — Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной недурень, я давно хотѣлъ подѣлать его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтись. Оетюкъ, просто оетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подаль свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина неизвѣстно откуда взявшуюся колоду картъ.

— А что, братъ, — говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: — ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдумъ припомнивъ:

— А! чтобъ не позабыть; у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да ужъ дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло, — словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя.

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, начто.

«Что бы такое сказать ему?» — подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хотъ бы какія-нибудь душонокъ.

— Врешь, врешь! — сказалъ Ноздревъ, не давши окончить: — врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ.

— Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямо, — сказалъ онъ, поправившись: — только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться: но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутора ста крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь! врешь! — закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь, — сказалъ Чичиковъ: — ни вотъ на столько не солгалъ, — и показалъ большимъ пальцемъ на своею мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожъ, это обидно! Что же я такое, въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Если бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему неприятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей-Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноздревъ: — я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства: — если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы, — и потомъ присовокупилъ: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлець, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ.

— Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что онъ у тебя, брильянтовые, что ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобы доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ? — сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!
 — Ну, купи каурую кобылу.
 — И кобылы не нужно.
 — За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.
 — Да не нужны мнѣ лошади.
 — Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.
 — Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду. Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ — земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? Я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдамъ за 900 рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носить нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!

Здѣсь Поздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.

— Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвые души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну, вотъ еще! А я-то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только переокрасишь, и будетъ чудо-бричка.

«Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!» — подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвые души — все вмѣстѣ.

— Не хочу! — сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу — да и полно.

— Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ и, между тѣмъ, взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ талии ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего жъ неизвѣстности? — сказалъ Ноздревъ. — Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастье, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье! — говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору. — Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ и колотить! Вонъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продать, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: «чортъ тебя поберет, продавай, проклятая!»

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего жъ ты не хочешь играть? — сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да, признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:

— Потому что не охотникъ.

— Дрянъ же ты!

— Что жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Остюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямоты, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлець!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хотъ три царства давай — не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше бы ты мнѣ, просто, на глаза не показывался! — сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислотина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель.

— Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ неприятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого роду, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ — человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ навратъ, прибавить, распуścić, чортъ знаетъ что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Нехорошо, нехорошо.

«Просто, дуракъ я»,—говорилъ онъ самъ себѣ.

Ночь спалъ онъ очень дурно. Бакія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по узвѣленному мѣсту, приговаривая:

— А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!

Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ,—говорилъ Ноздревъ:—такая мерзость дѣлала всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И, вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь:—штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

«Да,—подумалъ про себя Чичиковъ,—хорошо бы, если бъ тебя отодрали наяву».

— Ей-Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдмы блохи. Ну, ты ступай теперь одѣвайся, я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь?—сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши:—не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить—изволь куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-приятельски. Я не стану снимать плевы съ чорта знаетъ чего. Въ банчикъ—другое дѣло. Прокинемъ хоть талию!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь—твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкѣ; тутъ никакого не можетъ быть счастья или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

«Съѣмъ-ка я,—подумалъ про себя Чичиковъ,—сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно поднаться».

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.
 — Души идутъ въ ста рубляхъ!
 — Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.
 — Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь ценна средней руки или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь, — сказалъ Чичиковъ.
 — Сколько же ты мнѣ дашь впередъ? — сказалъ Ноздревъ.
 — Это съ какой стати? Конечно, ничего.
 — По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.
 — Не хочу: я самъ плохо играю.
 — Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играте! — сказалъ Ноздревъ, выстукая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ! — говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете, — сказалъ Ноздревъ, выстукая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ, — говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете! — сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, что? отсади-ка ее назадъ! — говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то, — сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. — Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола: — съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходять — по три шашки вдругъ!

— Отчего жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ — гдѣ мѣсто? — сказалъ Ноздревъ, пограспѣвши: — да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого жъ ты меня считаешь? — говорилъ Ноздревъ: — стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, — говорилъ Ноздревъ, горячасъ: — игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать, — сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставляю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть? — говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

— Не хочу, — сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай ближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко.

Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмыаемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій, Павлушка! — кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было бесполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь оканчивать партіи? — говорилъ Ноздревъ. — Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать, — говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно.

Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи? — повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его! — кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ.

Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его! — кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. — Бейте его! — кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричить своему взводу: «Ребята, впередъ!» какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже приобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время

горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. «Ребята, вперед!» кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредить уже обдуманному плану общаго приступа, что миллионы ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роговая пуля, готовая захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже ступъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задрезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усамъ, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылезалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ? — сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? — сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу? — сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максиму личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ.

— Вы врите! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по за-спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Г Л А В А V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорнами, но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось какъ перепелка въ клеткѣ.

— Бей его! — кричал Ноздревъ, порываясь впередъ съ черневыми чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступала подъ него истинная крѣпость.

«Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!»

Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное.

«Что ни говори, — сказалъ онъ самъ въ себѣ: — а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ-быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени».

Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

«Этой скверный баринъ! — думалъ про себя Селифанъ: — я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ паковать, потому что конь любить овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «Эхъ, ты, подлецъ!» — но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно; онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду своею въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно, — нехорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди измѣній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскочила коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздавался крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:

— Ахъ, ты, мошенникъ этойкой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: «сворачивай, ворона, направо!» — Пьянъ ты, что ли?

Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, присаясь:

— А ты что такъ расказался? Глаза-то свои въ кабакъ заложилъ, что ли?

Всгдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ, сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его влчюницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца: ея тоненькія уши также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы — все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами.

— Отсаживай, что ли, нижегородская ворона! — кричалъ чужой кучеръ.

Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши построжки. При этомъ обстоятельстве чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то напощтывать ему въ самое ухо, вѣроятно, ченуху страшную, потому что пріѣзжіи безпрестанно встряхивали ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожь, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастью, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика — сушая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Построжки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь, — только сколько ни хлыстали ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ:

— Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!

Сухошавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадамъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй.

— Стой, стой! — кричали мужики: — садись-ка, ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!

Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ, похожимъ на тотъ испанскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли.

— Теперь дѣло пойдетъ, — кричали мужики. — Накаливай, накаливай его! Пришпандоръ вкнутомъ вонъ того, соловаго, — что онъ корячится, какъ корамора ¹⁾?

Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ, кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не перевода духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою.

Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась — дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховатобѣдныхъ и неопратно-пѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опятныхъ сословій высшихъ, — вездѣ, хоть

¹⁾ „Корамора — большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топчется, или корячится, какъ говоритъ народъ“.

разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудить въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печаламъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и свергающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не выдавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоять, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша — гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только-что начавшій жизненное поприще — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши бессмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабѣшка!» сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табакъ. «Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то-есть, именно того, что у нихъ есть самага неприятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней прѣсто: она скажетъ, что ей вдумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянъ, — и выйдетъ дрянъ! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнять всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается, наконецъ, сама, и кончится тѣмъ, что станетъ, наконецъ, врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!» Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: «А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго права или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, приобретеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выдти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такіа были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слева; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами, — домъ вродѣ тѣхъ, какіе у

насъ строить для военных поселений и нѣмецких колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, закозотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и про-вертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, позабывшееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомерно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сарай и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленные на вѣковое століе. Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирпичныхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодець былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское — кругое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и шеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто:

— Прошу!

И повелъ его во внутреннія жилища.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для совершеннаго сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьего цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другую — вышли губы, большимъ сверломъковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: «живетъ!» Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: «Не побезпокоилъ ли я васъ?» Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показаль на кресла, сказавши опять: «прошу!» Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратионъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клятка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ палма.

— Это моя Феодулія Ивановна, — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Феодуліи Ивановны, которую она почти впахнула ему въ губы, причемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ растворомъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ: — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Феодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королеву. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериновымъ платкомъ и уже не двинула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ кляткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клятки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья — все было самага тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: «И я тоже Собакевичъ!» или: «И я тоже очень похожъ на Собакевича!»

— Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагаетъ начинать разговора: — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголь печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ-быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что ма-
сонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. — Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, — продолжалъ онъ. — Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много. — Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитыя его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойниче! — сказалъ Собакевичъ. — Дайте ему только ножъ да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копейку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога.

«Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, — подумалъ про себя Чичиковъ. — А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его».

— Впрочемъ, что до меня, — сказалъ онъ: — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то протосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ хриstopродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что жъ, душенька, пойдемъ обѣдать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ. Засимъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ, — что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ тавихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

— Ци, моя душа, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ шамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. — Этакой няни, — продолжалъ

онъ, обратившись къ Чичикову, — вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ что подадутъ!

— У губернатора, однакожь, недурень столъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ готовится, объ этомъ я не могу судить; но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купить вонъ тотъ каналья-поварь, что выучился у француза, kota, обдереть его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты неприятность говоришь! — сказала супруга Собакевича.

— А что жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акуляка у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, да, въ супъ! туда его!

— Ты за столомъ всегда этакое расскажешь, — возразила опять супруга Собакевича.

— Что жъ, душа моя, — сказалъ Собакевичъ: — если бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа... Возьмите барана, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: — это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фри-касе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая суетка по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діету — лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все... — Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. — Толкують — просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ. — Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

«Да, — подумалъ Чичиковъ, — у этого губа не дура».

— У меня не такъ, — говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: — у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣеть, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Мошеникъ, — отвѣчалъ Собакевичъ. — Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду? — подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ: — и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ! — воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. — Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собацѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣсть, — отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ богомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый

всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и нивѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяйинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы наладить его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только повряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь

и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами:

— Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: — рѣдька, вареная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: «Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ», и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготавливаясь слышать, въ чемъ было дѣльце.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства, и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и бесполезныхъ справокъ и не увеличить сложность и безъ того уже весьма сложнаго государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что, однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обяывая ихъ взносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хотъ бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кошея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— Итакъ?... — сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? — спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, — отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: — «несуществующихъ».

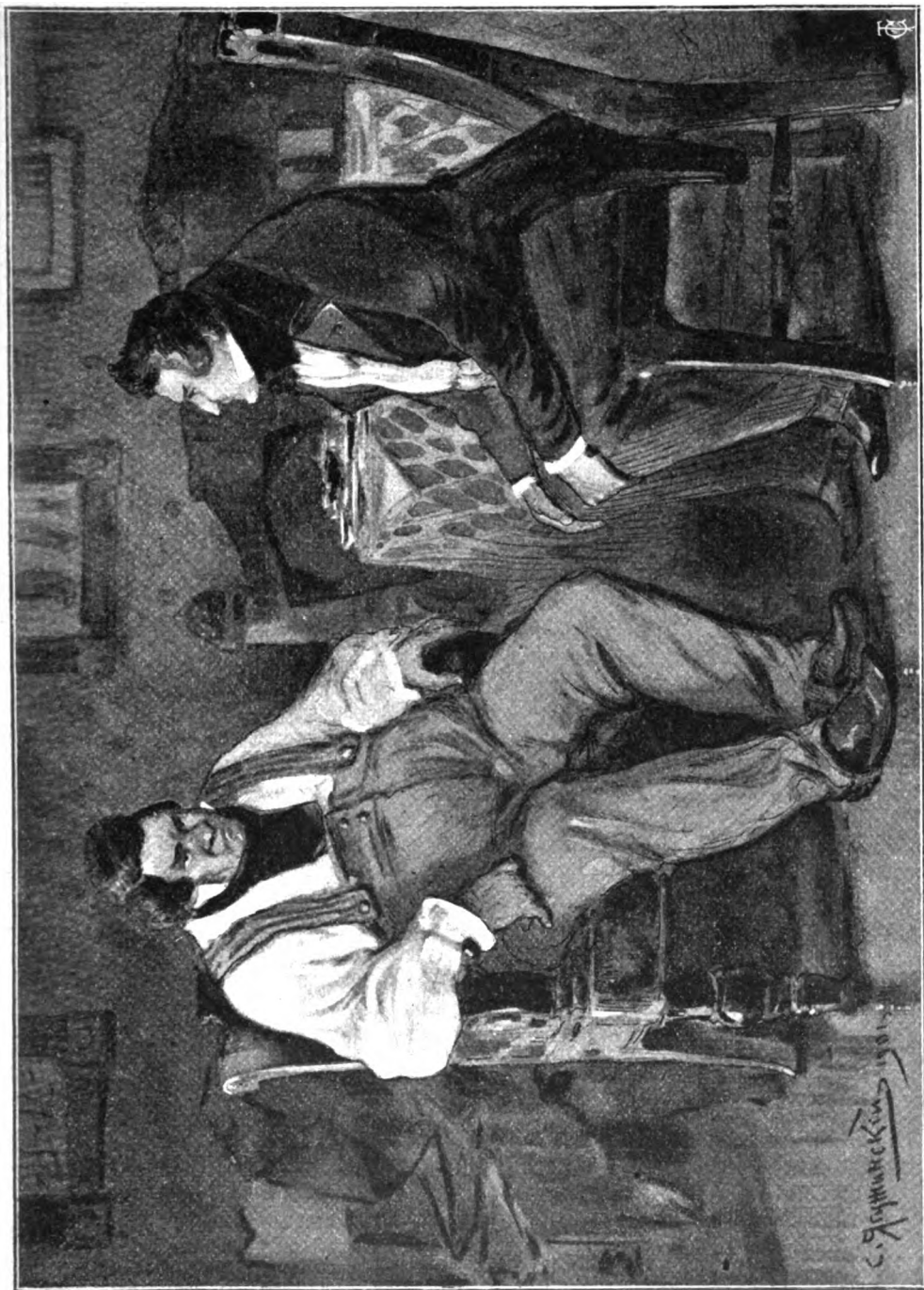
— Найдутся; почему не быть... — сказала Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, — сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покушникъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

«Чортъ возьми! — подумалъ Чичиковъ про себя: — этотъ ужъ пролазетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!» И проговорилъ вслухъ:

— А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

Собакевичъ слушаетъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его.

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку, — сказала Собакевичъ.

— По сту! — вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

— Что жъ, развѣ это для васъ дорого? — произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: — А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положила руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!

— Экъ, куда хватили — по восьми гривенокъ!

— Что жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, същете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревискуую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревисскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать, — говорилъ Чичиковъ, однакожъ, по полтиннкъ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь? — сказала Собакевичъ: — право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянъ, а не души; а у меня, что ядерный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы рассмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ същете такого мужика. Вѣдь что за силаща была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ верхкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

— Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплѣхинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станеть за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но, позвольте, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: —

зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подширай, говорить пословица.

— Да, конечно мертвые, — сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: — впрочемъ и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? — мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машиница такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силаща, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту!

Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратиона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремить взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдиши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать, — сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями — право, только для знакомства!

«Что онъ въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ про себя Чичиковъ: — за дурака, что ли, принимаетъ меня?» — и прибавилъ потомъ вслухъ:

— Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть, нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамиліи и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамиліи не мѣшаюсь, — это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика, — сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! *Затвердила сорока Якова — одно про всякаго*, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

«Ну, ужъ чортъ его побери! — подумалъ про себя Чичиковъ: — по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!»

— Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово — пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа.

«Экой кулакъ!» — сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою:

— Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно серьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки, — я это говорю между нами, по дружбѣ, — не всегда позволительны, и расскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какия-нибудь выгодныя обязательства.

«Вишь, куды мѣтить, подлець!» — подумаль Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ:

— Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!

«Его не собьешь, неподатливъ!» — подумаль Собакевичъ.

— Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте! — сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ побережъся, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прошу прощенія! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу! — Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣть и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы: «А покажи, Миша, какъ бабы парятся?» или: «А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?»

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово. — Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ: — Хотите — уголъ?

— То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копейки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна? — сказалъ, наконецъ, Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостію. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину.

широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно:

«Экъ наградили-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ бараньяго бока съ кашей, закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои — тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дасть онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: — Дай-ка, себя покажу! — Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, если бы всѣ кулаки...»

— Готова записка! — сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда! — Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ: любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйста же задаточекъ, — сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? — Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится, — возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

— Да на что жъ вамъ расписка?

— Все, знаете, лучше расписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишете расписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать расписку? Прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка-то старенькая, — произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтъ: — немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

«Кулакъ, кулакъ! — подумалъ про себя Чичиковъ: — да еще и бестія въ придачу!»

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью*, говорить пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, — говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать; коли выберется свободный часокъ пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ-быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.

«Да, какъ бы не такъ! — думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. — По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!»

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера выдались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянъ взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

— Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ! — проговорилъ онъ сквозъ зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи; но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни; онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, попавши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобы не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Что жъ, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрыгу Плюшкина не знаешь, — того, что плохо кормить людей?

— А! заплатанной, заплатанной!.. — вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, однакожъ, все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно російскій народъ! И если награждать кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащить онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставъ пишущихъ людишекъ выводить его за

наемную плату отъ древне-княжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племень, а все самъ самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, врестами, разсыпано на святой, благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племень, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особености и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собственного своего характера. Сердцевѣднiемъ и мудрымъ познанiемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

Г Л А В А VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ дѣта невозвратно мелькнушаго моего дѣтства, мнѣ было весело подѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскiй любопытный взглядъ. Всякое строенiе, все, что носило только на себѣ впечатлѣнiе какой-нибудь замѣтной особености, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-оденешенежъ торчавшiй среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполь, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшiйся среди города, — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманiя, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь скюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдаль, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшiе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторону пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губернiи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнушаго въ сибирѣ на бѣговыхъ дрожжахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчася на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за раннiй ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ вѣденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчякъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу

въ долговѣчномъ домашнемъ подвѣчникѣ. Подвѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь; съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицею меньшою сестрицею, и черноглазы ли онъ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмурень. какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подвѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріятно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользить теперь мимо, и безучастное молчаніе хранять мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покаместъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ. отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ вѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и неберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить преобильно хвостикъ собственного же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху. да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесь, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вѣдро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ. когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, — словомъ, гдѣ хочешь. Огня въ избенкахъ были безъ стеколъ, инныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь. и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой — отсутввшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишешные когда-то

покрывавшей их краски. Стѣны дома оцеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжать эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣннѣ. Зелеными облаками и неправильными, трепетолыственными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи и круглялся на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косою, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленая чаши, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пастъ; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листья, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть, какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныхъ своихъ вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленные вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду чловѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсны уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе двory. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены,

и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполнѣнъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Плате на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капоть; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой, баба!» — подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: — «Ой, нѣтъ!» — «Конечно баба!» — наконецъ, сказалъ онъ, рассмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Базалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички: — что баринъ?..

— Нѣтъ дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — А чтѣ вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходящимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ беспорядкомъ. Базалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромодили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже 'сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, 'отломленная ручка кресель, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырлялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду

и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшигѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщало его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ баринъ? У себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказалъ ключникъ. — Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нацѣ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случилось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ-быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и шюкаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего сострипанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засадились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назадъ, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нишій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ,

высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣтъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣжки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрягъ, коробья изъ тонкой гнutoй осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобнѣхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладыны, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И, въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось пробѣжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, забывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ! сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось разбѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярныя станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было приятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосолецтвомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурья и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гостю. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ; приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ закладывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компаніотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ

штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть, какого кавалерійскаго полка, и обвинчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклетіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе

развиться. Учитель - французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны.

Сынъ, будучи отправленъ въ губернской городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что

онъ получилъ на это то, что называется въ простанородіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли съемиутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклетіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его болѣе и болѣе

главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупателямъ, которые прѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались-торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человекъ; сѣно и хлѣбъ гнили; кладѣ и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводѣ на нихъ капусту; муга въ подвалахъ превратилась въ камень и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоятъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ, въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гнить и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человечествѣ. Александра Степановна какъ-то прѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна прѣехала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колено, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадаетъ на Русь, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжіи остановился съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ; дворцами глядѣть его бѣлые каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для прѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, площадками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозное въ семь насильственнымъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе. и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ. негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившіи снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ

придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія, но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель и рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія и порядокъ*; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, — ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А бралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепримство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ переступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятіе:

— Прошу покорнѣйше садиться.

— Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ: — да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

«Вонъ оно какъ! — подумалъ про себя Чичиковъ; — хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока».

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы влокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ побережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!

— Мнѣ, однакоже, сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ, — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ, пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, бають, тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, свесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ: — да лихъ-то, что съ того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать? — воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! — сказалъ Плюшкинъ.

Онъ, казалось, обидѣлся такимъ почти радостнымъ восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, — сказалъ Плюшкинъ. — Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся. говорить — родственникъ: «Дядюшка, дядюшка!» и въ руку цѣлуется; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на-смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки. служба въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не глупыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ. тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, вазалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и, наконецъ, спросилъ:

— Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: — служилъ по статской.

— По статской? — повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой! — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!.. — Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. — Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь. — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» — подумалъ про себя Чичиковъ и призналъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожь, не могъ скрыть своей

радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй, Прошка!» Черезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ, дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказала Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глушь вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Постою, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблеть его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты неходи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть... Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ-быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навреть, навреть, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что-де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкапу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ:

— Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный лжерчикъ, если только не вышил: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ: — мошеница - ключница совѣтъ было его забросила и даже не закупила,

каналья! Бозявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынугъ и теперъ вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказать отъ такою ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! — сказала Плюшкинъ. — Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣсть, а сытъ; а какъ этакой какой-нибудь ворюшка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ прѣдетъ: — Дядюшка, — говоритъ, — дайте чего-нибудь поѣсть! — А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчевалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ, вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Добъжай-не-додѣшь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости прѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?... А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ — или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю! — вскричалъ онъ. — Вѣдь знакомъ самъ председатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно къ нему!

— Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріатели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толгѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждуть, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленная бореньемъ руки — явленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Тагъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе.

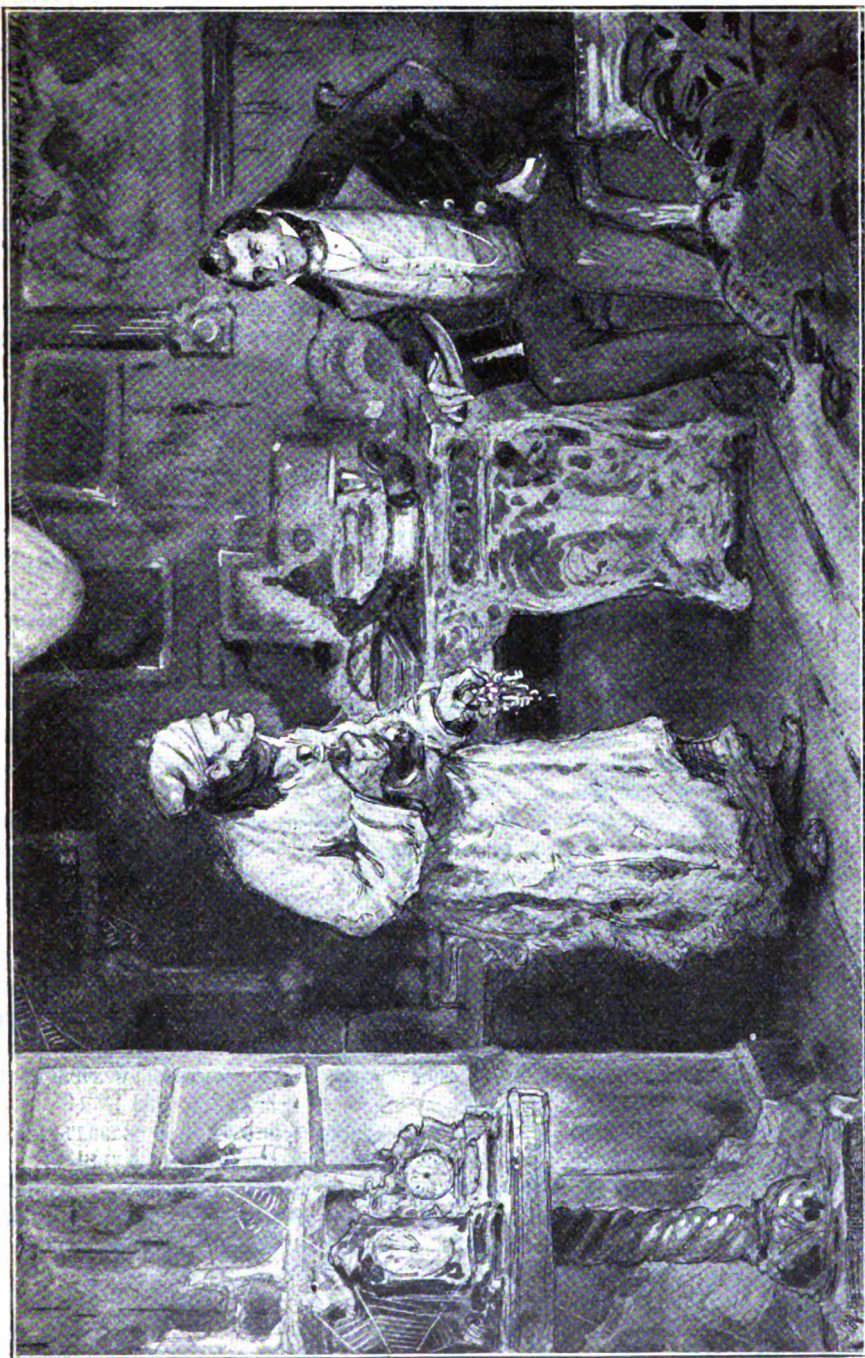
— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказалъ онъ: — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: — Мавра, а Мавра.

На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей-Богу, баринъ, не видывала, опрочъ небольшого лоскутка, котормъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

Чичковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фюфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Птошкынъ: — мошенница-ключница совсѣмъ было его забросала и даже не закурила, каналья! Козавки и всякая дрянь было напичканысь туда, но я весь соръ-то повидалъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

— Да на что жъ бы я подтибрила? Въдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да понамаренку, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди - ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертка? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу: «Не за что! ей-Богу, не за что: не брала я...» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:

— Ну, что жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало — дѣло тонкое: сгорить да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осмьмушку, но, наконецъ, убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшюю жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, дѣля скупю строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскокиль бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосердіе ея, на могилѣ напишется: *здесь погребенъ человекъ*; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятели, — сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: — которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя? — быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говорить, будто и слѣдъ простылъ; но въдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притоптывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А, ей-Богу, такъ! Въдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть

и самому нечего... А уж я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посоветуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная денга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ», — сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что одні издержки по этому дѣлу будутъ стоять болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ ужъ дѣйствительно такъ стиснуть, то, будучи подвигнуть участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? — спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидая; руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копеекъ за душу.

— А какъ вы покупаете — на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеекъ.

— Почтеннѣйшій! — сказалъ Чичиковъ: — не только по сорока копеекъ, по пятьсотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А, ей-Богу, такъ! Ей-Богу, правда! — сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ею: — все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пятьсотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ: по пяти копеекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копеекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копейки пристегните.

— По двѣ копейки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили — семьдесятъ?

— Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копеекъ за душу, это будетъ... — Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: — это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копеекъ! — Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать расписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, боясь ежеминутно пролить ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покажеться отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребуть его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? — сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.

— Да, мнѣ пора! — произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Проща! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положить на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужъ снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословить васъ Богъ! А письмото предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтеть, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!

Засимъ, это странное явленіе, этотъ съезжившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колота деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно шей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе.

«Я ему подарю,— подумалъ онъ про себя:— карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые, — немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправить; онъ человекъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ, — прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія:— лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ».

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное приобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человекъ! Конечно, еще подѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и, наконецъ, затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: «Вишь ты, какъ баринъ поетъ!» Были уже густыя сумерки, когда подѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣшались тоже. Пестрый плащъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка въѣхала на мостовую. Фонари еще не зажгались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шальяхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ топенькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: «Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!» или: «Ты не дерись,

невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!..» Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего вѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылезать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка прїѣзду барина — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность на этотъ разъ какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, — сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. — Ну, а ты что?

— Слава Богу, — отвѣчалъ половой, кланяясь. — Вчера прїѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гвѣдыя лошади.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо! — сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ. — Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!

— Да я ихъ отпираю, — сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только изъ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спать одни только тѣ счастливыя, которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII. *Результатъ*

Счастливыя путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги, съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными зрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками — и предстануть предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливыя семьянинъ, у кого есть такой уголь, но горе холостяку!

Счастливыя писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и,

не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые от нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ, далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемирнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими гениями міра, какъ парить орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодая пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрять равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшего выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканий, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позавидовать въ сладкомъ обаяннн имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянные созданья, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героев, отнять отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высочій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе непризанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемеинный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властію идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подыметъ изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почувуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, — и посмотримъ, что дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣвъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе

всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвадился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья.

— Вотъ, посмотри, — говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою: — какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!

Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденіямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, прилепнувъ себя весьма ловко пятой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ протираетъ ихъ выѣхавшій на слѣдствіе неподкупный земскій судъ, подходящий къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подъячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ; бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такогото года*; потомъ, вслѣдъ затѣмъ, мелкими: *помѣщикъ такой-то*, и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ-быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому, чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостью въ слогъ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчества, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано «хорошій столарь», къ другому приписано: «дѣло смыслить и хмельного не беретъ». Означено было также обстоятельно, кто отецъ, и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Федотова, было написано: «отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ». Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ:

— Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?

И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщикъ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобы не сказать:

— Эхъ, какой длинный, во всю строку развѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какую смертью тебя прибрало? Въ кабаѣ ли, или среди дорогъ переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ? — Пробка Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной*. — А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ, и государственную зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ... Гдѣ тебя прибрало? Взмогился ли ты для

большаго прибытку подь церковный куполь, а можетъ-быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладаины, шлепнулся о-земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: «Эхъ, Ваня, угораздило тебя!» а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ сапожникъ. Хе, сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ*, говорятъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою расскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спиѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камадомъ. А какъ кончилось твое ученье: «А вотъ теперь я заведу съ своимъ домкомъ. — сказалъ ты: — да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ-три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ передопались твои сапоги, и выбрали тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустила, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!»

— Это что за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надуль!

Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда — неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ѣ, то-есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже, онъ это не принялъ въ уваженіе и тутъ же ее вычеркнулъ.

— Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрезя навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременные твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русский народецъ! Не любить умирать своею смертью! — А вы что, мои голубчики? — продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина: — вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку? то же, что и мертвые. И гдѣ-то носить васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ, да дерете проѣзжихъ? По тюрмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю? — Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. — Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. «Чей ты?» — говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое слово. — «Такого-то и такого-то помѣщика», — отвѣчаешь ты бойко. — «Зачѣмъ ты здѣсь?» — говоритъ капитанъ-исправникъ. — «Отпущенъ на оброкъ», — отвѣчаешь ты безъ запинки. «Гдѣ твой пашпортъ?» — «У хозяина, мѣщанина Пименова». — «Позвать Пименова! Ты Пименовъ?» —

«Я Пименовъ». — «Давалъ онъ тебѣ паспортъ свой?» — «Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого паспорта». — «Что жъ ты врешь?» — говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. — «Такъ точно, — отвѣчаешь ты бойко: — я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю. — Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ паспортъ?» — «Нѣтъ, не получалъ я отъ него паспорта». — «Что жъ ты опять врешь? — говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. — Гдѣ жъ твой паспортъ?» — «Онъ у меня былъ, — говоришь ты проворно: — да статья-можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его». — «А солдатскую шинель, — говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое слово: — зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?» — «Никакъ нѣтъ, — говоришь ты, не сдвинувшись — въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался». — «А почему же шинель нашли у тебя?» — «Не могу знать: вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее». — «Ахъ, ты bestia, bestia! — говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. — А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму». — «Извольте! я съ удовольствіемъ», — отвѣчаешь ты. И вотъ, вынудши изъ кармана табакерку, ты потчевашь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и спрашивашь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покажѣсть въ судѣ производится твое дѣло. И пишеть судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишеть опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: «Нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше».

— Абакумъ Өыровъ! Ты, братъ, что? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, при-тавши къ бурлакамъ?..

Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участію Абакума Өырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ дѣтъ, чина и состоянія, когда замыслить объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Өыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики, между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и шпеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади вучи наваленныхъ въ пирамиду какъ ядра мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы нарабатаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

— Эхе, хе! двѣнадцать часовъ! — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, взглянувъ на часы. — Что же я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то, ни съ того, ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!

Сказавши это, онъ переѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ погрѣиче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя о-де-колономъ, взявъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, — опоздать онъ не боялся, ибо председатель былъ человекъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанію, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечь. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ на самомъ поворотѣ въ переулокъ столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ теплое картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуги съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоеихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ рассказалъ, какъ легѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцевать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что?

— Мужички.

— А! — онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка. — Славно написано, — сказалъ онъ: — не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте, — сказалъ Маниловъ.

— Вы?

— Жена.

— Ахъ, Боже мой! Миѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста — большой трехэтажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозчичьи биржи и, наконецъ, длинные

заборы, съ известными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Богѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красной площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Фемиды и въ ту жь минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руки со стороны Манилова, ускоряя шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Фемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всемъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагоустроенномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой, и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову набокъ и положивъ ее ноци на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганьи земли или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей и внуговъ подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: «Одолжите, Феодосій Феодосевичъ, дѣльце за № 368!» — «Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!» Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: «На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши». Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили:

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

— А что вамъ нужно? — сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ: гдѣ; а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники, были, просто, любопытны, подобно всемъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные, — сказалъ онъ: — я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.

Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, пере-мѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою:

— Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же?

— Это въ крѣпостной экспедици.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писанье.

— Позвольте узнать, — сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: — здѣсь крѣпостной столъ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слышалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ, — не то, что молодой болтунъ и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ обществѣ кувшиннымъ рыломъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція? — сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь, — сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.

— А продавцы налицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня!.. Сегодня нельзя, — сказалъ Иванъ Антоновичъ: — нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе, — сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ:

— Другіе тоже не будутъ въ обидѣ; я самъ служилъ, дѣло знаю...

— Идите къ Ивану Григорьевичу, — сказалъ Иванъ Антоновичъ голосомъ нѣсколько поласковѣе: — пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ и накрывъ тотчасъ ее

книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе, — сказала Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся, — приносящій съ такимъ усердіемъ жертвы Фемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно гѣзла оттуда подглядка, за что и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора, — прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли одни только широкия кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зеркаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, председатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поверотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что председатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зеркаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственный кресла были отодвинуты съ шумомъ: Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Председатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Председатель, казалось, уже былъ уведоменъ Собакевичемъ о покункѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже, онъ поблагодарилъ председателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ:

— А ваше какъ здоровье?

— Слава Богу, не пожалуюсь, — сказалъ Собакевичъ. И, точно, не на что было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ.

— Да вы всегда славились здоровьемъ, — сказалъ председатель: — и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человекъ.

— Да, на медвѣда одинъ хаживалъ, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— Мнѣ кажется, однакожь, — сказалъ председатель: — вы бы тоже повалили медвѣда, если бы захотѣли выйти противъ него.

— Нѣтъ, не поваляю, — отвѣчалъ Собакевичъ: — покойникъ былъ меня покрѣпче. — И, вздохнувши, продолжалъ: — Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь, чтѣ за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна? — сказалъ председатель.

— Не хорошо, не хорошо! — сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. — Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется заплатить за это. Тутъ Собакевичъ погружился въ меланхолію.

«Экъ его! — подумали въ одно время и Чичиковъ, и председатель: — на что вздумалъ пенять!»

— Къ вамъ у меня есть письмецо, — сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого? — сказалъ председатель и, распечатавши, воскликнулъ: — А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человекъ! А теперь...

— Собака, — сказал Собакевичъ: — мошеникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Извольте, извольте, — сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо: — я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?

— Теперь, — сказалъ Чичиковъ: — я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости, и просьбу.

— Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершенны сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ, — сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые удобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: — Иванъ Антоновичъ здѣсь?

— Здѣсь! — отозвался голосъ изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показавшись въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...

— Да не забудьте, Иванъ Григорьевичъ, — подхватилъ Собакевичъ: — нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ — они всѣ даромъ бременяютъ землю.

— Именно, именно! — сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ, — сказалъ Чичиковъ: — пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку, — сыномъ проптопопа отца Кирилла; онъ служить у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ! — сказалъ предсѣдатель: — все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не дадите ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятельи мои не должны платить. — Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженіемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ: — Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы приобрѣли.

— Приобрѣлъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! Право, благое дѣло!

— Да, я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности. — Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и подѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: — «Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!» Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова изъ близни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ

одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещоголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

— Да что жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу, — отозвался Собакевичъ: — что такое именно вы приобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое приобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали? — сказалъ предсѣдатель. — Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ...

— Кто, Михѣевъ умеръ? — сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись. — Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михѣевъ славный мастеръ, — сказалъ предсѣдатель: — и я двлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ, — вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!

А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: — А такъ, просто нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!

Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ:

— Вотъ и сѣдой человекъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ предсѣдатель: — какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводѣ?

— На выводѣ.

— Ну, на выводѣ — другое дѣло, а въ какія мѣста?

— Въ мѣста... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли! — сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ, — столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть. — Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: «Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!»

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящие землю. Многие изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управлялся весьма проворно, крѣпости

были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ пріятіемъ полупроцентovýchъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.

— Итакъ, — сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено: — остается теперь только всприснуть покупочку.

— Я готовъ, — сказалъ Чичиковъ. — Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для этакого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ, — сказалъ предсѣдатель: — это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что, господа? Покамѣсть что, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудотворецъ: ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистигу.

Отъ такого предложенія никто не могъ отказать. Свидѣтели, уже при одномъ наименованіи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову:

— Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне? — отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: — препустой и преничтожный народъ, и половины не стоятъ.

Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почему купили душу у Плюшкина? — шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья зачѣмъ приписали? — сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья? — сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву з поставили на концѣ.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ, — сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались, наконецъ, гурьбой до дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, въ ту жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: «понимаешь?» а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзались въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селетки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, — это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки девятипудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостинный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто

для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противу всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ, заслужилъ любовь всего города. Кушцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и, точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хотъ драгъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплеть, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ прійти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ: словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожжахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвить тому-другому: «Что, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку». — «Да, Алексѣй Ивановичъ, — отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: — нужно бы». — «Ну, братъ, Илья Парамоничъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложитъ въ бѣговья; попробуемъ». Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбаяся на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: «Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!» Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: «Алексѣй Ивановичъ хорошій человекъ!» Словомъ, онъ успѣлъ приобрести совершенную народность, и мнѣніе кушцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ «хотъ оно и возьметъ, но зато ужъ никакъ тебя не выдастъ».

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ шекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, замѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмжѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, — какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, — приступили со всѣхъ сторонъ съ вилами къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покаместъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: — «А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведеніе природы?» подошелъ было къ нему съ вилою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенія природы оставался всего одинъ хвостъ, а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилою въ какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпить, какъ читатели, можетъ-быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хотъ на двѣ недѣли въ городѣ:

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ — избу только выхолаживать: на порогу да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?

— Женимъ, женимъ! — подхватилъ предсѣдатель. — Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда такъ не жадуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Что жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами, — сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ: — женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста.

— Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что хотите!..

— А коли будетъ...

— Bravo, остается! — закричали всѣ: — вивать, ура, Павелъ Ивановичъ! ура! И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перецокался со всѣми. «Нѣтъ, нѣтъ, еще!» говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перецокались; потомъ погѣзли въ третій разъ чокаться: перецокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премильный человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнося въ изліяніи сердечномъ: «Душа ты моя! маменька моя!» и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты такой и этакой, комаринскій мужикъ!» — Послѣ шампанскаго, раскурили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ — объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одною только рукой, а другую, засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекаличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: «Ступай раздѣвать барина». Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка, между тѣмъ, вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ пскрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращающагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ-де завалился спать — можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и

оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую стеклянную заковтившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и брившихъ, и небрившихъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Что дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ, одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а можетъ-быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ несслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все утомонилось, и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то прїѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, подвижному, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно прижѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

Г Л А В А VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводѣ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета.

— Конечно, — говорили иные: — это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.

— Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да занятъ еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора — убѣжить, какъ дважды два, наострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжить. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.

— Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведения.

— Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ — просто въ мѣрѣ, да и по исторіи тоже.

— Никогда, никогда, — говорилъ управляющій казенными фабриками: — повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣрю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтается крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобы онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ-таки лично, гдѣ съѣдуешь, даль бы и зуботычину и подзатыльники.

— Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя.

— Да, найдете управителя: всѣ мошенники!

— Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.

— Это правда! — подхватили многіе. — Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель.

Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5.000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ: «Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?» Но предсѣдатель сказалъ: «Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!» Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно утратила; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ беспокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузь свой, то одинъ этотъ картузь погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже чрезчуръ отзывались военною жестокостію и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участвіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне

отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронеслись слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ миллионщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они всѣ были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: «Любезный другъ, Илья Ильичъ!..» «Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!..» «Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ». Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: «Шпрехенгъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?» Словомъ, все было очень семейственно. Многие были не безъ образования: предсѣдатель палаты зналъ наизусть «Людмилу» Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: «Боръ заснуть, долина спать», и слово: «чу!» такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спать; для большаго сходства онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы «Ночи» и «Ключъ къ тайнствамъ натуры»; Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онъ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, «уснастить» рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: «судыръ ты мой, этакой, какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ», и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто «Московскія Вѣдомости», кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то-есть, человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежныя — чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходившихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепримства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, — тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: «Ну, недѣлку, еще одну недѣлку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!» Словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны, останавливаетъ его неограниченное почтеніе

къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно—совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется — развѣ слова два о наружности, да о томъ, что поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддерживать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюдать моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, развѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода: сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, — оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались «во взаимномъ нерасположеніи», по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напагостить, гдѣ было можно, что, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣ всякой дуэли. Въ правахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и вслѣхъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: «я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула», а говорили: «я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: «этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ»; и даже нельзя было сказать ничего такого, чтó бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: «этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя», или что-нибудь вродѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; зато ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы

какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронесли слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*, — не само милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни сѣ, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ расчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получаютъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непременно хотъ забьютъ ему впередъ, хотъ засмѣются, хотъ снимутъ шляпу, хотъ попросятъ насильно на тотъ обѣдъ, куда, узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже, въ многихъ гостинныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но зато таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчйнѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы нехорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что-то вродѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостинномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходявшихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырilo его на полщеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то-есть, поближе къ паперти, чтобы какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: «Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!» Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что мы считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: «Что жизнь наша?—Долина, гдѣ поселились горести. Что свѣтъ?—Толпа людей, которая не чувствуетъ». Затѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню — оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя темно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строгѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже

не было: ни имени, ни фамилии, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо и, наконецъ, сказалъ: «Любопытно бы, однакожь, знать, кто бы такая была писавшая!» Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось сурьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: «А письмо очень, очень кудряво написано!» Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранившимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашеніе на балъ къ губернатору—дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. Зато, можетъ-быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: «Ахъ ты, мордашка этакой!» и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцевалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему навстрѣчу, — кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: «А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...» Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. «Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!» Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера; полицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откущику, откущикъ — архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфетный билетъ, а въ другой болонку, увидя его, бросилъ на полъ

и билетъ, и болонку, — только завизжала собачонка; — словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра прѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится, и онъ самъ изволилъ, наконецъ, пошутить, то-есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ, — смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновенію своему, нѣсколько набокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндю и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какихъ даже и названья нельзя было прибрать — до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ беспорядкѣ, хотя надъ этимъ беспорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: «Эй, улечу! Жаль только что не подыму съ собой красавицу!» Таки были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обрашеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрено съ необыкновенною осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *попъ-луя*, ээирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечь, изъ-подъ платья, маленькія зубчатая стѣнныя изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напередѣ и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ, заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе, — словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: «Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!» Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя — таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь

ужь онъ непременно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: «Которая, однакоже, сочинительница письма?» и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуневскій, Берендовскій — все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губернія! — проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь начать выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ только замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неудовимо-тонкое, — у, какое тонкое!.. «Нѣтъ, — сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: — женщины, — это такой предметъ...» — здѣсь онъ и рукой махнулъ: «просто, и говорить нечего! Поди-ка попробуй рассказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхать человѣкъ — и поймай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни кричкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, рассказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный — Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ — такъ вотъ зацѣпить за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантерная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!»

Виновать! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло слово, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писателя виновать, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлать въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлать даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній — по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже физиономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физиономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлать, развѣ изъ патриотизма выстроить для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ, какая взыскательность! Хотятъ непременно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, — словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сълъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода, но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ, между тѣмъ, въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, испосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ, наконецъ, сказалъ: «Нѣтъ, никакъ нельзя

угадать!» Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко разсмѣялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножгами, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налево, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или наподобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько сеориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторые наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себя сдѣлать то же, показалась уже черзчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсылая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, — которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!» Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостинья и похвалиться знаніемъ высшаго тона, — въ духѣ того, что «неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?» Герой нашъ поверотился въ ту же минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремینی и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ возьмъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадаетъ на Руси, гдѣ любить все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ, что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша: — инстинтукта, только-что выпущена.

ужь онъ непременно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: «Которая, однакоже, сочинительница письма?» и высунуль было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзеъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхунувскій, Берендовскій — все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губернія! — проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неудовимо-тонкое, — у, какое тонкое!.. «Нѣтъ, — сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: — женщины, — это такой предметъ...» — здѣсь онъ и рукой махнулъ: «просто, и говорить нечего! Поди-ка попробуй рассказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человекъ — и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, рассказать одинъ блестящій ихъ: влажный, бархатный, сахарный — Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуше не жели въ нѣгѣ — такъ вотъ зацѣпить за сердце, да и поведеть по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантерная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!»

Виновать! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло слово, подмѣненное на улыцѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улыци попало въ книгу, не писатель виновать, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлать въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлать даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній — по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже фізіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей фізіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлать, развѣ изъ патриотизма выстроить для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ, какая взыскательность! Хотятъ непременно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, — словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сълъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода, но почтенные читатели, надо признаться, бывають еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ, между тѣмъ, въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ, наконецъ, сказалъ: «Нѣтъ, никакъ нельзя

угадать!» Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко разсмѣялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножгами, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-шеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налево, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или наподобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторые наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себя сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсылая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, — которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковыхъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..» Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостинья и похвалиться знаніемъ высшаго тона, — въ духѣ того, что «неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?» Герой нашъ повернулся въ ту же минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремینی и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ возьмъ бы въ образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадаетъ на Руси, гдѣ любить все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ, что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша: — инстинтукта, только-что выпущена.

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастье нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ, отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человекъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ, какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на выѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостью и любезностью: «Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?» — «Гдѣ находятя тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?» — «Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?» Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ, — я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ, — есть маленькая слабость: если онъ замѣтитъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: «Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!» или: «какой правильный, очаровательный лобъ!» У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, стануть повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: «Ахъ, какія чудесныя у этой плѣчи!» а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянуть, если же и взглянуть, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренней обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того, что у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила набокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама, — которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцевать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плюсовые сапоги, — не вытерпѣла, однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плюсовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимыя дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забратся

занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежь плечей и спинъ, наконецъ, донскался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, несмотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сторававшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблукъ ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою, и тѣломъ, и руками, и ногами, отвертывая такія па, какія и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ, онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не смѣнилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то-есть, не такъ, чтобы толстые, однакожъ, и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви; но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себя обяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденкіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линияхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтъ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то вродѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не кленлся, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудренныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ что, расскажетъ; или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется

чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Федора Федоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Федоровна и Эмилія Федоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна, съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софьей Александровной и Мавлатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и извѣтельное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣншемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало-быть, поздно.

Негодование, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ (ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и миллионщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши—пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю гибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ, какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодование росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ, герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кое-какія въ разныя времена случившіяся исторіи и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посылнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вѣсть, своей ли волею, или вытолкнула его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, ужъ таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія.

Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертваніе, то-есть, оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣ удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашель Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ, Ноздревъ уже увидалъ его и шель прямо навстрѣчу.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! — кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. — Что? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство, — горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: — онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей-Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей-Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, — продолжалъ Ноздревъ: — какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей-Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?

Но прокуроръ и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашли совершенно, что отвѣчать; а между тѣмъ, Ноздревъ, нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь:

— Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я... Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то-есть, просто, если бы вы сказали, — вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: — Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной или Чичиковъ? — скажу: «Чичиковъ», ей-Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!

Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими бeze, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку, и сопровождаемы такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную бессмыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непременно сообщить ее другому смертному, хотя бы именно для того

только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!» А другой смертный съ удовольствием преклонить ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: «Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого вниманія!» И вслѣдъ затѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, рассказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: «Какая пошлая ложь!» И это непременно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непременно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоить вниманія и недостойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно, точь-въ-точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сагогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣсть въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ, и предсѣдатель, и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечико прихрамываетъ, знаемъ, гѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы, наконецъ, замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандально. Посреди котильона онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мельгавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфетами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки — все сдѣлалось лобезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какаго-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не дѣлаетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же неспокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Неприятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ. «Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!» — говорилъ онъ въ сердцахъ. — «Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожай, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя

тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покрывишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстѣга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платѣ, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: «балъ, балъ, веселость!» Просто, дрянъ балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, чтѣ такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ высочить весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налево... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговорить, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ годовѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, или безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь». Такъ отзывался неблагоприятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодования. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значить, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но — страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и на счетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пошадить себя, а постараемся лучше прискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду; напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ, куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ-староста или ящикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Поздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посягнуть отъ приближавшагося разсвѣта, и перѣсвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ-быть, плелась гдѣ-нибудь фризская шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить неприятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекий выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и вренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсолникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бороною, подернутой легкой просѣдью, — лицо, извѣстное подъ именемъ *малого*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ спросонья, что стало мочи: «кто идетъ?» но, увидѣвъ, что никто не шель, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, отставивши алебарду, опять заснулъ, по устамъ своего рыцарства. Лошади то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николая на Недотычкахъ и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вытѣзла дѣвча съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, ихватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинъ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ сташенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ, проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вытѣзала барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не проспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — несмотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно, по чѣмъ ходятъ мертвые души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ-быть, въ три-дешева. Какое произвело слѣдствие это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между одними двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

Г Л А В А IX.

Потру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голу-быми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатою щегольскомъ клобѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама выпорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по опрокинутымъ ступенькамъ въ стоящую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками, и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: «Попшелъ!» Дама везла только-что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать:

— Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!

Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе:

— Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!

Наконецъ, цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣдѣли отъ никогда не сходявшей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей — опасно. Какое ни придумаю имя, ужъ непременно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь носящій его, и непременно разсердится не на живого, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходить, и къ какой Аграфенѣ Ивановѣ навѣдывается, и что любить покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположевіе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: «Вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ»; словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостя, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она приобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозъ любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью,

какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то-есть, пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее — просто пріятная дама. Пріѣздъ гости разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Аделю, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостя освобождалась отъ своего клокa и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понесли по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ, — и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обитыми плющомъ; встѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Аделя и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ.

— Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ! — говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. — Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!

Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ.

— Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: «вице-губернаторша», а я говорю: — Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать, и уже хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома.

Гостя уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ! — воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Федоровна, однакоже, находить, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые. Сестрѣ я прислала матерію: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

— Ахъ, нѣтъ! не пестро!

— Ахъ, пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро и вскрикнула:

— Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носить.
 — Какъ не носить?
 — Намѣсто ихъ фестончики.
 — Ахъ, это нехорошо — фестончики!
 — Фестончики, все фестончики: перелинка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эпалетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.
 — Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ, бывало, встарину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну, ужъ это, просто: признаюсь! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно, это ужъ, точно: признаюсь! — отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.
 — Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходить мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка? — вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенія.

— Какъ же, сестра привезла.
 — Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святаго.
 — Ахъ, я ужъ дала слово Прасковѣ Федоровнѣ. Развѣ послѣ нея.
 — Кто жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Федоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.
 — Она вамъ тетка еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ — вы мнѣ хотите нанести такое оскорбленіе... Видно; я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколотъ за это иголками глупый языкъ.

— Ну, что жъ нашъ прелестникъ? — сказала, между тѣмъ, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой! что жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?

Тутъ дыханіе гости сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его, — говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною: — а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!.. Да послушайте только, что я вамъ открою...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только рассказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапелъ истоаръ, — говорила гостя съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаегъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ, но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэмю. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

— Какая же исторія?

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходите ко мнѣ сегодня протопопша, отца Кирилла жена, и что бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?

— Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?

— Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что рассказала протопопша. Пріѣхала, говорить, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и рассказываетъ, и какъ рассказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: «Отворите, отворите, не то — будутъ выломаны ворота!».. Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?

— Да что Коробочка? развѣ молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ахъ, прелести! Тамъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться.

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: «Продайте, — говорить, — всѣ души, которыя умерли». Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говорить: «Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя». — «Нѣтъ, — говорить, — онѣ не мертвыя; это мое, — говорить, — дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя! — кричить — не мертвыя!» Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ, — ну, просто, оррѣръ, оррѣръ, оррѣръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. «Голубушка барыня, — говорить мнѣ Машка: — посмотрите въ зеркало, вы блѣдны». — «Не до зеркала, — говорю, — мнѣ: я должна ѣхать рассказать Аннѣ Григорьевнѣ». Въ ту же минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андриушка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!

— Это, однакожь, странно, — сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: — что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ

ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говорить, что Поздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. «И теперь,—говоритъ Коробочка:—я не знаю,—говорить,—что мнѣ дѣлать. Заставилъ,—говорить,—подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я,—говорить,—неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю»... Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

— Я, признаюсь, тоже, — произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой:—А что жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребностъ въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну, слушайте же, что такое эти мертвыя души, — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостя при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: уши ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сѣдя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ русский баринъ, собачей и юра-охотникъ, подѣвжая къ дѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ кошемъ и поднятымъ араникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порошокъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души... — произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Что, что? — подхватила гостя, вся въ волненьи.

— Мертвыя души!..

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это, просто, выдуманно только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хотеть увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула она, всплеснувъ руками:— ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло, — отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станеть духа произнести ихъ.

— Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце. когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность. А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...

— Манерна нестерпимо.

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ.

— Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.

— Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама ракетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у нея есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу! — сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна, — продолжала пріятная дама: — я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: — Посмотрите, какая она блѣдная! — Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ.

— Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль педоступныхъ.

— Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандалѣзностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

— Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сѣдѣть къ нему поближе.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вполнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смегнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ рождалось само собою маленькое желаніе колнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунуть иное живое слово: «Вотъ, молю, тебѣ! На, возьми, съѣшь!» Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола.

— Я не могу, однакоже, понять только того, — сказала просто пріятная дама: — какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете — нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну, да хоть и Ноздревъ.

— Неужели Ноздревъ?

— А что жъ? вѣдь его на это станеть. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю гибели... куда жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: — «Душечка барыня, — говоритъ мнѣ: — вы блѣдны, какъ смерть». — «Машка, — говорю, — мнѣ не до того теперь». — Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то-есть, въ которомъ часу и прочее, но многого захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь — это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія, — попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значить внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде предположили только, какъ одно предположеніе, — въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя,

поступает почти так же, и доказательствомъ служатъ наши ученые разсужденія. Сперва ученый подѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ поддеомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: «Не отсюда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?» или: «Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?» или: «Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?» Цѣлуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно — и разсужденіе заключено словами: «Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!» Потомъ во всеуслышанье съ каведры — и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, какъ обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ съ вѣчно неподвижною своею физиономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, рассказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая отсюда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хотъ бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши впросонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ попадающею блестящими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, — и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. «Что жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? Логика нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣпые деньги станеть онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти

ее, такъ зачѣмъ для этого покумать мертвыя души? Если же покумать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онѣ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Что жъ за направленіе такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и вышустятъ исторію, и хотѣ бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ, разнесли, стало-быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это выходитъ просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! Это, просто, чортъ побори!..» Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Какъ вихорь, взметнулся дотолѣ, казалось, дремавшій городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольکو лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знали только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться*, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: *затхать къ Сопикову и Храповицкому*, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пяти-сотъ-рублевой ухи, съ двухаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; — словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиныхъ заторчалъ какой-то длинный-длинный съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какаго даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ-быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ камеражми, что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ — вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ, — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ рассказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой

жены, но что онъ, какъ человекъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще большія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ, какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственные уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный *tête-à-tête*, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Поилились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы наѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души—выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвестъ похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками, — именами, какъ известно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, суতোлка, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ увѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная непрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищеніе губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба — что мѣшокъ: что положить, то несутъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе — это мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значать, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ, — событіе, какъ известно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбукетениванія и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. — «Ну, что, — думали чиновники: — если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть». Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось, Богъ знаетъ, что:

что подь словомъ *мертвыхъ души* не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генераль-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ председателю. Председатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потому вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленные Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣній генераль-губернатора, — что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскиали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыхъ души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вольдствие двухъ не такъ давно случившихся событій. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ, устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили насмерть устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подь микитки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомерной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вилоть сколотъ «носось», по выраженію бойцовъ, то-есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полпальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныхъ каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожь, снесли съ лица земля будто бы земскую полицію, въ лицѣ заздателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то-есть заздатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что въ иныхъ случаяхъ стобить повальной горячки, а причина - де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, притлядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ-де блудливъ какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спеси, такъ и Задирайлова тожь, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ фізіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человекъ мертвый, стало-быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для

нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкннъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спеси и Задирайлова томъ, а умеръ-де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человекъ, не предъявляющій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Превжнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожь, всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало-быть, жизнь его была въ опасности; стало-быть, его преслѣдовали; стало-быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, — наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожь, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то-есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько распросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка, и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ-быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнесли къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули не много: купилъ-де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставить, и потому, навѣрно, плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ замуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человекъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ

отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бывають примѣры, что вымирають-де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то-есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, распросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина, но услышали тоже не много. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покая, а отъ Селифана, что «сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможи» — и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнить, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и расскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непременно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человекъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человекъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

Г Л А В А X.

Собравшись у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученные бумаги такого серьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ какіе, слухи, — все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семень Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма немного: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ-быть, три, четыре пережьнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, судырь мой, сижу на одномъ мѣстѣ». На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: «Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавашаго кушца за пріемъ письма въ неуказное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать, — тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ попадется чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется,

съ пода-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Федоровну надѣлили Богъ такую благодатю, — что годъ, то несеть: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь». Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ голкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходы до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: глубы и всякіе воксалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже считаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ въ ознаменованіе такого похвального поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимаются тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало-быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушіе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло, чортъ знаетъ, что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: «а можетъ-быть, и не дѣлатель»; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генераль-губернаторской канцелярія, и тутъ же присовокуплялъ: «а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь». Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе, — вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного, — вскрикнулъ неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: «А кто?» — «Это, господа, судырь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копейкинъ!» А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: «Кто таковъ этотъ капитанъ Копейкинъ?» — почтмейстеръ сказалъ: — «Такъ вы не знаете, кто таковъ капитанъ Копейкинъ?»

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копейкинъ.

— Капитанъ Копейкинъ, — сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполонину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не

запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: — «Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ-быть, нивѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ — вещь, требующая чистоты». — Капитанъ Копейкинъ, — повторилъ онъ, уже понюхавши табаку: да вѣдь это, впрочемъ, если рассказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, — презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму, — и онъ началъ такъ:

Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ.

— Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говорить: «Миѣ нечѣмъ тебя кормить, я, — можете представить себѣ, — самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья, что вотъ-де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ спицы этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ такимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то-есть, и купишь, можетъ-быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... Видитъ — заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. «Что жъ, куда обратиться? — говорятъ: — высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ; — все это, понимаете,

въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть, — говорятъ, — временная коммиссія. Попробуйте, можетъ-быть, что-нибудь тамъ могутъ». — «Пойду въ коммиссію, — говорить Копейкинъ, — скажу: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣ-которомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнью жертвовать». Вотъ, судырь мой, вставши пораньше, поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику — это составить, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревьяхъ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику въ коммиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. «Вонъ, — говорятъ, — домъ на набережной»: избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, мраморы, лаки, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье. Металлическая ручка какая-нибудь у двери — комфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская этакая физиогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копейкинъ мой встачился кое-какъ съ своей деревяжкой въ приемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этикихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: «Сейчасъ начальникъ выйдетъ». А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиновъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло?» Наконецъ, судырь мой, къ Копейкину. Копейкинъ: «Такъ и такъ, — говоритъ, — проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, — осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какаго вспомошествованія, какихъ-нибудь этикихъ распоряженій, насчетъ, относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли», понимаете. Начальникъ видитъ: человекъ на деревяжкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: «Хорошо, — говоритъ, — понавѣдайтесь на дняхъ». Копейкинъ мой въ восторгъ: «Ну, — думаетъ, — дѣло сдѣлано». Въ духъ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ вышить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, — однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копейкинъ, — кровь-то, знаете, разыгралась, — побѣждалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ-трюхъ, слѣдомъ; «да нѣтъ, — подумалъ, — на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то слишкомъ расходился». А промоталъ онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ коммиссію, къ начальнику, да! «Пришелъ, — говорятъ, — узнать: такъ и такъ, по одержимымъ

болѣзнями и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...» и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. «А что,—говорить начальникъ:—прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно, такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ,—говорить,—сколько могу...» Ну, и, понимаете, далъ ему, конечно, немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь этакой кушъ: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись»; а вмѣсто того—жди, да и время не назначено. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой выпшелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ, какъ; сластей-то, понимаете, никакихъ. Ну, а человекъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчий. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой физиогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, свѣтамъ, работаетъ фензеръ какой-нибудь этакой, котлетки съ трюфелями,—словомъ, раскупе деликатесъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузь-громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ,—на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузь, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названьемъ *завтра*. «Ну, ужъ,—думаетъ,—какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду,—говорить,—подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, сважу: какъ хотите!» И въ самомъ дѣлѣ: человекъ назойливый, наянъ этакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: «Ну, что?—говорятъ:—зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано». — «Да что?—говорить,—я не могу,—говорить,—перебываться кое-какъ. Мнѣ нужно,—говорить,—съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ», понимаете. — «Ну, ужъ,—говорить начальникъ:—извините... Насчетъ этого есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для провормленія, пока мѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ: ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человекъ, приносившій, относительно, такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но, если вы хотите теперь же лагомять себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь». Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... «Да вы,—говорить,—то!—говорить;—да вы,—говорить,—это!—говорить;—да вы,—говорить,—обязанностей своихъ не знаете! да вы,—говорить,—законопродавцы!»

говорить. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ этакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно, такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. «Хорошо, — говоритъ: — если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства!» А фельдъегеръ ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъаршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку да съ фельдъегеремъ. «Ну, — Копейкинъ думаетъ, — по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». Вдѣтъ онъ, судырь мой, на фельдъегерѣ, да, ѣдучи на фельдъегерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Хорошо, — говоритъ: — вотъ ты, молю, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо, — говоритъ, — я, — говоритъ, — найду средства!» Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ, — сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ, — вѣдь капитанъ Копейкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: *русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Однакожъ, минуто спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ: какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человека, Богъ знаетъ, въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копейкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно, — странно даже и сказать, — что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: «Смотри, молъ, — говоритъ, — если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку». И вотъ теперь они, можетъ-быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ опъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, рассматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ повернется и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицеймейстеръ, который служилъ въ кампанію 12 года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ, и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ-быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже въ угоду имъ, готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ рассказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а, напротивъ, недалеко отъ обихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заглѣтыми политиками. «Московскія Вѣдомости» и «Сынъ Отечества» зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтенію въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Въмѣсто вопросовъ: «Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?» говорили: «А чтѣ пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?» Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ записать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многие изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже неволью подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе, многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники неволью задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали, и, наконецъ, рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало-быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, чтѣ скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ, именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладъ съ челоукомъ! не вѣрять въ Бога, а вѣрять, что если почесется переносье, то непременно умретъ; пропустить мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно поправится, и онъ станетъ кричать: «Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!» Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится,

наконецъ, къ бабѣ, которая лѣтитъ зашоптываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсъ какой дряни, которая, Богъ знаетъ, почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ проватиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходится ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ прискокку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбораніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной тали, но самой мѣткой, на которую можно было бы надѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щепку пухъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человекъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не замкнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпионъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поиззяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявогъ, то-есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалося какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перебрѣнулъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ наклепать на себя обѣду, но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было,

потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, пощъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщая донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумъ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь дагте; но, наконецъ, и рукой махнулъ, сказавши: «Чортъ знаетъ, что такое!» И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни битъся, а все молока отъ него не добитья*. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человекъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдить онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! «Экая расторопная голова! — кричить толпа: — какой неколебимый характеръ!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни — куда дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, оетюкъ, какъ называется Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ. Парадичомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: «Ахъ, Боже мой!» послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ, появленіе смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человекѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался; игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ, — объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

— Но это, однакожъ, несообразно! это не согласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло! — Такъ скажутъ многіе читатели и укорять автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человекъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя

изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемирной лѣтописи человѣчества много есть дѣльныхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мѣрѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперъ не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текали люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходящимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захоlustья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачася вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: «Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?» Видитъ теперъ все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отсюда устремленъ произвительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинается рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаление въ горлѣ, въ раздѣтъ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ! потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денга три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ сѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфоры. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостиницей дрожки — то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ, почувствовалъ онъ себя лучше, и обрадовался, Богъ знаетъ, какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкапулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: «Экъ, какіе пошли писать лѣса!» И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой поствъ. Выбравшись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспырнутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющейся, и дома, и проходившіе

мужики, довольно, впрочемъ, сурьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ снѣгъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами:

— Не приказано принимать!

— Какъ! что ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо! — говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать! вѣдь я васъ не впервой вижу, — сказалъ швейцаръ. — Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?

— Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ, — сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да*; послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Базалось, онъ думалъ, глядя на него: «Эге? ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шущера какой-нибудь!»

«Непонятно!» подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ сказать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицмейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись и такая вышла безтолковщина изъ всего, что онъ усомнился въ здравьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое-къ-кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояннн рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли головы, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почише сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеннн духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безмысленномъ разсужденнн о странности положенн своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говорить пословица: *для друга семь верстъ не околица!* — говорилъ онъ, снимая картузъ: — прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. «Дай, — думаю себѣ, — зайду! вѣрно, не спитъ». А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствнемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дрянн, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки, — сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ-бишь зовуть твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у ДЕРЕБИНА Вахрамѣй. Вообрази, ДЕРЕБИНУ какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любить почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ братъ, Чичиковъ! если бы ты только увидаль... вотъ ужъ, точно, была, бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирической умъ—это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку, — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: «Вотъ, — говоритъ, — если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!..» (между тѣмъ, Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ пашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто, поддеюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой—наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки?— вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшися со стула.

— Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?— продолжалъ Ноздревъ.— Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпионы... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радущія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло?— спросилъ безпокойно Чичиковъ.

— Да увести губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей-Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вѣсть на балѣ: «Ну, ужъ,—думаю себѣ,— Чичиковъ, вѣрно, не даромъ...» Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увести губернаторскую дочку? что ты?— говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ: экой скрытный человекъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: поддержи вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть

прокурора, которой причиною будто бы онъ, прїѣздъ генераль-губернатора, — все это навело на него порядочный испугъ. «Ну, ужъ коли пошло на то, — подумаль онъ самъ въ себѣ, — такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй».

Онъ постарался сбрызнуть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ; чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее и прочее. Селифанъ произнесъ:

— Слушаю, Павелъ Ивановичъ, — и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и невытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы на завтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ, очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избытымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная на завтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ? или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ брэнчить на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететь тихія рѣчи разночинный отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да шей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащить ся подъ дождь, слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть, — не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

Г Л А В А XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ, — это была первая неприятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово, — это была вторая неприятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то вродѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.

— Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, пшину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиаста, пшибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ-быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлец ты! — вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попытился нѣсколько назадъ и посторонился. Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы зайнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣдному часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: съѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

— Зналъ, — отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

— Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: «Вишь ты, какъ оно мудро случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!»

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непременно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу! — Герой нашъ былъ сильно раасерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ идти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:

— Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ; онъ — такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.

— Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей-Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!

Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духъ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покаместъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекалъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронял: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глушымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго недѣшаго путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ противоположномъ домѣ, подходящей къ огню съ коротенькими занавѣсками, — все ему гадко, однакоже, онъ не отходитъ отъ

окна. Стоить, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на все, что передь нимъ движется и (не движется, и душишь съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подь его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передь у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было отблкнуто новою шиною, кони приведены съ водопою, и разбойники-кузнецы отправившись, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ; и бричка была заложена, и два горячіе калача, только-что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывший у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ пологого, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, съѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ-быть, надобно читателю; наконецъ, выѣхала изъ воротъ гостиницы. «Слава те, Господи!» — подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись лучше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплывавать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то (неопредѣленнымъ чувствомъ) глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборъ и улицы, которые такъ же, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный (неприятныхъ ощущений), онъ тотъ же часъ спрятался въ уголь, закрылъ себя кожей и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ, такимъ образомъ, остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ, и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ (не) признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стѣклышки, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже (не) занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ-быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытннувшихся гуськомъ, наконецъ, и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнеши отъ души: «Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатываютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего

человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови». Тутъ онъ приказалъ Селифану вѣхать поскорѣе и, между тѣмъ, подумалъ про себя: «Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны, говорятъ: значить счастье, если встрѣтишь покойника».

Бричка, между тѣмъ, поворотила въ болѣе пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ — и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля (неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдаты верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленныя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянута вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Вѣдно, разбросано и непріятно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотреть на грозоздѣяса безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными миллионами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь вдали вѣчныя линіи сіяющіихъ горъ, несущихся въ серебрѣныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ухахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Чтѣ въ ней, въ этой пѣснѣ? Чтѣ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Чтѣ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, чтѣ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Чтѣ пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразая во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая свергающая, чудная, незнакома землѣ даль! Русь!..

— Держи, держи, дуракъ! — кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вот я тебя палашомъ! — кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъегерь, съ усами въ аршинъ. — Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ! — И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и «Не бѣлы свѣтъ», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже хранишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чертёбючими остроко-нечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мосто-вой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; по-добно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-единёшенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пе-каръ ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и хранишь — и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный притиснутый къ углу сосѣдъ. Про-снулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣ-жѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой слав-ный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» — слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкой ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы рассыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; бол-товня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хо-роша подчасъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и то-нущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грѣзъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичи-ковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грѣзы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлые вер-хушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налево, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся

только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣсть обращаются въ свѣтъ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравился, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда — бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты, ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «Фи! такой гадкій!» Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почувются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ бесмѣтное богатство русскаго дѣла, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мѣрѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользяло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ, и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взять въ герои. И можно даже сказать, почему не взять. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ*; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь цѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припрячь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные — Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пеголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: «Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говорить пословица: *ни въ мать, ни въ отца, а въ прозябаніи молодца*. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, съвозъ какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко; ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — большой человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоящую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествоуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда

суровый голосъ: «опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сорѡки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорѡкѣ тащились они полтора дни слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданномъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорѡка бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкой въ яму, которою начинался узкій переулочекъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ баринномъ, и, наконецъ, втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, перепопившись, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорѡкѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дни принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличился онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны — со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ,

онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную: сдѣлалъ изъ воску снитира, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе (нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ сѣстного, садился въ классъ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступающаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголь пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ (никто не умѣлъ такъ смиренно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непременно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность! — говорилъ онъ: — я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія — это все вздоръ! — говаривалъ онъ: — я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто (ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хотя онъ Солоня заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, но любившій насмерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и всегда рассказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка (нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: за *примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и (незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ее не много. Чичиковъ продалъ

тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился цѣимъніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ, ты, жила!» Закрывъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать, — произнесъ онъ слабымъ голосомъ и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: — Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ переимѣняется человекъ! Въдъ какой былъ благодѣтельный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отповское наставленіе: «береги и копи копейку» пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Итъ, не они двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непременно все это, вотъ для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себѣ и другому. Когда проносился мимо его богатъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысачахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А въдъ былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желаніе скорѣе пристаться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захоlustьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованье тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показали онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ съ сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ; щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку

къ тому, еще и треснула, — словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, налилавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и пріятливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непоколебимости: вѣчно тотъ же, непреступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже спросомъ о здоровьи. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чѣмъ-нибудь участіе; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ немъ отсутствіемъ всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чертъ приходило по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому челоуку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ проникъ въ его домашнюю семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ челоукомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ съѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ

больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замылось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жаль ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, не смотря на вѣчную (неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: «Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!»)

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнѣйшимъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстные рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси, — «Нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки: — вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ». Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: «Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоценный алмазъ!» Но ждать проситель день, другой — не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію — дѣло и не начиналось; онъ — къ драгоценному алмазу. «Ахъ, извините! — говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки: — у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непременно! Право, мнѣ даже совѣстно!» И все это сопровождалось движениями оборотническими. Если при этомъ распахивалась какая-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но (ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель беретъ за умъ: «Да полно, нѣтъ ли чего?» Вывѣдывать — говорятъ: «Нужно дать писарямъ». — «Почему жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой». — «Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой». — «По бѣленькой писарямъ!» вскрикиваетъ проситель. — «Да чего вы такъ горячитесь? — отвѣчаютъ ему: — оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранить, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ и вѣзливья, облагоустроенныя обращенія чиновниковъ. «Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принеси правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ (безкорыстіе и чиновное благородство!» Проситель, конечно, правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ, всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди: секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго, строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шестъ лѣтъ возилась около зданія; но

климать, что ли, мѣшалъ, или матеріаль уже былъ такой только (никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ, въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда (не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человекъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого (не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже приобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человекъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры — и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разные богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, (не понравилось начальнику, — почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, (не бываетъ на это причинъ, — и онъ возненавидѣлъ его насмерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человекъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣляться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генераль скоро очутился въ рукахъ еще болшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями (неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбагъ острой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капитала. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генераль былъ такого рода человекъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ цѣляя было ее оттуда вытербить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запяканнаго

послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника (не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастью, у него не было.

— Ну, что жъ! — сказалъ Чичиковъ: — зацѣпилъ — поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать. — И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ-три должности долженъ онъ былъ переменить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человекъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева, и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дни переменялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколькинибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидывать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздику; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже, похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходитъ въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: «Мать ты моя Пресвятая! какой же я сталъ гадкій!» И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все геройша, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможенѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышлений. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: «Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непременно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможеню, но удерживали текуція разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ рассуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало, добраться до таможни — и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слышано. Въ три-четыре недѣли онъ уже такъ

набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: «Не угодно ли вамъ будетъ немножко побеспокоиться и привстать?» или: «Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами»; или: «Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели». И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шапки, платки, хладнокровно, какъ изъ собственного сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человекъ: онъ отыскивалъ въ колеслахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяетъ забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: «Ну, ну!» Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того выскъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него (никакого) житія контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были (неодолимы, почти) неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ (небольшого) капиталца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на миллионы сулило выгоды дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало-быть, немного получалъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ съдѣ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую

исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на миллионъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможенѣ. Не участвуя онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ (не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капитала. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря по-просту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ-быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему — обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты — такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: «Да, вотъ, молъ, что!» Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: «вотъ, молъ, что!» могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядрена рѣпа, но выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ — Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но-таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящемъ дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что оставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовного суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ — ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздить холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ — вотъ и все. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячами

въ какое-нибудь мирное захоlustье уѣзднаго городишка и тамъ заклѣк-
неть навѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по
воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для
освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ
супъ, и проведетъ такимъ образомъ не шумный, но, въ своемъ родѣ, тоже не
безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость
непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было
если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не по-
тухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь
свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость
людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ,
онъ показалъ терпѣнье, предъ которымъ ничто деревянное терпѣнье нѣмца,
заключенное уже въ медленномъ, лѣзвивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичи-
кова, напротивъ, играла сильно; и нужно было много разумной воли, чтобы
набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ.
Онъ рассуждалъ, и въ рассужденіи его видна была нѣкоторая сторона справед-
ливости: «Почему жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ
теперь на должности?— всѣ прибрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ ни-
кого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру; пользовался я отъ
избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуюся я— другіе
воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я
смотреть черевомъ? И что я теперь? Куда я гоужусь? Какими глазами я стану
смотреть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чув-
ствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бремени землю? И что
скажутъ потомъ мои дѣти?— «Вотъ,— скажутъ:— отецъ— скотина: не оста-
вилъ намъ никакого состоянія!»

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ.
Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ-быть, и не такъ бы глубоко
запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ
самъ собою: «а что скажутъ дѣти?» И вотъ будущій родоначальникъ, какъ
осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бока, не глядитъ ли
откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли
стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ— не
пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ,
дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то
строиться и ждало только плана. Вновь съезжился онъ, вновь принялся
вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и
приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожи-
даніи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго,—
званіемъ, еще не прибрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ
сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣ-
рителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее,
но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между
прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ
сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено
оно было скотскими надеждами, плутами-приказчиками, неурожаями, поваль-
ными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтол-
ковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ
вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копейки,
такъ что ужъ не на что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, нако-
нecъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Заложъ въ казну былъ тогда

еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка, — все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), — итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... «Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» — сказалъ секретарь. «Числятся», — отвѣчалъ Чичиковъ. «Ну, такъ чего же вы оробѣли? — сказалъ секретарь: — одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риному. А между тѣмъ, героя нашего осянула вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. «Эхъ, я Акимъ-простота! — сказалъ онъ самъ въ себѣ: — ишу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, приобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунской совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступить ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ свидѣтельствовать крестьянъ — пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: селцо Павловское». И вотъ, такимъ образомъ составилъ въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, и прочаго, словомъ — гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою приобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являющіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ — полный хозяинъ, и

куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падеть обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченія и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хотъ даже столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тннутся безконечныя заводы да фабрики, закопченные дымомъ, а потомъ уже выглянуть углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, выѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольныхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покушки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальныя образы, какъ двинутся сокровенныя рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути, предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. Итакъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ-быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, — это видно. Кто же онъ? Стало-быть, подлець? Почему жъ подлець? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренныя, пріятныя, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физиогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяиномъ, пріобрѣтателемъ*. Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отгалливающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станеть глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкъ, не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненныя соки. И не разъ не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрослась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку, и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растеть и десятиреться съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Вышними начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ, — одина-

ково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ-быть, въ семь же самое Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неостражимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ, были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радѣшеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. «Зачѣмъ? — говорите вы: — къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же, представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемъ мы!» — «Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно? — говоритъ помѣщикъ приказчику: — я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого — я тогда счастливъ». И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спать умъ, можетъ-быть, обрѣтши бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣщикъ забываться по-міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падеть обвиненіе на автора со стороны такъ-называемыхъ патриотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаютъ совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталыцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвши, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патриоты?» На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: «Вотъ, напримѣръ, звѣрь, — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ: — звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не выдупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь природы, какъ побольше въ нее углубишься!» Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой

обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называется на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все — или рука у кого-нибудь затрепичить, или волдырь вскочить на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ, а, впрочемъ, былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. «Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ, — говорила отцу и своя, и чужая дворня: — что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертень!» — «Да, шаловливъ, шаловливъ, — говорилъ обыкновенно на это отецъ: — да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинять въ жестокости; а человекъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность — то — вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. «Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдамъ его!» И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: «Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать». Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые неожиданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненіе со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патриотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патриотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокой взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающимъ глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ-быть, даже похвалите автора — скажете: «Однакожъ, кое-что онъ ловко подмѣтил! долженъ быть веселаго нрава человекъ!» И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостью, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!» А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубить во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?» Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ

пошелъ!» И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжить за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!»

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человекъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ полу-горя, разсердится ли на него Чичиковъ или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

— Эхе-хе! что жъ ты? — сказалъ Чичиковъ Селифану: — ты?..

— Что? — сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что? Гусь ты? Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ, Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмури глаза, изрѣдка только потряхивая вприсонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузь, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ приободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцою, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, промолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голосомъ: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: «эхъ! эхъ! эхъ!» плавно подсакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усыяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ поberi все!» — его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летить: летятъ версты, летятъ навстрѣчу кущи на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ, на чемъ; а при-всталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугъ останувшійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаютъ и остаются

позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужась движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. На даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

I.

Предисловіе ко второму изданію перваго тома
Мертвыхъ Душъ.

(въ 1846 г.).

Къ читателю отъ сочинителя.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Бѣдитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какую бы ничтожною ни показала въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія,— я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей,

которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, — все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выражений здѣсь нечего заботиться: дѣло въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, намѣсто пользы, не-обдуманнаго и неувѣрнаго изображеніемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ — и самой жизнью, и образованьемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій зато жизнь того сословія, среди котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ, и рассмотреть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что дѣлается въ низшемъ? и все, что ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то-есть всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденіе или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебели и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать или живо представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ, — словомъ, кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, преслѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что съ нимъ, судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя, и что было бы хорошо прибавить къ тому, что уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображеніе къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлать меня своими замѣчаниями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ для чедовѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ чедовѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти не учившійся. Лучше даже, если, намѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь

деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія. Если это непрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу, то его замѣчанья выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена многими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу, то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета, Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С.-Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета, Его Высочор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, несмотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленье или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью.

II.

Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ.

Судили, судили и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти загадочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій (идти) переговорить къ Собакевичу, а предсѣдатель вызвался самъ идти къ Коробочкѣ. А потому отправимся и мы вслѣдъ за ними и посмотримъ, что такое тамъ разузнали.

III.

Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ. Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

«Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видить: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ, говорить: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я, — можете представить себѣ, — самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ

Копейкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: «что вотъ-де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнью жертвовалъ, проливалъ кровь»... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копейкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ — свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми! или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ спицы этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ такимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, сударь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ-то тамъ приютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, Высшая Комиссія, правленье, понимаете, такое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой-то. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за-границей. Копейкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ дѣвой рукой бороду, — потому что платить цирюльнику — это составить, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, — натаскилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. «Вонъ», говорятъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженыя зеркала, такъ что вазы и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоценные мраморы на стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее, — словомъ: лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ, вызолоченная булава, графская физиогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копейкинъ мой всталился кое-какъ съ своей деревяжкой въ приемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ-быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. «Генералъ, — говоритъ, — сейчасъ выйдетъ въ приемную». А въ приемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ

и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ — генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эфиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: «шу, шу», и, наконецъ, тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ высокими чинами... такое и выраженіе, понимаете. Все, что ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожить, ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?» Наконецъ, сударь мой, къ Копейкину. Копейкинъ, собравшись съ духомъ: «Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости». Министръ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ и правый рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: «Хорошо, — говоритъ: — понавѣдайтесь на дняхъ». Копейкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно тѣ, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое тѣ, что вотъ теперь, наконецъ, рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, такой. Мой Копейкинъ, — кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ, — побѣждалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ — «да нѣтъ, подумалъ, пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то расхотѣлся слишкомъ». Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три-четыре дня является Копейкинъ мой снова къ министру, дождался выхода. «Такъ и такъ, говоритъ: пришелъ, говоритъ, услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами»... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: «А, — говоритъ, — хорошо, — говоритъ, — на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать». Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копейкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись», а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. «Ну, нѣтъ, — думаетъ себѣ: — пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ добѣдаю, — не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: «Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра». На другой день — тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ, у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленный, да хлѣба на два гроша, словомъ — голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ, аштитъ, просто, волчій. Проходить мимо этого какого-нибудь ресторана — поваръ тамъ, можете себѣ представить,

иностранецъ, французъ этакой съ открытой физиогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трифелями, словомъ — разсупе-деликатесь такой, что, просто, себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки — по пяти рублей штука, арбузъ — громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ — на всякомъ шагу соблазнъ такой — слюнки текутъ, а онъ слышитъ, между тѣмъ, все: «завтра». Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой-то ему подносятъ все одно и то же блюдо: «завтра». Наконецъ, сдѣлалось бѣднѣе, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпѣе, рѣшился во что бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете: дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяжкой въ приемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: «Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?» «А! — говорить, увидѣвши Копейкина: — вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія». — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...» — «Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать: старайтесь покажѣсть помочь себѣ сами, ищите сами средствъ». — «Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги». — «Но, — говорить сановникъ, — согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Приѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ». — «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», — говорить Копейкинъ, и говорить, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія, — минута упушенія можетъ быть важна, — а тутъ еще привязался сбому неотвязчивый чортъ. — «Извините, — говорить, — мнѣ некогда... меня ждуть дѣла важнѣе вашихъ». Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копейкинъ, — голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: «Какъ хотите, ваше высокопревосходительство, говорить, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію». Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стоитъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше. подобное. такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ каковъ: генераль-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копейкинъ! 90 рублей и нуль! Генераль, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ — ужъ она ушла въ пятки. А мой Копейкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. «Что же вы?» говорить генераль и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлся бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: «Хорошо, — говорить: — если вамъ здѣсь дорого жить и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенія вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъегеря! препроводить его на мѣсто жительства!» А

Фельдъегеръ ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку, съ фельдъегеремъ. «Ну, — Копейкинъ думаетъ, — по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъегерѣ, да, ѣдучи на фельдъегерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Когда генераль говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочъ себѣ, — хорошо, — говорить, — я, — говорить, — найду средства!» Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли — ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ — неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой...»

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА
ИЛИ
МЕРТВЫЯ ДУШИ.

П О Э М А.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ИСПРАВЛЕННОЙ РЕДАКЦИИ).

Г Л А В А I.

Зачьмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что жь дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишкомъ верстъ горныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами, известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами и рывтинами, то миловидно круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревьевъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка то, вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденьи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонящихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній убирался гуще въ зеленяя кудри деревъ. Искусственнымъ насажденьемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терновникъ, чилига и рябина, опутанная хмелемъ, то помогая другъ другу въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самаго ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ возносились выше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ не поддержанное, свергавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, опутанная склизкой бодягой, плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ бы разсматривали это чудное изображение.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленя, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленья у него захватывало въ

груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за дугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мгlistымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще блѣднѣи, но все желтѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловые горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослабительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ рассмотреть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это обложено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ — гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасоваго созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только: «Господи, какъ здѣсь просторно!»

Кто жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсынку дубы встрѣчали кривѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятія, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь налицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ замоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тѣтѣтникову, молодому тридцатирѣхлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто жъ онъ, что жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдь, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ брандеровъ, изъяснялся о немъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генераль, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...» генераль рѣчи не окончивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: «А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало-быть, мнѣне о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать — онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, копитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые копятъ небо, то почему жъ и Тѣтѣтникову не коптить его. Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судить читатель самъ, какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Понутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза на бѣду были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукоймийникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню. Потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на

кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофій, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ спѣхъ выраженійхъ: «Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!»

— А не хочешь ли вотъ этого? — выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишъ, — баба, жесткая въ поступкахъ, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

— Вѣдь ты и съ приказникомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная! — ревѣлъ Григорій.

— Да и приказникъ воръ такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И точно баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію содома, кричалъ-кричя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрешину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатали его, выглянувши изъ кухни поварь. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ объять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ — все такъ и въ томъ видѣ, какъ любить задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону. бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофеемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Чтѣ же дѣлалось потомъ до самаго ужина — право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И такъ проводилъ время, одинъ-одишешенецъ въ цѣломъ мірѣ, молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тынѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ

порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово останавливающихъ человѣка? Въмѣсто отвѣта на это, лучше рассказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полубользненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ. Какъ зналъ онъ свойства русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать! Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднимая его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: «Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, несмотря, что ты упалъ». Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою». И точно, шалости исчезали сами собою. Презрѣнью товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть..... Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ.

— Это ужъ слишкомъ! — говорили многіе: — умники выйдутъ люди заносчивые.

— Нѣтъ, это не слишкомъ, — говорилъ онъ: — неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ.

И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онъ ему нужны, какъ сыни врачу, — затѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, чтó именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднимая бокаль въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ, закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее ободренье уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало честолюбивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведеніяхъ. Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно требуютъ отъ дѣтей, — того высшаго ума, который умѣть не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражаться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ случаѣ и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, чтó способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними непрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на чтó она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка граждаина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, чтó ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ,

мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всё огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всё искушенія и соблазны, ему предстоящія, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ!* это слово, знакомое русскому человѣку, производящее такіа чудеса надъ его чуткой природой, — но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать большую силу души¹⁾. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуренные порохоми люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ неприятностей, бросили все или же, осовѣвъ, облѣбнившись, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростію, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Быстрое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ, наконецъ, въ это отдѣленіе. Чтò, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣтѣтничкова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ, — чего такъ сильно желалъ, — необыкновенный наставникъ скоростипжно умеръ! О, какой былъ для него ударъ! какая страшная первая потеря! Ему казалось, какъ бы.... Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Фѣдоръ Ивановичъ²⁾. Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе-то внѣшніе порядки; сталъ требовать отъ дѣтей того, чтò можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно какъ бы на зло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее поведеніе. Странно: хорошаго-то поведенія и не добился Фѣдоръ Ивановичъ. Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственного увлеченія; но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая

1) Первонач. ред.: «...силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувъ это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного...»

2) Первонач. редакц.: «...какой-то Фѣдоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всё не ходило, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстоянье отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго виду, рассѣдлалъ всёгъ по росту, а не по уму, такъ что ослабъ доставались лучшіе куски, умникъ оглодки. Все это привело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предшественнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Фѣдоръ Ивановичъ...»

наука. Однимъ словомъ, все пошло наыворотъ. Потерялось уваженъе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Федькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе недѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ права тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой-то дамой передъ самыми огнями директорской квартиры, ни кошуństwo ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный понгъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бѣ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на кафедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячася, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію, и даже право и всеобщую исторію чело-вѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе, да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ, — и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни; настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги». И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, главнѣйшій статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что дѣловое дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легионы красивыхъ нищихихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову шабкѣ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанья (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода) — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый переводный романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, приуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ. И вдругъ, какъ живой, предсталъ

предъ нимъ Александръ Петровичъ — и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, переѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. «Нѣтъ, — подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись: — примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живуть они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещить по улицамъ сердитый, тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающий и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградила Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣпѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но беспорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ списхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованія противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Федоръ Федоровичъ Лѣнищынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣнищынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и — въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и, вслѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Федору Федоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства — либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій:

— Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что это ты дѣлаешь? Оставляя такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! Помилуй! что ты? что ты? Вѣдь, если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!

— Не въ томъ дѣло, дядюшка, — сказалъ племянникъ. — Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ: онъ начальникъ и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣннѣ въ разстройствѣ, управляющей — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я, — что вы подумаете? — помѣщикъ, который... служба...¹⁾ Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какаго-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ:

— Но все же... но какъ же - таки... какъ же запропасть себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между...? Здѣсь все-таки на улицѣ попадетъ навстрѣчу генераль, князь. Пройдешь и самъ мимо какаго-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что жъ такъ, за что жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою²⁾?

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представлятья какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспительницею думъ и помышлений, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ — черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, недалеко отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не выходившія наружу, впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чашу огромнаго заглухнувшего лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перероставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: — «Чей лѣсъ?» ему сказали: — «Тѣнтѣтнникова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рошъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду гнившихся вдали возвышеней, и двумя мостами перелѣтъла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя и, когда на вопросъ: — «Чи дуга и поѣмныя мѣста?» отвѣчали ему: — «Тѣнтѣтнникова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны мимо не снятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и

¹⁾ Первонач. редакц.: „...не заплатятъ податей. Я помѣщикъ. Званіе это также не бездѣльно. Если я...“

²⁾ Первонач. редакц.: „... всю жизнь свою“

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генераль или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затереть честолюбье и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ. Тѣнтѣтнниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надобдаты. Деревня...“

ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показали въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развистыхъ деревь, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки каменныхъ господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи церкви, когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куды пріѣхало: ошущенія, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, въ громогласныхъ словахъ: — «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалить себя кропателямъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространения добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ и ни характеровъ, ни качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію это бумажное, фантастическое управление провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!»¹⁾

А между тѣмъ, его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойнники, зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили его кругомъ. Когда раздались слова: «Кормилецъ нашъ! вспомнилъ»... и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: «Столько любви! и за чтѣ? — За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!» И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлать съ ними труды и занятія.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоножъ, такъ что лѣнныя стали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслить, говорить грамотейно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не слѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, рустилось просо, а у него едва начиналъ только идти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ

¹⁾ Первонач. редакц.: «...невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что же? Переписыванье бумагъ, что можетъ несравненно лучше производить ничему не учившіяся кантонисты!» И еще разъ далъ себѣ названье дурака Андрей Ивановичъ Тѣтѣтниковъ. А между тѣмъ...»

старались, когда нахали и съѣли, — по чапорухѣ водки приказали подать». Что было на это возражать?

— Да отчего же теперь вышло скверно? — допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ? — Видно, червь подѣлалъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подѣлалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодили, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То п дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягоды, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой — житья нѣтъ отъ ней!»

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой: такъ развизгивалась, такая была хвора, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!» говорилъ бѣдный Тѣпѣтнниковъ, и вослѣдъ затѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего — Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ль ладилось сельское дѣло — его глаза глядѣли подалеже; вдали ль производилась работа — его глаза отыскивали предметы поближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, краснопогий мартынь, разумѣется — птица, а не человѣкъ. Она смотрѣла любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать, — и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже пойманнаго рыбу. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впитать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перенель, въ травѣ дергаетъ дергунъ, надъ нимъ урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтъ, и звонами трубъ отдается

турлыканье журавлей, строящих в треугольники свои вереницы в небесах высоко. Отликает вся в звуки превратившаяся окрестность¹⁾. Творец! как еще прекрасен Твой мир в глуши, в деревушках, вдали от поддых больших дорог и городов! Но и это стало ему наскучать. Скоро он и во все перестал ходить в поля, засѣлъ в комнаты, отказался принимать даже съ докладами прикащика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусарь-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленья недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое обращеніе съ потрешкой по ко-

лѣну, также и низкопоклонства и развязности — начали ему казаться уже чрезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наиприятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ - брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Ипполаевичъ Вишнепокромовъ, прѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наго-

вориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англии, — онъ высматъ сказать, что его нѣтъ дома. и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему съ досады тоже

¹⁾ Первонач. редакц.: «...не переча другъ другу: бѣть перепель, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чликають перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, — точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа — онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ даже съ докладами прикащика. Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему...»

что-то вроде свиньи. Тѣмъ и кончились сношенья. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненья о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе — читатель ужъ видѣлъ. Установился странный, безпорядочный порядокъ. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представлялъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы..

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, — что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ странный высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ*, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*? кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣки проходятъ за вѣками; и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тѣнѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди прѣзжали изъяслять ему почтенье, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строга морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризѣешее созданье. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не споривала она за себя самое и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастн

того самого, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяннѣ кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какіе разсужденія и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслью — выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вослѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней угаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка, была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Незыяснимое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтнкова довольно хорошо и радушно, но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то неприятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчья и возраженія; Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій, послушай, братецъ*, и даже *ты*. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло: «И благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамилярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ ними блеснувшій, и послѣдовавшій за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣе. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы — на лежанье и бездѣйствіе. Въ домъ завелся гадость и беспорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны

заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленія видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось и, вѣра тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣтѣтникова. Въ то время, когда, по обыкновенію, подсѣлъ онъ къ окну глазѣтъ обычнымъ порядкомъ, но къ изумленію своему не слышалъ ни Григорія, ни Перфильевны, во дворѣ напротивъ было нѣкоторое движеніе и нѣкоторая суета. Повареночъ и полomoйка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь-в-точь, какъ лѣпятъ или рисуютъ ихъ на триумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налево, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузъ и шинели, закутаншій въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не чтó другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона и тоже карточного игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью — доставить прочное счастье всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло — знать объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затаили его два пріятели, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворившуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы, нѣсколько набокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше презобидуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обилии промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся

картиннымъ мѣстоположеніемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпечить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажъ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ-быть, предметы ископаемыя. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія кресла и приготовился слушать его рассказы по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ пережѣнить много должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще рассказывалъ онъ такого, что показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключеніе же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестръ такая пройдоха-труба, которая, когда хватить, покажется, что крякнуло не въ оркестръ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вослѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное лоякимъ встряхнутымъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поистерпалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самыя финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличье, обхожденіе остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловчѣе подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ; болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлый и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домъ тотъ же часъ произошло преобразование. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все

приняло такой вид: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себя вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворами, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходить и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ слугителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный: но опасенія были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она общаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на бібліотеку и отозвавшись съ похвалою о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соответствовавшее тому занятіе: вынималъ, наприимѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ присвистку. Словомъ — не мѣшалъ хозяину. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить, — говорилъ про себя Тѣтѣтниковъ: — вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно-ровнаго характера, людей, съ которыми

можно бы прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человекъ, котораго я вижу». Такъ отзывался Тѣтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Приотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморроидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучший уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелѣни желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались на болотахъ; за ними въ догонъ бѣгалъ ужъ водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отвсюду. И все собиралось поближе смотрѣть другъ друга. Вдругъ наделилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошла хороводы. Гулянья были просторъ. Чтѣ яркости въ зелени! чтѣ свѣжести въ воздухѣ! чтѣ птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолье повсюду. То направлялъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстлавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ столпя... густо дерева, отягченныя птичьими гнѣздами, вмѣсти... По просохнувшей землѣ можно было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая оранъ черной полосой проходила по зелени, и засвѣватель, постукивая рукою о спто, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и переговорилъ и съ приказникомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и чтѣ, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и на сколько хлѣба продается, и чтѣ выбираютъ весной и осенью за умоль муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормить свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось — немного. Какъ умный человекъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича; повсюду упущенія, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства! И думалъ: «Какая, однакоже, скотина Тѣтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового дохода».

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купческаго или другаго богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилию Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно

жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что человѣка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, теребить, дразнить, шевелить воображеніе и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людьми Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ, но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе заведатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшиши обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выхода также стѣной навстрѣчу имъ, громко выпѣвали, усмѣхался, горластыя дѣвки: «Бояре, покажите жениха!» и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Коньямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и Засѣдатель, и самый чубарый нашли пребыванье у Тынѣтнѣикова совсѣмъ не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположеніе конюшенъ необыкновенно удобнымъ; у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то-есть — до мертвыхъ душъ, то насчетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тынѣтнѣиковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — зачѣмъ и почему? «Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца». Такъ думалъ онъ.

Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенью, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ:

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.

— Чего? — спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

— Подруги жизни, — сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:

— А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему неприятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ такъ:

— А все-таки, какъ ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительно, или же расположенье духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности — онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:

— На все нужно родиться счастливецомъ. Павелъ Ивановичъ, — и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый, или только придурковатъ, и, наконецъ:

— Андрей Ивановичъ! помиуйте! — сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: — какое жъ оскорбленіе? что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты*?

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ: — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе! *Ты!* — это значить: «Помни, что ты дрянъ; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значить!

Говоря это, смиренный и кроткій Андрей Ивановичъ засвергалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ, — сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

— Какъ не поступокъ? — спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

— Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

— Это другое дѣло, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ. — Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

«Онъ совсѣмъ дуракъ, — подумалъ про себя Чичиковъ: — оборвышу позволить, а генералу не позволить!..»

— Хорошо! — сказалъ онъ вслухъ: — положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и повитались съ нимъ: онъ вамъ и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное дѣло, — это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно идти напроломъ. Чтѣ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщите теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» — думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» — думалъ, между тѣмъ, Чичиковъ.

— Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный — позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ! — сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтниковъ: — да и васъ не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способенъ, — сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ. — Провиниться въ другомъ поступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости — никогда... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе; я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ.

Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

— Я виноватъ, простите! — сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки. — Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.

— Зачѣмъ? — спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

— Засвидѣтельствовать почтенъе.

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» — подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

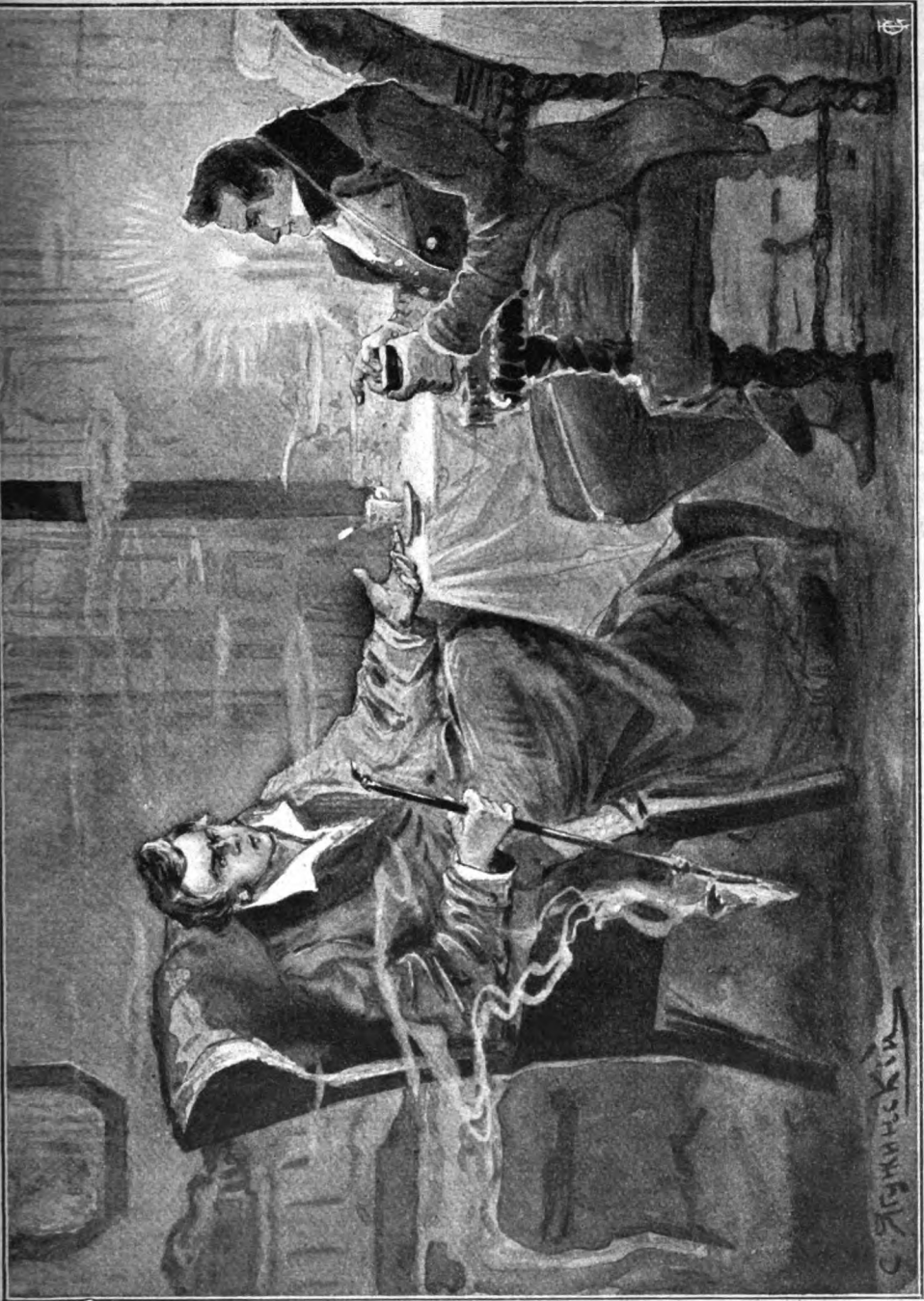
«Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» — подумалъ Чичиковъ.

— Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣй засвидѣтельствовать почтенъе человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, такъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздить.

— Помяните, чтѣ за просьба? Вы полный господинъ: и экипажъ, и все въ вашемъ расположеніи.

Послѣ такого разговора они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какаго давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенъе нервическое обуюло вдругъ

Один раз, послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, ладцемъ серебряную табакерку вокругъ ся оси, сказалъ оятъ такъ: „У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.“ — „Чего?“ — спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — „Подруги жизни“, — сказалъ Чичиковъ.

всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То сидѣлъ онъ на диванѣ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить—безуслѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить—безуслѣшное старанье! отрывки чего-то, похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состоянье», — сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась не успѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

Г Л А В А II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова чрезъ де-сативерстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой по-минутно открывались виды на отдаленья, потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозъ кото-рыхъ глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтоны генеральскаго дома, опирав-шійся на восемь коринѣскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеньемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ до-ложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большія бакенбарды съ просѣдою, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гре-бенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ третиной поперекъ: словомъ — это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12 годъ. Генералъ Бе-трищевъ, какъ и многіе изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя ми-нуты — великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ и, въ примѣсъ къ этому, капризы, честолюбье, самолюбье и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла. Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выра-жался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпитаграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже гене-ралъ-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку извилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ вся-кое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ не-разумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, ко-торога онъ былъ поборникъ и ревнитель: любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полу-иностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль рус-скаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество неприяностей по службѣ, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ

въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ— онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе и робость. Наклоня почтительно голову набокъ и разставивъ руки наотлетъ, какъ бы готовился приподнять ими поднось съ чашками, онъ изумительно ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ:

— Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движеніе головою, онъ сказалъ:

— Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посрединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресель: — началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оною совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повить, спеленать и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣнье... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Приостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства.

— У кого это?

— У Тѣтѣтнкова, ваше превосходительство.

Генераль поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находить словъ... Говорить: «Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что точно, — говорить, — умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество», — говорить.

— Помилуйте, что жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягчившійся генераль. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человекъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство; истинно преполезный человекъ; можетъ побѣждать и даромъ слова, и владѣть перомъ.

— Но писать, я чай, пустяки — какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? о чемъ исторію?

— Исторію... — тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генераль, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: — исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ мысленно сказалъ въ себѣ: «Господи, что за вздоръ такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... Что жъ это выходитъ исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12 году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12 году!

Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: «Хоть убей, не понимаю!»

— Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣеть, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ,— сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: — «Экая оказія! какъ генералы прилились встать! а вѣдь языкъ сболтнулъ сдуру».

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, — одна она бы такъ не поразила внезапностію своего явленія, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но, увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто размѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, что такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однихъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы лучше убраться ея. Но это было также обольщеніе. Одѣлась она какъ будто сама собою: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ доскутнаго ряда. И если бы перенести ее со всѣми этими складками ея обольнувшего платья на мраморъ, назвали бы его копіемъ Геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была чересчуръ уже тонка и худа.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ, фамилія вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.

— Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшего себя доблестями? — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову набокъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать...

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резинового мячика.

„Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказали генералъ, обращаясь къ Чичикову. — Однакожь, фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.“ — „Должно ли быть знакомо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями?“ — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову въбокъ.

— Улинька! — сказал генералъ, обратясь къ дочери: — Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ прентересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ? — проговорила она быстро. — Развѣ одинъ только Вишнепогромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустовать, это правда, — сказалъ генералъ.

— Онъ подловать и гадковать, не только-что пустовать. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ.

— Да вѣдь это рассказываютъ только.

— Такихъ вещей рассказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ, съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дурень.

— Вотъ этакъ, вы видите, — сказалъ генералъ, усмѣхаясь, Чичикову: — вотъ этакъ мы всегда съ нею споримъ. — И, оборотясь къ спорящей продолжалъ:

— Душа моя! вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?

— Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? зачѣмъ и любить ¹⁾?

¹⁾ Послѣ этихъ словъ въ первонач. редакціи слѣдуетъ рассказъ Чичикова о „бѣленькихъ и черненькихъ“.

Первонач. редакція:

— Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!

— А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ приятной улыбкой: — По христіанству, именно такихъ мы должны любить. — И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: — Извольте ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что такое — *полюбить насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ?*

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А это преказусный анекдотъ, — сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. — Въ нѣмнѣи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, извольте знать...

— Не знаю.

— Вылъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, нѣмль онъ надобность прїѣзжать въ городъ и, разувѣтся, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ-то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: „Что жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ нѣмье къ князю“. Говорятъ: „Прїѣдемъ“. Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже извольте знать.

— Не знаю.

— Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу — въ карты. Самоваръ и пушшъ, разувѣтся, со стола не сходять. Старик-то они ужъ и надобли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: „Вы бы, господа, заѣхали къ князю управителю-нѣмцу: онъ недалеко отсюда“. — „А и въ самомъ дѣлѣ“, — говорятъ, и сполупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телеги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только что женился; женился на институткѣ, молоденькой субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидать они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери — и ввалилось соннище.

— Воображаю — хороши! — сказалъ генералъ, смѣясь.

— Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: „Что вамъ угодно?“ — „А! — говорятъ, — такъ вотъ ты какъ!“ И вдругъ, съ этимъ словомъ, перемяна лицъ и физиогноміи... „За дѣломъ!“

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ вернуть и отъ себя слово.

— Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня, — сказалъ Чичиковъ. — Что жъ дѣлать? И скотинка любитъ, чтобы ее погладили: сквозь хлѣвъ просунеть для этого морду: на, погладь!

Генераль разсмѣялся.

— Именно просунеть морду: погладь его... Ха, ха, ха! У него не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренья... Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густыя эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понинѣ густыя эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву е: хе, хе, хе, хе, хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

— Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградь просить! Нельзя, говорить, безъ поощренья, трудился... Ха, ха, ха, ха!

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки.

— Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ унынье и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣньемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю... — И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генераль. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты... Неправда ли? — сказалъ онъ, обороты къ Чичикову. — Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза: — надѣюсь, обѣдаешь у меня?

— Если только, ваше превосходительство...

— Безъ чиновъ, что тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить.

Щи есть.

Сколько вина выкуривается по имѣнью? Покажите книги!⁴ Тотъ суды-гуды. „Эй, понятыхъ!“ Взвали, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ.

— Вотъ на! — сказалъ генераль.

Улыбка всплеснула руками.

— Жена — хлопотать! — продолжалъ Чичиковъ. — Ну, что жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: „Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“.

Генераль расхохотался; болѣзненно застонала Улыбка.

— Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться! — сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... — Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услатъ...

— Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю, — сказалъ генераль: — но что жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: „полюби насъ бѣленькими?“

— Черненькими, ваше превосходительство, — подхватилъ Чичиковъ.

— Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха-ха-ха-ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густыя эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понинѣ густыя эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву е: хе-хе-хе-хе-хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

Бросив ловко обѣ руки наотлетъ, Чичиковъ признательно и почти-тельно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ, и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. На мѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукоюиномъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?

— Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству.

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генераль сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утѣ. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Любить, любить, точно, любить поощренье, — сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею... — Поглядь, поглядь его! а вѣдь безъ поощрѣнія такъ и красть не станеть! Ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновеніе.

«Генераль весельчакъ и добрякъ — попробывать?» — подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнуть:

— Ваше превосходительство! такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.

— Какую?

Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ, — и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! «Я,—говорить:—племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ: пусть приобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

— Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ! — говорилъ генераль, продолжая смѣяться.

— Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ премоу — тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились! — говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться. Улинька опустилась въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она:

— Я не знаю, меня только беретъ одна досада.

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили въ сердцахъ тронхъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость ильица; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что значить, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли вистникъ это? или слабый крикъ души, заглушенной тяжелымъ гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенящую кору мерзостей, еще вопіющій: „Братъ, спаси!“ Не было четвертаго, которому бы желаній всего была погибающая душа его брата.

— Я не знаю, — говорила Улинька, отинмая отъ лица руку: — меня одна только досада беретъ.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генераль“.

Далѣе въ обихъ редакціяхъ почти одинаково: генераль умывается и вспоминаеть слова „полюби насъ черненькими“, послѣ чего Чичиковъ предлагаетъ ему рассказать еще исторію. Слѣдуетъ рассказъ о дядѣ, почти одинаковый въ обихъ редакціяхъ.

— Да что жь онъ, выходитъ, совсѣмъ дуракъ? — спросилъ генералъ.

— Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положеніе-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего, — сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить? — говорилъ онъ, смотря съ изумленіемъ на Чичикова.

— Я придумалъ вотъ что. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ бы онѣ были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человекъ. Какъ быть, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Отецъ, что съ тобой случилось? — говорила она въ страхѣ, съ недоумѣніемъ смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука.

— Ничего, другъ мой; не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырвался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

— Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвцовъ вмѣсто живыхъ получить! Ха, ха, ха!

«Опять пошелъ! — думалъ про себя Чичиковъ. — Экъ его, шекотливый какой! Какъ не разорвется!»

— Ха, ха, ха! — продолжалъ генералъ: — Экой осель! Вѣдь придетъ же въ умъ такое требованіе: «пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ!» Вѣдь онъ осель!

— Осель, ваше превосходительство.

— Ну, да и твоя-то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ?

— Лѣтъ восемьдесятъ.

— Однакожъ, и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?..

— Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?

— Дуракъ, ваше превосходительство.

— Однакожъ, выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ?

— Держится, но съ трудомъ.

— Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожъ? Есть еще зубы?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой осель! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ осель.

— Осель, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что жъ дѣлать?

Врагъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

— Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ...

— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!..

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоемъ ¹⁾.

Г Л А В А III.

— Если полковникъ Кошкаревъ, точно, сумасшедшій, то это недурно, — говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, когда все исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ. — Ты, Селифанъ, спросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка спрашивалъ у гучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Петрушка, чай, и теперь пьянъ.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! — сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

¹⁾ Между концомъ этой и началомъ слѣдующей главы значительный пропускъ. См. помѣщенный въ Примѣчаніяхъ отрывокъ изъ статьи Арнольди: „Мое знакомство съ Гоголемъ“ (напеч. въ „Русск. Вѣстн.“ за 1862 г., кн. I).

— А ты, кроме сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошо, очень хорошо! Ужь вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу!

Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ:

«Какая, однакожь, разница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физиогноміей!»

Коляска стала, между тѣмъ, спускаться. Открылись опять луга и просторства, усыянные осиновыми рощами¹⁾.

1) Первонач. редакція:

Г Л А В А III.

— Нѣтъ, я не такъ, — говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и просторствъ: — нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поварь, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ жёнъ плодородье... — Эй, ты дурачина!

Селифанъ и Петрушка оглянулись оба съ козелъ.

— А куда ты ѣдешь?

— Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ, — къ полковнику Кошкареву, — сказалъ Селифанъ.

— А дорогу разспросилъ?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго конюха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка — бревно.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая, — сказалъ Петрушка, глядя искоса: — окромя того, что, спустясь съ горы, взять попряжѣй, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромя сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налишился?

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

— Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать, — сказалъ Селифанъ, оборотившись.

— Что?

— Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ-де вашей милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ, — не трясетъ.

— Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ.

Селифанъ хлыснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ:

— Слышь, мужика Кошкаревъ баринъ одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмецъ; поодаль и не распознаешь, — выстунаетъ по-журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязуютъ пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ капорахъ, — такъ капоръ называется, знашь, капоръ — нѣмецкій такой капоръ.

— А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ! — сказалъ Петрушка, острасъ надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И подобья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силася при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что тамъ дѣлается, и сказалъ:

— Хорошо! а еще воображаетъ, что красавецъ!

Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ былъ серьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

— Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ: — чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обидѣ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха.

— Пошелъ, пошелъ, не болтай! — сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ:

„Въ самоѣ дѣлѣ, напрасно я не догадался“.

Начало этой главы въ исправленной редакціи представляетъ измѣненія, сдѣланныя необходимыми вслѣдствіе пропуска какой-то неизвѣстной намъ части, на которую указываетъ начало первоначальной редакціи.

Тихо вздрагивая на упругих пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся дугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшою покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо ихъ густы лозъ, тонкія ольхи и серебристыя тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузь. Суровый служитель соскакивалъ съ козель, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ, и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ ель. У корней гущина; трава — синія ирѣ и желтый льнясъ тюльпанъ. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро, — водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Криги раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Выбѣсъ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузь или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: «Телепень Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!» Арбузь, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащилъ его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ, — сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули, между тѣмъ, уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? — закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь оупутанный въ сѣть, дакъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, приподымая картузь и продолжая раскланиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А чтѣ? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузь.

— А вотъ чтѣ! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки! Телепень Козьма, ступай, помоги!

— Обѣданіе — закричала биринь, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опуганный въ сѣть, какъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Вонеры Медвейской, выходящей изъ бани. — «Нѣтъ», — сказала Чичиковъ, приподнявъ картузь и продолжая раскланиваться изъ колески.

Двое рыбаковъ приподняли изъ лаханки голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ! — кричатъ круглый баринъ. — Поѣзжайте во дворъ! Кучерь, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ѡма Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводить, а я сейчасъ...

Длинноногій, босой Ѡма Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впереди коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подалее, видны были крыши господскихъ строеній.

«Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ», — думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь! — раздался голосъ сбоку.

Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожжахъ, занявши собою всѣ дрожжи. Онъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожжи показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: «Ѡма Большой да Ѡма Меньшой! Козьма да Денисъ!» Когда же подѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать — было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александръ Дмитриевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, — отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

— Незнакомъ, — сказалъ онъ съ изумленьемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ Петръ Петровичъ! — подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Какъ же? — оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски. — Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки, — сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. — Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка... — говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, — сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои.

Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, приѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною.

Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей¹⁾. Николаша, кажется, былъ будущій человекъ-дрянце. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить...

«Понимаю, — подумалъ Чичиковъ: — кончится дѣло кондитерскими да бульварами...»

— А что? — спросилъ онъ вслухъ: — въ какомъ состояннн имѣнье вашего батюшки?

— Заложено, — сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: — заложено.

«Плохо, — подумалъ Чичиковъ. — Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться».

— Напрасно, однакоже, — сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья: — поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенья столичнаго.

«Дуракъ, дуракъ! — думалъ Чичиковъ: — промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Имѣннице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ, — все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

— А вѣдь я знаю, что вы думаете? — сказалъ Пѣтухъ.

— Что? — спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплестъ, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя на окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну²⁾.

— Гдѣ, гдѣ? — закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ? — спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человекъ, отличный человекъ, — сказалъ самъ Пѣтухъ.

1) Первонач. редакц.: „Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Вѣтвицевъ ѣздитъ гораздо его почище.

— А что, въ какомъ состояннн имѣние вашего батюшки? — спросилъ Чичиковъ, и т. д. Нелзя не замѣтить, что исправленная редакція отличается отъ первоначальной какой-то склонностью къ схематизаціи, къ ощущенію подробностей, часто характерныхъ.

2) Въ первоначальной редакціи:

„— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. — Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?

— Хуже не хуже, но выступка не такая.

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ, вошелъ въ комнату красавецъ...“

Между тѣмъ, вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый пестъ, собака-страшилище, именемъ «Ярбъ», вошелъ вослѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? — спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной прѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпищи какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать? помилуйте! — сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать? — оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скучанья. Потру проснешься — вѣдь тутъ сейчасъ поварь, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть — опять поварь, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поварь — заказывать нужно на завтра обѣдъ... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своею, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ не опозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненье и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите замѣтить, — сказалъ онъ: — не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь...

— Повѣрьте, — прервалъ красавецъ-гость: — что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня, — и того нѣтъ. Скучно, да и только.

— Стало-быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человекъ крестьянъ.

— Странно, не понимаю. Но, можетъ-быть, неурожай, болѣзни? много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! не понимаю, — сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, — сказалъ хозяинъ. — Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не дадутъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановка ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только — для поощренія. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человекъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для сваренья въ желудкѣ. Что жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любить.

Закуска послѣдовала обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подглядывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человекъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». У кого два — подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что жъ за число два? Богъ любить троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Бто жъ строить избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ:

«Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ».

Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть тельнага, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого тельнага!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, — сказалъ хозяинъ: — ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу, — сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ скажите: *не могу*.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взомелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ — действительно, кусокъ былъ вродѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

«Ну, какъ этакому человеку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ такимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!»

То-есть онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольяства можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: вперёдъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по приѣздѣ въ столицу. Съ гостями было не то: въ силу, въ силу перетаскились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ съѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

— Экъ его насивытываетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ придти скутѣ! Тутъ сонъ придетъ — не правда ли?

— Да. Но я, однакоже, — вы меня извините, — не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодого человѣка? Танцевать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить.

И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова.

— Да вотъ прекрасное средство! — сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной, — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

— А вы куда ѣдете?

— Покажѣте ѣду я не столько по своей нуждѣ, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращеніе людей — кто что ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука. — И, сказавши это, помышлялъ Чичиковъ, между тѣмъ, такъ: «Право, было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправить на его лошадахъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ».

«Почему жъ не проѣздить? — думалъ, между тѣмъ, Платоновъ. — Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройство никакого. Почему жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?»

— А согласны ли вы, — сказалъ онъ вслухъ: — погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпустить.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, такъ по рукамъ! ѣдемъ! — сказалъ, оживясь, Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ.

— Ѣдемъ!

— Куда, куда? — вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, сударини! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

Что было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. За то награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые попережъ рѣки канаты для ловли. Хотъ бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись предъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ — и катеръ, самъ собой, какъ легкая

птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводилъ какъ бы изъ соловьиного горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, вострепнувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: «Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще большая тоска находить на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударили весла по воде, хуже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по

которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшие ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенья къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской, бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись въ это время передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. «Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!» И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А заужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ! — сказалъ онъ: — никакой городничій не взойдетъ». Надобно такое стеченіе обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ, — и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла, — говорилъ онъ съ присасываьемъ и забирая къ себѣ духъ. — Въ одинъ уголь положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пролеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ растого — не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ. — Говоря это. Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

«Чортъ побери! не дастъ спать», — думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того, растого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ положи ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдо. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!»

Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то видюгѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхою Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песь лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Это уже слишкомъ, — сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

— А не скучаетъ, вотъ что досадно!

«Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу, подумалъ Чичиковъ: — да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откушникъ Муразовъ, — легко сказать, — десять милліоновъ... Экой кушъ!»¹⁾

— Что, вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ Чичиковъ.

¹⁾ Первонач. редакц.:

«— Итъ, это уже слишкомъ, — сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. — Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михалычъ? Препокійная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!»

Платонъ усмѣхнулся.

— Это, я вамъ объясню, — сказалъ онъ: — Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу.

— Точно такъ, — сказалъ Петрушка, оборотаясь съ козелъ: — приказано было все поставить въ коляску — паштеты и пироги.

— Точно-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ, оборотаясь съ козелъ, веселый: — очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго высалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было.

— Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ, — сказалъ Платоновъ. — Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда версть десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ».

— Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, судырь мой, получаетъ 200 тысячъ годового дохода съ такого имѣнiя, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало.

— Ахъ, да это, конечно, препотенный человекъ! Это преинтересно будетъ съ такимъ человекомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамили?

— Костанжогло ¹⁾).

— А имя и отчество? позвольте узнать.

— Константинъ Федоровичъ.

— Константинъ Федоровичъ Костанжогло. Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать такого человека.

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ.

— Экая скотина! — повторялъ только Чичиковъ.

— Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли, — сказалъ Платоновъ: — совсѣмъ другой видъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ — ровный какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣснякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса.

— Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что у другого и въ двадцать не вырастетъ.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Разспросите у него. Это землевѣдъ такой — у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, — какъ знаетъ: какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три-четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то влаги прибавить полямъ, на столько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю рассказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно...

«Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ, — подумалъ Чичиковъ. — Весьма прискорбно, что молодой человекъ поверхностенъ и не умѣетъ рассказать».

Наконецъ, показалась деревня. Какъ бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеньяхъ, увѣчанныхъ тремя церквями, перегражденная повсюду исполнскими скирдами и кладями.

«Да, — подумалъ Чичиковъ: — видно, что живетъ хозяинъ-тузъ. — Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попался съ какимъ-то умнымъ выраженьемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями; но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ

¹⁾ Въ первоначальной редакціи Костанжогло называется Скудронжогло; эту фамилію Гоголь передѣлывалъ много разъ, какъ и другія собственные имена своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ одномъ мѣстѣ первоначальной редакціи вѣсто Скудронжогло стоитъ Попонжогло.

и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дому, чтобы все было видно барину, что ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокой фонарь, ни для красы или для видовъ, но для наблюденія за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ не похожие на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраговъ, а козаціе чекмени сняго домашняго сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.

— Гдѣ жъ онъ?

— У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покушниками, — говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣкогда въ ней сидѣвшей и оставившей свое впечатлѣнье. Но нельзя было вывести никакого заключенія. Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни фресковъ, ни картинъ, ни бронзы, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтовъ, приготовленные къ сушкѣ...

— Что это у тебя, сестра, за дрянъ такая наставлена? — сказалъ Платоновъ.

— Какъ дрянъ! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый годъ всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а это для варенья. Вы все смѣтаете надъ вареньями; да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепiano и сталъ разбирать ноты.

— Господи! что за старина! — сказалъ онъ. — Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?

— Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки, — нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра! — сказалъ братъ и подошелъ къ окну¹⁾. — А, вотъ онъ! идетъ, идетъ! — сказалъ Платоновъ.

1) Въ отрывкѣ, заключенномъ здѣсь между словами „хозяйка дома выбѣжала на крыльцо“ (см. выше на этой стр.) и восклицаніемъ: „А, вотъ онъ!“ и т. д. Первоначальная редакція отклоняется отъ исправленной въ слѣдующихъ подробностяхъ: въ исправленной редакціи сестра Платонова походитъ „какъ двѣ капли воды“ на брата, „съ той разницей только, что“ не такъ „вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела“. Въ первоначальной она „...такая же полусонная, какъ онъ“. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботится, или оттого,

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузь. По объѣмъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка нижняго сословія, шли, разговаривая о чемъ-то съ нимъ, толкуя: одинъ — простой мужикъ, другой — какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

— Вы вотъ что лучше сдѣлайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ займы: вы послѣ мнѣ отработаете.

— Нѣтъ, Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человѣка нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настоянки, что съ одной рюмки такъ станеть задирать въ животѣ, что воды ведро бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей-Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ, и всякіе такіе... Что жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ — не удержисься.

— Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову, и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай — первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю, какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянъ лѣзеть въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою.

— Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: — что говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому.

— Все-таки ступай и переговори.

— Слушаю-съ.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... побавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичить, ну, онъ тебѣ и отдастъ за пощѣны. А мнѣ что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.

что всепоглощающая дѣятельность ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, ниѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то вполонину, на жизнь глядятъ вполглаза и, вида возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: „Пусть ихъ, дураки, бѣсятся! Имъ же хуже“.

Въ соответствии съ такимъ характеромъ хозяйки въ первоначальной редакціи въ комнатахъ нѣтъ и слѣдовъ женскаго домоводства: ни цвѣтовъ, ни фортепіано.

Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм! — подумалъ Чичиковъ: — точно какъ бы носовой платокъ!»

Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженьемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылаго южнаго происхожденья. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

— Я, чтобы выгнаться отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздить по разнымъ губерніямъ, — сказалъ Платоновъ: — и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ¹⁾.

— Прекрасно, — сказалъ Костанжогло. — Въ какія же мѣста, — продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь, — сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову набокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку: — ѣду я покажѣсть

¹⁾ Первонач. редакц.: „Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человекъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузь. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія, — шли, разговаривая и о чемъ-то съ нимъ толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заважій кулакъ и пройдоха.

— Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять! — говорилъ мужикъ, кланяясь.

— Да итѣ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда.

— Да у васъ, батюшка, Константинъ Федоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакого умнаго человека во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять.

— Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ.

— Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни идутъ въ работы: бездѣлье такое, что и не запомнишь. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей-Богу, отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Федоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ.

— Да вѣдь ты и тогда говорилъ: *въ послѣдній разъ*, а вѣдь вотъ опять привезъ.

— Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Федоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять.

— Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь — не возьму.

— Слушаю-съ, Константинъ Федоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю.

Мужикъ отошелъ довольный. Вреть, однакоже, привезетъ: *авось* — великое слово.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Федоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... поблагите, — говорилъ шедшій по другую сторону заважій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подѣдешь подь самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ чтѣ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Федоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять. — Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм“, — подумалъ Чичиковъ...

не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генераль Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но, съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморроидальномъ отношеніи, увидать свѣтъ, коло-вращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Федоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

— Чему же, однако?.. чему научить? — сказала Костанжогло смутившись.— Я и самъ учился на мѣдныхъ деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, при-обрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ.

— Знаете ли что, — сказалъ Костанжогло, смотря на него въ раз-мышленіи: — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и расскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Конечно, останьтесь, — сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: — Братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?

— Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я то жъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятель-ство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ сумасшедшій.

— Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ, но генераль Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...

— Въ такомъ случаѣ знаете что? — сказалъ Костанжогло: — по-ѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки— поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.

— Превосходная мысль! — вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кир-пичу и бревенъ до вѣсѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, вродѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депю земледѣльческихъ орудій*; на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, далѣе: *Комитетъ сельскихъ олъ, Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*. Сло-вонъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ стоячей конторки, съ перомъ въ зубахъ. Полковникъ принялъ Чичикова отменно ласково. По виду, онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человекъ: сталъ ему рассказывать о томъ, сколькихъ трудовъ ему стоило возвестъ имѣніе до нынѣшняго благо-состоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляютъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ за-ставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14 году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непременно достигнетъ

того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгіки, или Химическое изслѣдованіе почвъ.

«Да, какъ бы не такъ! — подумалъ Чичиковъ. — А вотъ я до сихъ поръ еще «Графини Лавальеръ» не прочелъ: все нѣтъ времени».

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ-слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и, наконецъ, сказалъ: «Съ этимъ, кажется, чиниться нечего». — И тутъ же объявилъ, что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеннѣмъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, — сказалъ полковникъ, нимало не смутясь: — это просьба, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выравокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ...

— Помилуйте! — вскрикнулъ Чичиковъ: — вѣдь этакъ затянется, Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя*. Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ — Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ.

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человекъ.

— Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера! — Предсталъ комиссіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. — Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣла ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образованній комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда-то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку.

— У насъ бетоловщина, — сказалъ, наконецъ, Чичикову комиссіонеръ. — Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія. — Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, рассказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша,

и никакого толку нельзя добиться, и комиссiи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ восклицалъ благороднымъ негодованiемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основанiи комиссiя построения самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющiй, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствiе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесенiй?

«Ну, пойдеть кутерьма!» — подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже ухъать.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбiе затронуто. Я докажу, что значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскiй курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоценнаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библиотекѣ, — сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь. — Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы — господинъ. Просвѣщенiе должно быть открыто всѣмъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, введя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы — по всѣмъ частямъ, которые только рассылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для прiятнаго препровожденiя, онъ обратился къ другому шкафу — изъ огня въ полымя: все книги философскiя. Шестъ огромныхъ томищей предстало ему передъ глаза, подъ названiемъ: «Предуготовительное вступленiе въ область мышленiя. Теорiя общности, совокупности, сущности, и въ примѣненiи къ уразумѣнiю органическихъ началъ обоюднаго раздвоенiя общественной производительности». Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленiе, развитiе, абстрактнъ, замкнутость и сожмнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! «Это не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными мнѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими прiяностями. Окончивши разсматриванiе одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сияющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный гений. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

Полковникъ сталъ читать:

«Приступая къ обдумыванiю возложеннаго на меня вашимъ высокородiемъ порученiя, честь имѣю симъ донести на оное:

«Первое. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣнiе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскiя души названы умершими. Подъ симъ,

вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названіе уже показываетъ изученіе наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна».

— Плуть! — сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствиемъ: — Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

«Во-вторыхъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнію не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутора ста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Прецищевымъ и вслѣдствіе того подъ запрещеніемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали? — сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли съвозъ форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Въ сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрагу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать, и пружины управления заржавѣютъ и ослабѣваютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

— Чтѣ это вы такъ запоздали? — сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? — сказалъ Платоновъ.

— Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это еще ничего, — сказалъ Костанжогло. — Кошкаревъ, утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ, — вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури вчуужъ. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстроивать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.

— Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, да, все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ, — сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. — Вонъ шляпный, свѣчной заводы: изъ Лондона мастеровъ написалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ, такое званіе почтенное: въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шляхамъ городскимъ, дѣвкамъ...

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрики, — замѣтилъ Платоновъ.

— А кто их заводилъ? Сами завелись, накопилось шерсти, сбытъ некуда: я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбирають, мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники, ну, куда ее дѣвать? Я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

«Экой чортъ! — думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза, — заgreбистая какая лапа!»

— Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ поѣвы. Эткихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, всякая дрянъ дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами.

— Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянъ даетъ доходъ, — сказала Чичиковъ.

— Да помилуйте! Если бы только братъ дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій механикъ, всякій хочеть открытъ ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англию; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье! — сказавши это, Костанжогло плюнуть. — И вѣдь глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!

— Ахъ, Константинъ! Ты опять разсердился, — сказала съ безпокойствомъ жена. — Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донкишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ, сдѣлается Донъ-Кихотомъ, заведетъ такія школы, что дураку въ умъ ни войдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ человѣколюбіе пойдетъ, сдѣлается Донъ-Кихотомъ человѣколюбія, настроитъ на миллионъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру; вотъ тебѣ и человѣколюбіе!

Чичикову не до просвѣщенія было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянъ даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

— Думаютъ, какъ просвѣтитъ мужика... Да ты сдѣлай его прежде богатымъ, да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглубѣль, такъ вы не можете себѣ представить! Что пишутъ теперь эти щелкоперы! Пустить какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что стали говорить¹⁾: «Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами

¹⁾ Первонач. редакц.:

— Это изумительно, — сказала Чичиковъ, исполнившись участія: — изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянъ даетъ доходъ.

— Ч! да не только это!.. — Рѣчи Скудронжогло не кончиль: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей-помѣщиковъ. — Вонъ опять одинъ умникъ — что, вы думаете, у себя завелъ? — Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!.. Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не

роскоши, внушить ему потребности свыше состоянія... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ какихъ, понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего, и зубовъ у него нѣтъ, и пѣшвы, какъ пузырь, такъ хотѣть теерь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были какъ хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего¹⁾, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю, не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество, вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя

отрывай его отъ христіанскаго долга. Помогни сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ останется отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кихоты, просто, по всѣмъ частямъ!.. Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!.. Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать! — Скудронжогло рассердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеніемъ. Онъ хотѣлъ повестн рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже рассердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились.

— А вотъ другой Донъ-Кихотъ просвѣщенія: завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. „Что это, — говорятъ: — батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотѣть, всѣ въ писаря хотѣть, а вѣдь писарь нужень одинъ“. Вѣдь вотъ что вышло!

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ:

— Да вѣдь этихъ останавливаться не нужно, что теерь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства.

— Да будь, братецъ, хоть ты умень! Ну, что вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: „Учись!“ Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ! Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ... — Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами — засунулъ палецъ въ петлю его фрака. — Ну, что можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣи, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же быть? въ чемъ же занятія крестьянина? — Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: „Изъ этого состоянія его можно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую простую жизнь“ и т. д.

1) Первонач. редакція: „Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего — это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытномъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основанье быта общественнаго, тамъ изобилье и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю — сказано человѣку, трудись... что тутъ хитрить! Я говорю мужику: „Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, что нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ, и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потеряю праздности: я затѣи надъ тобой, чтобы ты трудился“. Ги! думаютъ увеличить доходы заведеньями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ и безъ глупыхъ затѣи“.

фабрики, того, что нужно здѣсь, подь рукой челоуѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерять миллионъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

— Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ останковъ, изъ обрѣзковъ получается, и всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гм! Политическіе эконоомы! — говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. — Хороши политическіе эконоомы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ, дальше своего глупаго носа не видитъ! Осель, а еще взлѣзетъ въ каюдру, надѣнетъ очки... Дурачье! — И во гнѣвъ онъ плюнулъ.

— Все это такъ и все справедливо, только, пожалуйста, не сердись, — сказала жена; — какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!

— Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Федоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, шукаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на привратное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я мысль въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? — подхватилъ Костанжогло. — А вотъ какъ!..

— Пойдемъ ужинать, — сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и вышла на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго челоуѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитааннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что нужно, и тотчасъ ушли. Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ ѣстъ.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какаго-то отличнаго питья, похожаго на венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяйну такъ:

— Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекраснаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше принятъся¹⁾...

... Имѣніе, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

— Гм! — Чичиковъ задумался. — А отчего же вы сами, — проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ

¹⁾ Здѣсь въ рукописи не хватаетъ двухъ страницъ.

на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло.

— Какъ вообще люди способны къ злословію! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ какъ въ нашей губерніи, не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ свалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я, — говоритъ, — конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощряя промышленниковъ - мошенниковъ, а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньей, какъ Костанжогло».

— Желалъ бы я быть такою свиньей! — сказалъ Чичиковъ.

— И вздоръ. Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да..... И все оттого, что не задаю объѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Объѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, милости просимъ. Не даю денегъ займа, это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да Расскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами, если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно, и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль, я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.

«Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію», — подумалъ Чичиковъ.

— И никогда не откажу, — продолжалъ Костанжогло. — Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинять! Чортъ поберит! Онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь объѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелими домъ, или съ распутницей въ маскарадъ, юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги займа!..

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія взволнованной желчи.

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора, — сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая, дѣйствительно, была отличная. — Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянутьъ, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите, — подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенія духа, — разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да, — сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова, — надобно имѣть любовь къ труду, безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе! Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты, все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій: занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года,

соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Разсмотрителка круговой годъ работъ, какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, пережѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все разсчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледь, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрывать земля: по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе миллионъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рождю пошла рождь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты, хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клады, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабы работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано, да вѣдь это... А зима! Молотба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять, такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги, — деньги деньгами, но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе? — сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и, казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица. — Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаютъ Богу человекъ, Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..

Какъ пѣнія райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула.

Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже не доставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

— Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость не глупый человекъ», — думалъ хозяинъ, — внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ». И, подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснуваго сада, Чичикову

сдѣлалось такъ пріятно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такіа рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захоlustыи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка. И живо врѣжется, разъ навсегда и навѣки, проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память: и кто присутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что было въ рукахъ его, стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ, и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рисунокъ обоевъ, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «полно, не мучь его!» и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанныя звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Федоровичъ! — произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова.

— Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать, умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто жъ бы это такой могъ быть? — съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу! — вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣнемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управлять. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія, десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! — вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

— Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ, что ни захватить, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначить, такая и останется: некому перебить.

— Господи, Боже ты мой! — проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло,хватило духъ въ груди ему. — Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости. Промысла

въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ приобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но миллионы...

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ, прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ, всякому не по силамъ: нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю, что ни захватить: вдвое или втрое противъ..... А съ тысячи что? десятый, двадцатый процентъ.

— И чтѣ всего непостижимѣй, что дѣло вѣдь началось съ копейки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, — сказалъ Костанжогло. — Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не приобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины: съ копейки, а не съ рубля, снизу, а не сверху; тутъ только узнаешь хорошо людъ и быть, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколить такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю, онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копейки нужно начинать.

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, — сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ, — ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непременно разбогатѣете, — сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки. — Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куды дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грѣзъ и мечтаній. Кружилися его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображенье, и въ ушахъ его отдавались слова: «рѣки, рѣки потекутъ...».

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось, — сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣніе Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: «полно тебѣ храпѣть!» и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ

именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя поваго, не узнавши насъвозъ всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣ предвкушала оное то удовольствіе, которое оное будетъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двинутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ, — и подобно тому, какъ въ ходной мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человекъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ оное уваженіе лично. Доселѣ уважалъ оное человекъ или за хорошей чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ оное не уважалъ еще ни одного человекъ. Костанжогло былъ первый. Оное понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ оное попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ оное самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальные — какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ, просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго оное объ этомъ думалъ. Наконецъ, сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ, наконецъ, и Чичикова въ свои объятія. Оное заснулъ крѣпко.

Г Л А В А IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто подъ одну расписку: такъ былъ оное готовъ помогать всякому на пути къ приобрѣтенію. Этого мало: оное самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духу. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отравились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахотныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькій, памѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ, выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснушагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукъ была запята, на сапогъ дырка. Приѣзду гостей оное обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы оное увидѣлъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Федоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили приѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу займы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Федоровичъ! Вижу — самъ всему виной. Что дѣлать? свиный свиней зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете подчевать?

— Безъ цеременія. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покушникъ, Павель Ивановичъ Чичиковъ, — сказалъ Костанжогло.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

Чичиковъ далъ ему объѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить: вы объѣдали?

— Объѣдали, объѣдали, — сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. — Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ. — Хлобуевъ взялъ въ руки картузь. — Пойдемъ осматривать беспорядки и безпутство мое.

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

— Пойдемъ осматривать беспорядки и безпутство мое, — говоритъ Хлобуевъ. — Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообедали. Повѣрите ли, Константинъ Федоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ — до того дожилъ!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Федоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову. — Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, беззапье — вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневоля сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ? — спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ! — сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.

— Такъ что жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ.

— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ.

— Что жъ предпринять?

— Что жъ, вы, стало-быть, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскаго секретаря. Какое жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье — пятьсотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Пойдите въ управляющіе.

— Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, — сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. — Не гожусь я теперь никуда: одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Буды мнѣ! что разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!

«Вотъ плоды безпутнаго поведенія! — подумалъ Платоновъ. — Это хуже моей спячки».

А между тѣмъ какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ смотрите, — сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ: — доведь мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телѣги, ни лошади. Случился падежъ — ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дни безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже излѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ его развратилъ навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля-то какова? разглядите землю! — говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами. — Все поѣмныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячь на пять одного лну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падалъ. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что воронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой — огородомъ бы взять. Самъ возьми въ руку заступъ, жену, дѣтей, дворню заставъ; умри на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то — обожравшись свиной за обѣдомъ! — Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположеиіе осянило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаленія, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это, должно быть, Тѣнтѣтнѣикова, — онъ сказалъ:

— Здѣсь если завести лѣса, — да деревенскій видъ можетъ превзойти красотою...

— А вы охотникъ до видовъ! — сказалъ Костанжогло, вдругъ на него взглянувши строго. — Смотрите, погонитесь тамъ за видами — останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и красивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку — казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...

— Да что вы 25-лѣтній развѣ юноша? Петербургскій чиновникъ? Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь, нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двинуть, — все дѣлается само собою. Да, природа любить терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ.

— Слушая васъ, чувствуешь прибитокъ силъ. Духъ воздвигается.

— Вона земля какъ вспахана! — вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ. — Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть — глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣніе. Вы

теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣ сокровище. Онъ только безчестить Божій даръ. И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилюйте, Константинъ Федоровичъ, — говорилъ удивленный хозяинъ: — только-что прѣехали — и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, — сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

— Не выдержалъ Константинъ Федоровичъ, — сказалъ онъ: — не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этокое беспутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честной человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Федоровичѣ — что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобъ не будтыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ приучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и заиснетъ.

— Странно, — сказалъ Платоновъ, — отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и заиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія, — замѣтилъ Чичиковъ.

— Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше — выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? — Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей-Богу¹⁾! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дни начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дни сядешь на діету; ничуть не бывало: къ вечеру того же дни такъ объѣшься, что только хлопашь глазами, и языкъ не ворочается — какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ, право! И этакъ всѣ!

¹⁾ Первонач. редакц.:

— Ей-Богу! Вѣдь приходили только затѣмъ, чтобы аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенія-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другого, а отъ чего, ей-Богу, я не знаю⁴.

— Да, — сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись. — Эта исторія бываетъ.

— Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньги, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ: спустить потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные¹⁾. Нѣтъ, чего-то другого недостаетъ, а чего — и самъ не знаю.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный беспорядокъ такъ и выказывалъ отвсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посреди улицы. Все было опущено и запущено, какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого-то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушнымъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другою зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стаянными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Незавидное у васъ хозяйство, — сказалъ Чичиковъ, когда они, осмотрѣвъ, подѣхали...

Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеніемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты — очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро прѣехала гостя, какая-то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

— Такъ какая же будетъ ваша цѣна? — сказалъ Чичиковъ. — Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ.

— Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Хлобуевъ. — И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпашпортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣніе останется по судамъ. Потому-то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

— Помилуйте, какъ же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите 25 тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно.

— Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ. — За имѣніе можно всегда дать эту цѣну. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

¹⁾ Первонач. редакц.: „...и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Въонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался въ шампанскомъ“.

— Очень хорошо, согласенъ, — сказалъ Чичиковъ, испугавшись. — Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальные черезъ Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдать ломбардъ: было бы только чѣмъ

— Какъ же, право? Я ужъ не знаю, — сказалъ Чичиковъ. — У меня всего-на-всего теперь десять тысячъ, — сказалъ Чичиковъ, сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжоголо; но какъ-то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.

— Я вамъ займу 5 тысячъ, — подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ такъ! — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: — «А это, однакоже, встаетъ, что онъ даетъ займы».

Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10.000 Хлобуеву; остальные же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра; то-есть, обѣщано: предполагалось же привезти три, другія потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ отъ того дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

— Гдѣ же вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева. — Есть у васъ другая деревушка?

— Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать, не для себя, а для дѣтей: имъ нужны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать.

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учить танцовать!» — подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» — подумалъ Платоновъ.

— Однакожъ, нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, — сказалъ Хлобуевъ. — Ей, Бирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть», — подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанскимъ Хлобуевъ обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что дѣлать? — въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ остротами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлся ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, — что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Мнѣ удивительно, — сказалъ Чичиковъ, — какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?

— Средства-то есть, — сказалъ Хлобуевъ, и тутъ же выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: «Господи Боже! Какое необъятное разстояніе между знаніемъ свѣта и умѣніемъ пользоваться этимъ знаніемъ!»

Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою:

— Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ.

«Еще бы, — подумалъ Чичиковъ, — этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка, — сказалъ Хлобуевъ. — Старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однихъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подь 60, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ, — и обнесутъ. Вотъ какъ!

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія, и гдѣ проживаетъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова.

— Очего же вы не обратитесь къ ней? — сказалъ съ участіемъ Платоновъ. — Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтнитъ въ губернаторы: приплелся ей въ родню... Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, — сказалъ онъ вдругъ, обратясь къ Платонову: — на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ: и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ всѣ обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебень; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача

всѣмъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читаль онъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и — странное дѣло! почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ, — сказала Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ! — сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣнливо и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мысли были заняты не на шутку приобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но, очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенія, и мысли стали степенныя и давали невольно значительное выраженіе лицу. «Терпѣнье, трудъ! Вещь нетрудная: съ нимъ я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новостъ. Но станеть ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнья, сколько въ молодости?» Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ приобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него займы. Странная мысль! Не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ ее, но она вдругъ, сама собой, представала, дразня и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей!.. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ, — помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ, — помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и уголья, и люди, — люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакъ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько

поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, вродѣ мордашки и каплуника. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, поставился кое-какъ замаять неумѣренный порывъ восторженности; и, когда Платоновъ, принявшій кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него:

— Чего?

Онъ отвѣчалъ:

— Ничего.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рошей; милостивая березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Бѣлые стволы лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя, какъ снѣжный частоколъ, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи впуски громко щелкали изъ роши. Лѣсные тюльпаны желтели въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-за роши рѣшетка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ. Аглицкій песь, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— А вотъ и братъ, — сказалъ Платоновъ. — Бучеръ, стой!

И вышелъ изъ коляски. Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій проворный Азоръ лизнулъ проворнымъ языкомъ своимъ Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

— Помилуй, Платонъ, что это ты со мною дѣлаешь? — сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василиемъ.

— Какъ что? — равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? Три дни отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ, — говоритъ, — съ какимъ-то баринкомъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куды, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что жъ дѣлать? Позабылъ, — сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Федоровичу: онъ тебѣ кланяется, сестра — также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. — Братъ Василій! Это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ? — думалъ братъ Василій. — Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ».

И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ по виду очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василя и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

— Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился? — сказалъ озадаченный братъ Василій; и онъ чуть-было не прибавилъ: — «И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянъ, и чортъ знаетъ что!»

Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный: домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ, — съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныхъ липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтушія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывавшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсныя деревъ, бѣдѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рошѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рошу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-приятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно, и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовыя лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно слугъ не было: они были всѣ садовники, всѣ дворовые исправляли по очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоить заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ, и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ — точныя коймы турецкой шали.

— Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ, — сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точный лицець, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ приятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ.

— Нектаръ! — сказалъ онъ.

Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

— Напитокъ напитоковъ! — сказалъ Чичиковъ. — Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Федоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ — первѣйшій квасъ.

— Да вѣдь и наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела... Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать? — спросилъ братъ Василій.

— Ъду я, — сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну и наклоняясь: — не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно

сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ геморроидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращеніе людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался.

«Говорить этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда», — подумалъ онъ.

Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону:

— Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя не что другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, — и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно жъ принимать все близко къ сердцу, — сказалъ Платонъ. — Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность? — сказалъ Василій. — Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣвицынъ? — Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я — ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай — святая вещь и за него готовъ пожертвовать всѣмъ.

— Не знаетъ, потому и захватилъ, — сказалъ Платонъ: — человѣкъ новый, только что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провеста, и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, — сказалъ Чичиковъ: — скажите дѣльцо. Василій взглянулъ на него и подумалъ:

«Этой охотникъ ѣздить».

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ, — сказалъ Чичиковъ: — и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянъ: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургъ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый; мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.

— Конечно, — сказалъ Чичиковъ: — а дѣло въ чемъ? ¹⁾

¹⁾ Первонач. редакц.:

» — Конечно, — сказалъ Чичиковъ: — а дѣло въ чемъ?

— А дѣло, по настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ рассчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева

— Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да, если бы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отведъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ...

— По-моему, лучше переговориться: можетъ-быть, дѣло-то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генераль Бетрищевъ...

— Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ ¹⁾...

— ...и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ, — сказала Чичиковъ: — ибо не столько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— А, это такъ, это такъ, — сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову набокъ.

— Какъ пріятно встрѣтить единомыслье! — сказалъ Чичиковъ. — Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежомъ по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну, — чего Боже сохрани, — неприятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшилъ воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость

а у насъ, какъ нарочно, ужъ испоконъ вѣка собираются крестьяне правдывать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня — святыня.

— Стало-быть, вы готовы уступить ему другія земли?

— То-есть, если бы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хотъ на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ.

Гм! — подумалъ Чичиковъ: — оба-то, какъ я вижу, съ душкомъ⁴.

И сказалъ вслухъ:

— А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбиво. Все зависитъ отъ посредника. Письмен. (Пропускъ въ 2 стран.).

.....что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевести, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ что я бы за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя.

„Вотъ тебѣ на! — подумалъ Лѣницынъ: — это что-то престранное“. И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

— Я никакъ въ томъ не сомнѣваюся, что вы на это дѣло совершенно будете согласны, — сказалъ Чичиковъ: — потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершенно оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому.

Что тутъ дѣлать? Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъясненное, привело его къ такому быстрому осуществленью на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало-быть, казифъ убытку не можетъ быть никакого: разница въ томъ, что онѣ были бы въ однихъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо нѣ рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствию — правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: „Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы или дурачиться“. Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенія и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ прѣзатруднительномъ положеніи⁴. Далѣе какъ въ испр. ред.

¹⁾ Здѣсь въ рукописи пропускъ въ двѣ страницы.

уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыя.

«Это, однакоже, что-то такое престранное», — подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ.

— Да дѣло-то, однакоже... такого рода... — началъ онъ.

— А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ: — и притомъ между благонамѣренными людьми.

— Да все-таки, однакоже, дѣло какъ-то...

— А соблазну никакого, — отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. — Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ.

И, говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ-то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныхъ сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ.

«Экая удивительная оказія! — думалъ онъ про себя. — Прошу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!»

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно затѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ вѣрной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ приспосабочкой и наклоненіемъ головы набожь, Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: «Агу, агу, душенька», и прищелкиваньемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печати отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула жена Лѣницына: — онъ вамъ испортилъ весь фракъ!

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новѣшенькаго фрака былъ весь испорченъ.

«Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!» — подумалъ онъ въ сердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего! — говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. — Можетъ ли что испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста? — повторялъ онъ; а въ то же время думалъ:

«Да вѣдь какъ бестія, волки бѣ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!»

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— Позвольте жъ и мнѣ, въ вознагражденіе за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?..

Г Л А В А ... 1)

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Что кому требуется, тотъ то и тербитъ*, говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ, не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ-нибудь пополь-

1) Первонач. редакц.:

ГЛАВА

„Въ то время, когда Чичиковъ въ персидскомъ халатѣ изъ золотистой термамы, развѣлся на диванѣ, торговался съ завѣзшимъ контрабандистомъ-купцомъ, жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда приобрѣталъ на радзивилловской таможенѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ нумительную), — въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

— На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещичка! — При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ. — Въ лицѣ его замѣтно было разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались одни. — Знаете ли вы, какая неприятность? Отмыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять лѣтъ. Половина имѣнія отдается на монастырь, а другая — обвѣнъ воспитанникамъ пополамъ, и ничего больше, никому.

Чичиковъ оторопѣлъ.

— Но это завѣщанье — вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ.

— Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое.

— Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ первое. Это вздоръ. Это первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?

— Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья Вурмиловъ и Хавановъ.

„Худо, — подумалъ Чичиковъ: — Хавановъ, говорятъ, честенъ; Вурмиловъ — старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ“.

— Но вздоръ, вздоръ, — сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. — Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично.

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подоврѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно). Теперь укорилъ себя въ подоврѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

— Будете покойны и не заботьтесь ни о чемъ, я отправляюсь и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юриконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно.

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юриконсульту. Этотъ юриконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ нахо-

зуются: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь прїѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебели Гамбса или кареты. Что жь дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтъ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всё, со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ то же, да и мода велитъ,—изволь удержать себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ, между тѣмъ, готова была начаться другая ярмарка — собственно дворянская. Пренная была больше конная, скотомъ, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошелевъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ — эта египетская саранча, по выраженію Костанжога, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ..... удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлю внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всякихъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведеніе — какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи воксалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы не только столона-

дился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ нельзя было отрѣшиться отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакъ нельзя было возвестить явнымъ и доказаннымъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодною своею вида, замазленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность весьма хорошимъ мебелимъ красного дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозъ кисейный чехолъ, ее сохранившій, и вообще всему, что было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсультъ, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеніемъ невѣрности всего земного и далъ искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руку.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ надобродушнѣйшій человѣкъ, наизящноречивый и наипрїятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

— Позвольте, вамъ, виѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло,—вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе.

„Понимаю“, — подумалъ Чичиковъ и сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ,—точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

— Лучше всего въ это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ весьма добродушно: — будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже, если бы и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаивайтесь: нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо. — Лицо юрисконсультъ-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много...

чальники, но даже и всё канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей..... Зародилось желанье пощеголять другъ передъ другомъ лошадами и кучерами. Ужъ это столкновенье сословій для увеселенья!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадали бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатныхъ шапкахъ. Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками, все..... и съ гнилыми зубами.

— Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ! — покригивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣньемъ смотрѣли познакомленные съ Европой посред...; изрѣдка только съ чувствомъ достоинства произносили: «Шт.....», или: «здѣсь сукны зиберь, клеръ и черныя».

— Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой? — спросилъ Чичиковъ.

— Отличныя сукна, — сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку.

Чичиковъ взошелъ въ лавку. Ловко приподнял доску..... и очутился на другой сторонѣ его, спиною къ товарамъ, вознесеннымъ отъ низу до потолка, штука на штукѣ, и — лицомъ къ покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка покачиваясь на нихъ всёмъ корпусомъ, произнесъ:

— Какіихъ суконъ пожелаете?

— Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, это первая вещь, — сказалъ онъ. — Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такіа дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ, и такіа затруднительныя положенія, что отлетить всякое спокойствіе.

— Повѣрьте мнѣ, это малодушіе, — отвѣчалъ очень спокойно и добродушно философъ-юристъ. — Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь — не то чтобы оправдывать и защищать себя, — нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ...

— То-есть, чтобы...

— Спутать, спутать — и ничего больше, — отвѣчалъ философъ: — ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали бы сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ — и ничего больше. И такъ пусть пріѣзжіи петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ! — повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотреть учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

— Да, хорошо, если подберешь такіа обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза иглу, — сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философу, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

— Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрываютъ многими: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что нынѣ напрасно попадаютъ: да вѣдь имъ же оправдаться..., имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ? — Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всёхъ втяну въ свое — и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея — всёхъ запутаю. Я знаю всё ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покауда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Всѣ только ждуть, чтобы запутать. — Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ наслажденіемъ, съ какиимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконце!

И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то, — сказала Чичиковъ. — Вѣдь я служилъ на таможднѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ больше искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входить. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Европеецъ полгъзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнью, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши:

— Отличный цвѣтъ! Сукно наваринскаго дыму съ пламенемъ.

Сукно поправилось; о цвѣтѣ условились¹⁾, хотя она и «съ прификсомъ», какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое драпье обѣими руками. Заверчено оно было въ бумагу, по-русски, съ быстротой неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкую бечевку, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и все было уже въ коляскѣ. Купецъ приподымалъ картузъ. Приподымающій картузъ..... причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

— Покажите чернаго сукна, — раздался голосъ.

„Нѣтъ, этотъ человекъ, точно, мудрецъ“, — подумалъ про себя Чичиковъ, и расстался съ юрисконсультномъ въ наиприятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски, приказавъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ вѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь-въ-точь, какъ оставшей гусарскій полковникъ или самъ Вишнепокровъ. — Ловко подвернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчнмъ лицу, сіявшее изъ-подъ шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленья къ гостининому двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многие изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, пріѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась — съ красными товарами для господъ просвѣщеннаго высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

— Пожалуйте...“

1) Первонач. редакц.:

„О цвѣтѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный желу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ и на панталоны. Сдѣлавши ножницами наръзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое драпье сукна во всю его ширину, при окончаніи котораго поклонился Чичикову съ наиболѣстительнѣйшею пріятностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкую бечевку. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясицы чьей-то весьма деликатной рукой, и уши его услышали:

— Что вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?

— А, пріятнѣйше неожиданная встрѣча! — сказала Чичиковъ.

— Пріятное столкновеніе, — сказалъ голосъ того же самаго, который окружилъ его поясицу. Это былъ Вишнепокровъ. — Готовился было пройти лавку безъ вниманія, вдругъ вижу знакомое лицо — какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукно въ

— Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ, — сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо объясненіе насчетъ наслѣдства.

Но онъ уже его увидѣлъ.

— Что, это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, — сказала Чичиковъ, пожимая ему руки: — повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ. — А самъ думалъ: «Чортъ бы тебя побралъ!» И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова. — Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?

— Какъ вы? — сказалъ Муразовъ, снимая шляпу.

Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

— Да вотъ поясница, да и сонъ какъ-то все не то. Ужъ оттого ли, что мало движенія...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву:

— А я, Семень Семеновичъ, увидавши, что вы вошли въ лавку, — за вами. Мнѣ нужно кое о чемъ переговорить, такъ не хотите ли заѣхать ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же! — сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ.

«О чемъ бы у нихъ разговоры?» — подумалъ Чичиковъ.

— Аѳанасій Васильевичъ — почтенный и умный человекъ, — сказалъ купецъ: — и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негодянтъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и бюджетъ, и реакція, а иначе выйдетъ павпуризмъ.

этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... Возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?

— Совершенно такъ! — сказалъ Чичиковъ. — Зачѣмъ же трудишься, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?

— Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ, — раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ.

Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртучекъ былъ довольно протертъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ съ вами, наконецъ, поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ — все васъ нѣтъ и нѣтъ.

— Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени.

Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы отъ объясненія улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова.

— Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой! — сказалъ Чичиковъ. — Вотъ пріятное столкновеніе!

И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ:

— Аѳанасій Васильевичъ!

Хлобуевъ повторилъ:

— Аѳанасій Васильевичъ!

И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ Головы настолько, сколько могла рука, и весь подавшійся впередъ, промолвилъ:

— Аѳанасію Васильевичу наше нижайшее почтеніе!

У всѣхъ на лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ миллионщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву:

— Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побеспокоить. Если вамъ будетъ черезъ свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить.

Чичиковъ махнулъ рукой.

— Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ, — раздался позади голосъ Лѣницына.

Купецъ почтительно снялъ шляпу.

— Ахъ, Федоръ Федорычъ!

— Ради Бога, ѣдьте ко мнѣ: мнѣ нужно переговорить, — сказалъ онъ.

Чичиковъ взглянулъ — на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

— Васъ жду, Семень Семеновичъ, — сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева: — пожалуйте ко мнѣ въ комнатку.

И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣ которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши лучше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аванасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аванасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ расскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Семень Семеновичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько,

Хлобуевъ сказалъ:

— Очень хорошо, Аванасій Васильевичъ.

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

— У меня, просто, голова кружится, — сказалъ Чичиковъ. — Какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно.

— Противозаконная, однакожь, вещь, — сказалъ Вишнепокрововъ. — Капиталы не должны быть въ однихъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Идѣешь деньги, — ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.

— Это я не могу понять, — сказалъ Чичиковъ. — Десять милліоновъ — и живетъ, какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами, чортъ знаетъ, что можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья.

— Да-съ, — прибавилъ купецъ, — дѣйствительно, это непростѣтливость. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ, нѣкоторымъ образомъ, есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простого полковника нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не то, что кухарка...

— Да что говорить! Помилуйте! — сказалъ Вишнепокрововъ. — Оъ десятью милліонами чего не сдѣлать. Дайте мнѣ десять милліоновъ, — вы посмотрите, что я сдѣлаю!

„Нѣтъ, — подумалъ Чичиковъ, — ты не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ, если бы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ“.

„Да, если бы мнѣ десять милліоновъ! — подумалъ Хлобуевъ. — Я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде, — не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копейки. Э, теперь бы я не такъ...“

И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ себя внутренно:

„Точно ли бы теперь умнѣй распорядился?“

И, махнувши рукой, прибавилъ:

„Кой чортъ! Я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде“.

И, вышедши изъ лавки, отправился къ Муразову, желая знать, что объявить ему Муразовъ.

— Васъ жду...“

по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельство?

— Мои обстоятельства трудныя, — сказалъ Хлобуевъ. — Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше, — словомъ, мнѣ это невозможно.

— Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартиру, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуда не похужу¹⁾.

— И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенія, о которыхъ бы и не подумалъ человекъ, занявшись работою.

— Не могу, никуда не похужу: осовѣлъ, болить поясница.

— Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякое чему-нибудь да служить, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человекъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы, — статочное ли это дѣло?

— Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаніемъ дѣтей.

— Нѣтъ, Семень Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ въ праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семень Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ, — вѣдь и тотъ служить. Онъ ѣстъ

1) Первонач. редакц.:

„— А почему жъ вы никуда не ходите?”

— Да куда жъ мнѣ? Сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болить, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человекъ хоть и дражной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятокъ брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красносовыми да Самосвистовыми.

— Но все, извините-сь, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ идти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челнъ не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ — нельзя, чтобъ не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ; но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ.

— Повѣрьте мнѣ, Аванасій Васильевичъ, я чувствую совершенную справедливость..., но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не рожу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ. Я чувствую, что я рѣшительно бесполезное бревно. Прежде, покажѣтъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библиотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человекъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, что и въ этомъ немного толку. Нѣтъ, Аванасій Васильевичъ, никуда не похужу, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло не способенъ.

— Послушайте“

грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Ей-Богу, пробоваль, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что жъ дѣлать! остарѣль, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ — и себѣ помѣшаю, и другимъ поврежу. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думаль, пробоваль, перебираль всѣ мѣста, — вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...

— Богадѣльня тѣмъ, которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: «Поди, попляши!» Да и въ богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ, Семень Семеновичъ, — говорилъ Муразовъ, смотря ему въ лицо пристально: — вы обманываете и себя, и меня.

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо; но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семень Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хотъ и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.

— Это — другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ¹⁾. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказаль намъ быть всѣмъ на

¹⁾ Первонач. редакц.:

„— Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этижъ хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни свверенъ самому себѣ дурень, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значать у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь, — даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господинъ, отъ Котораго все зависитъ, какъ лошади и скотина домашняя слышитъ господина, имѣющаго право.

— Стало-быть, вы молитесь ватѣмъ, чтобъ вы угодить Тому, Которому молитесь, чтобъ спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если бы вы взяли за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ нието изъ людей не въ силахъ охладить.

— Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самыя тяжкіе, какіе на меня ни наложить, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю. Не мое дѣло разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что вышцется съ тѣхъ, которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь.

— А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того бы мы и не служили. Чтбъ жъ другое воѣ способности и дары, которые розные у всякаго? Вѣдь это орудія моленія нашего: то — словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя идти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство.

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

— Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у васъ было двѣсти тысячъ, такъ вы бы могли упрочить жизнь и повести отимнѣй жизнь разсчитливѣе?

— То-есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать, — займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей.

— А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ въ шиуркахъ?

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою:

— Однакожъ, послѣ этихъ онытовъ...

— Да что жъ тутъ толковать! — сказалъ Муразовъ. — Вы человѣкъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ займы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка —

свѣтъ. Что жь дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнуть ногою и наилучшій изъ друзей продать меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не.....

— Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему [такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени — для проигрыша въ карты, для пирушки съ обѣдалами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семень Семеничъ! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ — и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь — за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни — чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ. . . . Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. «Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь, — говорить, — я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ!» — говорить. — И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу — и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ

вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а расчесть и позабываете. И позволите вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнялъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю, — извините меня, Петръ Петровичъ, — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!

Хлобуевъ приадумлился; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

— Знаете ли, Петръ Петровичъ? — отдайте мнѣ на руки это — дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей; я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?

— И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибирѣ.

— Иванъ Потапычъ былъ миллионщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился — что жь дѣлать? — пошелъ въ приказники. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: „Нѣтъ, Аванасій Ивановичъ¹⁾, служу я теперь ужъ не себя, и для себя, а потому, что Богъ такъ... По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей только говорить. Вы униже меня, а потому не я отвѣчаю, а вы²⁾. — Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ униже меня.

— Аванасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою... вашъ слуга и что хотите; отдаю вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ, и говорю вамъ, что ни на что доброе не гошусь.

— Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ на васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ вотъ вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь добродѣтельнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Деньгъ не станеть, нуженъ сборъ.

¹⁾ Такъ въ рукописи.

насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ.

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки.

— Семень Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большаго ума, — такого ума, что я не знаю. Онъ не говоритъ, но ужъ если дастъ совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой приятель, что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: «Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строить, а денегъ нѣтъ: собирать нужно на церковь!» Да и захлопнулъ дверь. Я думалъ, что жъ это значить? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасеніе свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. «Ахъ, Боже мой! Да въдъ это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается, — такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А такіе люди теперь нужны». Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ

Надѣньте простую сбирку... въдъ вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что жъ тутъ чиниться? — да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ, и отправляйте съ по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословеніе и шнуровую книгу, да и съ Богомъ.

Петръ Петровичъ былъ наумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, тряситься на телѣжкѣ! А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

— Призадумались? — сказалъ Муразовъ. — Вы адѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мнѣ.

— Какую же вамъ?

— А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужики, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ. Скажу вамъ, что мужиковъ люблю оттого, можетъ-быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстаютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Чтѣ жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ — только ворами живя. Вы — человѣкъ умный, вы рассмотрите, узнаете, гдѣ дѣйствительно терпятъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и расскажете мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и лучше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе.

— Аванасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете, — сказалъ Хлобуевъ: — святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручать его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже умѣлъ прощать другимъ.

— Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, чтѣ можно-съ. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки прійдете съ большими познаними тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ никогда не столкнется съ

дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Аванасій Васильевичъ, — сказалъ Хлобуевъ, въ изумленіи смотря на него. — Я даже не вѣрю тому, что вы, точно, мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный чело-вѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ вѣтъ нечего?

— О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое по-печенье, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпра-шивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую кибитку, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, кото-рые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стѣдить. Этакимъ образомъ вѣдя, вы точно узнаете всѣхъ, кто Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся и отъ котораго; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень желалъ исполнить хоть часть; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ.

— Да что же по нашимъ силамъ? — сказалъ Муразовъ. — Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ни-чего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говорить чело-вѣкъ: «Господи, помилуй!» гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу.

лицомъ да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Го-ворю-съ вамъ это по той причинѣ, что генераль-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеій, получите такое мѣсто, гдѣ не бесполезна будетъ ваша жизнь.

— Попробую, приложу старанья, сколько хватить силъ, — сказалъ Хлобуевъ. И въ голосѣ его было замѣтно ободреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у чело-вѣка, которому свѣтитъ надежда. — Вижу, что васъ Богъ награждаетъ разумнѣемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей.

— Теперь позвольте васъ спросить, — сказалъ Муразовъ: — что жъ Чичиковъ и ка-кого рода дѣло?

— А про Чичикова я вамъ расскажу вещи неслышанныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аванасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отмысалось настоящее, гдѣ все илѣннѣе принадлежитъ воспитанникамъ.

— Что вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что премедрѣйшее дѣло! Говорятъ — Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подпи-сала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ гово-рять, и генераль-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевѣ теперь подѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аванасій Васильевичъ!

— Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха. Павелъ Ивано-вичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный чело-вѣкъ, — сказалъ Муразовъ.

— Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣвъ, чтобы напомнить, что существуетъ бли-жайшій наслѣдникъ...

„А мнѣ пусть нѣтъ всѣ передерутся, — думалъ Хлобуевъ, выходя. — Аванасій Василье-вичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученіе, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все“. Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: „Преза-гадочный для меня чело-вѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этокой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!“

А между тѣмъ“

— Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе. «Господи, благослови!» — сказали онъ внутренно и почувствовали, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально - неисходнаго положенія. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову.

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшее послѣ старухи: доносы на Чичикова на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможенѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила совершенно его. «Точно гений», сказали Чичиковъ. Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желаніе сильное посмотреть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ молодецки славно обтянуло, икры тоже; сукно обхватило всѣ малости, сообщая имъ еще ббльшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животь сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ составляетъ картину». Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обгнуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, что подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало по талии. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы, — повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ: — кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и соп амоге. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекамъ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный жилетъ давалъ тонъ манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налево — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь,

выбраниться не смѣть на русскомъ языкѣ, а расписать французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько набокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, вродѣ антраша. Вздвоннулъ комодъ и шлепнулась на землю склянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую склянку душой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше»... Какъ вдругъ въ передней — вродѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ съ шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ будто въ лицѣ его было цѣлое войско: «Приказано сей же часъ явиться къ генераль-губернатору!» Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ чтѣ: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, страшилище грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сввозъ дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко — и экипажъ. Чтѣ тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ състь и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генераль-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», — сказалъ дежурный чиповникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватить, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилося съ такой силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкапами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» — сказалъ Чичиковъ: — онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца».

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человекъ! — Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ? — спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: — женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станеть съ вами на очную ставку.

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

— Ваше сіятельство! скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнестъ, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, чтѣ можетъ выдумать послѣдній лжецъ. Вы всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое внугъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отвѣденъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько разъ: они въ армягѣ и тулупѣ,

а ты...—Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство, — вскрикнулъ Чичиковъ: — умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуха-мать!

— Врешь! — вскрикнулъ гнѣвно князь. — Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, — сказалъ Чичиковъ голосомъ — Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственные стеченія обстоятельство! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенья... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, изливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ! — сказалъ князь взшедшимъ.

— Ваше сіятельство! — кричалъ Чичиковъ и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ князя.

— Подите прочь, говорю вамъ! — сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, пока не получу милости, — говорилъ Чичиковъ, не выпуская сапогъ князя и профѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ фраккомъ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ! — говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какового чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть... — Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымилъ, а тепла не

давало, — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ герой, уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть-можетъ, достигнутыя... Бумаги, крѣпости на мертвыхъ — все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всепасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, извуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, — не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

— Спаситель мой! — сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. — Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:

— Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали ¹⁾!

1) Первонач. редакц.:

„ . . . сдѣлали?“

— Сдѣлалъ все, что свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я — дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аванасій Васильевичъ, — имущество, которое кровнымъ потомъ приобрѣлъ...

И, не въ силахъ будучи удерживать порывовъ вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленнѣ, сорвалъ съ себя власяный галстукъ и, схвативши себя рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что ни есть на свѣтѣ, вы должны проститься: вы подпала подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ — не умѣлъ въ-время остановиться. Но за что же такая страшная кара, Аванасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и потому кровавымъ потомъ добывалъ копейку. Зачѣмъ добывалъ копейку? — Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался приобрести для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ... что жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямилъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ берутъ тысячи и не то, чтобы съ казны, — небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!... Аванасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не пьянствовалъ. Я развѣ не выкупилъ?... Да вѣдь сколько трудовъ, сколько жезьзнаго терпѣнья! Да я, можно сказать, выкупилъ всякую добытую копейку страданьями, страданьями. Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что я! Вѣдь что вся жизнь моя? — Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что выработалъ, Аванасій Васильевичъ, того, что приобрѣлъ такой борьбой...

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестерпимой боли сердца и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, обь укрѣпленія которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ Муразовъ, скорбно смотря на него и качая головой. — Я все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою, и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый трудъ и для лучшей цѣли!

— Что жь дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во-время остановиться. Сатана проклятый оболстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму!.. Дворянина, Аванасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аванасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. Потомъ приобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишений!.. Шкатулка, Аванасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.

— Благодаритель, спасите, спасите! — отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги. — Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки!

— Аванасій Васильевичъ, — сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. — О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы огнемъ освѣтить другую жизнь! Спасите, благодаритель, спасите!

— Что жь могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, онъ ни за что не отступитъ.

— Благодаритель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что... я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, обнялъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ, — говорилъ старикъ Муравовъ, качая головою: — какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ! — сказалъ старикъ Муравовъ и остановился, — спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти попользовенья на эти приобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Эй, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужь пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знюбить сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству и, право, вы не пожалѣете потомъ. Забудьте этотъ шумный мѣръ и всѣ его оболотительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель или предатель.

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотогѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынною родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетою и бѣдностью

— Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!

Ударился головою въ стѣну, а рукой хватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

— Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.

— Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣнiемъ, можно сказать, кровавымъ добывалъ копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался приобрести для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ приобрести! Покривилъ, не спорю, pokrивилъ... что жъ дѣлать? Но вѣдь pokrивилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямится. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Что жъ за несчастье такое, скажите, — всякій разъ, что какъ только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушенiе въ щелки всего корабля. Вотъ подъ триста тысячъ было капитала; трехэтажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за что жъ

первоначальныхъ впечатлѣнiй, и какъ будто то, что... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-запесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

— Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ! — вскричалъ онъ: — поведу другую жизнь, поспѣваю вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!

— Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь, — сказалъ Муразовъ, держа его руку.

— Отступился бы, можетъ-быть, если бы не такой страшный урокъ, — сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: — Но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!

— Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться.

Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

— Нѣтъ, полно! — сказалъ онъ, наконецъ: — другую, другую жизнь! Пора, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться порядочнымъ. О, если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и ухватить хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселиться вдали отъ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги... А купчiя?.. — Онъ подумалъ: „Что жъ? затѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ приобретенное?.. Вольше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь приобретение это стоило трудовъ! Это я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго“. И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ у Горбожого, и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно заняться помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни. — Глупы мы, за суетой гоняемся! — сказалъ онъ, наконецъ. — Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизни, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствiе дѣйствительно въ трудѣ. Горбожого правъ. И ничего нѣтъ слаще, точно, какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе влиянiе и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству, я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумiя, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ поставленъ.

И трудолюбивая жизнь...“

такая.....? За что жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была, какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начиналъ: все потерявши, начиналъ вновь съ копейки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянія запылъ и сгнилъ въ кабацѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая копейка выработана, такъ сказать, всѣми силами души!.. Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая копейка*, какъ говоритъ пословица, *алтыннымъ гвоздемъ прибита*, и эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копейку я доставалъ, видитъ Богъ, съ такою желѣзной неутомимостью...

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волосы, обѣ укрѣпленія которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча предъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное, въ первый разъ имъ виданное. А несчастный, ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ видѣ, въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, съ окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечація человѣку.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою, и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копейки, — Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты — передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше — быть великимъ чело-вѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни; но, если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ все поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

— Аванасій Васильевичъ, — сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. — О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! Вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашить, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что неповинно я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ старикъ Муразовъ, качая головою. — Какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ!.. — сказалъ старикъ Муразовъ, и остановился. — Спасти васъ не въ моей власти, — вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти приобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей — ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы уже пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже, чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобить сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный мѣръ и всѣ его обольстительныя прихоти: пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искушитель или предатель.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!

Какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то далекое, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что.... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ:

— Правда, правда!

— И познанье людей, и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное!.. Эхъ, Павелъ Ивановичъ, зачѣмъ вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, есть еще время...

— Нѣтъ, поздно, поздно! — застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. — Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого пути, но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоченья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей дѣсь и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣй правилъ. Вижу, чувствую, Аванасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура, нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ природу, въ привычку... Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества. Говорю правду — что жъ дѣлать!

Сильно вздохнулъ старикъ...

— Павелъ Ивановичъ! У васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣть. У васъ нѣтъ любви къ добру, дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ большую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте себя только нѣсколько разъ, — потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится*, сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! Вѣдь у васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье, — и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди — безъ воли все, слабые.

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и за дѣли что-то славолубивое на дѣя ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его.

— Аванасій Васильевичъ! — сказалъ онъ твердо. — Если только вымолите мнѣ избавленіе и средства уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую жизнь: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объяденія и ширшества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи! — сказалъ обрадованный старикъ. — Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ знаетъ. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! Обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.

Чичиковъ остался одинъ.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противляційся огню, когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣхи, и восходитъ нестерпимый жаръ огня, — бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу.

«Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего....., но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но всѣ силы употреблю, чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потъ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться...»

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенія и движенія, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ударъ, если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть... Но одностворчатая дверь его нечистаго

чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвистовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная bestія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ; его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятели пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣнемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! Странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то вродѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали! — сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ станемъ работать за васъ — и ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ — и ничего больше.

— Будто? — вскрикнулъ Чичиковъ: — и я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! Еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за трудъ?

— Тридцать тысячъ. Тутъ ужъ всѣ вмѣстѣ — и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи... Шкатулка... Все это теперь запечатано, подѣ присмотромъ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно.

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ сказать нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа.

«Гмъ! — подумалъ Чичиковъ. — Понимаю — юрисконсультъ!»

Самосвистовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвистовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія брэннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ — опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ, завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковойтай строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвистовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Унаваши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ

такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку.

— Давно ты здѣсь стоишь?

— Съ утра, ваше благородіе.

— Долго до смѣны?

— Три часа, ваше благородіе.

— Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого.

— Слушаю, ваше благородіе!

И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ — самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домъ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ:

— Ступай къ..... меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.

Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвистовъ подвизался въ лицѣ война, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору даль знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику даль знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доносить, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сълъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никонимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генераль-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Калялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны быть помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики, — и цѣлая волость, не размыслив того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь

былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ.

— Пусть войдетъ, — сказалъ князь.

Старикъ взошелъ.

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень пони-
маю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетью за
этакое дѣло!

— Ваше сіятельство, — скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова, —
но вѣдь это — дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схва-
чена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ.

Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муравовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники
города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣль-
ники! — сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а
что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство,
человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго
не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое
дѣло...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы! — сказалъ князь
съ чувствомъ негодованія. — Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ
мерзавцы!

— Ваше сіятельство! Да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ?
Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ достоинства и многие очень
знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите, мнѣ, — я васъ одного
знаю за честнаго человѣка, — чтѣ у васъ за страсть защищать всякаго рода
мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, — сказалъ Муравовъ. — Кто бы ни былъ человѣкъ,
котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защи-
щать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости
и невѣдѣнія? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую
минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣре-
ньемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ! — воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный
такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муравовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, нако-
нецъ, сказалъ:

— Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! Преступленіе противъ коренныхъ государ-
ственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который,
по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ,
какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла
равная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь престу-
пленія ихъ не равны.

— Ради Бога... — сказала князь съ замѣтнымъ волненъемъ: — вы что-нибудь знаете объ этомъ? Скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ и дурныхъ и хорошихъ. Слѣдовало бы тоже принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не размотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разпросишь, какъ братъ брата, — самъ-съ все выскажетъ и даже не просить о смягченіи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видить, что не я его наказываю, а законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почти-тельно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ недаромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ сопъ амого. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражанъемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ — это было его дѣло. И труды, и старанія, и бессонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато ¹⁾...

—... хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговарятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣло изъ-за нихъ и не видать. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезуть.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аванасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что, — вы сами можете чувствовать, — всякое слово тутъ безсилно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить

¹⁾ Послѣ этого въ рукописи пропускъ.

это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, ей-Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія чело-вѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватыя чело-вѣкъ; а какъ войдешь — даже и не онъ.

— Но чтѣ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: чтѣ бы изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У чело-вѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ чело-вѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ, — такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Чтѣ жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ, — сказалъ князь въ раздумьи: — я объ этомъ подумаю, а куда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юриста.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ: — я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Соберите всѣ пожитки свои — да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ чело-вѣкъ настраиваетъ: такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей-ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покажетъ, брося все, изъ-за чего грызуть и вѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности,

какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Чтò ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣтъ, чтобы шло, какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а о своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муравовъ правъ, — сказалъ онъ: — пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина.

— Ну, любезные, — сказалъ Чичиковъ, обратившись къ нимъ милостиво: — нужно укладываться, да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ. — Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки, — сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни къ кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и недовко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагоприятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому кушцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную цѣну мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: «И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ, наконецъ, изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не началось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муравовъ, въ рогаженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генераль-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислободовъ, Красноносозъ, Самосвистозъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ не безъ волненія и безпокойства ожидали выхода генераль-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многие — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

— Уѣзжая въ Петербургъ, я почудъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не

менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль слутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чьимъ сокровеннымъ , хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное время, и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ бумагами, и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше.

Князь остановился, какъ бы ожидая отвѣта. Все стояло, потушивъ глаза въ землю. Многие были блѣдны.

— Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства.

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливейшихъ тоже смутились.

— Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще обвин..... я долженъ обратить такихъ только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на головы.....

Сдрогаганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенія душевнаго не выражало его лицо.

— Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду вамъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятіе сколько-нибудь слово *благородство*. Что тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно

хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я, съ своей стороны, могъ бы также сдѣлать..... Если они уже, дѣйствительно, любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своею личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй, по крайней мѣрѣ, и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплемennыхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣ всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался противъ....., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь къ вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва.....

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Н о с ь (стр. 5—22).

Первый набросокъ этой повѣсти относится къ концу 1832 или началу 1833 года ¹⁾ и связанъ съ тѣмъ глубокимъ интересомъ, который въ это время пробудился въ петербургскомъ обществѣ къ животному магнетизму и опытамъ нѣкоей г-жи Турчаниновой. Эта Турчанинова, какъ сообщаетъ официальный документъ, опубликованный для свѣдѣнія публики («Записка» врачей, напечатанная въ журналѣ «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» въ февраль 1832 г.), «начала магнетизировать находящуюся у нея въ услуженіи дѣвчу съ двойною цѣлю: а) чтобы вылѣчить сію послѣднюю отъ имѣющагося у ней на правой рукѣ лишая; б) чтобы посредствомъ магнетизма найти способъ лѣченія больного своего сына, одержимаго англійскою болѣзнью»; потомъ стала заниматься лѣченіемъ постороннихъ людей, которые обращались къ ней въ надеждѣ «посредствомъ ясновидящей исцѣлиться отъ разныхъ недуговъ». Очевидно, въ то же время ходили по Петербургу толки ²⁾ «о танцующихъ стульяхъ въ Коношенной улицѣ».

Въ томъ же 1833 г. «Носъ» былъ написанъ до конца и тогда же авторъ переписалъ его начало. Въ концѣ 1834 г. въ Москвѣ задумали издавать журналъ «Московский Наблюдатель» и въ немъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе другъ Гоголя М. П. Погодинъ, который пожелалъ привлечь къ Наблюдателю и Гоголя. 31 янв. 1835 г. Гоголь пишетъ Погодину: «Я получилъ твое письмо in $\frac{1}{1000}$ долю листа отъ Одоевского. Скажи нашимъ господамъ, что стораю желаніемъ привлечь свои труды къ ихнимъ. Но, ей-Богу, раньше, какъ къ 3-й книжкѣ не могу прислать имъ повѣсти. Я теперь въ такихъ хлопотахъ, что страшно и подумать. Кромѣ всего прочаго, я стараюсь, чтобы черезъ три недѣли вышло мое продолженіе «Вечеровъ»; и такъ ты посуди самъ. Но, впрочемъ, все это для нихъ же лучше: вещь, которую я напишу послѣ, все же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. *Я началъ даже для нихъ повѣсть*. Но, ей-Богу, двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, я не буду имѣть времени даже подумать объ ней ³⁾». Февраля 9 Гоголь извѣщаетъ Погодина, что онъ пишетъ для Моск. Наблюд. «особенную повѣсть» ⁴⁾. 18 марта эта повѣсть, уже подъ названіемъ «Носъ», была послана Гоголемъ въ Москву ⁵⁾, причемъ авторъ выражаетъ опасеніе

¹⁾ Тихонр. II, 566 и слѣд.

²⁾ Въ *Коммеркаксъ* Матлева магнетизму и магнетизерамъ того времени посвящено цѣлыхъ 48 стиховъ. См. изд. Губанова (М. 1898 г. стр. 131—2).

³⁾ Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, I, 333.

⁴⁾ Тамъ же, 335.

⁵⁾ Тамъ же, 338.

относительно цензуры: не привязалась бы она къ тому, что маіоръ Ковалевъ нашелъ свой «носъ» въ Казанскомъ соборѣ и предлагаетъ въ такомъ случаѣ перенести эту сцену въ церковь католическую.

Но редакторамъ «Наблюдателя» Носъ, очевидно, не понравился и напечатанъ не былъ» ¹⁾).

Въ 1836 г. началъ выходить «Современникъ» Пушкина, при дѣятельной помощи Гоголя. Пушкинъ особенно дорожилъ повѣстями Гоголя и уговорилъ его выписать «Носъ» изъ Москвы (Гоголь лѣтомъ 1835 года два раза проѣзжалъ черезъ Москву, но не взялъ своей рукописи, вѣроятно, считая ее мало достойною вниманія. 18 января 1836 г. Гоголь пишетъ Погодину: «Сдѣлай милость, пришли мнѣ моего «Носа». Мнѣ теперь онъ до крайности нуженъ. Я хочу его немного передѣлать и помѣстить въ небольшое собраніе, которое готовлю издать» ²⁾).

9 апрѣля 1836 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу: «Въ послѣднюю субботу (у Жуковского) читалъ онъ (Гоголь) намъ повѣсть объ носѣ, который пропалъ съ лица неожиданно у какого-то коллежскаго ассесора и очутился послѣ въ Казанскомъ соборѣ въ мундирѣ Министерства просвѣщенія. Уморительно смѣшно! Много настоящего humor. Коллежскій ассесоръ, встрѣтись съ носомъ своимъ, говорить ему: «Удивляюсь, что нахожу васъ здѣсь: вамъ, кажется, должно бы знать свое мѣсто» ³⁾).

Упомянутое о Казанскомъ соборѣ ясно показываетъ, что въ это время рукопись «Носа» еще не побывала въ цензурѣ, въ угоду которой онъ позднѣе замѣнилъ Казанскій соборъ не католическую церковь, а Гостинымъ дворомъ, гдѣ вовсе не бываетъ «нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ».

Въ сентябрѣ того же 1836 г. «Носъ» появился въ «Современникѣ» съ такой замѣткой Пушкина:

«Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись».

Послѣ одобренія Пушкина, Гоголю стало больше нравиться его остроумная шутка, и онъ снова передѣлалъ и распространилъ конецъ ея для собранія своихъ сочиненій 1842 г. ⁴⁾).

¹⁾ Вѣднскій VI, 595 и 607. «Одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя „Носъ“, находитъ ее... грязною“. „Московский журналъ... отказался принять въ себя повѣсть Гоголя „Носъ“ по причинѣ ея пошлости и тривіальности».

²⁾ Письма. Ред. Шенрока I, 361.

³⁾ „Остафьевскій Арх.“ III, 313—4.

⁴⁾ Въ ред. 1833 г. „Носъ“ оканчивался описаніемъ грустнаго состоянія Ковалева послѣ того, какъ носъ не присталъ къ своему мѣсту и такимъ объясненіемъ: „Впрочемъ, все, что ни описано здѣсь, видѣлось маіору во снѣ. И когда онъ проснулся, то въ такую приятель радость, что вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ зеркалу и, увидѣвши все на своихъ мѣстахъ, бросился плясать въ одной рубашкѣ“ и пр. (Тихопр., 584).

Въ ред. „Современника“ прибавлена сцена съ докторомъ, возвращеніе носа и пляска Ковалева приурочены къ 5—6 мая (въ новой передѣлкѣ къ 7 апрѣля), но еще нѣтъ бритья у Ивана Яковлевича и другихъ проявленій радости Ковалева, и новѣсть оканчивается такъ:

„Положимъ, для фантазіи законъ не писанъ, и притомъ дѣйствительно случается въ свѣтѣ много совершенно неизяснимыхъ происшествій но какъ здѣсь? Отчего носъ Ковалева?... И зачѣмъ самъ Ковалевъ? Нѣтъ, не понимаю, совсѣмъ не понимаю. Для меня это такъ необъяснимо, что я... Нѣтъ, этого нельзя понять!“ (тамъ же, 585).

П о р т р е т ь (стр. 23—61).

«Портретъ» явился въ первый разъ въ «Арабесахъ», которыя были встрѣчены критикой неблагоклонно. Вотъ что говорить объ нихъ С. Пчела 1 апрѣля 1835 г. (№ 75):

Арабески и пр. Подъ этимъ фантастическимъ заглавіемъ г. Гоголь, скрывавшійся до сего времени подъ псевдонимомъ Пасичника Рудаго Панько, издалъ два толстые тома *разныхъ сочиненій*, упоминая, между прочимъ, въ своемъ предисловіи, что если сочинение заключаетъ въ себѣ двѣ-три еще не сказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя. Такое чувство собственного достоинства и глубочайшаго уваженія къ собственнымъ сочиненіямъ служить лучшею оцѣнкою книгъ; по крайней мѣрѣ, читатель и рецензентъ, пробѣжавъ предисловіе, тотчасъ сводятъ съ авторомъ знакомство, точно такъ, если бы встрѣтившійся вамъ на улицѣ незнакомецъ, до вступленія съ вами въ разговоръ, объявилъ вамъ предварительно свой чинъ и всѣ свои титулы. — Оно и лучше! — Въ этомъ же предисловіи, которое отзывается приличнымъ достоинству сочиненія аристократическимъ, почти дидакторскимъ тономъ, авторъ говоритъ, что нѣкоторыхъ пьесъ онъ вовсе не допустилъ бы въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде. «Но, вмѣсто того, — прибавляетъ Авторъ, — чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*». Читатели вѣрно пожалуютъ вмѣстѣ съ нами, что для большей части этихъ *разныхъ сочиненій* не существовало *настоящаго*.

Въ каждой части **Арабесковъ** по девяти пьесъ. И чего тутъ нѣтъ? — и повѣсти, и мысли объ Исторіи и Географіи, и разсужденія о Среднихъ Вѣкахъ, о Брюловѣ и Пушкинѣ, объ Архитектурѣ и Живописи, о Скульптурѣ и Музыкѣ. Авторъ, повидимому, обладаетъ обширными свѣдѣніями: онъ толкуетъ обо всемъ, рѣшительно и смѣло, но, къ сожалѣнію, не всегда впадаетъ. Часто онъ дѣлаетъ жестокіе промахи противъ общихъ даже понятій о Наукахъ и Искусствахъ, противъ логики и истины, и почти всегда противъ языка и вкуса.

Но въ повѣствовательномъ родѣ дарованіе г. Гоголя обнаруживается съ выгоднѣйшей стороны. Помѣщенный во II части отрывокъ изъ Историческаго Романа и двѣ Повѣсти его: *Портретъ* и *Невскій Проспектъ* — созданія замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ. Надобно признаться, что г. Гоголь обладаетъ фантазюю игривою, прихотливою и чудною, — и нельзя не пожалѣть, что она не всегда управляется разборчивымъ вкусомъ и благородствомъ описываемыхъ предметовъ. Этого же упрекъ можно сдѣлать многимъ изъ современныхъ сочинителей Повѣстей. — Въ Повѣсти *Невскій Проспектъ* мастерски созданъ и развитъ характеръ живописца, характеръ фантастическій, достойный воображенія Гофмана. — Мы выписываемъ начало этой Повѣсти, гдѣ Авторъ сдѣлалъ удачный эскизъ главной улицы Петербурга во всякое время дня и ночи.

(Слѣдуетъ обширная выписка).

«Такимъ образомъ нарисована эта живая панорама Невскаго проспекта до поздней ночи, когда бѣдный художникъ Пискаревъ сдѣлалъ свое несчастное знакомство».

Фигуры поручика Пирогова и нѣмецкихъ ремесленниковъ, мѣдника Гофмана и сапожника Шиллера, очерчены мастерски, хотя иногда очерки эти и карикатурны. Вообще карикатуры и фарсы, всегда остроумныя и забавныя, всегда удаются г. Гоголю. Когда Шиллеръ хотѣлъ поколотить поручика Пирогова за то, что онъ волочился за его женою, — поручикъ замѣтилъ ему, что онъ офицеръ. «Что такое офицеръ?» — закричалъ нѣмецъ: — мой самъ будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ!» Это очень забавно.

Въ *Ключахъ изъ записокъ сумасшедшаго* есть также много остроумнаго, забавнаго, смѣшнаго и жалкаго. Быть и характеръ нѣкоторыхъ петербургскихъ чиновниковъ схваченъ и набросанъ живо и оригинально. — **Арабески** изданы чрезвычайно небрежно въ отношеніи къ языку, слогу, грамматикѣ и корректурѣ; давно мы не видали на Русскомъ ничего подобнаго. Почему они **Арабески**? **Арабесками** называются въ живописи и скульптурѣ фантастическія украшенія, составленныя изъ цвѣтовъ и фигуръ, изорчатыхъ и своеобразныхъ. **Арабески** родились на Востокъ, и потому въ нихъ не входятъ изображенія животныхъ и людей, которыхъ рисовать запрещено Кораномъ. Въ этомъ отношеніи, названіе книги удачно прибрано: въ ней большею частью попадаются *образы безъ лицъ*.

Очевидно, что «Портретъ» понравился рецензенту менѣе, чѣмъ «Невскій проспектъ» и «Записки сумасшедшаго».

Молодой критикъ «Телескопа» (Бѣлинскій) тоже выразилъ къ «Портрету» наименьшую степень симпатіи. Онъ говоритъ объ немъ ¹⁾:

«Портретъ» есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ; есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смѣтрѣть на него, хотя это вамъ и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ г. Гоголя: вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи, потомъ эту мать, которая привезла къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою, — и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ: въ ней совсѣмъ не видно г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работала умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Съ міромъ художниковъ, изъ котораго взята эта повѣсть, Гоголь имѣлъ близкія сношенія въ продолженіе почти всей жизни. Онъ сблизился съ нимъ еще въ 1830 г., когда посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя Академію Художествъ, а когда поселился въ Римѣ, часто цѣлыми мѣсяцами не имѣлъ другого общества, кромѣ художниковъ. Ясно, что нѣкоторая неудача произведенія, взятаго изъ этого міра, должна была серьезно смущать его, и у него рано явилось желаніе подвергнуть «Портретъ» основательной переработкѣ. Онъ принялся за нее въ концѣ 1840 г., продолжалъ въ началѣ 1841 г. и въ томъ же году окончилъ ее вчернѣ ²⁾. Онъ взялъ свои листы въ Россію, когда поѣхалъ туда печатать «Мертвыя Души». Въ Москвѣ онъ переписалъ свою черновку и, по обыкновенію, вновь покрылъ переписанное многочисленными поправками. Въ февралѣ 1842 г., всецѣло занятый судьбою «Мертвыхъ Душъ», рукопись которыхъ онъ переслалъ въ Петербургъ въ надеждѣ, что друзья проведутъ ее черезъ «узкія врата» тогдашней цензуры, онъ пишетъ въ P. S. одному изъ самыхъ надежныхъ и энергичныхъ своихъ пріятелей П. А. Плетневу, издателю «Современника»: «Будетъ ли въ «Современникѣ» мѣсто для статьи околѣ 7 печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки, — выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. -е. къ празднику? Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте ³⁾. Это письмо написано 6 февраля, но послано только 17 февраля, вотъ по какому случаю. Въ этомъ письмѣ Гоголь заявляетъ рѣшительно, что проситъ петербургскихъ своихъ друзей прекратить всякія officialныя хлопоты по его дѣлу и выслать ему рукопись обратно, приложивъ только къ ней свои дружественныя замѣчанія и указанія на недостатки. Гоголь покоряется своей судьбѣ, готовится снова терпѣть нужду и бѣдность и рукопись свою пока оставитъ не напечатанною.

Но Гоголь въ данномъ случаѣ неискрененъ: на самомъ дѣлѣ онъ и не думаетъ покоряться судьбѣ, а, напротивъ, желаетъ побудить друзей своихъ къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ, для чего и употребляетъ тотъ же приемъ, къ которому прибѣгъ Агамемнонъ въ 2-ой пѣсни Иліады. Кромѣ того, зная, какъ всѣ журналисты ищутъ его участія въ своихъ изданіяхъ и желая еще болѣе, такъ сказать, прищипорить Плетнева, онъ показываетъ ему въ перспективѣ свою статью въ семь листовъ и, чтобы эта перспектива не оставалась слиш-

¹⁾ См. 4 изд., т. I, стр. 238.

²⁾ Тихонр. II, 597.

³⁾ Письма. Ред. В. И. Шенрока II, 143.

комъ неопредѣленной, указываетъ даже на срокъ, когда «статья» можетъ быть доставлена.

Но Гоголь, написавъ письмо, очевидно, побоялся: вдругъ Плетневъ не пойметъ его хитрости, повѣритъ ему буквально и въ самомъ дѣлѣ вышлетъ рукопись обратно. Поэтому Гоголь письма 6 числа не отправилъ, а получивъ черезъ нѣсколько дней извѣщеніе, что *рукопись пропускается*, приложилъ это письмо къ письму отъ 17 февраля, чтобы показать друзьямъ, вообще, въ какомъ отчаяніи былъ онъ, а по отношеніи къ Плетневу пустить въ ходъ свою *sorta tionem benevolentiae*. 17 февраля онъ пишетъ ему: «Въ другомъ письмѣ моемъ вы начитаете просьбу о позволеніи *възхаты въ вашъ Современникъ*»¹⁾. Разумѣется, Гоголь зналъ, что его намѣреніе «възхаты» въ журналъ приведетъ редакцію въ восторгъ.

Марта 17 Гоголь пишетъ Плетневу²⁾: «Я сидѣлъ написать для «Современника» статью *во многихъ отношеніяхъ современную*, мучилъ себя, терзалъ всякій день, и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою «Портретъ», Она была напечатана въ «Арабескахъ», но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе *сдѣланныхъ еще въ Петербургъ замѣчаній*. Вы, можетъ-быть, даже увидите, что она болѣе, чѣмъ какая другая, *соотвѣтствуетъ скромному и чистому направленію* вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный, современный свѣтъ. Его цѣль другая: это — благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина».

Сильное сомнѣніе внушаетъ увѣреніе Гоголя, будто онъ дѣйствительно начиналъ для «Современника» статью, во многихъ отношеніяхъ *современную*: какъ онъ могъ заранѣе опредѣлить размѣръ этой не написанной статьи, именно *въ семь листовъ*, и какъ могъ рѣшиться задерживать книжку журнала изъ-за статьи не написанной и даже не набросанной? Никогда онъ не былъ способенъ къ такому борзописанью въ опредѣленныхъ предѣлахъ, которое и на свѣтъ у насъ явилось только къ концу XIX вѣка.

Гораздо вѣроятнѣй, что и 17 февраля Гоголь имѣлъ въ виду именно «Портретъ», который при небольшомъ форматѣ и разгонистомъ шрифтѣ «Современника» и долженъ былъ занять около 7 листовъ. Отдѣлалъ Гоголь повѣсть, вѣроятно, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду не «Современникъ», а будущее собраніе сочиненій; но теперь онъ не прочь сдѣлать Плетневу такой не безвыгодный и ему, автору, подарокъ, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, «Портретъ» въ новой предѣлкѣ соотвѣтствовалъ направленію «Современника», проповѣдовавшему, какъ выражались его непріатели, искусство для искусства (яначе: полную свободу и чистую правдивость искусства).

Въ новой редакціи «Портретъ» выигралъ со стороны послѣдовательности и стройности; но многочисленныя вставки сблизили его съ тѣми идеями объ искусствѣ, значительная часть которыхъ возобладала у Гоголя только въ послѣпушкинскую эпоху³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 147.

²⁾ Тамъ же, 155.

³⁾ Сопоставленіе художественныхъ идей „Портрета“ съ „Театральнымъ Разъѣздомъ“ и съ мыслями въ наброскахъ „Мертвыхъ Душъ“, относящихся къ 1840 г. о представленіи въ поэзіи „презрѣннаго и ничтожнаго“. См. Тихонр. II, 589 и слѣд.

Весьма интересна въ историко-литературномъ отношеніи связь «Портрета» съ «Издлініями сердца любящаго искусство монаха» (1797 г.) извѣстнаго романтика Ваккенродера, мысли котораго были у насъ популярны въ 20-хъ годахъ XIX вѣка.

Ш и н е л ь (стр. 62—82).

Первая мысль о повѣсти «Шинель» возникла у Гоголя, повидимому, въ 1834 г., когда онъ услышалъ разсказъ объ одномъ бѣдномъ чиновникѣ, большомъ любителѣ охоты, который неимовѣрными трудами и лишениями скопилъ себѣ 200 руб. на покупку хорошаго лепажескаго ружья, и когда онъ случайно лишился своей новой покупки, заболѣлъ горячкою и умеръ бы непременно, если бы не доброта его товарищей: тѣ вскладчину вознаградили его потерю. «Всѣ смѣялись анекдоту, — говорить П. В. Анненковъ¹⁾, — итѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушавъ его задумчиво и опустилъ голову».

Обдумывая будущую повѣсть, Гоголь рѣшилъ замѣнить ружье, предметъ роскоши, теплой шинелью — предметомъ первой необходимости въ холодномъ Петербургѣ, откинуть счастливую развязку, какъ случайность, и ввести въ концѣ фантастическій элементъ. А самое важное добавленіе Гоголя — сцена распеканія несчастнаго чиновника статскимъ генераломъ и ужасныя послѣдствія этого распеканія, учиненнаго вовсе не по злобѣ и жестокости, а только изъ глупаго важничанья генерала.

Повѣсть въ настоящемъ своемъ видѣ была написана Гоголемъ не сразу: онъ диктовалъ ея начало лѣтомъ 1839 года въ Мариенбадѣ, когда она называлась: *Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели*, потомъ писалъ ее начерно на клочкахъ бумаги въ 1840 г.; въ началѣ 1841 года она была, повидимому, совсѣмъ готова²⁾ и появилась въ печати въ 1842 году въ собраніи сочиненій.

Историколитературное значеніе повѣсти «Шинель» чрезвычайно важно. Если справедливо мнѣніе Ив. Кирѣевскаго, что наша литература приняла свое *филантропическое* направленіе съ Карамзина и преимущественно съ его «Бѣдной Лизы», то необходимо признать, что эта филантропія освободилась отъ фальшивой слащавости и стала вполне осмысленной именно въ творчествѣ Гоголя въ этотъ періодъ и въ особенности въ его «Шинели», отъ которой, по замѣчанію Тургенева, исходитъ вся русская литература эпохи великихъ реформъ.

К о л я с к а (стр. 83—90).

Въ 1831 г. Гоголь познакомился съ молодымъ гр. В. В. Сологубомъ, который впоследствии приобрѣлъ извѣстность, какъ романистъ и драматургъ. Вѣроятно, отъ него Гоголь слышалъ анекдотъ объ извѣстномъ гр. М. Ю. Вѣльгорскомъ, извѣстномъ своей баснословной расхлябанностью. Гр. Вѣльгорскій одинъ разъ пригласилъ къ себѣ на большой обѣдъ весь дипломатическій корпусъ, но потомъ забылъ объ этомъ и въ назначенный день самъ уѣхалъ обѣдать въ клубъ. Весьма возможно, что этотъ анекдотъ слился въ памяти Гоголя съ какимъ-то *деревенскимъ* разсказомъ о хвастунѣ-помѣщикѣ, который неудачно спрятался отъ своихъ гостей въ коляску. Изъ всего этого

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки. I Спб. 1877, стр. 189.

²⁾ Тихонр. II, 619—620.

Гоголь составилъ свою повѣсть въ 1835 году ¹⁾ для альманаха, задуманнаго почти два года назадъ Пушкинымъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ ²⁾. Получивъ въ октябрь 1835 г. въ Михайловскомъ рукопись «Коляски» или, вѣрнѣе, извѣщеніе Плетнева о томъ, что рукопись у него въ рукахъ, Пушкинъ отвѣчаетъ ему 17 октября: «Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску»: въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну: Гоголю нужны деньги ³⁾».

Альманахъ, какъ извѣстно, не состоялся, и вмѣсто него съ 1836 г. Пушкинъ сталъ издавать «Современникъ», въ первомъ № котораго «Коляска» и была напечатана.

Въ этой повѣсти - анекдотъ Гоголь въ первый разъ выводитъ на сцену новый типъ — «молодца - помѣщика, игрока, кутилы и хвастуна, типъ, который онъ ярко и глубоко разработалъ въ «историческомъ» Ноздревѣ.

Отрывокъ „Римъ“ (стр. 91—115).

Гоголь провелъ за границей въ общей сложности около 10 лѣтъ и хотя былъ почти постоянно занятъ «внутренней работой», не могъ не присматриваться къ окружающему, и свою «душеньку» и «красавицу» Италію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изучилъ превосходно. Отрывокъ «Римъ» есть единственный художественный результатъ этого изученія.

Какъ уже давно замѣчено, это начало неоконченной и даже не до конца обдуманной повѣсти имѣетъ очень большое автобиографическое значеніе. Авторъ вложилъ въ чувства и мысли молодого римскаго князя то сильное чарующее впечатлѣніе, которое произвела на него, Гоголя, Италія и въ особенности околдовавшій его *этотъ городъ*, послѣ довольно бѣлаго осмотра средней Европы и послѣ 4-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ въ самый разгаръ сезона. Гоголь настолько увлеченъ симпатичной ему задачей, что не хочетъ подумать о томъ различіи, которое должно существовать между возрѣніемъ на Римъ юноши, въ немъ родившагося и возросшаго, и иностранца, который въ первый разъ увидалъ Римъ въ пору полной умственной зрѣлости. Въ мысли того же героя Гоголь влагаетъ и свой взглядъ на внѣшній блескъ индустриальной западной цивилизаціи и на политическую жизнь Парижа при іюльской монархіи (которая, впрочемъ, и на первое время едва ли могла настолько очаровать автора «Ревизора», какъ очаровала она либеральнаго итальянскаго студента). Герой его впервые *почувствовалъ* Италію въ Генуѣ, подобно тому, какъ и Гоголь въѣхалъ въ Италію черезъ Геную же (см. его письмо къ матери отъ 16 марта 1837 г.), которая, очевидно, произвела на него сильное впечатлѣніе, но, конечно не такое сильное, какъ Римъ, скоро ставшій для него «родиной души» его.

Какъ показывается содержаніе, отрывокъ «Римъ» написанъ не въ 1837 г. (хотя, можетъ-быть, у Гоголя во время писанія и были подъ руками матеріалы, выражавшіе его первыя свѣжія впечатлѣнія), а послѣ первой зимы,

¹⁾ Тихонр. II, 621.

²⁾ Объ этомъ альманахѣ Пушкинъ пишетъ Одоевскому изъ Волдина 30 окт. 1833 г.: „Не дожидайтесь Вѣдкина (т.-е. Пушкина); не на шутку, видно, онъ покойникъ; не бываеъ ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки (псевдонимъ кн. Одоевскаго), ни на чердакѣ Панька (Гоголя). Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи...“ (изд. фонда VII, 332). Тогда альманахъ этотъ долженъ былъ называться: „Тройчатка или альманахъ въ три этажа“.

³⁾ Соч. П. А. Плетнева, III, 380.

проведенной имъ въ Римѣ (отъ 30 окт. 1838 г. до іюля 1839 г.), когда онъ видѣлъ римскій карнаваль, изучалъ римскій народъ и даже ознакомился съ итальянской литературой XVII и XVIII вѣка (см. письмо его къ Балабиной V, 314—321), или, по крайней мѣрѣ, во вторую половину этой зимы: въ немъ видно основательное и разностороннее изучение и города, и итальянской жизни. Въ началѣ слѣдующаго 1840 г. отрывокъ уже приведенъ приблизительно въ нынѣшній свой видъ (хотя и носилъ заглавіе Анунциаты) и 14 февраля прочитанъ Гоголемъ въ домѣ Аксаковыхъ (Акс., стр. 34), но не произвелъ сильнаго впечатлѣнія, вѣроятно, по сравненію съ первыми главами «Мертвыхъ Душъ». (Позднѣе Гоголь читалъ его на литературномъ вечерѣ у кн. Д. В. Голицына, но и тамъ многимъ слушателямъ онъ показался скучноватымъ (Акс., 58). Черезъ годъ Гоголь снова въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ печатать «Мертвыя Души», и попрежнему живетъ у Погодина, который сильно занятъ своимъ «Москвитяиномъ» и настойчиво проситъ Гоголя дать ему что-нибудь въ журналъ. Гоголь не можетъ не чувствовать себя обязаннымъ Погодину за его денежные услуги и даетъ ему «Римъ» (отрывокъ), который и появляется въ мартовской книжкѣ «Москвитянина».

Въ отношеніи слога и постройки «Римъ» отдѣланъ значительно хуже, нежели другія произведенія Гоголя, отдаваемые имъ въ печать; но по содержанию и описательныя и повѣствовательныя его части вполне достойны имени Гоголя: въ папскомъ Римѣ схвачены самыя рельефныя и картинныя его черты; римскій карнаваль изображенъ съ такой художественной живостью, что онъ значительно выше препрославленнаго карнавала въ «Импровизаторѣ» Андерсена. Старый князь очерченъ въ немногихъ строчкахъ съ необыкновенною полнотою, такъ же какъ и maestro di casa, а Пеппе и вся сцена въ его кварталѣ — прелесть, ничѣмъ не уступающая лучшимъ эпизодамъ въ малороссійскихъ и петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя. Бѣлинскій далъ объ «Римѣ» не особенно благопріятный отзывъ; онъ указалъ въ немъ «удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности», но упрекнулъ автора за косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на «Римъ», и нашелъ въ новой повѣсти нѣчто *недостижимое* — фразы, напоминающія своею вычурною изысканностью языкъ Марлинскаго.

Причину этого критикъ видитъ въ томъ, что, при богатствѣ современнаго содержанія, и обыкновенный талантъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнеть, а при одномъ актѣ творчества и «геній, наконецъ, начинаетъ постепенно ниспускаться».

Въ этомъ немного туманномъ отзывѣ нельзя не видѣть отраженія личныхъ взглядовъ Бѣлинскаго на дружескія связи Гоголя съ Погодинымъ и Шевыревымъ, выраженные имъ вполне откровенно въ известномъ письмѣ.

Что касается до вычурности языка, напоминающей Марлинскаго, въ отрывкѣ «Римъ» эта вычурность рѣзко замѣчается только при описаніи красоты Анунциаты. Но въ такихъ случаяхъ Гоголь склоненъ былъ вдаваться въ нее и прежде (напр., описаніе красоты полячки въ Дубно въ первой ред. «Тараса Бульбы»).

Гоголь былъ, конечно, недоволенъ этимъ отзывомъ, и въ письмѣ къ Шевыреву (1 сент. 1843) говоритъ: «Онъ (Бѣлинскій) хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій». Отвѣчая не столько Бѣлинскому, сколько кому-то другому, кто справедливо указывалъ ему на тождество взглядовъ героя и автора, Гоголь продолжаетъ: «Я бы былъ виноватъ, если бы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой имѣю я на Парижъ, потому что и я хотя могу столк-

нуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ къ отжившей. *Идея романа (sic) вовсе не была дурна*: она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно относительно живущихъ націй. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но все (таки) можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣніе производитъ строящійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность».

Изъ этихъ словъ Гоголя очевидно, что *романъ*, какъ онъ называетъ его, вовсе не былъ обдуманъ: идея, имъ высказанная, исчерпывается однимъ введеніемъ, а чтобы развить *романъ* между княземъ и Анунціатой, осторожный Гоголь долженъ былъ лучше изучить внутреннюю жизнь итальянскаго общества.

Переводъ итальянскихъ словъ и фразъ, не переведенныхъ авторомъ:
maestro di casa — дворецкій.

Dio, che cosa divina! — Боже, какая божественная вещь!

olio di ricino — касторовое масло.

Ma quest'è una cosa divina — но это божественная вещь.

Diario — дневникъ.

con onore i doveri di marito — съ честію обязанности супруга.

rag allegria — букв. дѣлать веселость.

eccellenza — сіятельство.

Р е в и з о р ь (стр. 119—180).

За три мѣсяца до послѣдней болѣзни Гоголя, 31 октября 1851 года, съ нимъ видѣлся профессоръ Московскаго университета О. М. Бодянский и записалъ въ дневникѣ своемъ ¹⁾. Гоголь при разговорѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что первую идею къ «Ревизору» его подалъ ему Пушкинъ, рассказавъ о Павлѣ Петр. Свининѣ, какъ онъ въ Бессарабіи выдавалъ себя за какого-то петербургскаго важнаго чиновника, и только зашедши уже далеко (сталъ было брать прошенія отъ колодниковъ), былъ остановленъ. «Послѣ слышалъ я, — прибавилъ онъ, — еще нѣсколько подобныхъ продѣлокъ, напр., о какомъ-то Волковѣ».

Когда у Гоголя явилась мысль обработать этотъ сюжетъ въ комедію, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ это произошло послѣ того, какъ Гоголь рѣшился покинуть идею о комедіи изъ жизни высшихъ петербургскихъ чиновниковъ «Владиміръ 3-ей степени», т. - е., послѣ 20 февраля 1833 года. 14 августа 1834 г. Гоголь пишетъ М. А. Максимовичу о своемъ вступленіи на кафедру С.-Петербургскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ его: «На театрѣ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую» ²⁾.

Въ началѣ 1835 г. въ Петербургѣ гостилъ Погодинъ, выдававшійся часто съ Гоголемъ; и потомъ черезъ «Московскій Наблюдатель» довелъ до свѣдѣнія публики: «Гоголь читалъ мнѣ отрывки изъ двухъ своихъ комедій. Одна подъ названіемъ *Комедія*, другая *Провинціальный женихъ*. Что за веселость,

1) „Р. Стар.“ 1889, IV, 133—4.

2) Письма I, 319.

что за смѣшное! Какая истина, остроуміе! Какіе чиновники на сценѣ, какіе канцелярскіе служители, помѣщики, барыни! Талантъ первоклассный!»

Нѣтъ сомнѣнія, что «Комедія» есть ничто иное, какъ «Ревизоръ» и *помѣщики* — Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій.

Лѣто 1835 года Гоголь провелъ на югѣ; будущій «Ревизоръ» лежалъ у него въ портфель и время отъ времени подвергался дополненіямъ и поправкамъ.

Въ концѣ 1835 года Гоголь былъ вынужденъ покинуть службу въ университетѣ и всецѣло отдался литературѣ и прежде всего окончательной отдѣлкѣ «Ревизора». 6 декабря онъ пишетъ Погодину: «Да здравствуетъ комедія! Одну, наконецъ, рѣшаюсь давать на театрѣ, приношу (?) переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ тебѣ въ Москву, вмѣстѣ съ просьбою предувѣдомить, кого слѣдуетъ, по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать къ нему объ этомъ и убѣдительно просить о всякомъ съ его стороны вспоможеніи, а милому Щепкину, что ему десять ролей въ одной комедіи; какую хочеть, пусть такую беретъ; даже можетъ разомъ всѣ играть. Мнѣ очень жаль, что я не приготовилъ ничего къ бенефису его. Такъ я былъ озабоченъ это время, что едва только успѣлъ третью дня окончить эту пьесу» ¹⁾.

Кн. П. А. Вяземскій 19 января 1836 г. пишетъ А. И. Тургеневу: «Вчера Гоголь читалъ намъ новую комедію «Ревизоръ»; петербургскій департаментскій шалопаи, который заѣзжаетъ въ уѣздный городъ и не имѣеть, чѣмъ выѣхать, въ то самое время, когда городничій ожидаетъ изъ Петербурга ревизора; съ испуга принимаетъ онъ подкупаетъ его взятками и прочее. Весь этотъ бытъ описанъ очень забавно, и вообще неистощимая веселость, но дѣйствія мало, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ его. Читаетъ мастерски и возбуждаетъ un feu roulant d'éclats de rire dans l'auditoire... Онъ удивительно живо и вѣрно, хотя и карикатурно описываетъ наши mœurs administratives» ²⁾.

Въ февралѣ Гоголь готовитъ «Ревизора» къ печати и въ то же время старается провести его на императорскій театрѣ. Это стоило ему огромныхъ хлопотъ и трудовъ, и если бы не успѣли заинтересовать въ пользу «Ревизора» самого государя, комедія Гоголя не увидала бы сцены, по крайней мѣрѣ, въ то время. Наконецъ, 19 апрѣля состоялось первое представленіе «Ревизора» въ присутствіи государя, наследника и массы высокопоставленныхъ лицъ. Успѣхъ былъ громкій и блестящій, но и охотниковъ бранить пьесу за ея нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество было огромное число. 24 апрѣля, Вяземскій пишетъ Тургеневу: «Ревизоръ» сыгранъ и отпечатанъ... Успѣхъ былъ блистательный и замѣчательный... Толковъ много» ³⁾. А черезъ двѣ недѣли онъ же тому же даетъ болѣе подробный отчетъ.

8 мая.

Прочти «Ревизора» и заключи, сколько толковъ раздаются о немъ. Tout le monde se pique d'être plus royaliste que le roi, и всѣ гнѣваются, что позволили играть эту пьесу, которая, впрочемъ, имѣла блистательный и полный успѣхъ на сценѣ, хотя неуспѣхъ общаго одобренія. Неимовѣрно, что за

¹⁾ Письма I, 357—8.

²⁾ Ост. Архивъ II, 285.

³⁾ Тамъ же, 316.

глупыя сужденія слышишь о ней, особенно въ высшемъ ряду общества! «Какъ будто есть такой городъ въ Россіи!» Во-первыхъ, вѣроятно, и есть, а во-вторыхъ, могъ бы быть, и для комика довольно и этой возможности. Комикъ не историкъ, не статистикъ нравовъ. Комикъ въ нѣкоторомъ отношеніи карикатурный живописецъ нравовъ, Гогартъ общества и только. «Какъ не представить хотя одного честнаго, порядочнаго человѣка? Будто ихъ нѣтъ въ Россіи!» Разумѣется, есть; но честный человѣкъ не входитъ въ объемъ плана, который расчертилъ предъ собою авторъ. Вы требуете фасада, а онъ хотѣлъ показывать вамъ одинъ уголь, чтобы тѣмъ сильнѣе сосредоточить les effets de lumière и вниманіе ваше. «D'ailleurs il y a un honnête homme dans la pièce, сказалъ я всенародно, c'est le gouvernement qui en a autorisé la représentation, car il ne se reconnaît pas dans ce tableau, admet l'existence de ces abus plus ou moins inherent à la nature humaine, les reprime quand ils parviennent à la connaissance, et la preuve en est dans le titre de la pièce «Ревизоръ», et veut en inspirer le dégoût en les immolant au ridicule et au mépris sur la scène! ¹⁾).

О томъ, какое странное, необыкновенное дѣйствіе произвелъ «Ревизоръ» при первомъ представленіи, обстоятельно и талантливо рассказалъ П. В. Анненковъ ²⁾). По его словамъ, въ четвертомъ актѣ «аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми отгѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣйствіе, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей».

Гоголь былъ сильно утомленъ хлопотами, разстроенъ нелѣпыми обвиненіями, но, конечно, былъ доволенъ блистательнымъ успѣхомъ. 29 апрѣля онъ писалъ М. С. Щепкину: «Дѣлайте, что хотите, съ моею пьескою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня... Бранять и ходить на пьесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ» ³⁾) и пр. Гоголь такъ и не поѣхалъ въ Москву ставить «Ревизора», хотя это настойчиво совѣтовалъ ему самъ Пушкинъ ⁴⁾), и 15 мая пишетъ тому же Щепкину: «Если бы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее (комедію) вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во-первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во-вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики» ⁵⁾).

Изъ этихъ критиковъ язвительнѣй другихъ былъ Ѳ. Булгаринъ, помѣстившій свой разборъ въ «С. Пчелѣ» (№№ 97—98) 30 апрѣля и 1 мая. Онъ находить, что «Канва или завязка *Ревизора* есть не новая и пустѣйшая», что городъ, изображенный Гоголемъ, «хуже Содома и Гоморры», что всѣ его жители «величайшіе плуты и дураки», что жена и дочь городничаго такія кокетки, которыя «даже и въ большихъ городахъ живутъ не во всѣхъ частяхъ

¹⁾ Т.-е. „кромя того, въ пьесѣ есть честный человѣкъ; это — правительство, доволившее представленіе, такъ какъ оно не узнаетъ себя въ этой картинѣ, допускаетъ существованіе злоупотребленій, болѣе или менѣе присущихъ человѣческой природѣ, подавляетъ ихъ, когда они доходятъ до его вѣдѣнія, и доказательство этого — заглавіе пьесы... и желаетъ внушить къ нимъ отвращеніе, принося ихъ въ жертву смѣху и презрѣнію на сценѣ“. Тамъ же, III, 317.

²⁾ Анненковъ, сочин. I, 193.

³⁾ Письма I, 368—9.

⁴⁾ Письмо отъ жены 6 мая (VII, 401).

⁵⁾ Письма I, 375.

города и не на всѣхъ улицахъ» (1). Онъ хвалитъ характеръ Осипа и послѣднюю сцену, но выражаетъ убѣжденіе, что нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, вовсе не современны, а взяты изъ давнопрошедшаго, которое несравненно лучше и грамотнѣе изображено въ Недорослѣ, Ябедѣ и пр.

„Нѣтъ, почтенный авторъ „Ревизора“,—продолжаетъ Ѳ. Б.,—позвольте вамъ доложить, что вы не знаете, какъ дѣлаются дѣла въ провинціи, а если бѣ знали, то съ *вашимъ талантомъ* вы сдѣлали бы презабавныя и, притомъ, правдоподобныя сцены изъ этой малой войны и вѣчной взаимной осторожности чиновниковъ уѣзднаго городишка...“

„Но „Ревизоръ“ нравится публикѣ, т.-е. публика смѣется и хлопаетъ. Да и вельзя не хотать! Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ карикатуръ...“

„Мы вовсе не думаемъ вооружаться противу таланта автора. Онъ, точно, писатель съ дарованіемъ, отъ котораго мы надѣемся много хорошаго, если литературный кругъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, и который имѣетъ крайнюю нужду въ талантахъ, его не *закашатъ*“.

Въ заключеніе статья Ѳ. Б. выставляетъ слѣдующіе тезисы:

- 1) Все неизмѣнное недолговѣчно.
- 2) Къ потомству доходятъ одни идеи и чувствованія.
- 3) Похвалы друзей не оцѣнка.
- 4) Аплодисменты не слава.
- 5) Rien n'est beau que le vrai.

Гоголь уѣхалъ за границу и 25 января слѣдующаго 1837 г. писалъ изъ Парижа Прокоповичу: «Скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора»? Въ моемъ письмѣ и въ письмѣ Пашенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч., и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ я на «Ревизора» плевать, а во-вторыхъ, къ чему это. Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь; я вижу черезъ каждыя три дня русскіе газеты» и т. д. Ниже онъ мечтаетъ о появленіи такой моли, которая съѣла бы всѣ экземпляры «Ревизора», «Арабесокъ» и «Вечеровъ»¹⁾.

Прокоповичъ и Пашенко были правы, а Гоголь здѣсь едва ли не въ первый разъ выказываетъ то «уничженіе паче гордости», которая такъ неприятно поразила въ «Перепискѣ» его искреннихъ друзей и поклонниковъ, да и къ «Ревизору» въ частности Гоголь не относился съ такимъ презрѣніемъ.

1 декабря 1838 г. Гоголь пишетъ Погодину изъ Рима: «Ты хочешь печатать «Ревизора». Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы немного обождать. Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго. Но если ты находишь, что второе изданіе необходимо нужно и безъ отлагательства, то располагай по своему усмотрѣнію»²⁾ и т. д.

Скромный тонъ этого письма объясняется тѣмъ, что Гоголь въ это время былъ долженъ Погодину и, конечно, зная, что, наметнувъ на это, заставить Погодина согласоваться съ его желаніемъ. *Небрежно и неосмотрительно написаннымъ* онъ прежде всего признаетъ начало IV акта, какъ указалъ на это въ «Отрывкѣ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору»³⁾. *Передѣлывать*

1) Письма I, 424—5.

2) Тамъ же, 549—550.

3) Тихонр. II, 640—645 доказалъ, что это письмо датировано 25 мая 1836 г. совершенно произвольно и что оно написано не ранѣе 1840 г.

и *поправляет* онъ думалъ по экземпляру особо напечатанному (съ широкими полями) еще въ мартѣ 1836 года; но эти поправки совершались очень медленно и далеко не были окончены къ вѣнской болѣзни Гоголя 1840 г.; 17 октября въ Римѣ онъ только мечтаетъ «собрать всѣ силы» и управиться съ этимъ *на той же недѣль* ¹⁾. Даже и 28 декабря эти поправки еще не докончены ²⁾, хотя при перепискѣ ихъ ему помогали Пановъ. Только 5 марта 1841 г. переправки и приложенія къ нимъ отправились по почтѣ въ Москву ³⁾. Переправки Погодинъ напечаталъ сперва въ своемъ Москвитинѣ, а потомъ вмѣстѣ со всѣми дополненіями — отдѣльной книжкой, какъ 2-е изданіе «Ревизора» въ іюль 1841 года.

Для третьяго изданія пьесы, вошедшаго въ IV томъ Собранія Сочиненій, Гоголь снова прошелъ съ начала до конца весь текстъ комедіи, внесъ много частныхъ поправокъ, прибавилъ эпитафю: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» и Монологъ Городничаго о шелкоперѣ бумагомаракѣ и проклятыхъ либералахъ. Эта окончательная обработка «Ревизора» происходила тогда, когда 1-й томъ «Мертвыхъ Душъ» уже вышелъ изъ печати ⁴⁾.

Предувѣдомленіе (стр. 191—192).

Въ апрѣлѣ 1846 г. въ Петербургѣ образовалось «Общество посѣщенія бѣдныхъ просителѣй», во главѣ котораго стояли нѣкоторые близкіе знакомые Гоголя. Въ октябрѣ того же года Гоголь, въ то время еще занятый печатаніемъ «Выбранныхъ мѣстъ», задумалъ устроить особый небольшой комитетъ (въ двухъ отдѣленіяхъ: петербургскомъ и московскомъ) для раздачи бѣднымъ тѣхъ денегъ, которыя должны были получиться отъ продажи двухъ одновременныхъ изданій «Ревизора» подъ такимъ заглавіемъ: *Ревизоръ съ Развязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ съ заключеніемъ*. Соч. Н. Гоголя. Изданіе четвертое (въ СПб. пятое), *пополненное, въ пользу бѣдныхъ*. Оба изданія должны были быть готовы къ бенефисамъ Щепкина и Сосницкаго, и бенефицианты должны были обратиться къ публикѣ съ предложеніемъ покупать книгу въ театральной лавкѣ или у нихъ лично. Для этихъ-то изданій было написано «Преувѣдомленіе» и послано гр. Аннѣ Мих. Вельгорской, для передачи Плетневу (См. письма Гоголя къ Шевыреву, Щепкину и Плетневу VI, 274—284). Но уже въ нач. декабря того же года Гоголь рѣшилъ приостановить благотворительныя изданія на годъ (VI, 296, ср. Тихонравовъ II, 686—9); такъ поступилъ онъ по совѣту друзей, которымъ, однакожь, продолжалъ доказывать разумность своего плана (VI, 325—6).

Развязка Ревизора (стр. 193—200).

«Развязка Ревизора» писана въ 1846 г. одновременно съ обработкой для печати «Выбранныхъ мѣстъ» и съ «Предисловіемъ ко второму изданію М. Д.»; она послана авторомъ черезъ Шевырева Щепкину 24 окт. (н. ст.), а 5 ноября (ст. ст.) разрѣшена петербургской цензурой къ печати. Но противъ

1) Письма II, 84.

2) Тамъ же, 93.

3) Тамъ же, 96.

4) Тихонр. II, 659.

«Развязки» возстали друзья Гоголя, какъ и противъ плана благотворительныхъ изданій. Слѣдуя ихъ совѣтамъ, Гоголь въ началѣ декабря отложилъ представление «Развязки» и ея печатаніе на годъ: онъ самъ сознавалъ, что *теперь* «Развязка Ревизора» въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выдти просто смѣшной сценой (письмо къ Плетневу VI, 296, ср. Тихонравовъ II, 693).

Въ концѣ 1846 г. «Развязка» ходила по Москвѣ въ рукописи и возбуждала невыгодные для Гоголя толки, какъ свидѣтельствуемъ Смирновъ въ письмѣ къ Гоголю отъ 10 декабря («Р. Старина» 1890, № 8, стр. 281); а С. Т. Аксаковъ въ письмѣ къ Гоголю отъ 9 декабря («Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» стр. 160) показалъ неловкость положенія Щепкина, себя увѣнчивающаго, и даже усумнился въ искренности Гоголевыхъ объясненій «Ревизора» («Неужели вы не видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ [къ дѣйствующимъ лицамъ], какъ горохъ къ стѣбѣ, что названіе Хлестакова свѣтскою совѣстью не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова есть случайность?» и т. д.).

Но «Развязка» не пролежала 10 лѣтъ «подъ спудомъ», какъ думалъ Н. С. Тихонравовъ (II, 694). Приѣхавъ во Франкфуртъ въ началѣ лѣта 1847 г., Гоголь получилъ тамъ извѣстное письмо М. С. Щепкина (отъ 22 мая), горячо протестующее противъ аллегоризаціи дѣйствующихъ лицъ «Ревизора»¹⁾, и, очевидно, подъ его вліяніемъ, принялся за передѣлку «Развязки». 10 іюля онъ пишетъ Плетневу: «Хочу послать къ тебѣ также (т.-е. вмѣстѣ съ рукописью будущей «Авторской исповѣди») передѣланную «Развязку Ревизора», которая вышла теперь, кажется, ловче» (изд. Кулиша VI, 412).

Повидимому, Гоголь своего намѣренія не исполнилъ: 24 августа уже изъ Остенде онъ пишетъ Плетневу, что оставляетъ всѣ свои литературные планы до возвращенія изъ Іерусалима (тамъ же, 417), и «Развязка» явилась въ печати въ 1856 г. по рукописи, процenzурованной 5 дек. 1846 г.

Комментаріемъ къ ней можетъ служить вышеуказанное письмо Гоголя къ Щепкину въ окт. 1840 г., о томъ, какъ надо играть ее:

«Что же касается до прилагаемой при семъ «Развязки Ревизора», которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ «Ревизора», то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать (sic) актерамъ, вчитайтесь въ нее хорошенько сами, войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова... Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольгу строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ, потому что это споръ и споръ живой, а не нравоченіе. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича, но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ (т.-е. чѣмъ) въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Николай Николаевичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ; Петръ Петровичъ съ нѣкоторымъ заливомъ. Вообще было бы хорошо, если бы каждый изъ актеровъ держался, сверхъ того, еще какого-нибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто; онъ долженъ скопировать того, котораго онъ знаетъ говорящаго лучше всѣхъ по-русски. Хорошо бы, если бы онъ могъ нѣсколько придерживаться американца Толстого. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ

¹⁾ Щепкинъ, между прочимъ, писалъ: „Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти: я не хочу этой передѣлки. Это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я взрѣс и почти состарѣлся“ и т. д. (См. М. С. Щепкина, Записки и Письма. Москва, 1864 г., стр. 190–191).

другого, придерживаясь Ник. Филипповича Павлова, потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взялъ съ Мих. Ник. (рп. Ник. Мих.) Загоскина. Вамъ же вотъ замѣчаніе: старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣе, какъ бы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ расчувствоваться! Вы раскнылаетесь и выйдете у васъ чортъ знаетъ что. Лучше старайтесь такъ произнести слова, самыя близкія къ вашему собственному состоянію душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать; впечатлѣніе будетъ оттого нѣсколько разъ сильнѣе... (VI, 276).

Но какъ сказано выше, М. С. Щепкина очень непріятно поразила перспектива поставить въ свой бенефисъ пьесу, гдѣ товарищи будутъ его увѣчивать за добродѣтель и гдѣ онъ будетъ объяснять публикѣ, что чиновники «Ревизора» не чиновники, а наши страсти и Хлестаковъ — свѣтская совѣсть. 22 мая 1847 г. онъ писалъ Гоголю, что онъ «такъ много видѣлъ знакомага... и такъ свылся съ городничими, Бобчинскимъ и Добчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще это было бы дѣйствіе безсовѣстное... нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую! Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ».

И Щепкинъ не уступилъ даже Держиморды, а заставилъ Гоголя передѣлать «Развязку»

Къ великому сожалѣнію, эта передѣлка, повидимому, пропала безслѣдно.

Женитьба (стр. 207—246).

20 февраля 1833 года Гоголь писалъ Погодину: «Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ и ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на-дняхъ началъ составлять; уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени» и сколько злости, смѣха и соли! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играть: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу невовченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ *выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже кварталный не могъ обидѣться*. Но что комедія безъ правды и злости»¹⁾!

Несмотря на явное нежеланіе приниматься за такъ называемую *легкую комедію*, Гоголь, однакоже, сравнительно скоро (уже въ 1833 г.) выдумалъ таковой сюжетъ и началъ писать комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: *Женити*. Дѣло въ ней происходитъ въ деревнѣ; мелкопомѣстная дворянка Авдотья Гавриловна, очевидно, перезрѣлая дѣва, хорошая хозяйка, но грубая и рѣзкая, желая выдти замужъ, посылаетъ свою приживалку Марю (или Феклу;

¹⁾ Письма. Ред. В. И. Шенрока I, 245.

путаница въ самомъ текстѣ) Ѳоминишну поискать жениховъ (конечно, изъ дворянъ) на ярмаркѣ; та нашла «штуку шесть» и въ томъ числѣ Яичницу, Онучкина и Жевакина ¹⁾); между первымъ и послѣднимъ происходитъ грубая ссора. Въ началѣ 1835 г. Гоголь уже читалъ М. П. Погодину, прїѣзжавшему на время въ Петербургъ, свою комедію подъ названіемъ «Провинціальный женихъ» и привелъ его въ восторгъ ея веселостію ²⁾). Лѣтомъ, уѣзжая отдохнуть на югъ, Гоголь взялъ ее съ собою, поправлялъ и продолжалъ ее и въ августѣ, проѣзжая черезъ Москву, читалъ ее въ домѣ Погодина въ присутствіи многихъ приглашенныхъ. С. Т. Аксаковъ рассказываетъ, что онъ, къ сожалѣнію, не могъ слышать этого чтенія; но «Константинъ мой былъ тамъ. Гоголь до того мастерски читалъ, или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе понимавшіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія далеко не такъ полна, цѣльна и далеко не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора... Служители до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно; но увы! Комедія не была понята! большая часть говорила, что пьеса *нестественный фарсъ*, но, что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ ³⁾»).

Очевидно, не совсѣмъ довольный результатомъ своего чтенія, Гоголь увезъ комедію въ Петербургъ и работалъ надъ нею урывками во время отдѣлки «Ревизора», и особенно послѣ постановки его.

Въ это время комедія называется то «Женихи», то «Женитьба». Дѣйствіе въ ней перенесено уже въ Петербургъ; невѣста оказывается купеческой дочкой; жениховъ отыскиваетъ настоящая сваха, а на первый планъ выдвигается между женихами нерышительный и безхарактерный Подколесинъ съ своимъ слишкомъ энергичнымъ пріятелемъ Кочкаревымъ.

29 апрѣля 1836 г. Гоголь пишетъ М. С. Щепкинѣ: «Комедію мою, читанную мною вамъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь переделалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее навначую такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ здѣсь и въ Москвѣ, что, кажется, случается въ одно время года. Стало-быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу ⁴⁾». Но когда черезъ мѣсяцъ Щепкинъ попросилъ «Женитьбу» у Сосницкаго, оказалось, что Гоголь опять-таки оказался недоволенъ ею и взялъ ее съ собою для переделки ⁵⁾. Но за границей Гоголь всецѣло погрузился въ созданіе «Мертвыхъ Душъ», и она долго пролежала почти безъ движенія въ его портфель; даже въ январѣ 1840 г. ⁶⁾ въ письмѣ къ Жуковскому Гоголь называетъ комедію «Женихи» своимъ *незрѣлымъ твореніемъ* и выражаетъ сильное нежеланіе пускать ее въ этомъ видѣ въ публику. Только въ концѣ этого года Гоголь переработалъ комедію и переписалъ ее отчасти самъ, отчасти рукою Панова, и, по своему обыкновенію, *послѣ этого* подвергъ текстъ окончательной отчисткѣ. Въ февралѣ 1841 г. Погодинъ объявилъ въ «Москвитинѣ», что «комедія *Женихъ* въ двухъ дѣйствіяхъ давно готова»; но на самомъ дѣлѣ она въ это время еще исправлялась; привезена была въ Россію на зиму

1) См. 6 томъ 10 изд. стр. 7—20.

2) Варуковъ, „Жизнь и Труды“ Погодина, Спб. 1891, IV, 267—8.

3) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. Р. Арх. 1890 г. II, приложение стр. 9—10.

4) Письма. Ред. В. И. Шенрока I, 369.

5) Н. С. Тихомировъ (II, 696) не безъ основанія полагаетъ, что онъ даже оставилъ ее въ числѣ другихъ рукописей въ Петербургѣ и выписалъ ее позднѣе.

6) Письма II, 27—28.

1841—2 года и здѣсь переписана писцомъ; этотъ текстъ данъ былъ Щепкину для постановки на сцену и переданъ Прокоповичу для печатанія.

Насколько внимательно относился Гоголь къ своей комедіи, всего яснѣе видно изъ его письма къ Прокоповичу отъ 14—26 ноября 1842 г. ¹⁾, гдѣ онъ говоритъ:

«Въ Женитьбѣ, я вспомнилъ, вѣрталась важная ошибка, сдѣланная отчасти писцомъ: Кочгаревъ говорить, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говорить о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ»:

«Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу? Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ей-Богу! «Вотъ тебѣ, — говорить, — твоя прибавка; отвяжись сатана!», и проч. и проч.

Если ужъ набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать.

Къ счастью, поправка Гоголя пришла во время и перепечатывать страницы не оказалось надобности ²⁾.

Итакъ, поздней осенью 1842 года «Женитьба» была напечатана въ IV томѣ Собранія сочиненій Гоголя; а 5 февраля 1843 г. появилась, наконецъ, на сценѣ, и съ тѣхъ поръ она уже не сходить съ нея.

Въ томъ же письмѣ отъ 14—26 ноября 1842 г. къ Прокоповичу Гоголь настойчиво требуетъ, чтобы на заглавномъ листѣ къ «Женитьбѣ» стоялъ такой полный титулъ:

«Женитьба».

Совершенно невѣроятное событіе,
въ двухъ дѣйствіяхъ.

Этотъ титулъ въ значительной степени соответствуетъ той характеристикѣ, которую дали пьесѣ московскіе слушатели 1835 года, назвавшіе ее *неестественнымъ фарсомъ*.

Дѣйствительно, нельзя считать естественнымъ и вѣроятнымъ, чтобы вѣлый и нерѣшительный человекъ, познакомившись съ дѣвушкой утромъ, въ серединѣ дня сдѣлалъ ей рѣшительное предложеніе, къ вечеру явился вѣнчаться, а черезъ пять минутъ раздумья выпрыгнулъ въ окно, спасаясь отъ женитьбы, которую такъ недавно считалъ величайшимъ счастьемъ въ жизни.

Но всѣ лица, дѣйствующія въ этомъ «невѣроятномъ событіи», вполне естественны, и всѣ чувства и рѣчи ихъ, при крайней своей комичности, кажутся взятыми прямо изъ жизни тѣхъ мелкихъ людей, которыми набиты города и дома небогатыхъ помѣщиковъ. Подколесинъ, который, внѣ своей чиновничьей должности, только и умѣетъ, что лежать на диванѣ и сосать трубку, который ровно ничего не понимаетъ въ самыхъ простыхъ житейскихъ вопросахъ и всегда идетъ у кого-нибудь на привязи; безцѣльно-суетливый и неумѣстно-рѣшительный, наглый, хотя и невинный лгунъ Кочгаревъ; до безсовѣстности положительный и практичный Яичница; любитель французскаго языка, самъ незнающій ни слова по-французски Анучкинъ, глухой болтунъ Жевакинъ, двѣ старухи съ своими дикими понятіями объ отношеніяхъ сословій, невѣста — такая же безцвѣтная и безхарактерная, какъ Подколесинъ, —

¹⁾ То же, 235—6.

²⁾ Но въ текстахъ, переписанныхъ для императорскихъ театровъ, этотъ недосмотръ остался. Тихонр. II, 705.

что же во всѣхъ нихъ неестественнаго и невѣроятнаго? Это не только живые люди, но именно русскіе люди, многимъ зрителямъ и читателямъ напоминающіе ихъ близкихъ знакомыхъ, только взятыхъ съ отрицательной и смѣшной стороны. Гоголь какъ будто сумѣлъ извлечь сокъ изъ всей житейской пошлости и представить его въ нѣсколькихъ остроумно-связанныхъ сценахъ, поддерживающихъ напряженное вниманіе и возбуждающихъ неумолкаемый смѣхъ при мало-мальски порядочномъ исполненіи.

И г р о к и (стр. 247—271).

«Игроки» набросаны Гоголемъ въ Петербургѣ, до его отъѣзда за границу въ 1836 г., но когда именно, мы не знаемъ; отдѣланы же они и переписаны самимъ Гоголемъ въ концѣ лѣта 1842 г. для перваго Собранія сочиненій Гоголя. ^{29 авг.}_{10 сент.} Гоголь пишетъ изъ Гастейна своему издателю Н. Я. Прокоповичу (Письма, изд. Е. В. Пѣтухова, Кіевъ 1895, стр. 37): «Посылаемую нынѣ (песю) «Игроки» въ силу собралъ. Черновые листы такъ были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать». Часть этихъ черновыхъ листовъ дошла до насъ (см. Тихонравовъ II, 711 и слѣд.); изъ нихъ видно, что набросокъ былъ хорошо обдуманъ и близокъ къ окончательной редакціи. Какъ тщательно подбиралъ авторъ игрецкія выраженія для этой пьески, видно изъ его письма къ тому же Прокоповичу отъ $\frac{1}{8}$ ноября, гдѣ онъ настаиваетъ, чтобы въ роль Утѣшительнаго были внесены слова: «Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска».

Насколько намъ извѣстно изъ біографіи Гоголя, онъ самъ въ карты не игралъ и въ компаніи игроковъ не бывалъ; откуда же у него знаніе этого оригинальнаго быта и самый сюжетъ?

Позволяемъ себѣ сдѣлать предположеніе, что въ основѣ пьесы тоже лежить анекдотъ, слышанный Гоголемъ если не отъ самого Пушкина, то отъ кого-нибудь изъ его пріятелей, между которыми были игроки завятыя, вѣроятно, не разъ пострадавшіе отъ шуллеровъ. Заинтересовавшись сюжетомъ и средою, Гоголь сталъ собирать и подходящіе анекдоты и выраженія. Но два послѣдніе превосходные монолога Ихарева, который является шуллеромъ не по необходимости, а изъ безчестнаго баловства — у него два имѣнія и словечки вродѣ: — «Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо — ничего не дѣлаетъ» — очевидно, вполне его созданіе.

Утро дѣловаго человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ (стр. 272—294).

Всѣ эти 4 пьесы суть обломки отъ задуманной Гоголемъ въ самомъ началѣ 30 годовъ пьесы — «Владиміръ 3-й степени». Гоголь еще до поступленія въ Гимназію высшихъ наукъ былъ заинтересованъ театромъ въ Кишинцахъ у Трощинскаго. Въ Нѣжинѣ онъ отдавался школьнымъ спектаклямъ со страстію, какой было трудно ожидать отъ его сдержаннаго характера. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ, какъ извѣстно, самъ пытался поступить на сцену. Послѣ успѣха своихъ «Вечеровъ», Гоголь начинаетъ мечтать о созданіи комедіи. Въ началѣ лѣта 1832 г., едва познакомившись съ С. Т. Аксаковымъ, онъ ведетъ съ нимъ серьезный разговоръ на тему объ истинномъ комизмѣ и старается приобрѣсти связи въ театральномъ мірѣ. Въ то же приблизительно

время онъ начинаетъ собирать въ записную книжку мѣткія или подходящія для задуманной имъ пьесы выраженія и мысли и наблюденія о постройкѣ комедіи (Тихонравовъ II, 734 и слѣд.). 8 декабря того же года Плетневъ сообщаетъ Жуковскому: «У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю отъ него въ этомъ родѣ необыкновеннаго совершенства». Нѣтъ сомнѣнія, что о будущей комедіи Плетневъ знаетъ отъ самого автора. Черезъ два съ половиною мѣсяца (20 февраля 1833 г.) Гоголь пишетъ Погодину: «Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, *но до сихъ поръ я ничего не написалъ...* Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написано на бѣлой толстой тетради: *Владиміръ 3-й степени и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился*, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играть? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она, какъ душа безъ тѣла... Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже кварталный не могъ бы обидѣться. *Но что за комедія безъ правды и злости?»*

Очевидно, что слова Гоголя: *я до сихъ поръ ничего не написалъ* надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ не могъ *окончить* своей комедіи, а не въ томъ, что онъ не написалъ изъ нея ни одной строчки: въ «бѣлой толстой тетради» былъ уже *начисто* написанъ рядъ сценъ съ опредѣленнымъ сюжетомъ съ массой *злости, смѣху, соли*, но *вдругъ* авторъ натолкнулся на такія мѣста, которыя при окончательной отдѣлкѣ оказались совершенно нецензурными. Строгость театральнoй цензуры того времени — одна причина приoстановки работы и, безъ сомнѣнія, важнѣйшая; но не малую роль играла и другая, о которой, конечно, со словъ самого Гоголя, сообщаетъ Плетневъ Жуковскому 11 марта 1833 г.: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ». Н. С. Тихонравовъ (II, 735 и слѣд.) совершенно справедливо видитъ въ этомъ непривычку «автора къ установленію твердаго и удобоисполнимаго плана драматическаго произведенія», но «Женитба» и «Ревизоръ» показываютъ, что при напряженіи Гоголь сумѣлъ бы справиться съ этимъ препятствіемъ: первое же при сюжетѣ изъ высшихъ петербургскихъ сферъ было неодолимо.

Однако, въ мартѣ 1833 г. судьба «Владиміра», повидимому, не была еще рѣшена безвозвратно. 30 октября того же года Пушкинъ пишетъ кн. Одоевскому: «кланяюсь Гоголю. *Что его комедія, въ ней же есть закорючка?»* Изъ этихъ словъ Пушкина, а также изъ его упоминанія украшеній квартиры Александра Ив. (читай: Ивана или Павла Петровича) въ письмѣ къ Плетневу отъ осени 1835 г. слѣдуетъ заключить, что въ кружкѣ близкихъ къ Гоголю людей были прочитаны написанныя сцены и шли толки о томъ, какъ бы довести до конца такъ удачно начатую пьесу. Но *закорючка* осталась въ своей силѣ, и пьеса окончена не была, только поправившаяся Пушкину сцена 1 дѣйствія нашла въ 1836 г. пріютъ въ его «Современникѣ» (I, 227—241). Вѣроятно, немного позднѣе *бѣлая толстая тетрадь* съ началомъ комедіи была «истреблена» авторомъ и, какъ доказалъ Тихонравовъ (II, 736 и слѣд.), только отдѣльные листочки изъ нея пошли въ дѣло.

«Утро дѣловаго человѣка» (Гоголь, посылая эти сцены Пушкину, называетъ ихъ «Утро чиновника»; заглавіе, какъ предполагаетъ Тихонравовъ,

измѣнено цензурою), судя по заглавію комедіи: *Владиміръ 3-й степени*¹⁾ и по послѣднимъ словамъ V сцены, должно было служить завязкой комедіи.

«Тяжба» или, точнѣе, III сцена ея, составляла одну изъ важнѣйшихъ сценъ 1 дѣйствія; Пролетовъ въ ней — Александръ Ивановичъ «Утра»; Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ — родной братъ Павла (Ивана въ «Утрѣ») Петровича Бурдюкова (Барсукова въ «Утрѣ») и генеральши Марьи Петровны Повалищевой, которая дѣйствуетъ въ «Отрывкѣ». Процессъ, который Бурдюковъ затѣваетъ противъ брата, даетъ возможность Александру Ивановичу устроить крупную неприятность Ивану (Павлу) Петровичу и помѣшать полученію ордена.

«Тяжба» получила окончательную отдѣлку, какъ самостоятельное цѣлое, въ началѣ 1840 г. въ Москвѣ: въ мартѣ этого года Гоголь неожиданно порадовалъ Аксаковыхъ, прочтя у нихъ при гостяхъ эту высококомическую пьеску (Кулишъ I, 253; Акс., 34).

Есть основаніе думать, что приблизительно къ тому же времени относится и отдѣлка «Лакейской» (Гоголь въ этотъ періодъ былъ очень бодръ и много работалъ. См. Акс., стр. 33), которая развилась въ рядъ сценъ изъ незначительнаго эпизода «Владиміра 3-й степени»: изъ разговора Лаврентія (въ «Лакейской» — дворецкій Лаврентій) съ Аннушкой (см. Тихонр. II, 739 и слѣд.). Нѣсколько сценъ комедіи должны были происходить въ передней Ивана Петровича Барсукова, гдѣ является какой-то весельчакъ дурного тона Каплуновъ (нѣчто вродѣ Ноздрева по манерамъ и рѣчи), подчиненный Барсукову Закаитищевъ (Собачкинъ «Отрывка»), узнавшій «о сюрпризѣ, который готовитъ ему родной братецъ», и какой-то несчастный чиновникъ Петрушевичъ, повидимому, лишившійся мѣста. Ивана Петровича нѣтъ дома: онъ у своей сестры Марьи Петровны.

Переделывая изъ этого матеріала *бытовья* сцены: «Лакейская», Гоголь исключилъ Каплунова и пр., переднюю чиновника, у котораго только одинъ лакей Лаврентій, перенесъ въ большой барскій домъ, гдѣ прислуги «десять человекъ» (разумѣется, ничего не дѣлающихъ), Ивана Петровича назвалъ Федоромъ Федоровичемъ, вывелъ на сцену «чужого лакея» и всѣхъ посѣтителей замѣнилъ «господиномъ въ шубѣ».

Въ противоположность «Лакейской», «Отрывокъ» составлялъ весьма важную часть въ планѣ ненаписанной комедіи. Петербургская генеральша Марья Петровна, сестра Барсуковыхъ, идеаль пустоголовой и безсердечной свѣтской барыни [столичной Коробочки, о которой впоследствии вздыхалъ Гоголь («Мертвыя души» гл. III),] жаждетъ своего почти 30-лѣтняго сына, прекрасно идущаго по гражданской службѣ, запрягать въ гвардейскіе юнкера, вследствие ехидной выходки свѣтской знакомой противъ штатскихъ, и женить на идіоткѣ княжнѣ Шапеховстовой; а такъ какъ сынъ ея оказывается влюбленнымъ въ небогатую и незнатную дѣвушку, то, не задумываясь, прибѣгаетъ къ шантажу и безчестной помощи явнаго негодяя Собачкина. Какъ эта интрига переплеталась съ хлопотами брата генеральши объ орденѣ, мы не знаемъ; при дальнѣйшей работѣ Гоголя и Марья Петровна, и Миша, и Собачкинъ, безъ сомнѣнія, приблизились бы къ *правдѣ*; но въ настоящемъ видѣ правда этой второй завязки комедіи слишкомъ перевѣшивается *злостью*.

Самого автора, однакоже, эти сцены очень занимали. Онъ обрабатывалъ ихъ въ Вѣнѣ въ 1840 г. (Тихонр. I, 637 и 639), возвращался къ нимъ

1) Это тотъ орденъ *на шею*, о которомъ Ив. Петровичъ проситъ похлопотать Александра Ивановича (сцена IV).

въ 1841 г. и потомъ вновь отдѣлывалъ въ началѣ 1842 г. (Тихонр. II, 755) и, наконецъ, безъ сомнѣнiя, пересмотрѣлъ ихъ передъ печатанiемъ въ Собрании сочиненiй. $\frac{10}{22}$ октября 1842 г. онъ извѣщаетъ Прокоповича изъ Рима, что для мелкихъ драматическихъ произведенiй долженъ быть установленъ такой порядокъ: «Игроки», «Утро дѣловаго человека», «Тяжба», *Сцена изъ свѣтской жизни*, «Театральный разѣздъ» (изд. Пѣтухова, стр. 39). Въ слѣдующемъ письмѣ отъ ноября $\frac{14}{26}$ Гоголь пишетъ Прокоповичу: «Насчетъ намѣренiя твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ» я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названiе было выставлено такъ только, въ ожиданiи другого (тамъ же, стр. 40).

Очень интересна тирада Миши относительно того пошлаго значенiя, какое придають слову *либералъ* глупые и злобные старички, которую, по справедливому предположенiю Тихонравова (II, 755; стр. 772—3), выкинуть цензоръ; къ сожалѣнiю, мы не знаемъ, въ какомъ въ точности видѣ была она предназначена къ печати.

Театральный разѣздъ (стр. 295—318).

Разнообразные толки и въ публикѣ и въ печати, возбужденные первыми представленiями «Ревизора», сильно подѣйствовали на молодого автора и зародили въ немъ желанiе «объясниться» съ современниками и потомствомъ. Скоро послѣ 19 апрѣля 1836 года Гоголь началъ писать такое объясненiе (Тихонр. II, 790—792); въ немъ онъ съ глубокимъ убѣжденiемъ защищалъ общественную комедiю, указывалъ на благотѣльное влiянiе чистаго, «свѣтлаго, излетающаго изъ ясной душевной глубины» смѣха и доказывалъ высокое значенiе театра; здѣсь же онъ высказывалъ свою грусть по поводу слышанныхъ имъ отзывовъ о пьесѣ¹⁾, благодарилъ высшую власть, оказавшую ей покровительство, и заявлялъ о своемъ намѣренiи надолго удалиться изъ Россiи.

Уже съ конца апрѣля стали появляться печатные отзывы о «Ревизорѣ», болѣею частiю неблагопрiятные, хотя и признающiе выдающiйся талантъ автора и «смѣхотворность» пьесы. Булгаринъ и Сенковский, очень влiятельные въ то время въ большой публикѣ рецензенты, упрекали «Ревизора» въ неблагопрiятности, въ карикатурности, въ отсутствii идеи и порядочныхъ людей, называли его фарсомъ, въ основу котораго положенъ избитый анекдотъ, выдуманный даже не въ Россiи (Сенковский), называли его *клеветой* на Россiю (Булгаринъ). Критиковъ раздражало то уваженiе, съ которымъ отнесся къ «Ревизору» Пушкинскiй Кружокъ, и они спѣшили предохранить молодой талантъ отъ той опасности, которая будто бы угрожала ему отъ друзей, способныхъ погубить его незаслуженными похвалами.

Помимо этого до Гоголя доходили вѣсти, что иные весьма значительные люди считали его пьесу революционною и грозили ему Сибирью; а съ другой стороны онъ зналъ, что среди большой публики «Ревизоръ» имѣеть огромный успѣхъ, несмотря на неблагопрiятное время года.

¹⁾ Вотъ отзывъ, по первому впечатлѣнiю, важнаго театрального чиновника (Храповичкаго), до Гоголя, конечно, не дошедшiй, но типично представлявшiй мнѣнiе многихъ высокопоставленныхъ лицъ: «19 апрѣля въ первый разъ шель „Ревизоръ“, оригинальная комедiя въ 5 дѣйствiяхъ, соч. Н. Гоголя. Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ внезапно изволили присутствовать и были чрезвычайно довольны, хотѣли отъ всей души. *Пьеса чрезвычайно забавна. Только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество*».

Всѣ эти обстоятельства побудили Гоголя придать своему «объясненію» драматическую форму, т. е. начать и закончить имъ рядъ сценъ при выходѣ публики изъ театра. Но онъ слишкомъ усталъ и торопился за границу, и задуманное имъ осталось въ наброскахъ, къ которымъ, однакоже, онъ возвратился немедленно, какъ только задумалъ издать Собрание своихъ сочиненій. Онъ продолжаетъ работу надъ «Разъѣздомъ» въ очень тяжелое для него время: въ концѣ 1841 г. и началѣ 1842 г., когда проводилъ черезъ цензуру и печаталъ 1 часть «Мертвыхъ Душъ» (Тихонр. II, 799).

¹⁵/₃₇ іюля 1842 г. Гоголь пишетъ своему издателю Прокоповичу изъ Гастейна, что ему «многое нужно переправить, особливо въ *Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія новой пьесы*. Она (sic) написана сгоряча, скоро послѣ представленія «Ревизора», и потому немножко нескромна по отношенію къ автору. Ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой пьесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу не намелать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю «Ревизора».

Черезъ полтора мѣсяца ^{29 авг.}/_{10 сент.} Гоголь пишетъ тому же оттуда же: «Богѣе всего хлопотъ было мнѣ съ *остальной* пьесой: «Театральнѣй разъѣздъ». Въ ней столько нужно было передѣлывать, что, клянусь, легче бы мнѣ написать двѣ новыхъ. Но она заключительная статья всего Собрания сочиненій, и потому очень важна и требовала тщательной отдѣлки. Я очень радъ, что не трогалъ ея въ Петербургѣ и не спѣшилъ съ нею. Она была бы очень далека отъ значенія нынѣшняго, а это было бы совсѣмъ нехорошо. Переписка ея еще не кончена...»

Окончилась эта переписка только черезъ 6 недѣль; Гоголь послалъ «Развязку» Прокоповичу изъ Рима октября ¹⁰/₂₂ и при этомъ писалъ: «Хотя она все еще вовсе не въ томъ (видѣ, въ) какомъ бы (я) желалъ, и хотя многое слѣдовало бы выправить... Но такъ и быть: авось либо простятъ и припишутъ времени... и молодости автора, какъ оно дѣйствительно и есть. Ибо писано давно» (Изд. Пѣтухова, стр. 35, 37 и 38).

Несмотря на разновременность своего созданія, этотъ своеобразный эпизодъ къ «Ревизору» (едва ли нужно доказывать, что Гоголю не удалось примѣнить «Разъѣздъ» «ко всякой пьесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія»; уже одна фраза синяго армяка сѣрму: «Небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣдѣли, когда пришла царская расправа», фраза, по всей вѣроятности, дѣйствительно, подслушанная Гоголемъ, ясно указываетъ, о какой пьесѣ идетъ здѣсь рѣчь) служить превосходнымъ авторскимъ комментариемъ къ «Ревизору» и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ введеніемъ къ послѣдующему періоду русской литературы: обличительно-гражданскому, который объединяетъ лучшую половину дѣятельности Гоголя съ 50-ми и 60-ми годами XIX вѣка.

Таково *общее* значеніе этой пьесы, въ отдѣльныхъ же эпизодахъ ея легко различить художественно подмѣченные и выраженные черты нравовъ общества (изъ всѣхъ сословій), побѣдоносный отвѣтъ враждебной критикѣ, вдохновенный гимнъ въ защиту правъ поэзіи вообще и драмы въ частности и, наконецъ, выраженіе личныхъ взглядовъ Гоголя (начиная съ разговора двухъ «любителей искусствъ»), въ которыхъ нельзя не замѣтить различныхъ фазисовъ его развитія, до «глубокой сердечной исповѣди» и мистическаго «преувеличенія» собственныхъ грѣховъ своихъ (см. слова господина Б.) включительно, когда *Театральнѣй разъѣздъ* долженъ былъ уступить мѣсто *Развязкѣ Ревизора*.

Мертвыя Души (стр. 319—495).

7 октября 1835 года Гоголь писалъ Пушкину:

«Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. *Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю святуя Русь*»¹⁾.

Черезъ годъ слишкомъ, 12 ноября 1836 года, Гоголь извѣщаетъ Жуковскаго о томъ, какъ онъ проводилъ время въ Швейцаріи въ сентябрѣ и октябрѣ: «Осень въ Веве, наконецъ, настала прекрасная, почти лѣто. У меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись... Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная гуча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь, — вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро, въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою *поэму*²⁾, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день...» Теперь Гоголь въ Парижѣ и тоже очень доволенъ и своею жизнью, и результатами работы. «Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи; передо мною все наше: наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаоанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ. Слышу кое-что изъ него! Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя Души». Огромно, велико мое твореніе и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя словія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Тертніе* (курсивъ подлинника). Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ-быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни»³⁾.

26 марта 1837 года, по поводу смерти Пушкина, Гоголь пишетъ Плетневу: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ! Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобъ я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу и, Боже! *Нынѣшній трудъ мой, вышешный имъ, его созданіе... я не*

1) Письма. Ред. В. И. Шенрока I, 353—4. Слѣдующая затѣмъ просьба Гоголя о сюжетѣ для комедіи свидѣлствуетъ, что и сюжетъ „М. Д.“ данъ Пушкинымъ.

2) Такъ рано рѣшено было назвать „М. Д.“ поэмою; по всей вѣроятности это мысль Пушкина.

3) Письма I, 414—416. Союзъ *но* послѣ Левіаоана, если только оно не описка, указываетъ, что *Левіаоанъ* не „Мертвыя Души“, а нѣчто другое, не осуществленное.

въ силахъ продолжать его! Нѣсколько разъ принимался я за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ! Невыносимая тоска!»¹⁾

Тѣмъ не менѣе, къ лѣту этого года «Мертвыя Души» значительно продвинулись впередъ: Гоголь читалъ въ Баденѣ начало ихъ А. О. Смирновой, и, безъ сомнѣнія, объ нихъ пишетъ ^{9/21} іюля Прокоповичу: «Я посылаю въ началѣ слѣдующаго года печатать мою *крупную вещь*, которая, думаю, вознаградитъ мои труды и заботы о ней»²⁾.

Объ нихъ же пишетъ онъ 30 октября Жуковскому: «Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой»³⁾.

Но въ эту зиму Гоголь началъ чувствовать себя не совсѣмъ здоровымъ, и работа его надъ «М. Д.» пошла медленнѣе. 20 августа 1838 года онъ пишетъ Погодину: «Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь: я писалъ къ тебѣ о немъ; но работа моя вяла, нѣтъ той живости...»⁴⁾

Поздней осенью 1839 года Гоголь поѣхалъ въ Петербургъ брать сестеръ изъ института и, по свидѣтельству Анненкова⁵⁾, прочелъ пріятелямъ 4 первыя главы «Мертвыхъ Душъ»; а раннею весною 1840 г. въ домѣ Аксаковыхъ читалъ 5-ую и 6-ую главы. Подъ влияніемъ чтенія послѣдней въ Великую субботу (17 апрѣля), молодой В. Пановъ «рѣшился пожертвовать всѣми своими расчетами и ѣхать съ Гоголемъ въ Италию»⁶⁾.

28 декабря 1840 года Гоголь пишетъ изъ Рима С. Т. Аксакову: *Я теперь przygotowляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ»*. Пережѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что ихъ печатаніе не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ, дальнѣйшее продолженіе его (ихъ?) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначайшій сюжетъ, котораго (sic) первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете»⁷⁾.

Эта «совершенная очистка» перваго тома произведена была зимою 1840 г., а весною и лѣтомъ 1841 года — при помощи Анненкова, которому Гоголь диктовалъ по черновикамъ первую часть⁸⁾.

Въ началѣ сентября 1841 г. Гоголь въ бодромъ настроеніи духа прибылъ въ Россію печатать первый томъ и въ половинѣ октября поселился ради этого въ Москвѣ, въ домѣ Погодина⁹⁾. Онъ былъ въ общемъ доволенъ текстомъ первыхъ семи главъ и отдалъ ихъ переписывать; но послѣднія четыре главы считалъ только набросанными и энергично принялся за передѣлку ихъ, причемъ, по своему обычаю, выкидывалъ каждую нехарактерную подробность и каждое лишнее слово, и въ то же время вносилъ много новаго, конкрет-

1) Письма I, 432.

2) Письма I, 452.

3) Тамъ же, 460.

4) Тамъ же, 519.

5) Соч. I, 173—4.

6) Аксаковъ, 34.

7) Письма II, 91—92. Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть указанія уже на вторую и, можетъ-быть, третью часть „М. Д.“ Еще яснѣй намекъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 5 марта 1841 года, гдѣ *окончаніе труда* Гоголя противопоставляется тому, что *уже готово* у него (Тамъ же, 98).

8) Анненковъ, Соч. I, 204—211. Объ участіи В. Панова см. въ „Воспоминавннхъ Вуслаева“.

9) Тихонр. III, 414 и слѣд.

наго и характернаго. Особенно много выиграла отъ такихъ дополненій исторія дѣтства и первыхъ лѣтъ службы Чичикова, которая въ заграничной рукописи была сравнительно слишкомъ блѣдной и слабой ¹⁾).

Когда эта передѣлка была окончена, Гоголь заказалъ переписать ее писцу и по его рукописи читалъ въ октябрѣ и ноябрѣ первый томъ Погодину и двумъ Аксаковымъ. Присматриваясь къ выраженію лицъ слушателей и прислушиваясь къ ихъ рѣдкимъ замѣчаніямъ, Гоголь дѣлалъ новыя поправки или на самой рукописи или на отдѣльныхъ листкахъ, которые потомъ вклеивалъ въ рукопись. Съ этой исправленной копіи сдѣлана новая копія, которая въ началѣ декабря представлена въ Московскій Цензурный Комитетъ. Затѣмъ начинаются четырехмѣсячныя хлопоты и страданія Гоголя (по 5 апрѣля 1842 г.), кратко изложенныя выше, въ *опытѣ хронологической канвы* ²⁾).

Они закончились только 5 апрѣля, когда Гоголь получилъ свою рукопись изъ Петербурга и могъ приступить къ печатанію; но и тогда ему пришлось передѣлывать, по цензурнымъ требованіямъ, «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ», что, впрочемъ, Гоголь исполнилъ чрезвычайно скоро ³⁾).

23 мая 1842 г. въ № 41 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано объявленіе о выходѣ въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ», а 22 іюня въ «С. Пчелѣ» (№ 137, стр. 546 и слѣд.) появилась длинная рецензія на книгу Гоголя съ эпиграфомъ: *Parturiunt montes*.

Она начинается такъ:

«Нѣсколько лѣтъ толковали намъ, что г. Гоголь написалъ романъ: *Мертвыя Души*, который превзойдетъ всѣ прочія его сочиненія, въ которомъ раскроется весь необыкновенный талантъ его». Рецензентъ рассказываетъ, какъ онъ бросился въ книжную лавку и приобрѣлъ романъ, содержаніе котораго онъ и излагаетъ въ 15 строкахъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Чичиковъ жестоко смахиваетъ на Хлестакова въ Ревизорѣ: тамъ вздорный мальчишка всполошилъ всѣхъ дураковъ и негодяевъ въ городѣ; здѣсь отъявленный негодяй привелъ въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; этотъ у всякаго спрашиваетъ, не имѣетъ ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они во-время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узелъ, впрочемъ, очень неискусно завязанный.

Чѣмъ же наполнены 475 большихъ страницъ этого тощаго содержаніемъ романа? Описаніемъ мѣстности разныхъ сценъ его, изображеніемъ наружности дѣйствующихъ лицъ и ихъ разговорамъ, разными эпизодами, вставками, шуточками и прибаутками. Тутъ очень много забавнаго, смѣшнаго, зорко подмѣннаго и счастливо переданнаго, много характернаго изъ низшихъ слоевъ нашей публики; много острыхъ словъ и мѣткихъ выстрѣловъ въ невѣжество, глупость и пороки. Попадаются умныя сужденія, вѣрныя и разительныя замѣчанія, но все это утопаетъ въ какой-то странной смѣси вздору, пошлости и пустяковъ. Всѣ лица, выведенныя авторомъ на сцену, болѣе или менѣе карикатурны; всѣ... дураки или воры. Нѣтъ ни одного порядочнаго, не говоря уже честнаго и благороднаго человѣка. *Это какой-то особый міръ негодяевъ, который никогда не существовалъ и не могъ существовать.*

Въ оправданіе автору можно сказать, что онъ и не хотѣлъ представлять дѣйствительнаго міра, въ которомъ смѣшано доброе и злое, истинное и ложное, умное и глупое; онъ хотѣлъ написать карикатуру и внести въ нее все смѣшное, что только успѣлъ замѣтить въ свѣтѣ. Но не все то, что случается и говорится, годно для романа, для поэзіи; не все то можетъ интересоватъ и быть приятнымъ въ книгѣ, что заставляетъ насъ улыбнуться на улицѣ или на извозничьемъ дворѣ.

«Удивляемся безвкусію и дурному тону, господствующимъ въ этомъ романѣ». (Слѣдуетъ перечень грубыхъ, по мнѣнію рецензента, не литературныхъ выраженій).

¹⁾ Тамъ же, 417. Стр. 438, 456 и слѣд.

²⁾ Томъ I, стр. XLVI—XLIX; подробности и съ объясненіями см. въ 3 статьѣ «Сомнѣнія и Противорѣчія въ біографіи Гоголя». Изв. отд. р. яз. и словесности. Ак. Наукъ. Ср. также Тихонр. III, 458—526.

³⁾ Уже 10 апрѣля «Копейкинъ» въ новомъ видѣ отправленъ въ Петербургъ.

«Язык и слогъ самые неправильные и варварскіе». (Слѣдуетъ длинный перечень «неправильностей» и одинъ «образецъ» «торжественной высокопарности»).

«Довольно для исполненія тяжелой обязанности рецензента указывать ошибки и недостатки. Обратимъ теперь вниманіе читателя и на хорошія стороны книги, которую авторъ, для шутки, назвалъ поэмою. (Слѣдуетъ длинный перечень, а потомъ рядъ выписокъ *мастерскихъ* сценъ и *умныхъ замѣчаній* Гоголя «насчетъ слабостей и глупостей людскихъ»).

Заключение: «Выписавъ эти строки, которыя въ книгѣ имѣютъ еще много себѣ подобныхъ, не можемъ еще не подосадовать на автора за равнодушіе его къ своему таланту. Онъ добровольно отказался отъ мѣста подлѣ образцовыхъ писателей романовъ, чтобы стать ниже Поль-де-Кока! Жаль! Очень жаль!»¹⁾.

Г.

Въ 1842 г. сѣрая масса читающей публики еще прислушивалась къ мнѣніямъ «Сѣверной Пчелы», и потому даже Бѣлинскій не могъ не обратить нѣкотораго вниманія на эту во всѣхъ отношеніяхъ плохую рецензію, и отчасти имѣя ее въ виду, писалъ въ своей *побѣдоносной* статьѣ по поводу «Мертвыхъ Душъ» объ *уклончивыхъ* критикахъ²⁾. «Эти господа нравственно-сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотѣевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ, для униженія страшнаго имъ таланта, ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но, сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все идетъ и идетъ своею дорогою и не замѣчаетъ раздающагося вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣніе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами пріятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и незнакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ знаетъ что, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, «при сей вѣрной оказіи,» доказываютъ, что онъ даже и языка-то не знаетъ, въ подтвержденіе чего указываютъ на мелкіе промахи противъ грамматики г. Греча, на типографскія ошибки, или осуждая «со всѣмъ негодованіемъ, свойственнымъ угнетенной невинности, сильныя, оскорбляющія приличіе выраженія вродѣ слова *вонять*, котораго, по ихъ увѣренію, не скажетъ въ ихъ обществѣ и порядочный лакей...»³⁾.

Мнѣніе же самого Бѣлинскаго о «Мертвыхъ Душахъ» сводится въ этой статьѣ къ тому, что Гоголь въ поэмѣ своей сдѣлалъ огромный шагъ впередъ, вслѣдствіе котораго все, имъ прежде написанное, кажется теперь слабымъ и блѣднымъ, что онъ только теперь сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всей широтѣ этого слова, что поэма его требуетъ не чтенія, а изученія; онъ особенно восторгается въ ней *навосомъ субъективности*... Но гениально-критическое чутье и въ этомъ гимнѣ «Мертвымъ Душамъ» заставляеть Бѣлинскаго предостеречь Гоголя относительно его мечтаній «о превосходствѣ славянскаго племени» и слишкомъ легкаго сужденія о чужихъ національностяхъ.

1) Въ № 210 отъ того же года (21 сентября), по поводу представленія *Комическихъ сценъ* изъ новой поэмъ: „Мертвыя Души“ въ бенефисъ режиссера Н. И. Куликова, „С. Пчела“ вступается „за это своевольное искаженіе, это безнаказанное уродованіе сочиненія, сдѣланное безъ согласія, даже безъ вѣдома автора. Это, по мнѣнію рецензента, „оскорбительно для Гоголя, который, — г. артисты не должны забывать этого — подарилъ *Русской сценѣ* *Ревизора*“ (стр. 839; подпись: В. М.).

2) Изд. 4-е, часть VI, стр. 398.

3) Въ послѣднемъ случаѣ такъ же, какъ и говоря о похвалахъ пріятелей, Бѣлинскій имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, статью Ө. Булгарина объ „Ревизорѣ“.

Въ ноябрѣ 1842 г. Гоголь получилъ отъ С. Т. Аксакова первое указаніе на необходимость 2-го изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ»¹⁾; въ это время книги оставалось всего ползавода съ небольшимъ (напечатано было 2 завода, т. е. 2400). Тогда Гоголь еще съ большей противъ прежняго энергіей начинаетъ собирать отъ пріятелей, вкусу которыхъ онъ довѣрялъ: кн. Вяземскаго, Жуковскаго, Языкова, замѣчанія на «Мертвыя Души», чтобы воспользоваться ими при переправкѣ текста для новаго изданія²⁾. Не получая такихъ Гоголь рѣшаетъ перепечатать «М. Д.» безъ переправокъ и 6 октября 1843 г. даетъ на это разрѣшеніе Шевыреву³⁾; но 2-го февраля, 1844 года, онъ беретъ это разрѣшеніе назадъ⁴⁾, въ виду того, что сейчасъ деньги ему не нужны, а также, конечно, и въ виду того, что на рукахъ у его издателей много экземпляровъ Собраній его сочиненій, куда включены и «М. Д.». Онъ задерживаетъ это второе изданіе въ продолженіе всего тяжелаго для него 1845 года и всю первую половину 1846 года. Но 26 іюля 1846 г. онъ пишетъ Шевыреву изъ Швальбаха⁵⁾. «Теперь приступаю къ тебѣ съ просьбою моею, весьма убѣдительною — напечатать второе изданіе «М. Д.», въ томъ же самомъ видѣ, на такой же бумагѣ, въ той же типографіи, въ томъ же числѣ экземпляровъ... съ присовокупленіемъ только предисловія, которое я пришло потомъ, когда печатаніе будетъ къ концу. Нужно будетъ его отпечатать въ мѣсяць, дабы оно могло явиться въ свѣтъ никакъ не позже 15 сентября. Экземпляры разойдутся — это я знаю. Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе къ св. мѣстамъ, ихъ станутъ раскупать».

Но Гоголь послалъ это предисловіе только 21 сентября⁶⁾ (изданіе замедлилось и помимо того) въ Петербургъ Плетневу съ тѣмъ, чтобы тотъ представилъ его на цензуру Никитенкѣ и потомъ отправилъ Шевыреву для печатанія.

5 октября, въ надеждѣ, что Шевыревъ уже получилъ предисловіе, Гоголь пишетъ ему: «Исправь, пожалуйста, слогъ. Я не мастеръ на предисловія: для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать авторъ съ нынѣшнею публикою, а потому угладь всякое неловкое выраженіе и устрой всякій неуклюжій періодъ. Мнѣ нужно было сказать дѣло весьма для меня нужное. Послѣ⁷⁾ это почувствуешь и самъ, хотя теперь и не смекнешь, почему это мнѣ нужно».

1 декабря того же 1846 г. Гоголь проситъ того же Шевырева, чтобы при объявленіи о 2-омъ изд. «М. Д.» въ «Моск. Вѣд.» было пѣликомъ напечатано и все предисловіе⁸⁾. «Я опасаюсь, что тѣ, которые имѣютъ уже первое изданіе, не имѣютъ надобности во второмъ, не будутъ имѣть случая прочесть предисловія, а мнѣ слишкомъ важны всѣ замѣчанія».

1) Тихопр. III, 500.

2) Письма. Ред. В. Шенрока II, 227, 229, 231, 232—3, 308 и др.

3) Письмо II, 348: „Приступи ко второму изданію „М. Д.“: поправокъ не нужно, крожъ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что ты можешь сдѣлать лучше моего. Если же я теперь къ чему-нибудь привоснусь, то многое не останется на мѣстѣ, и займетъ это не мало времени. Поправки могутъ быть произведены только тогда, когда я буду умиѣть“.

4) Письма II, 381.

5) Письма III, 197.

6) Тихопр. III, 503.

7) По прочтеніи Выбранныхъ Мѣстъ.

8) Письма III, 262.

«Замѣчаній» его предисловіе вызвало немного¹⁾; но еще до появленія печати (9 декабря) оно вызвало горькую отвѣдь со стороны С. Т. Аксакова²⁾.

О тѣснѣйшей связи предисловія съ «выбранными мѣстами», кромѣ вышесказаннаго и самаго содержанія, свидѣтельствуетъ Гоголь въ письмѣ къ Шевыреву отъ 20 января 1847 года: «Предисловіе, — говоритъ онъ, — можетъ быть понятно читателямъ только по прочтеніи моей «Переписки», а безъ того *все это будетъ дико*, и никто не увидитъ сильной нужды моей въ исполненіи моей просьбы»³⁾.

Мертвыя Души. Томъ второй (стр. 497—594).

Исторія созданія погибшаго второго тома «М. Д.» есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Гоголя, такъ какъ даже «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» въ значительной степени были для него только *средствомъ* двинуть впередъ неудавшуюся творческую работу; такимъ образомъ, весь напечатанный нами въ I томѣ «Опытъ хронологической канвы», начиная съ XLVIII стр. и до конца, служить комментариемъ къ этому произведенію. Но все же мы считаемъ не лишнимъ подвести вкратцѣ итоги всему тамъ сказанному и опредѣлить, по возможности, главныя ступени въ этой все еще неясной трагической исторіи.

Второй томъ «М. Д.» началъ создаваться Гоголемъ еще до окончанія перваго. Еще 28 декабря 1846 года, какъ упоминали мы выше, онъ пишетъ С. Т. Аксакову: «*Дальнѣйшее продолженіе его* (т.-е. 1 тома «М. Д.») выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть современемъ кое-что колоссальное⁴⁾ и пр. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ (5 марта 1841 г.) въ письмѣ къ тому же Аксакову, Гоголь опредѣляетъ срокъ для окончательнаго довершенія этого величественнаго зданія *тремя годами*⁵⁾; обширныя перспективы, которыя ему выясняются при этомъ, доставляютъ ему высокое наслажденіе и даютъ ему, думаетъ онъ, нравственное право требовать особобережнаго къ себѣ отношенія⁶⁾. Приѣздъ въ Москву для печатанія 1 тома отодвинулъ будущую работу на задній планъ, но и во время цензурныхъ хлопотъ онъ не одинъ разъ повторяетъ, что написанное имъ есть только плохое крыльцо къ великолѣпному дворцу. Задача послѣдующаго для него ясна: онъ намѣренъ создать «людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ», но въ то же время такихъ, которыхъ никто не назвалъ бы *идеальными*. Только тогда его твореніе пойдетъ «въ урокъ» его согражданамъ. Такой урокъ полезенъ всегда, но особенно необходимъ онъ въ нынѣшнее мутное, сбившееся съ пути время. Относительно срока и даже размѣровъ исполненія покажеться для него все ясно. 21 мая 1842 г. въ объѣздѣ у Аксаковыхъ Гоголь въ *третій разъ* общалъ, что *черезъ два года* будетъ готовъ второй томъ «М. Д.», вдвое толще перваго⁷⁾.

1) Тихонр. III, 504.

2) „Р. Арх.“. 1890 г., № 8, стр. 158—9.

3) Письма III, 318.

4) Письма. Ред. В. И. Шенрока II, 91.

5) Тамъ же, 98.

6) См. выше: „Канва“, стр. XLIII.

7) Кулишъ, Записки I, 301.

Но какъ только онъ за границей принялся за работу, ему почти немедленно приходится просить отсрочки у друзей, которые слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ его обѣщанію. Дѣло оказалось несравненно труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и черезъ полтора слишкомъ года, 2 декабря 1843 года, онъ пишетъ Жуковскому, что еще только набрасываетъ «на бумагу хаосъ, изъ котораго должны произойти «М. Д.»¹⁾). Эта работа иногда доставляетъ ему наслажденіе, открывая многія тайны; но это всегда *работа*, тяжелый трудъ, къ которому онъ долженъ себя приневоливать: «не насильно почти ничего нельзя сдѣлать».

Въ это время Гоголь уже убѣжденъ, что для успѣха въ его дѣлѣ ему необходимо прежде самому «вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное»; но въ чемъ оно будетъ состоять, онъ не можетъ опредѣлить вполне ясно. Къ концу 1845 года онъ пришелъ къ заключенію, что требуемое воспитаніе дала ему его жестокая нервная болѣзнь, во время которой онъ имѣлъ какія-то намъ непонятныя откровенія. Оправившись и собираясь въ долгое путешествіе, онъ успѣваетъ кое-что написать изъ «М. Д.»²⁾ и написанное собирается прочесть Жуковскому.

Но написаннаго, очевидно, немного, дальнѣйшая работа идетъ плохо, и Гоголь рѣшается прервать ее, чтобы подѣлиться съ согражданами результатами своего собственнаго «воспитанія» и тѣмъ подготовить ихъ къ чтенію его будущаго произведенія. Начинается изготовленіе, потомъ печатаніе «Выбранныхъ мѣстъ».

Первое время по окончаніи этой работы Гоголь чувствовалъ себя довольно бодро и успѣлъ кое-что сдѣлать для «М. Д.»³⁾); но затѣмъ началась тяжелая расплата за «Переписку»⁴⁾, и Гоголю было не до «М. Д.» И по возвращеніи изъ Іерусалима Гоголь сразу не можетъ приняться за работу; онъ только думаетъ объ ней. 16 мая 1848 г. онъ пишетъ Н. Н. Шереметевой: «Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ меня не оставляетъ. Мнѣ все такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвести его, чтобы оно имѣло доброе вліяніе, чтобы образовались многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и неизблемо⁵⁾». Даже лѣтомъ 1848 года Гоголь жалуется Плетневу, что совсѣмъ не можетъ заниматься отъ невыносимаго жару.

Серьезная работа надъ «М. Д.» началась только поздней осенью 1848 г., когда Гоголь окончательно поселился въ Москвѣ; началась она съ подготовки особаго рода. 20 ноября Гоголь пишетъ Плетневу: «О себѣ покуда могу сказать немного. Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ «М. Д.» *Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильный присутствіе русскаго духа. Прежде, чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу называться русскими звуками и рѣчью.* Боюсь нагрѣшить противу языка⁶⁾».

Наконецъ, Гоголь принялся за перо, и дѣло пошло сравнительно хорошо. Настала весна 1849 г.; Гоголя посѣтила обычная хандра и нервное расстройство, но онъ не прерывалъ работы, и «М. Д.» шли впередъ. Лѣтомъ того же года Гоголь рѣшился прочесть написанное имъ и отчасти отдѣланное сперва

1) Письма II, 366.

2) Жуковскому отъ 16 марта 1846 г. Письма III, 155.

3) Тихонр. III, 549.

4) См. мою статью въ сборникѣ въ честь Н. Н. Стороженка „Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года“.

5) Письма IV, 190.

6) Тамъ же, 232.

Смирновой, причѣмъ допустилъ къ слушанію и ея своднаго брата Л. И. Арнольди¹⁾, а въ августѣ — Шевыреву и Аксаковымъ. Результатъ получился бле-

¹⁾ Л. Арнольди въ своей драгоцѣнной статьѣ: „Мое знакомство съ Гоголемъ“ („Р. Вѣсти.“ 1862 г. № 1) изложилъ все, что припоминалъ изъ слышаннаго имъ отъ самого Гоголя и позднѣе отъ сестры своей; и хотя записанное черезъ 12 лѣтъ не можетъ претендовать на полную точность, все же мы считаемъ нужнымъ привести его рассказъ *in ex tenso* (стр. 74—80).

Сколько мнѣ помнится, она (первая глава второго тома „Мертвыхъ Душъ“) начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Ветрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Ветрищева въ деревнѣ съ незаматныхъ временъ и неизвестно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по дѣльнымъ днямъ и только безпрестанно вертѣла глазами въ разные стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Эксипантоу, Хонтендонъ, или что-то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вса дворня генерала называлъ его просто — Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентѣтниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрестанно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими“... — „Черненькими, ваше превосходительство“, — перебивалъ его Чичиковъ. — „Да, — повторялъ генералъ, — полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбилъ“. Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ, смѣясь, повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбилъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прошавъ съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привести съ собою Тентѣтникова. Пріѣхавъ къ Тентѣтникову въ деревню, Чичиковъ рассказываетъ ему, какъ грустно Улинька, какъ жалеть генералъ, что его не видятъ, что генералъ совершенно раскисаетъ и, чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентѣтниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Ветрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентѣтникову, что совралъ, рассказавъ Ветрищеву, что будто бы Тентѣтниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ побѣдка ихъ въ деревню генерала, встрѣча Тентѣтникова съ Ветрищевымъ, съ Улинькой, и, наконецъ, обѣдъ. Описание этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сѣдѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентѣтниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентѣтникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентѣниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентѣтниковъ тѣмъ, что почти противъ него сѣдѣла Улинька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и, наконецъ, Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку и поднималъ свои глаза только тогда, когда вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучший кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентѣниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12 года. Чичиковъ струхнулъ и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентѣтни-

стящій: слушатели были въ восторгѣ, а ихъ восторгъ воодушевилъ Гоголя къ дальнѣйшей работѣ. Особенно рельефно показывается это разказъ

ковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчательнъ 12 годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно по его мнѣнію то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ расчеты, интриги и страсти уложили на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одною чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достоинство и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что жаль, онъ описалъ въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высочайшхъ, но тайныхъ жертвъ! Тентѣтниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнувшись въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Ветрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ бриллиантъ чистѣйшей воды, повисла на сдѣлхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? она вся вышла глазами въ Тентѣтникова, она, наконецъ, довела съ жадностію каждое его слово; она, какъ мушкетеръ, упибалась его рѣчами; она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку; англичанка съ глубокимъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая.

Когда Тентѣтниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣнить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. „Да, — сказалъ онъ, — страшные холода были въ 12 году!“ — „Не о холодахъ тутъ рѣчь“, — замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентѣтникову и дружески благодарилъ его; — но Тентѣтниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентѣтниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы пошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентѣниковымъ. Генералъ долго колебался и, наконецъ, согласился. Выдѣ признавалъ Тентѣтниковъ, и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентѣтниковъ, вѣвъ себя отъ счастья, оставилъ на минуту Улиньку и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному съ самимъ собою. Счастье его душило... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентѣтниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описать былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насекомыя, и, наконецъ, все то, что чувствовалъ Тентѣтниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимыи! — Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! — Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентѣтниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентѣтниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастьемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизнью мало для этого...“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай, — отвѣчалъ онъ: — Я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!“ — „Чѣмъ, чѣмъ? — повторялъ Тентѣтниковъ: — скажите скорѣе, и я все сдѣлаю.“ Тутъ Чичиковъ рассказываетъ о своемъ мнѣніемъ дядѣ и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да зачѣмъ же непременно мертвымъ? — говоритъ Тентѣтниковъ, не хорошо появившій, чего собственно добивается Чичиковъ. — Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую“. Чичиковъ остолебенѣлъ отъ удивленія. „Какъ, вы не боитесь сдѣлать это?.. Вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?“ Но Тентѣтниковъ не далъ ему кончить. „Какъ! — воскликнулъ онъ: — сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе, чѣмъ жизнью?“ Тутъ они объяснили и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно, или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Ветрищевъ очень беспокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зювкыня и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объявить всѣмъ роднымъ генерала и извѣстять о помолвкѣ Улиньку и Тентѣтникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе было принято съ благодарностію. „Чего лучше? — думалъ генералъ: — онъ человѣкъ умный,

С. Т. Аксакова, живописующій и страхъ Гоголя, и страхъ старшаго изъ слушателей, и потомъ всеобщую радость ¹⁾).

Это радостное возбужденіе поддерживало энергію Гоголя и всю зиму 1849—1850 года, хотя съ середины ея Гоголь и начинаетъ жаловаться на крайнюю медленность работы и на свое *нетипическое* расположение ²⁾. Въ началѣ января 1850 г. Гоголь снова прочелъ Аксаковымъ вновь имъ отдѣланную I главу и, видя ихъ неподдѣльный восторгъ, сказалъ: «Вотъ что значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушь своей картинѣ! Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно слово убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено — и все выходитъ другое. *Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы* ³⁾. Вскорѣ затѣмъ (19 января) Гоголь прочелъ у Аксаковыхъ и II главу и произвелъ такое же благопріятное впечатлѣніе. Это опять-таки подняло настроеніе Гоголя, но скоро онъ опять начинаетъ жаловаться на медленный ходъ своей работы.

Весною 1850 г. Гоголь опять почувствовалъ себя плохо, и работа остановилась; но, очевидно, не надолго: въ письмѣ къ Смирновой отъ 20 августа Гоголь мечтаегъ черезъ годъ съ небольшимъ приступить уже къ печатанію второго тома ⁴⁾).

приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны⁴. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентѣтниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ Ветрицева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентѣтникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентѣтникова совсѣмъ измѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываегъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разлажется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску.

Вотъ все, что читалъ мнѣ Гоголь изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ. Она рассказывала мнѣ послѣ, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо — эманципированная женщина-красавица, небалованная свѣтомъ кокетка, проведшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ, и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ; она начинаетъ это чувствовать: ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скачущимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостиницамъ. Имъ обоимъ покачалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, нѣтъ окружавшихъ, какимъ-то великимъ счастьемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга, и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастье было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанья они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, и потомъ опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Сестра увѣрала меня, а С. П. Шевыревъ подтвердилъ, что характеръ этой женщины, и вообще вся ея связь съ Платоновымъ изображены были съ такимъ мастерствомъ, что если это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до насъ, потому что мы всѣ остаемся теперь въ томъ убѣжденіи, что Гоголь не умѣлъ изображать женскіе характеры; и дѣйствительно, вездѣ, гдѣ они являлись въ его произведеніяхъ, они выходили слабы и блѣдны. Это было замѣчено даже всѣми критиками.

¹⁾ Кулишъ, Зап. II, 228.

²⁾ См. письмо къ Плетневу отъ 15 декабря 1849 г. Письма IV, 289.

³⁾ Акс. 188.

⁴⁾ Письма IV, 350.

Зима въ Одессѣ въ 1850—1851 году въ общемъ была очень благоприятна для Гоголя вообще и для второго тома «М. Д.» въ частности. 2 дек. 1850 г. онъ пишетъ Плетневу: «Намѣренья мои теперь вотъ какого рода: въ концѣ весны или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во-первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечестъ вмѣстѣ все то, что хочется вамъ прочитать, а во-вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и *приступить къ печатанью*»¹⁾). Изъ этихъ словъ видно, что въ Одессѣ второй томъ «М. Д.» былъ оконченъ вчернѣ и «въ *нѣкоторыхъ* частяхъ отдѣланъ начисто»²⁾); но Гоголь, требовательный къ себѣ теперь еще больше, чѣмъ когда-либо прежде, все еще видѣлъ впереди очень много работы. Осенью 1851 года Гоголь читалъ Шевыреву главы, имъ написанныя, а параллельно съ этимъ шла окончательная отчистка прежде прочтенныхъ³⁾). Въ февралѣ 1852 года, очевидно, весь второй томъ былъ переписанъ, что, конечно, не исключало возможности новой передѣлки отдѣльныхъ главъ его и новой уже окончательной отчистки, послѣ которой слѣдовало приступить къ печатанію.

Послѣ смерти Гоголя Шевыревъ нашелъ тетради, заключавшія въ себѣ отдѣльныя и сильно переправленныя главы второго тома, и списалъ ихъ, дополнивъ изложеніемъ содержанія остальныхъ, ему извѣстныхъ. С. Т. Аксаковъ возсталъ противъ ихъ печатанія, и онѣ распротранялись въ копіяхъ. Но въ 1855 г. племянникъ Гоголя Н. П. Трушковскій рѣшился опубликовать эти главы (равно какъ и «Авторскую Исповѣдь») съ такой оговоркой: «Намъ остается, съ благоговѣніемъ къ памяти покойнаго, сохранить всѣ уцѣлѣвшіе отрывки, и хотя, издавая ихъ въ свѣтъ, мы, можетъ-быть, поступимъ противъ желанія Гоголя, но эти отрывки, эти очерки, только еще набросанные, такъ много проявляютъ его великій талантъ, что грѣшно бы было утаить ихъ подъ спудомъ»⁴⁾).

П. А. Кулишъ въ первый разъ выдѣлилъ изъ сильно перечеркнутыхъ и переправленныхъ тетрадѣй Гоголя двѣ редакціи: раннюю, которую онъ получилъ черезъ восстановление зачеркнутого и измѣненнаго въ рукописи, когда-то довольно тщательно переписанной, и позднѣйшую, заключающую въ себѣ всѣ эти переправки, сдѣланныя въ разное время. Въ обѣихъ редакціяхъ мы несомнѣнно имѣли *самого Гоголя*; но что изъ этого текста больше правилось ему, что меньше, опредѣлить невозможно.

**ПРОШУ ПО ПРОЧТЕНІИ
НЕПРЕМЪННО ВОЗВРАЩАТЬ.**

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ

А. А. МАСЛЕНИКОВА

1) Письма, IV, 361.

2) Тихонр. III, 571.

3) Тамъ же, 574.

4) Тамъ же, 577.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
П О В Ъ С Т И.			
Ночь	5	Женитьба	207
Портретъ	23	Игроки	247
Шинель	62	Утро дѣловаго человѣка	272
Коляска	83	Тяжба	277
Римъ (отрывокъ)	91	Лакейская	282
		Отрывокъ	287
		Театральный разъѣздъ послѣ пред- ставленія новой комедіи	295
К О М Е Д И И.			
Ревизоръ	119	Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Поэма. Томъ первый	319
Приложенія къ комедіи «Ревизоръ»:		Приложенія къ первому тому Мерт- выхъ Душъ:	
I. Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ послѣ перваго пред- ставленія «Ревизора» къ одному литератору	185	I. Предисловіе ко второму изд. перваго тома Мертвыхъ Душъ	489
II. Двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедляв- шія теченіе пьесы	188	II. Окончаніе IX главы въ пере- дѣланномъ видѣ	491
III. Предувѣдомленіе къ предполо- жавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ	191	III. Повѣсть о капитанѣ Колейки- нѣ. Редакція, зачеркнутая цен- зоромъ	—
IV. Развязка Ревизора	193		
V. Предувѣдомленіе для тѣхъ, ко- торые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора»	201	То же. Томъ второй. (Въ испра- вленной редакціи).	497

П р и м ѣ ч а н і я.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Ночь	597	Женитьба	611
Портретъ	599	Игроки	614
Шинель	602	Утро дѣловаго человѣка. Тяжба. Ла- кейская и Отрывокъ	—
Коляска	—	Театральный разъѣздъ	617
Римъ (отрывокъ)	603	Мертвыя Души. Томъ I	619
Ревизоръ	605	То же. Томъ II	624
Предувѣдомленіе	609		
Развязка Ревизора	—		

(H) by per hole

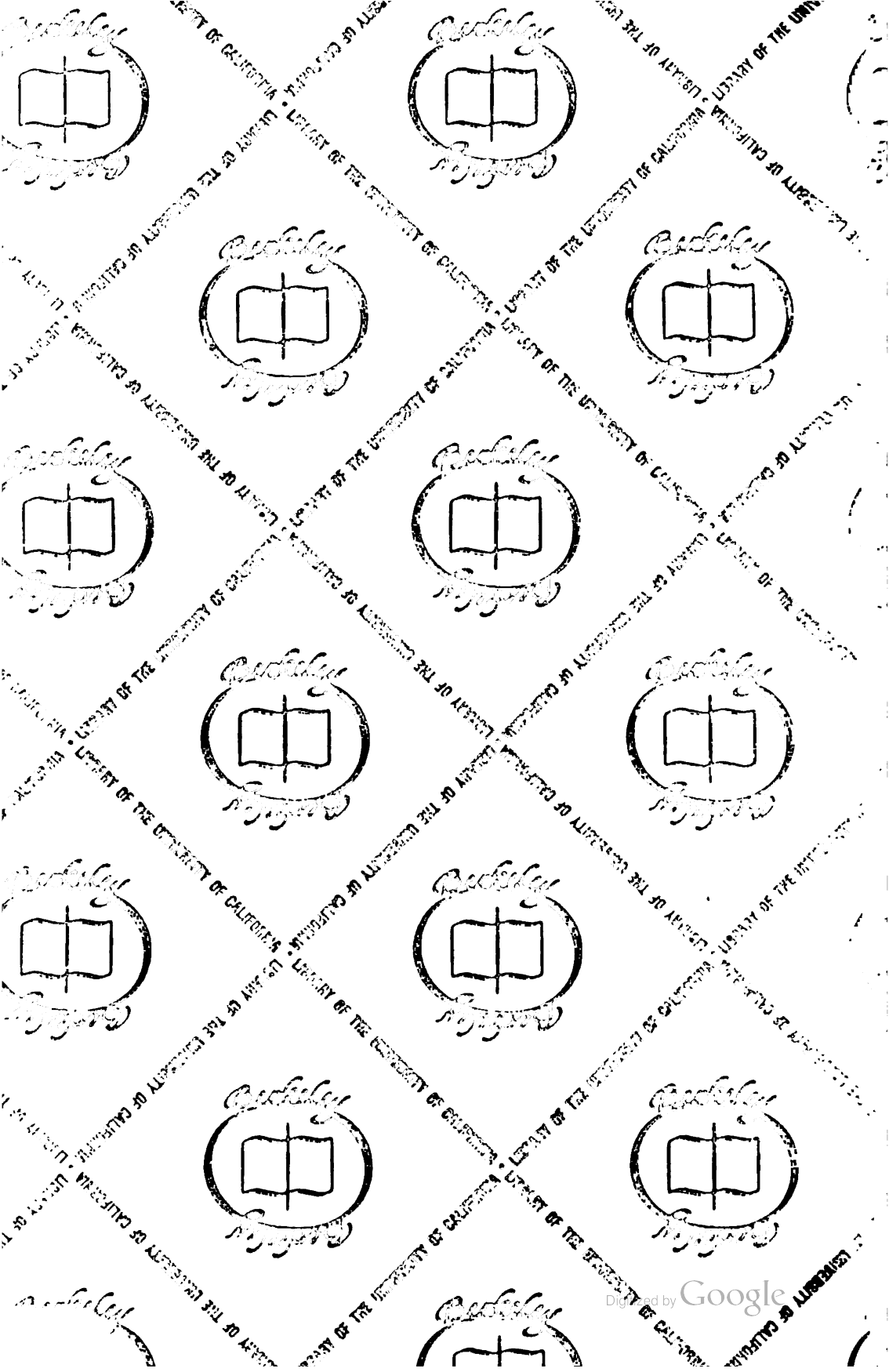
ket...

3/11/11

(1) hyp. pe. lute

ke...

...

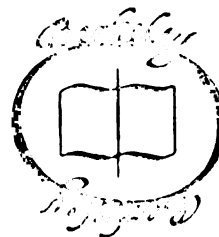
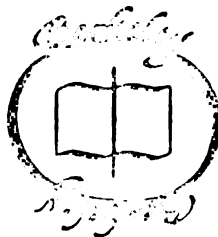
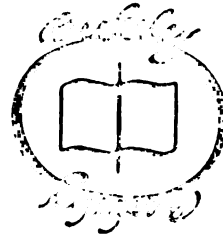
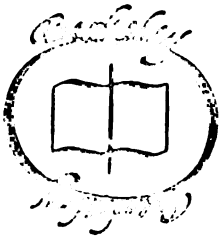
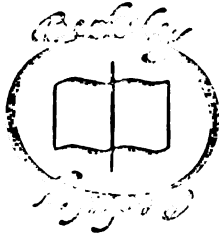
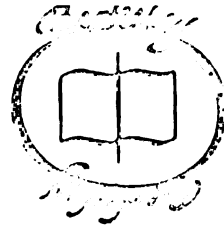
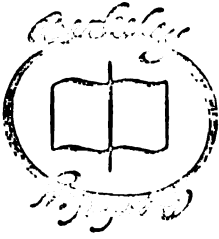

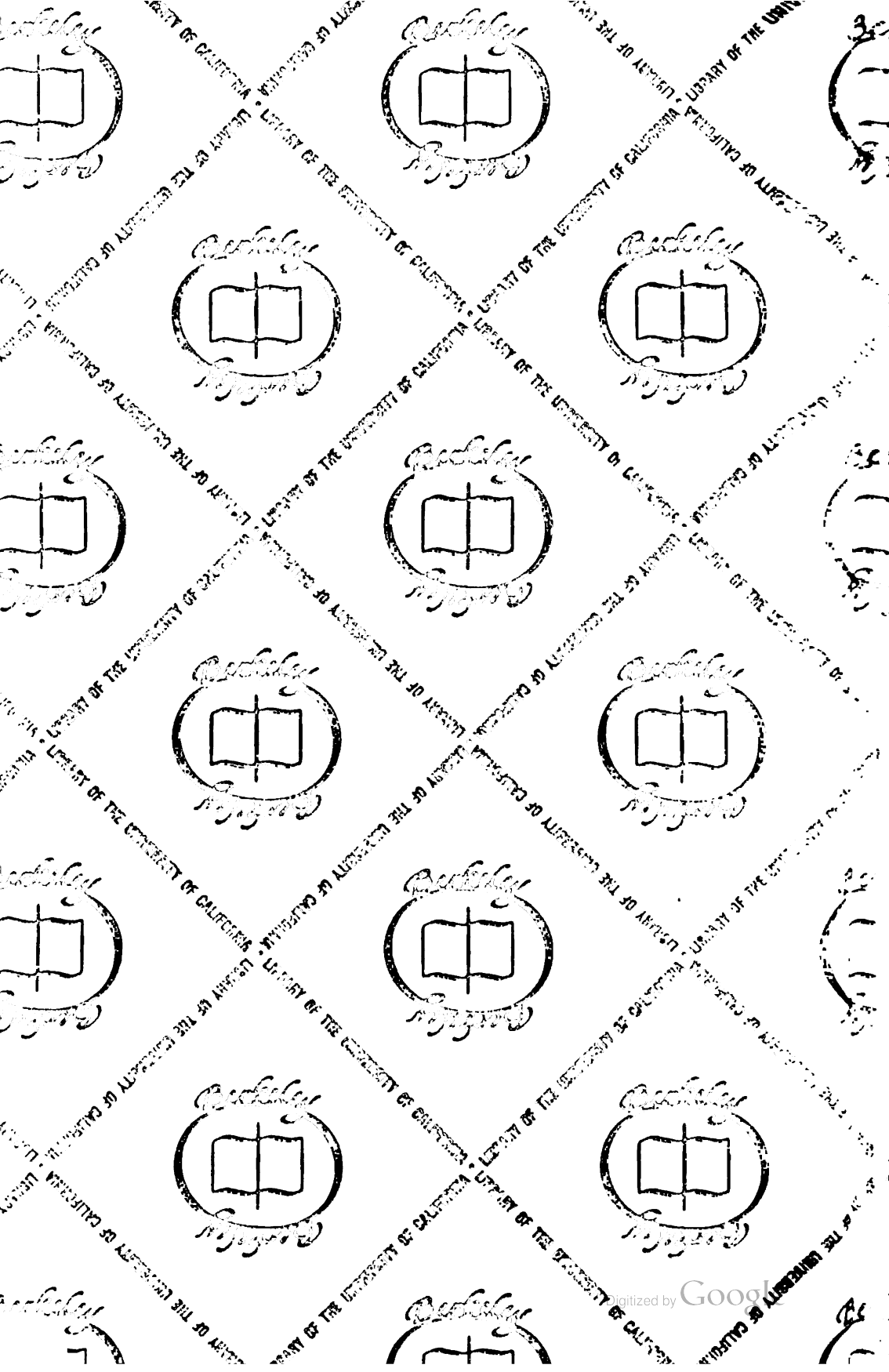

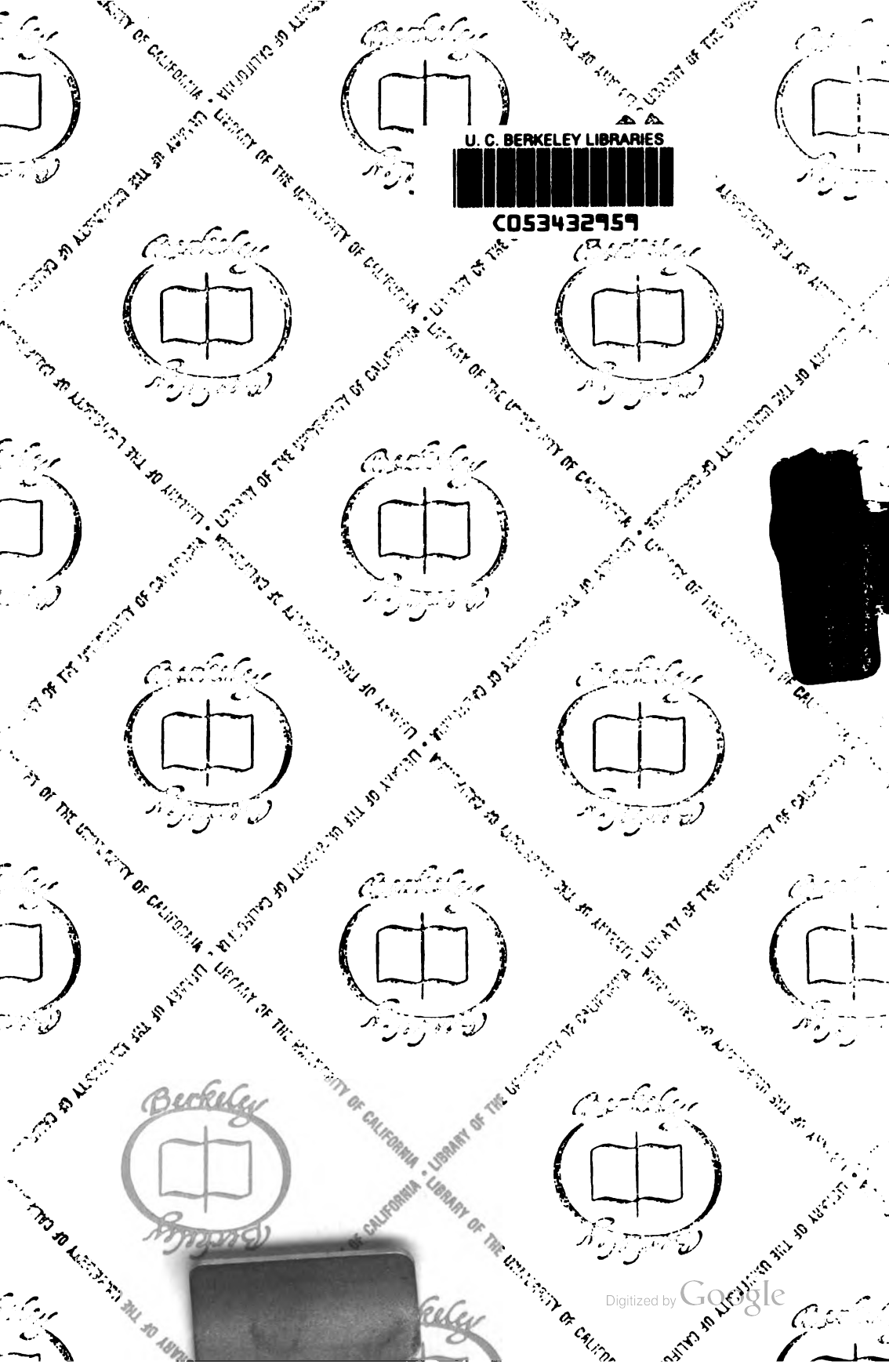
U. C. BERKELEY LIBRARIES

053432959

U. C. BERKELEY LIBRARIES

053432757

